АРТЕФАКТ

Новое в средневековой археологии Евразии

сборник научных трудов

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ АССОЦИАЦИЯ "АРТЕФАКТ"

Новое в средневековой археологии Евразии

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.Б.КОВАЛЕВСКАЯ

Самара 1993

Редакционная коллегия

доктор исторических наук
В.Б.КОВАЛЕВСКАЯ (ответственный редактор)
доктор исторических наук В.А.ИВАНОВ
А.В.БОГАЧЕВ (зам. ответственного редактора)
Г.Н.ГАРУСТОВИЧ, С.Э.ЗУБОВ (ответственный секретарь)
кандидат исторических наук В.С.ФЛЕРОВ

В сборник включены статьи, посвященные проблемам средневековой археологии Евразии. Значительная часть материалов публикуется впервые.

Работа рекомендуется археологам, студентам исторических факультетов, всем интересующимся древней историей.

© Историко-культурная ассоциация
"Артефакт", 1993

Предисловие

В I тыс. н. э. народы Европы и Азии оказались втянутыми в бурный процесс, получивший название Великого переселения народов. Динамике этих важнейших событий был подчинен в той или иной степени весь исторический процесс на континенте. С точки зрения хронологии Великое переселение народов в различных регионах, природно-климатических зонах происходило весьма неадекватно. Если в Западной Европе во второй половине I тыс. н. э. постепенно наступает некоторая стабилизация, то в степных районах Евразии оно растянулось на тысячелетие. Кочевники, вышедшие из глубин Центральной Азии, с определенной периодичностью размещались вдоль границ империй и государств Европы и Азии, оказывая заметное влияние на их развитие, способствуя изменению границ государственных и племенных территорий европейских народов. История сохранила нам имена многих степных народов, принявших в этом участие: гунны, авары, болгары, хазары, угры-мадьяры, огузы, печенеги, кыпчаки, татары. О многих из них мы практически ничего не знаем они исчезли с исторической арены, оставив лишь свое имя, в то же время кочевники средневековья, в первую очередь, угроязычные и тюркоязычные, послужили основой формирования современных народов Восточной Европы и Азии венгров, татар, башкир, казахов, узбеков, киргизов, туркмен и др.

Территория Южного Урала и Поволжья не остались в стороне от этих бурных событий. Переселение угорских и тюркских народов в эпоху средневековья активно затронуло и Урало-Поволжский регион, на несколько столетий ставший местом их расселения. В изучении истории средневековых племен, при явной малочисленности и фрагментарности нарративных источников, особая роль принадлежит археологической науке. Однако, несмотря на заметные успехи средневековой археологии, изученность различных регионов весьма неравнозначна. Наименее исследованными территориями остаются степи к востоку от Волги, Казахстан. В последнее время на Южном Урале и в Западном Казахстане выявлено значительное количество памятников поздних тюркоязычных кочевников. Правильное научное осмысление этих материалов невозможно без их сравнительно-исторического анализа, сопоставления с кочевническими древностями других регионов, так как только изучение всей совокупности археологических источников позволит обоснованно решать проблемы истории кочевых и оседлых народов Южного Урала и Поволжья.

Г. Афанасьев

Колтуновское городище в системе обороны Салтовской земли[1]

Причины прекращения существования салтово-маяцкой культуры (далее СМК) в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона интересуют исследователей с первых шагов ее изучения, но и сейчас этот вопрос все еще далек от разрешения и по-разному освещается в литературе. Еще в 1905 г. В.А.Бабенко в докладе на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе была высказана точка зрения, что некоторые из обнаруженных при исследовании Верхнесалтовского катакомбного могильника ямных погребений принадлежат славянам, "вытеснившим из этих мест хазар"[2]. В настоящее время славянская версия прекращения жизни на салтовских поселениях поддерживается Б. А. Шрамко[3] и О.В.Иченской (Пархоменко)[4], по мнению которых алано-болгаро-славянское население лесостепи носители СМК. было освобождено от власти хазар в 60-х гг. X в. дружинами князя Святослава. Походами Святослава объясняется и разгром одного из крупнейших лесостепных административных центров в системе Хазарского каганата городища в Верхнем Салтове.

Иных взглядов придерживался Ю.В.Готье. "Жизнь алан на Донце писал исследователь, продолжалась, пока продолжался хазарский мир. Он был нарушен впервые появлением угро-мадьяр в начале IX в. Если они (аланы Г.А.) уцелели при мадьярах, то судьба их была решена печенегами, еще более хищными, чем мадьяры. Когда Святослав побеждал в 965 г. ясов и косогов, он, вероятно, уже не нашел ясов на Донце и дрался с ними за Доном"[5]. Печенежская версия прекращения существования СМК нашла дальнейшее развитие в трудах С.А.Плетневой. Гибель салтовской культуры в Донецко-Донском междуречье исследовательница рассматривает как результат вторжения печенегов в конце IX в. Этот тезис С.А.Плетнева подкрепляет ссылкой на ряд деталей погребального обряда в 5-й группе кочевнических могил XI XIII вв., в которых она видит отголосок салтовской погребальной традиции (ориентировка погребений на юг или север, камышевая подстилка, известь, уголь, керамика в могилах, иногда небольшие подбои)[6].

М.И.Артамонов считал маловероятным предположение, что СМК была уничтожена печенегами. Он предлагал рассматривать факт прекращения существования салтовских оседло-земледельческих поселений во взаимосвязи с информацией Кембриджского документа о войне хазар с ассами в 913/914 гг. По мнению исследователя, хазары уничтожили донских ассов, не надеясь удержать их в своей власти, а также в виду постоянной угрозы возникновения союза ассов с печенегами, направленного против хазар[7]. Уничтожение поселений СМК в Донецко-Донском междуречьи он связывал с военными операция-

ми хазар. Против такой версии однако возражает С.А.Плетнева[8].

Осторожную позицию в этом вопросе занимал И.И.Ляпушкин. Полагая, что имеющиеся археологические материалы не дают возможности судить, по какой причине носители СМК покинули занимаемый ими край, И.И.Ляпушкин ставил это явление в один ряд с аналогичными процессами в соседних славянских землях и в Восточном Крыму: "Нет никакого сомнения в том, что на Юго-Востоке произошли какие-то крупные политические события, повлекшие за собой перемещение значительных масс населения"[9].

Итак, в литературе существуют три точки зрения, объясняющие прекращение жизни на салтовских поселениях в лесостепи славянской, печенежской или хазарской экспансией. Какая из них более близка к исторической действительности? В решении этого вопроса особый интерес представляет исследование системы организации обороны Салтовской земли, позволяющие наметить основные стратегические направления потенциальной опасности для носителей СМК в бассейне Среднего Дона, которые требовали особых защитных мероприятий. Плодотворность подобной методики изучения расположения укреплений в зависимости от континуитета вражеских вторжений была наглядно показана С.А.Ивановым на примере географии "варварских" вторжений через Дунай[10].

Среди салтовских городищ рассматриваемого региона выделяется группа памятников, имеющих ряд особенностей в планировке, строительных приемах и материалах. Интересующие нас укрепления имеют четкую геометрическую планировку, их стены сложены из обработанных блоков жженого, сырцевого или земляного кирпича. Архитектурный облик этих поставленных "государственной властью" опорных пунктов свидетельствует о многовековой традиции долговременной и полевой фортификации, не имеющей истоков в предсалтовском военном зодчестве алано-асского, оногуро-булгаро-хазарского или славянского населения Юго-Восточной Европы, но находящей аналогии в памятниках военно-инженерного искусства византийского круга[11].

Одно из таких городищ было открыто мною в 1977 г. в 1,5 км к востоку от пос. Колтуновка Алексеевского района Белгородской области[12]. Первоначально оно было ошибочно принято за поставленную на салтовском селище русскую крепость в системе Воронежской засечной линии. Городище расположено на правом берегу Тихой Сосны, недалеко от "Чесношного брода", охраняемого в XVII в. от татарских набегов, в урочище, известном у местного населения под названием "Турецкая крепость" или "Юркова пасека". Памятник занимает территорию мыса первой надпойменной террасы, возвышающегося над лугом на 10-12 м и ограниченного с двух сторон впадающими в пойму балками (рис. 1). Городище имеет форму прямоугольника, вытянутого длинной осью по линии северо-запад юго-восток, размерами 127 х 195 м, площадью 2,5 га. Территория укрепления систематически распахивается, культурный слой нарушен. Сильно пострадали валы с северо-западной, юго-западной и юго-восточной сторон: в годы Великой Отечественной войны на их гребне были устроены ходы сообщений, защитные щели и другие

военно-инженерные сооружения. Северо-восточный вал сохранился значительно лучше, поэтому здесь, у восточного угла городища, был заложен раскоп для выяснения характера конструкции фортификационных сооружений

Исследования показали, что под оплывшим валом шириной 10-13 м скрываются остатки стены бруствера (рис. 2). Она лежала на погребенной почве - слое чернозема толщиной 0,46-0,5 м без какого-либо фундамента и состояла из двух самостоятельных частей, что позволяет предполагать два строительных этапа. На первом была устроена стена из сырцового и земляного кирпича квадратной формы размерами от 27 до 46 см при толщине 3-6 см. Чаще всего использовался кирпич размерами 36-38 х 36-38 х 5,5 см, но в отдельных случаях применялись и его половинки. Кирпичная стена шириной 3,2-3 м, высотой 1,5 м в конструктивном отношении состоит из двух панцирей и забутовки. Внешний и внутренний панцири толщиной 0,4 м каждый были выложены на всю высоту в один кирпич на известковом растворе. Забутовка толщиной 2,3 м представляла собой монолит из кирпичной кладки на глиняном растворе. На втором строительном этапе к внешнему панцирю кирпичной стены была пристроена облицовочная стена толщиной 1,3 м из меловых блоков, от которой сохранились остатки нижнего ряда кладки на уровне древней дневной поверхности. Кладка, вероятно, велась в технике opus implectum, в пользу чего свидетельствует расположение наиболее сохранившихся блоков размерами 40-30 х 30-20 х 18-20 см, образующих подобие панцирей, между которыми находилась забутовка щебень и меловая крошка. С устройством стены-облицовки общая толщина бруствера Колтуновского городища достигла 4,5 м.

Сопоставление плановой структуры оборонительных сооружений и использованных строительных приемов и материалов Колтуновского городища с другими салтовскими укреплениями этого типа в долине Тихой Сосны выявляет их значительное сходство. Оно выражается прежде всего в четкой геометрической планировке стен городищ, имеющих форму прямоугольника (Алексеевское, Мухоудеровское, Колунсвское) или трапеции (Красное, Верхне-Ольшанское, Маяцкое). Использованный при возведении стен Колтуновского городища строительный материал сближает этот памятник, с одной стороны, с группой городищ из земляного и сырцового кирпича (Красное, Мухоудеровское, Алексеевское), а с другой с городищами из меловых блоков (Верхне-Ольшанское, Маяцкое).

Идентична и техника возведения стен салтовских городищ этого региона. Как показали исследования стен Красного, Алексеевского, Верхне-Ольшанского и Маяцкого городищ, их куртины ставились без фундамента, на уровень древней дневной поверхности. Судя по материалам раскопок Маяцкого и Красного городищ, первоначально на грунт укладывались дубовые плахи, на которых затем возводилась кладка. В дальнейшем дубовые плахи регулярно закладывались в стену через определенное количество рядов кладки, что создавало прочную деревянную арматуру бруствера. Общими для перечисленных городищ долины Тихой Сосны являются и способы возведения стен - различные варианты кладки opus implectum: панцири

стен Красного и Колтуновского городищ возведены из кирпича на известковом растворе, а забутовка представляла собой кирпичную кладку на глиняном растворе; панцири стен Маяцкого и Верхне-Ольшанского городищ сложены из меловых блоков, а забутовка смесь щебня и рваного камня с меловым раствором. Налицо общность архитектурной и строительной традиции, воплощенной в салтовских опорных пунктах на Тихой Сосне, образующих единую оборонительную линию.

Против кого была направлена эта 140-километровая оборонительная линия с 6 опорными пунктами, защищавшими правобережье Среднего Дона? Уже сама география расположения рассматриваемых памятников на северо-восточной окраине Салтовской земли (северо-западном хазарском пограничье) определяет континуитет вражеских вторжений, говорит о том, что городища предназначались для обороны от противника, продвигавшегося из Верхнего Приднепровья района концентрации памятников боршевской культуры (рис. 3).

Рассматривая систему внешних связей славян-вятичей конца VIII начала X вв., Б.А.Рыбаков подчеркивает значение Дона в организации торговли с Востоком, осуществлявшейся по маршруту Дон Переволока Волга город Итиль[13]. Использование славянами магистрального пути по Дону (названному в одних средневековых восточных источниках славянской рекой, рекой русов, а в других рекой буртасов) зависело прежде всего от их отношений с южными соседями носителями СМК в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона[14], которые, как и хазары, прекрасно понимали преимущества расположения своей страны на торговом пути между славянскими землями и прикаспийскими областями и создавали опорные пункты для укрепления безопасности своих северных рубежей и контроля над Доном.

Предположение, что городища в долине Тихой Сосны на северо-западной окраине Хазарского каганата предназначались для защиты территории государства и донского магистрального пути от нападения с севера славянских дружин, военные операции которых и явились, может быть, одной из основных причин прекращения жизни на поселениях лесостепного варианта СМК, находит параллели в сочинениях средневековых восточных географов. Отождествив упомянутый в письменных источниках народ буртасов с носителями СМК в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона, мы получаем возможность использовать для сопоставления с археологическим материалом информацию о врагах буртасов, содержащуюся в средневековой арабо-персидской географической литературе.

Согласно Ибн Русте, волжские булгары нападают на буртасов, грабят их и уводят в плен, но и буртасы со своей стороны "на булгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят ...набеги"[15]. Марвази полностью повторяет сообщение Ибн Русте об этих походах[16], а Гардизи добавляет, что такие набеги совершаются ежегодно[17]. Как видим, взаимоотношения буртасов с булгарами и печенегами были довольно напряженными и характеризовались постоянными военными операциями друг против друга. Но складывается впечатление, что средневековые авторы видят причину конфронтации в экспансивности бурта-

сов, которым они приписывают скорее агрессивно-наступательную, чем оборонительную позицию.

В X в. отношения буртасов с хазарами становятся сложными. Из рассказа Марвази мы узнаем, что страна буртасов, расположенная в 15 днях пути от хазарского домена, рассматривалась как часть территории Хазарского каганата (буртасы подчинялись царю хазар и выставляли ему 10000 всадников; войско довольно значительное, если учесть, что, по Ибн Русте, конное войско хазарского царя также состояло из 10000 всадников[18]). Однако вассальная зависимость буртасов от хазар уже не была прочной, а порой переходила в прямые военные конфликты между ними. что нашло отрежение в сообщении Гардизи: "Ишад сам взымает подати и распределяет доход среди войска. Иногда они (хазары Г.А.) совершают поход на страну буртасов; у них есть знамена, копья, крепкие панцири и хорошие кольчуги"[19].

Есть ли основания связывать строительство салтовских опорных пунктов по Тихой Сосне только с военными столкновениями буртасов с булгарами, печенегами или хазарами? Трудно допустить такое предположение. В этом случае вся Салтовская земля оставалась бы практически открытой для неприятеля, с восточной или южной стороны. Население могло бы рассчитывать лишь на укрытие в собственных общинных убежищах с примитивной системой фортификации, а строительство рассматриваемых укреплений в глубочайшем тылу от передового рубежа обороны не находило бы оправдания в стратегическом отношении.

Другим противником буртасов были русы. Первое упоминание о враждебных действиях между ними содержится в рассказе Масуди о каспийском походе 912/913 гг.[20] Возвращаясь из военной экспедиции в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, русы достигнув границ хазарии, по договоренности передали часть добычи хазарскому правителю. Несмотря на это жившие в Итиле масульмане и поддерживавшие их христиане напали на русов. В результате продолжавшейся три дня битвы 30000 русов были убиты и только 5000 спаслись на судах. Будучи отрезанными от волго-донской переволоки, русы решили возвращаться на родину северным сухопутным путем. Покинув суда, одна группа пыталась пройти через страну буртасов, вторая через страну волжских булгар, но и та и другая были перебиты.

Более поздняя информация о войне русов с буртасами относится к 60-м годам X в. Ибн-Хаукал рассказывает о страшном опустошении, которое произвели русы в землях буртасов, хазар и булгар. Это известие, о котором он узнал, как считает В. В. Бартольд, в 968/969 гг., исследователи, как правило, связывают с походом Святослава 965 г., засвидетельствованным в русской летописи: "И град их и Белу Вежю взя и ясы победи и косоги". Особый интерес для нашей темы представляет маршрут Святослава. М.И.Артамонов и некоторые другие историки полагают, что, пройдя по Оке на Волгу, Святослав разгромил булгар и буртасов, спустившись вниз по реке, разграбил Итиль, затем Семендер и двинулся вдоль Кавказского хребта на запад, по пути столкнулся с ясами и касогами, а на Дону взял Саркел[21].

Т.М.Калинина, сопоставляя различные сохранившиеся редакции сочинения Ибн Хаукала, показала, что данное сообщение о разгроме русами булгар относится не к Волжской, а к Дунайской Болгарии[22]. И, вероятно, правы И.Маркварт и В.В.Бартольд, полагающие, что волжские булгары не были затронуты походом Святослава, а наоборот, после уничтожения их главного соперника в посреднической торговле на волго-каспийском пути Хазарского каганата приобрели благоприятные условия экономического развития[23]. По мнению В.В.Бартольда, Святослав шел на хазар не по Волге, а по Дону[24]. Такое понимание маршрута русов 965 г. в свою очередь дает основание полагать, что упомянутые Ибн Хаукалом буртасы были разбиты где-то в бассейне Дона, что усиливает славянскую версию прекращения жизни на поселениях СМК в лесостепи Среднего Дона.

Таким образом, география размещения городищ типа Колтуновское Маяцкое в Салтовской земле, сведения письменных источников о взаимоотношениях славян и буртасов все это говорит, вероятно, о том, что носители СМК ощущали в первой половине X в. возрастающее давление со стороны набирающего силу древнерусского государства. Показательно, что на смену салтовским поселениям в лесостепи приходят древнерусские (Донец, Крапивное, Мохнач, Гайдары, Хорошева, Окуни, Холки, Колосково, Кузнецовка и т.д.) Мы не отрицаем роли печенегов в уничтожении степных поселений Донецко-Донского междуречья, но представляется, что гибель салтовских поселений лесостепной зоны отражает процесс активизации русской колонизации этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

Под термином "Салтовская земля" понимается занятая памятниками салтово-маяцкой культуры территория лесостепи бассейна Среднего Дона.

[2] Бабенко В.А. Дополнение к докладу "Что дали новые раскопки в Верхнем Салтове" // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1. С. 399.
Шрамко Б. А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев, 1977. С. 17.
Іченська О.В. Цитадель Салтівского городища // Археологія. 1980. N 34.
Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.

[6] Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. N 62. М.; Л. С. 184-185.

[7] Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 358.

[8] Плетнева С.А. Рец.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962 // СА. 1963. N3.

[9] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. 1958. N 62. М.; Л. С. 148.

[10] Иванов С.А. Оборона Византии и география "варварских" вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ. 1983. Т. 44.

[11] См.: Афанасьев Г.Е. Социальная интерпретация городищ лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Всесоюзная археологическая конференция: тезисы докладов. Баку, 1985. Подробно этот вопрос рассматривается мною в монографии "Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв."

[12] Афанасьев Г.Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р.Тихой Сосны // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983. С. 96.

[13] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 281-283.

[14] Афанасьев Г.Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII - начале X вв. // СЭ. 1984. N 4; он же. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А. Х. Халикову) // СЭ. 1985. N 5.

[15] Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али бен Омар ибн-Даста. Спб., 1869. С. 19-24.

[16] Minorsky R. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turksand India. L., 1942. P.33.

[17] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. Спб., 1897. С. 121.

[18] Хвольсон Д.А. Известия... С. 18.

[19] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 120.

[20] Margyart J. Osteuropaische und Ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903. P.330-353; Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 829-832.

[21] Артамонов М.И. Указ. соч. С. 427-428.

[22] Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1975 г. М., 1976. С. 90-101.

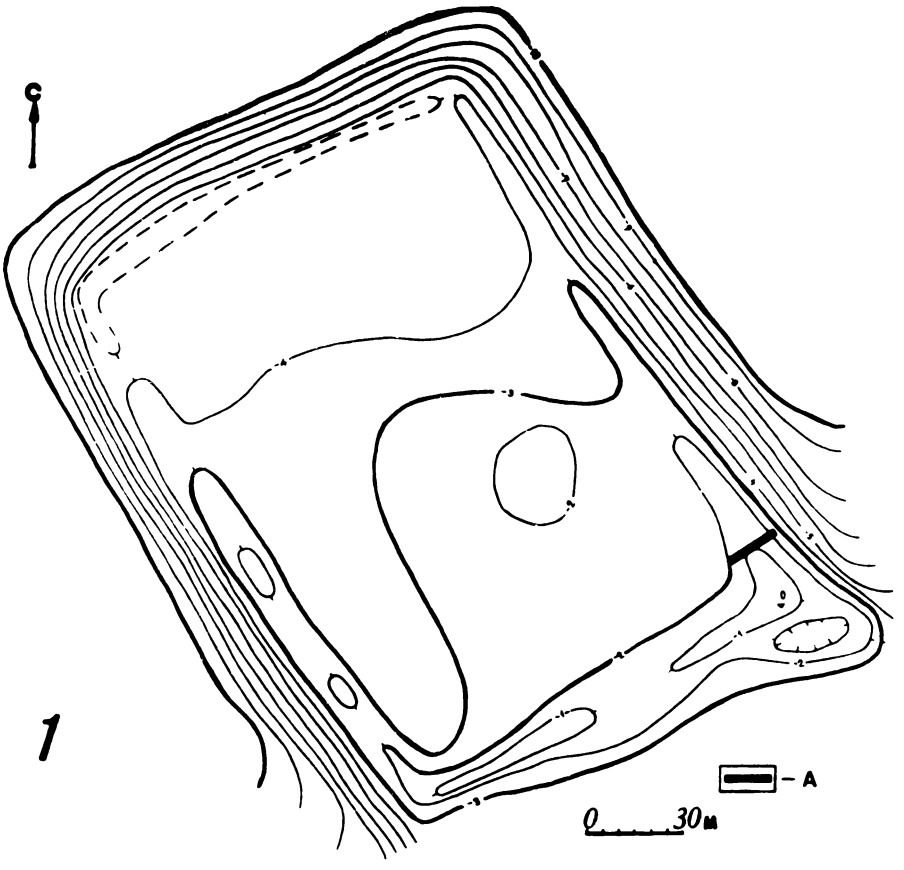
[23] Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 689-690.

[24] Там же.

Список иллюстраций к статье Г. Афанасьева "Колтуновское городище в системе обороны Салтовской земли"

Рис. 1 Колтуновское городище:
1 план; А раскоп; 2 план и профиль раскопа.
Условные обозначения: А дерновый слой; Б глина; В сырцовый и земляной кирпич; Г чернозем; Д меловой щебень; Е меловые блоки; Ж погребенная почва; З меловой раствор

Рис. 2 Схема расположения городища типа Колтуновское-Маяцкое в бассейне Среднего Дона.
Условные обозначения: А городища (1 Маяцкое, 2 Верхне-Ольшанское, 3 Мухоудеровское, 4 Колтуновское, 5 Алексеевское, 6 Красное, 7 Верхне-Салтовское); Б граница основной территории распространения памятников СМК; В основная территория распространения памятников СМК; Г основные направления вражеских вторжений в Салтовскую землю с севера; Д границы лесостепи



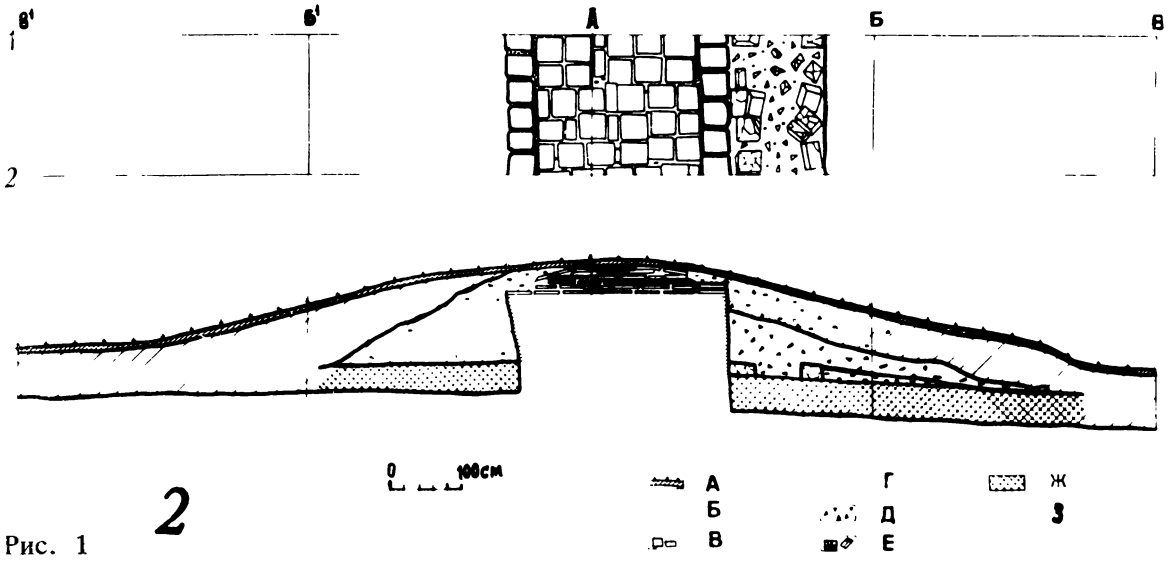


Рис. 1

6-2047

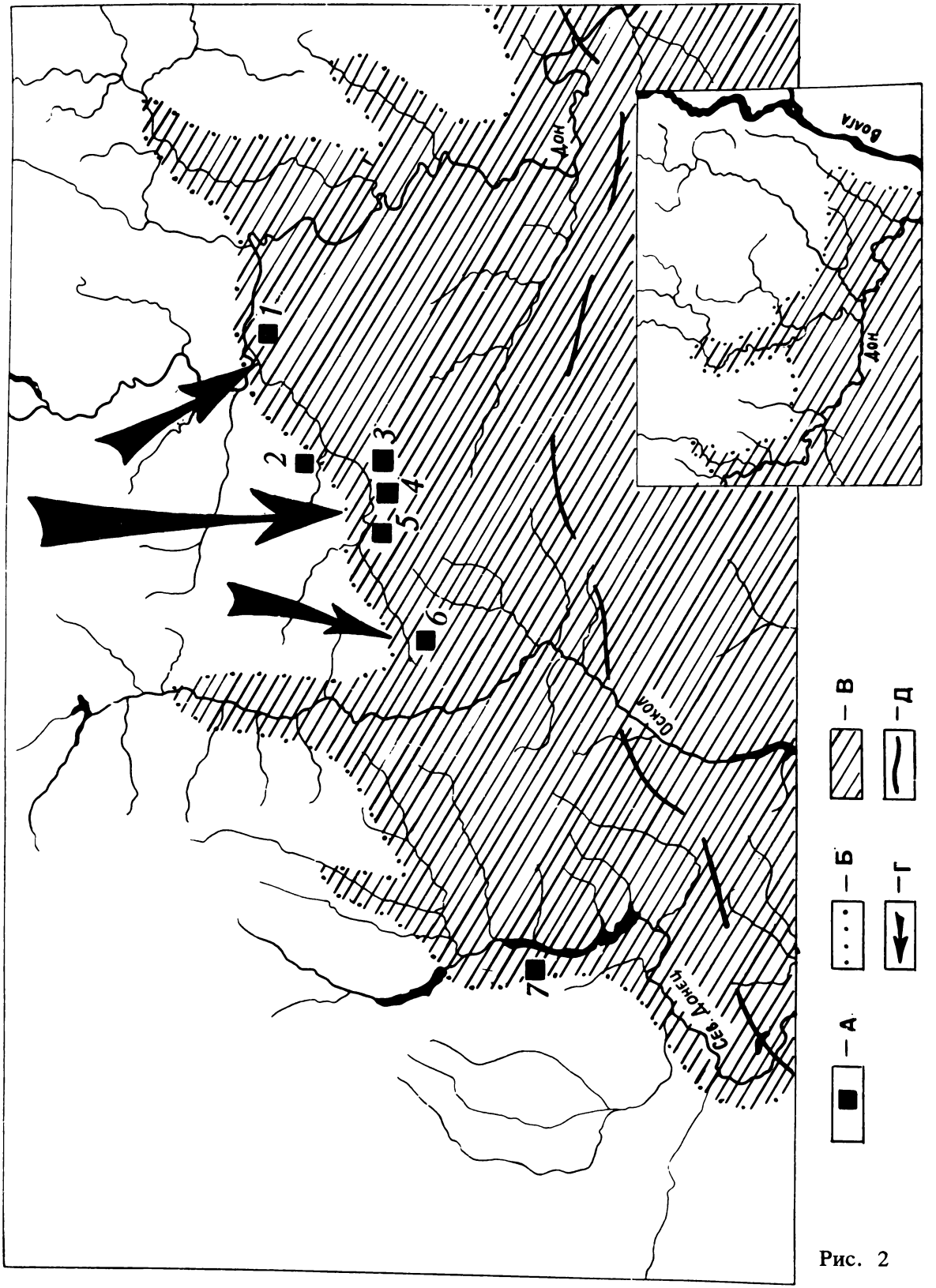


Рис. 2

Р.Багаутдинов, А.Набоков

Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге

Наши представления о погребальном обряде ранних болгар еще недавно формировались только по материалам грунтовых могильников Среднего Поволжья. Публикация материалов раскопок в 1975 г. курганов с каменной наброской на Самарской Луке, также связываемых с ранними болгарами[1], долгое время оставалась единственной работой, свидетельствующей о неоднородности имеющегося материала.

В 1986 1989 гг. отрядом Средневолжской археологической экспедиции под руководством авторов на территории лесостепного Заволжья, на р. Урень (левый приток Волги в Старо-Майнском районе Ульяновской области) были исследованы несколько курганных могильников, состоявших из курганов срубной культуры, среди которых были и курганы, оставленные ранними болгарами.

Могильник Урень-II, состоящий из шести насыпей, раскопан почти полностью (5 из 6 курганов). К раннеболгарскому типу относятся курганы NN 2, 3, Все насыпи распахивались.

Курган N 2 диаметр 32 м, высота 0,25-0,4 м. В центре насыпи выявлен круглый ров диаметром 14,5 м, с наклонными стенками, углубленный в материк до 0,45 м (рис. 1, *1, 2*). В заполнении рва найдены мелкие древесные угольки, сажа, отдельные кальцинированные кости, а в юго-восточном секторе нижние челюсти лошади, овцы и отдельные зубы хищного животного. В юго-восточном секторе кургана, на уровне древней поверхности, за пределами рва, найдены остатки нескольких конских черепов.

Внутри кольцевого рва, практически в центре насыпи, выявлено разрушенное грабителями погребение 1. Могильная яма близкой к овалу формы, ориентирована по линии северо-запад юго-восток. Сохранилась только центральная часть могилы, дно которой было выстлано обуглившимися досками. На досках в беспорядке лежали кости человека и кость животного. Вещей не найдено (рис. 1, *4*).

Погребение 2 находилось в северо-восточном секторе кургана, за пределами рва. На уровне материка могила имела форму прямоугольника (2,87 х 1,25 м), стенки ее сужаются ко дну, размеры на уровне дна 2,75 х 0,62-0,72 м (рис. 1, *3*). Могила ориентирована по линии северо-запад юго-восток, в северном углу и по всей северо-западной стенке прослеживается ниша, в которой лежали череп и кости ног овцы, часть позвоночника крупного животного и стоял глиняный сосуд приземистый одноручный кувшин с широким, чуть вогнутым дном, украшенный парными горизонтальными желобками с вертикальной сеткой между ними, нанесенной лощением (рис. 2, *1*).

Курган N 3 диаметр 40 м, высота до 3 м, в центре воронка диаметром 15 18 м и глубиной до 2,2 м.

Под насыпью, на уровне древней поверхности, выявлен ров прямоугольной формы, размером 37,7 х 34,5 м, шириной 1,6-2,5 м и глубиной от уровня древней поверхности 1,7 1,8 м (рис. 1, *9*). В заполнении его сажа и отдельные мелкие угольки.

Могильная яма полностью разрушена большим "грабительским" вкопом (воронка), в заполнении которого найдены кости ног крупного животного, кусочки окислившегося железа и три фрагмента гончарной керамики: обломок стенки красноглиняного сосуда с линейным орнаментом и два фрагмента стенки крупного желтоглиняного сосуда.

Курган N 4 диаметр 18-20 м, высота 0,2 0,25 м над современной поверхностью (рис. 1, *5, 6*). В центре насыпи выявлено сильно потревоженное грабителями погребение (рис. 1, *7*). Могильная яма неопределенной формы, длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад юго-восток, длина 2,6 м, ширина 0,9 1,1 м, стенки вертикальные, в заполнении встречены мелкие угольки. Дно могилы выстлано сплошным слоем древесного угля, мощностью 0,1 0,15 м. В заполнении найден фрагмент деревянного сосуда с серебряной накладкой (рис. 2, *4*). На слое угля были разбросаны кости взрослого человека, в северо-западном конце могилы развалы двух гончарных сосудов и кости крупного животного (лошади?). Сосуды представляют собой одноручный плоскодонный кувшин (рис. 2, *5*) и двуручную амфору с яйцевидным туловом (рис. 2, *6*).

Погребение 2, размерами 2,18х0,9 м находилось внутри прямоугольного рва, примыкающего к южной поле кургана и ориентированного по линии северо-запад юго-восток (рис. 1, *8*). Точно так же ориентирована и могильная яма; в юго-западной и юго-восточной стенках ее устроен обширный подбой, дно которого на 15 см выше дна ямы. В подбое найдены черепа и кости конечностей лошади и коровы, уложенные в анатомическом порядке с ориентировкой на юго-восток (рис. 1, *8*).

Кости взрослого человека и остатки погребального инвентаря разбросаны по дну могилы. Нетронутыми сохранились только бедренные кости, по которым можно определить, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад.

В северо-западном конце могилы, у входа в подбой обнаружены развалы двух гончарных сосудов: высокогорлого кувшина на расширяющемся поддоне (рис. 2, *2*) и двуручной амфоры, на тулове которой прочерчена П-образная тамга (рис. 2, *3, 3а*)

В центральной части могилы найдены остатки двух железных колец диаметром 7 см, а рядом с бедренными костями человека обломок железного ножа.

Старомайнский I курганный могильник расположен приблизительно в 1 км к северо-востоку от могильника Урень II, на водоразделе, и состоит из двух курганов, один из которых нами исследован.

Курган N 1 диаметр 32 33 м, высота 30 40 см (рис. 1, *10*). В центре воронка грабительского вкопа диаметром 4-4,5 м и глубиной около 3 м. В заполнениии вкопа найдены уголь, зола, обломки сильно коррозированных железных предметов: железные прямоугольные пряжки (рис. 2, *7*), кольцо (рис. 2,*8*), колчанный крючок (рис. 2,*13*),

накладка (рис. 2, *9*), обломок втулки от копья (?) (рис. 2, *10*), обломок стенки гончарного сосуда с чатью ручки (рис. 2, *15*).

В центре насыпи выявлен подпрямоугольный ров, углами ориентированный по сторонам света, глубиной от современной поверхности до 2 м. В его заполнении найдены челюсти лошади и бабки крупного животного. Внутри рва могильная яма, полностью разрушенная.

Под юго-западной полой кургана еще один прямоугольный ров размером 8,4 х 5,9 м, ориентированный по линии северо-запад юго-восток, глубиной от современного уровня 1 м. В его заполнении найдены фрагмент гончарного сосуда и древесный уголь. Внутри рва обнаружена полностью разграбленная могила. Длина могильной ямы 2,6 м, ширина в южной части 0,77 м, в северной 1,14 м. Яма ориентирована по линии северо-запад юго-восток (рис.1,*10*). В заполнениии могилы, на разных уровнях, найдены кости человеческого скелета. В западной торцовой стенке небольшой подбой, у входа в который лежали череп, кости конечностей овцы и часть позвоночника более крупного животного. На дне могилы зафиксирован слой древесного угля мощностью 2-3 см.

Таким образом, в результате исследования курганных могильников Старомайнский I и Урень II выявлены остатки семи погребений, относящихся к культуре ранних болгар. О раннеболгарской принадлежности этих захоронений говорят северо-западная ориентировка могил с небольшими подбоями, которые С.А.Плетнева связывает с "брахикранным болгарским населением"[2], и наличие сосудов, имеющих ближайшие аналогии в салтово-маяцких и раннеболгарских грунтовых могильниках[3].

Исследователи раннеболгарских некрополей предполагают наличие у оставившего их населения ритуала частичного разрушения скелета[4]. В рассматриваемых погребениях, по крайней мере, в двух, можно предположить преднамеренное разрушение скелета с оставлением в могиле сопровождающего инвентаря (Урень II, к. 4).

В случае же, когда сохраняются очертания могильных ям (Урень II, к.2; Старомайнский I, к. 1, п. 2) полное отсутствие погребального инвентаря говорит о том, что ограбление совершено людьми, хорошо знавшими расположение могил и инвентаря в них.

Обращает на себя внимание разнообразие конструктивных деталей обряда: круглый (Урень II, к. 2) и прямоугольный (Урень II, к. 3,4; Старомайнский I, к. 1) рвы, курган со рвом в центре, без бокового погребения (Урень II, к. 3), курган со рвом в центре и боковым захоронением без рва (Урень II, к. 2), ров вокруг центрального захоронения и отдельный ров вокруг боковой могилы (Старомайнски I, к. 1), центральное захоронение без рва, а боковое со рвом (Урень II, к. 4). Причиной подобного разнообразия являются, на наш взгляд, племенные различия пришлого населения, еще сохранившиеся к моменту совершения захоронений.

Уголь на дне могил, очевидно, означает какую-то стратификацию общества, поскольку обнаружен он в основном в центральных могилах.

Керамика из Уреньских и Старомайнских курганов позволяет синхронизировать их с Больше-Тарханским, Кайбельским и подобными могильниками, а

также с Брусянским могильником конца VII VIII вв. (см. статью А.Богачева и С.Зубова в наст. сб.). Кроме того, Л.С.Клейн в одном из раннеболгарских курганов со рвом, раскопанном им на Нижнем Дону, также нашел золотую монету середины VIII в.[5] Эти данны позволяют определять нижнюю хронологическую границу рассматриваемых па мятников не позже VII в., а верхнюю начала IX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.

[2] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 255-256.

[3] Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 169. Рис. 54; Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болга рии. М., 1984. С.32.

[4] Плетнева С.А. На славяно-хазарском по граничье... С. 245; Флеров В. С. Болгарс кие погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе Казань, 1989. С. 52.

[5] Степи Евразии... С. 71.

Список иллюстраций к статье Р. Багаутдинова, А. Набокова "Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге"

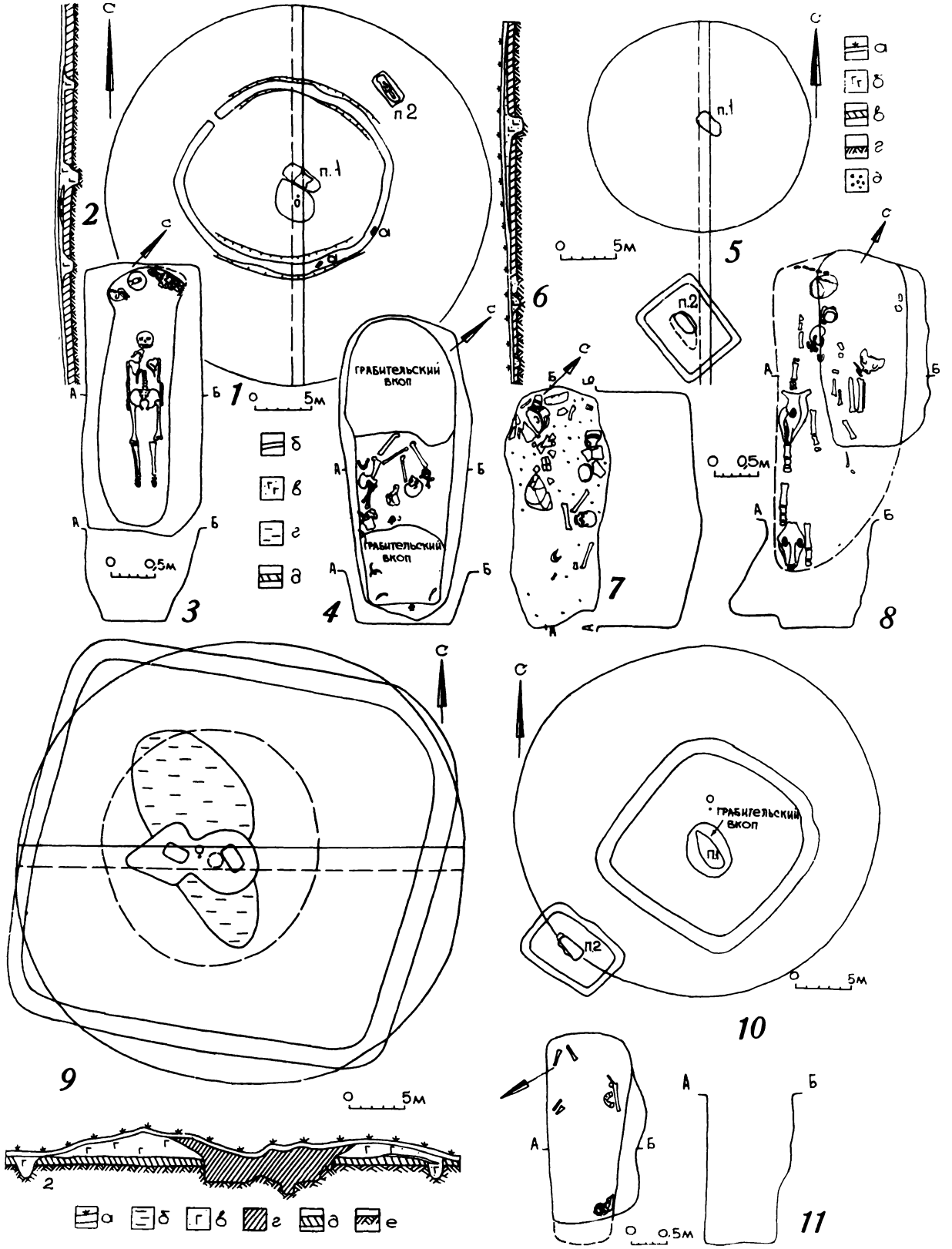
Рис. 1 Планы курганов и погребений могильников Урень II и Старомайнский I:

1 план к. 2 могильника Урень II (а черепа животных); 2 профиль к.2 (б пахотный слой; в насыпь; г могильный выкид; д погребальная почва); 3 план погр. 2 к. 2 могильника Урень II; 4 план погр. 1 к. 2; 5 план к.3 могильника Урень II; 6 профиль к. 3 (а пахотный слой; б могильный выкид; в насыпь; г материк); 7 план погр. 1 к. 3 могильника Урень II (д грабительский вкоп); 8 план погр. 2 кург. 3; 9 план и профиль к. 4 могильника Урень II (а пахотный слой; б могильный выкид; в насыпь; г грабительский вкоп; д погребенная почва; е материк); 10 план к. 1 Старомайнского I могильника· 11 план погр. 2 к. 1

Рис. 2 Погр бальный инвентарь могильников:

Урень II: 1 к. 2, погр. 2, гончарный сосуд; 2, 3 к. 4, погр. 2, гончарный сосуд и амфора; 3а прорисовка тамги на амфоре; 4 к. 4, погр. 1, обломок деревянного сосуда с серебряной накладкой; 5, 6 к. 4, погр. 1, гончарный сосуд и амфора;

Старомайнский I: к. 1, погр. 1, 1 14 обломки железных предметов; 15 фрагмент гончарной керамики



С
п.1
п.2
а
б
в
г
д
0 5м
0 0,5м
А
Б
ГРАБИТЕЛЬСКИЙ ВКОП
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
е

Рис. 1

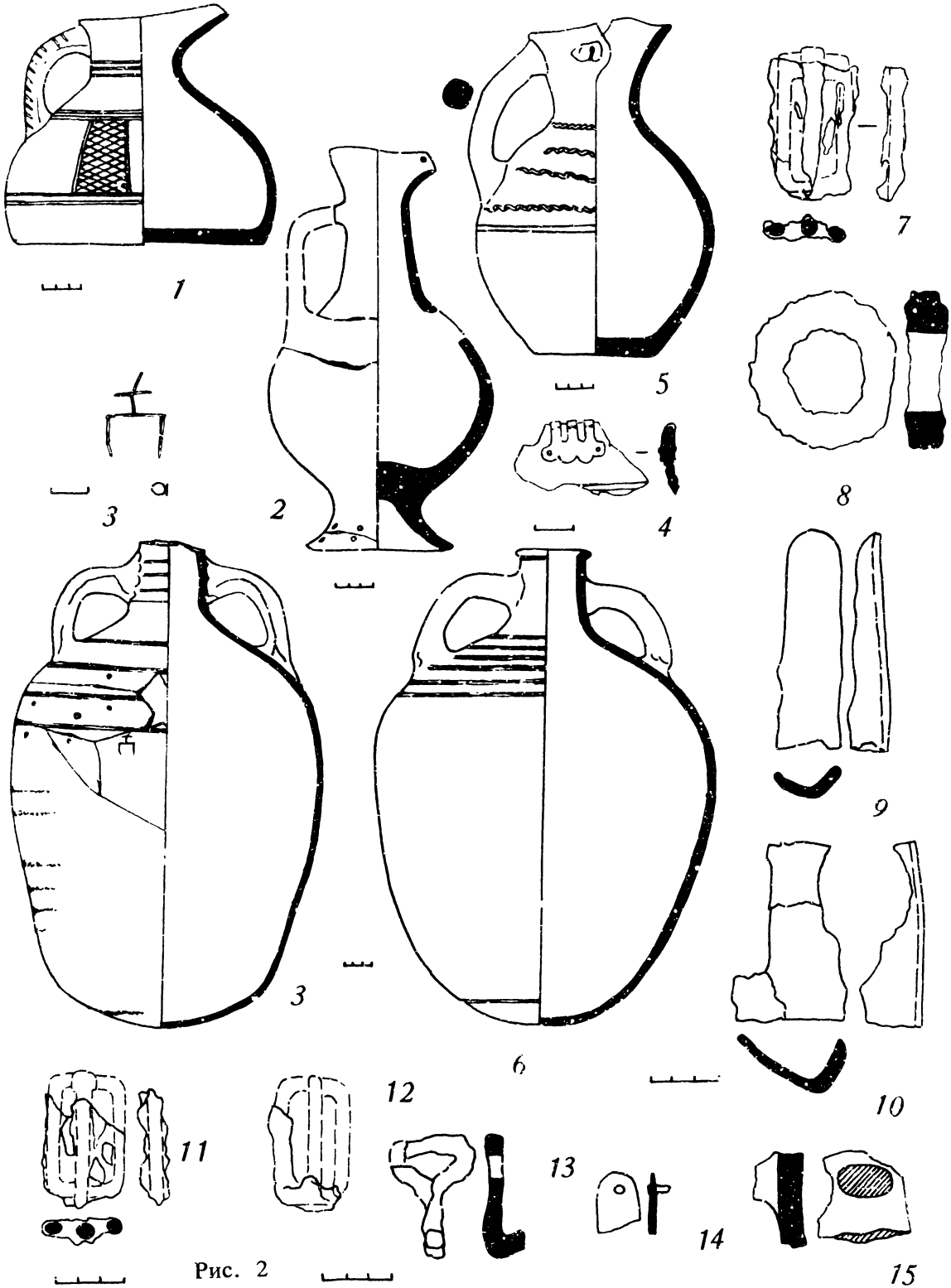


Рис. 2

А.Богачев, С.Зубов

Брусянский II могильник ранних болгар
(раскопки 1988 1989 гг.)

Раннеболгарская проблематика является ключевой в понимании многих вопросов средневековой археологии Волго-Камья. За последние годы сформировалась достаточная источниковая база, позволяющая на более высоком уровне осмысливать процессы этнокультурного развития региона. Решение вопросов, поставленных новыми материалами, стало невозможным в рамках старых концепций болгароведения. Вместе с тем в научный оборот источники вводятся неоперативно и в далеко неполном объеме. Авторы считают своей задачей дать максимально полную (насколько позволяют рамки статьи) информацию о материалах Брусянского II курганного могильника, обнаруженного в 1982 году разведочным отрядом Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского государственного университета. В 1988 1989 гг. на памятнике производились стационарные работы.

Курганы расположены в 1 км к западу от с.Брусяны Ставропольского района Куйбышевской области, на южной оконечности полуострова Самарская Лука на правом высоком берегу Волги (рис. 1, *1*). По рельефу, территория, расположенная южнее Жигулевских гор, представляет собой волнистую возвышенность имеющую характер плато, расчлененного глубоко врезанными сухими долинами, направляющимися на юг (в долину Волги). На выровненных водораздельных площадках расположены пашни, окруженные небольшими участками леса.[1] На одном из таких участков площадью 1,5 га располагались 29 насыпей Брусянского II курганного могильника. Курганы находились на двух возвышенностях-всхолмлениях, причем большая их часть была сконцентрирована на западной половине поля. Некоторые курганы (NN 22, 23, 25, 26, 27, 28) пытались распахивать, в силу чего их насыпи приобрели овальную в плане форму.

Высота курганов колеблется от 0,14 до 1,3 м, диаметр (нераспаханных) от 3 до 14 м. Характерной особенностью курганов могильника является наличие в их насыпях известняковых камней от мелких (0,1 х 0,1 м) до крупных (1,2 х 1,5 м), из-за чего раскопки велись вручную. В 1988-1989 гг. было исследовано 13 насыпей.

Мощность насыпей раскопанных курганов составляла 0,3 0,8 м. По структуре это, как правило, рыхлые черноземы или гумусированная супесь, перемешанная с известняковыми камнями. Погребенная почва 0,1 0,7 м мощностью плотный гумусированный суглинок (или супесь) без камней. Материк светло-желтый песок или оранжево-желтая глина.

В насыпях курганов и на уровне древней поверхности кроме камней были найдены зубы (а иногда черепа) лошадей, кости других животных, целые сосуды (миски, кувшины, горшки) и фрагменты керамики.

Наброска из камней размещалась, как правило, в центральной части кургана над основным погребением. Лишь на кургане 6 основное погребение было расположено не под камнями в центре, а вынесено за северную полу насыпи.

Иногда стратиграфические наблюдения позволяли установить, что землю и камни в курган подсыпали по мере совершения дополнительных (впускных) погребений (к. 22). Размеры камней и их количество в насыпях различно от чисто символической наброски (к. 6) или кладки непосредственно над могилой (к.1, 15, 21, 22) до мощной закладки по всей площади кургана (к. 2, 4, 7). Иногда трудно судить о первоначальном расположении камней в насыпях, из-за ограбления могил в древности, поздних перекопов (в начале XX в. на территории могильника был сад) и распашки. Над целым рядом захоронений, расположенных главным образом на периферии курганных насыпей, каменная наброска отсутствовала (табл. 1).

Под курганом находилось от 1 до 8 могил. Под двумя курганными насыпями погребений не было, хотя искусственный характер каменной наброски не вызывает сомнений. Каким был первоначальный замысел возведения подобного рода сооружений (одна из сторон погребального ритуала или просто репер) сказать трудно. Было исследовано в общей сложности 32 захоронения (табл. 2).

В курганах с несколькими погребениями можно наблюдать определенный порядок их расположения: по окружности вокруг центрального захоронения (к. 9) или в ряд, параллельно основному погребению (к. 15, 21, 22). Иногда порядок отсутствовал (к. 28).

Захоронения (рис. 2, *3*) совершались в овальных, подпрямоугольных или в подпрямоугольных со скругленными углами в плане ямах. Длина и ширина погребальной ямы обуславливались, по всей видимости, ростом и телосложением покойника. Стенки могил отвесные или слегка наклонные (в к. 9 п.4 у ног и головы погребенного в стенках могилы были сделаны подбои); дно плоское, горизонтальное (только в к. 6 вдоль длинной южной стенки погребения у пола в материке была ступенька). В материк могилы были углублены на 0,1 1,15 м, однако почти половина погребений были совершены на уровне материка или в погребенной почве, в силу чего не удалось проследить конструктивные особенности могильных ям.

К сожалению, более 50% всех костяков находились в потревоженном состоянии в результате ограбления могил или деятельности грызунов. В непотревоженных (или потревоженных частично) погребениях костяки лежат вытянуто на спине, а иногда с небольшим ("условным") разворотом на левый (к. 21 п.2) или правый (к. 28 п. 4, 8) бок. Руки погребенных, как правило, были вытянуты вдоль тела; иногда кисти рук (или одной руки чаще левой) лежали на костях таза, в одном случае на груди (табл. 2).

Несколько случаев очень близкого расположения костей ног наводят на мысль о намеренном связывании их у покойников (к.8, к.21 п.2, к.28 п.4, 8). В трех погребениях костяки лежали с "условным" поворотом набок, в одном череп лежал на левой стороне. В п. 2

Таблица 1

Характеристика раскопанных курганных насыпей

N кургана	размеры кургана, м		мощность слоев, м		характер каменной наброски			находки в насыпи				количество погребений	
	Дм	Н макс.	насыпь	погребенная почва	мощная	"символичная"	только над могилами	черепа и зубы коня	кости др. животных	фрагменты керамики	целые сосуды	не завалены камнями	завалены камнями
1	5	0,14	0,5	0,25	+		+	+					1
2	8	0,36	0,5	0,4	+			+					1
3	4	0,37	0,65	0,2		+							
4	7	0,52	0,8	0,3	+				+		1		2
5	3	0,31	0,35	0,2		+							
6	5	0,29	0,3	0,3		+					2	1	
7	7	1,3	0,8	0,35	+					+			2
8	8	0,68	0,7	0,7		+		+	+	+	3		1
9	11	0,69	0,6	0,4	+			+				3	2
15	10	0,68	0,6	0,1	+		+		+				3
21	10	0,39	0,65	0,55	+		+	+	+	+			4
22	. 10	0,48	0,75	0,55	+		+	+	+	+	2		4
28	10	0,19	0,3	0,7		+				+		6	2

Таблица 2

Характеристика погребений

NN кургана	NN погребения	Форма могилы в плане			Размеры могильной ямы, м				Положение костяка		ориентировка	Положение кистей рук			Наличие инвентаря	Потревоженность	Внутримогильные сооружения и подсыпки
		овальная	подпрямоугольная	подпрямоугол. со скругл. углами	длина	ширина	глубина от 0	глубина от уровня материка	вытянут на спине	с поворотом на бок		вдоль тела	на костях таза	на груди			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	1				-	-	-0,84	0	+		С	+				+	
2	1	+			1,6	0,9	-1,87	-0,97	?	?	В				+	+	
4	1				-	-	-0,58	+0,15	+		ССВ				+	+	угольки
	2				-	-	-0,7	0	?	?	?					+	
6	1	+			2,15	1,1	-0,75	-1,6	?	?	В				+	+	ступень
7	1			+	2,0	0,7	-1,25	-1,15	+		В		+		+	+	
	2			+	1,65	0,55	-1,11	-0,1	+		В				+		
8	1	+			2,3	1,5	-1,5	-0,18	+		В					+	древ. тлен
9	1				-	-	-1,04	+0,1	+		СВ		+		+	+	
	2	+			2,2	0,8	-1,13	-0,33	?	?	СВ				+	+	
	3				-	-	-0,59	+0,3	+		СВ	+				+	
	4	+			1,9	0,6	-1,52	-0,82	+		СВ			+			подбои, угли, дерево
	5	+			1,8	1,1	-1,67	-1,0			костяка нет					?	угли, че-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
15	1		+		2,36	0,75	-0,74	-0,15	+		ССЗ		+		+	+	мел
	2		+		1,2	0,54	-0,93	-0,2			кенотаф				+		угольки
	3		+		1,4	0,7	-0,75	-0,1	?	?	ССЗ					+	
21	1		+		2,16	0,9	-1,38	-0,58	+		ВЮВ	?			+	+	
	2			+	1,73	0,6	-0,68	-0,1		+	ВСВ		+		+		
	3			+	1,66	0,45	-0,91	-0,16	+		ВСВ	+			+		
	4				-		-0,58	+0,1			?				+	+	
22	1			+	1,15	0,5	-0,61	-0,15	+		Ю	+			+		
	2	+			1,85	0,7	-0,78	-0,47	+		В	+			+		угольки
	3					-	-0,63	+0,1	+		В	+			+		
	4	+			1,8	0,7	-0,9	-0,7	+		В		+		+	+	
28	1						-0,55	+0,25	+		ССЗ		+		+	+	
	2				-		-0,53	+0,2	+		ССЗ		+			+	
	3						-0.77	+0,1	+		ЗСЗ					+	
	4						-0,97	0		+	ЗСЗ		+				
	5				-		-0,56	+0,25	+		СЗ	+			+	+	
	6						-0,67	+0,1	+		З		+			+	
	7				-		-0,6	+0,15	+		З		+				
	8						-0,64	+0,1		+	СЗ		+				

к. 21 на костях ног вблизи колен лежала железная пряжка, что косвенно подтвержает предположение о связывании ног покойного.

Что касается ориентировки погребенных, то лишь один детский скелет лежал головой на юг (к. 21 п. 1), четыре костяка (к. 28 п. 3, 4, 6, 7) на З и ЗСЗ; остальные на ССЗ ВЮВ (табл.2).

В настоящее время материал могильника не позволяет выявить закономерности в сочетаниях признаков погребений, но определенные тенденции "угадать" уже возможно. Так, при накоплении массового фактического материала, необходимого для статистических обобщений, ориентировка костяков, вероятно, будет коррелироваться с мощностью каменной наброски над погребением и глубиной могильных ям. Выявленные связи между признаками, по всей видимости, будут в меньшей степени отражать половые и возрастные особенности погребенных, а в большей хронологическую и имущественную характеристику комплексов. Возможно, что погребения с восточной и северо-восточной ориентировкой окажутся наиболее ранними.

В нескольких захоронениях обнаружены угольки, древесный тлен. Большое количество угля и сажи нахдилось в п. 5 к. 9, где кроме челюсти животного не было найдено никаких костей. В п. 4 к. 9 кости скелета были обожжены, на некоторых из них лежали угольки, в заполнении могилы найдены деревянная плашка (глуб. - 1,16 м от 0), кальцинированные кости (-1,2 от 0) и два пятна обожженой почвы с углями (-1,05 от 0). Несколько углей лежало на дне п. 2 к. 15, которое, по всей видимости, является кенотафом ритуальным погребением без костяка. У юго-восточной его стенки находились остатки сосуда (форма не восстанавливается), в центральной части могилы лежали вещи.

На могильнике собрана интересная коллекция керамики, в том числе 14 целых (или восстанавливаемых графически) сосудов. Поскольку основные параметры посуды отражены в табл. 3, остановимся на суммарной характеристике керамического материала.

В насыпях курганов с погребениями находили от 2 до 25 фрагментов керамики. Это, как правило, обломки вылепленных без применения гончарного круга горшковидных плоскодонных сосудов с примесями шамота в формовочной массе. Поверхность их заглажена с разной степенью тщательности, края венчиков иногда украшены орнаментом в виде защипов. Единичны фрагменты сосудов с залощеной поверхностью и мелкими примесями. В к. 8 найдена ручка от амфоры и нижняя половина горшковидного сосуда. Кроме того, в четырех курганах под насыпями найдено 8 целых сосудов.

Почти вся керамика, обнаруженная вне погребений, фиксировалась на уровне древней поверхности. Очевидно, что попадание ее под курганные насыпи факт не случайный. По-видимому, наряду с оставлением под насыпью трупов животных, это составляло одну из сторон погребального ритуала.

Керамика найдена в 25% погребений могильника. В трех из восьми могил обнаружены части сосудов (полностью собирался профиль только одного горшка из п.4 к.21). Трудно сказать - были ли они положены в погребения в таком виде или же фрагментарность ке-

Таблица 3

Характеристика целых форм сосудов и керамики из погребений

N кург. погребения	Форма	Параметры сосудов, см							Примеси	Характер обработки поверхности	Элсменты орнамента	Цвет
		Н макс.	Н тулова	макс. расширение тулова	Дм венчика	Дм шейки	Дм тулова	Дм дна				
к.4 насыпь	кувшин	10	8,7	6	8	7,5	9	6	шамот	заглажен		серый
к.4 п.1	фр-ты горшок	-						-	шамот песок	заглажен		розовый
к.6 насыпь	горшок	9,5	8	5	8	7	10	6	шамот	заглажен	насечки по венчику	серый
к.6 насыпь	кувшин	15	11,5	7	7,5	5,5	10	6,2	песок	лощение	спираль	розовый
к.6 п.1	горшок	15	12,5	7,5	9,7	9,7	12,3	9,5	шамот	заглажен		серый
к.8 насыпь	миска	6		5	16		17	8	крошка каменная	лощение		серо-коричневый
к.8 насыпь	миска	3		1,6	11		10,4	5	песок	лощение		черный
к.8 насыпь	миска	6,7		5	21		20,6	6	песок	лощение		коричневый
к.9 п.2	кувшин	13	8,2	5,2	7,3	6	11	5,6	крошка каменная	лощение		темно-серый
к.22 насыпь	горшок	13	10,4	8	13	11,6	12,4	8,6	шамот	заглажен	защипы по венчику	коричневый
к.22 насыпь	горшок	8,5	7	4,6	7	6,8	8	5,5	шамот	заглажен	защипы по венчику	коричневый
к.22 п.3	горшок	13	10,5	7,5	12	10,5	13	8,7	шамот	заглажен		коричневый
к.21 п.4	горшок	11	8,8	6	11	10	11	7,8	шамот	заглажен	защипы по венчику	коричневый
к.15 п.1	кувшин	23	17,5	4	7	5,5	19	14,5	песок	лощение	канелюры	светло-серый
к.15 п.2	фр-ты	-						-	шамот	заглажен		розовый
к.28 п.5	горшок	19	16,5	11	12	11,5	19	9	шамот	заглажен		розовый

рамики объясняется позднейшими нарушениями захоронений. Во всяком случае, отметим, что п. 1 к. 4 было сильно потревожено; п. 4 к. 21 было совершено в погребенной почве и не содержало ничего, кроме костей черепа и части сосуда (вторичное захоронение?); а п.2 к.15, где найдены фрагменты стенок сосуда, является кенотафом.

Целые сосуды из погребений (5 экз.) находились или недалеко от головы погребенного (в детских, судя по размерам, захоронениях), или в непосредственной близости от ног (в могилах взрослых), но всегда слева от костяка.

Типологически целые сосуды из могильника разделяются на горшки, кувшины и миски.

Горшковидные сосуды (8 экз.) сформованная без применения гончарного круга плоскодонная керамика вертикальных пропорций с округлым туловом, четко выделенной шейкой и прямой или отогнутой наружу горловиной (рис. 7, ***9-15***). Диаметр наибольшего расширения тулова (плечико) приходится на его середину или верхнюю треть. Поверхность горшков не залощена, а лишь заглажена с разной степенью аккуратности, в формовочной массе присутствует шамот. Цвет керамики различные оттенки серого или коричневого. Четыре горшка по краю венчика украшены насечками или защипами.

Миски (3 экз.), очень низких пропорций, были найдены под насыпью к.8. Одна из них, серо-коричневого цвета, имела высокое плечико и загнутый во внутрь венчик (рис. 10, ***8***), тщательно залощенную поверхность, примесь мелкого шамота и мелкой белой крошки в тесте. Две другие миски, черного и коричневого цвета, имели четко выраженное ребро-плечико, прямую шейку и утолщенно-приостренный скошенный наружу венчик, тщательно залощенную поверхность в формовочной массе содержали мелкие примеси (песок?) (рис. 7, ***4, 5***).

Кувшины представлены тремя небольшими и одним крупным сосудами, морфологические и технологические особенности которых далеки от стандарта. Кувшин из насыпи к. 4 сформован небрежно (плохо заглажен, примесь крупного шамота), по типу горшковидных сосудов с широкой горловиной, но с ручкой и четко выделенным носиком-сливом (рис. 7, ***1***). Другие кувшины имеют мелкие примеси в тесте (песок, мелкий шамот, белая каменная крошка и, вероятно, растительные добавки), ровный обжиг, тщательно заглаженную или залощеную поверхность, вертикальные пропорции. Тулово кувшинчика из к. 6 украшено сложным резным орнаментом, в основе которого спиралевидная фигура (рис. 7, ***6***). Большой изготовленный на круге дымчато-серый кувшин из п. 1 к. 15 имел приземистое, как бы срезанное снизу тулово, в формовочной массе мелкие примеси (растительные, песок), лощеную поверхность с орнаментом горизонтальные каннелюрообразные бороздки близ наибольшего расширения тулова и на переходе к горловине и полосчатое неглубокое лощение в ромб между канелюрами (рис. 7, ***2***).

Сопровождающий инвентарь (детали одежды, украшения, оружие, керамика) присутствовал в 50% могил.

Курган 2. На дне могилы беспорядочно лежали украшения и предметы туалета. Среди них железная пряжка трапецевидной формы (рис. 5, ***23***). Рамка пряжки прямоугольная в сечении,

круглый в сечении язычок слегка прогнут посередине. Сердцевидные накладки изготовлены методом штамповки из тонкого листа низкопробного серебра, размеры 1,2 х 1,2 см. Штамповка осуществлялась таким образом, что изделия приобрели слегка выпуклую форму (рис. 5, *18-20*). На оборотной стороне одной из накладок сохранился штифтик для крепления к ремешку, который был припаян к накладке при помощи металла типа олова (?). Штампованные серебряные накладки-наконечники ремешков имели вытянуто-подпрямоугольную форму с приостренным окончанием (рис. 5, *21*). Следует отметить наличие бортика, придающего тонким накладкам массивный вид, и приостренно-сердечковидный характер их окончаний. Поверхность накладок украшена проштампованным орнаментом в виде двух цветочных головок. Золотая серьга имела вид округлого кольца диаметром 1,8 х 1,5 см с напаянной в нижней части гроздью, состоящей из дисковидной площадки с тремя шариками снизу, которые венчал шарик покрупнее. В том месте, где пирамидка из шариков крепилась к кольцу, были припаяны мелкие шарики зерни (рис. 5, *24*). Бляшки-пуговицы, отштампованные из низкопробного серебра, украшены выдавленой цветочной розеткой (рис. 5, *25*). Найденные в погребении бронзовые петельки (рис. 5, *26*), очевидно, являются частями пуговиц и накладок.

Курган 4. В насыпи, помимо кувшинообразного сосуда (рис. 7, *1*), найдено железное стремя (рис. 4, *14*), происходящее, очевидно, из ограбленного погребения. Плоская трапецевидная петля стремени имела прямоугольную прорезь; арка высотой 14 см ромбическая в сечении; слегка вогнутое во внутрь подножие (ширина стремени у подножия 10 см) имело три ребра жесткости и три пары сквозных отверстий диаметром 1,5 мм.

Погребение 1. Среди сильно потревоженных костей человеческого скелета было найдено 9 фрагментов горшковидного сосуда (табл. 3) и клинок однолезвийного железного ножа (рис.6, *9*). Форма клинка вытянутый треугольник (длина 15 см, ширина у основания 1,5 см), сечение треугольное, при переходе в рукоятку клинок имел упор-перекрестие.

Курган 6. Под насыпью в разных местах были найдены три кости скелета ребенка и два сосуда кувшин (рис. 7, *6*) и горшок (рис. 7, *5*).

В единственном погребении кургана у восточной стенки могилы стоял сосуд (рис. 7, *2*), у северной стенки была найдена серебряная цельнолитая пряжка с железным, сильно коррозированным язычком (рис. 4, *13*). Рамка пряжки овальная, с выемкой для фиксации язычка (дм рамки максимальный 27 мм), щиток представляет собой прямоугольную пластину (длина 21 мм), скругленную на конце, с тремя небольшими отверстиями с железными шпеньками для крепления к ремню. Кроме этого в погребении найдены остатки сильно окислившихся изделий из бронзы и железа, форму которых восстановить практически невозможно.

Курган 7. В погребении 1, слева от скелета, у локтя, лежала железная круглорамчатая пряжка (дм 37 мм) с сильно коррозированным язычком (рис. 4, *2*). Возле левой бедренной кости и на ней находились 4 фрагмента клинка железного ножа (рис. 4, *1*) общей длиной 11 см. У грудной клетки находились 3 фраг-

мента сильно корродированного железного предмета.

В захоронении 2 на груди погребенного лежали шесть стеклянных глазчатых бус голубого, белого и розового цвета, цилиндрической формы (длина 7-мм, дм 6-10 мм), с восемью выступающими глазками по бокам (рис. 4, *6*). Среди бус находилась массивная литая бронзовая накладка арочной формы (высота "арки" 30 мм) с выступающей в нижней части "ножкой". В накладке имеются три отверстия, внешняя сторона ее украшена литым спиралевидным орнаментом (рис. 4, *3*). Рядом с накладкой лежал железный чехол-коробочка (рис. 4, *5*), прямоугольный в плане (длина 55 мм, ширина 35 мм, толщина 10 мм). На правой плечевой кости скелета найдена бронзовая нашивная бляшка, круглая в плане (дм 36 мм), с большим количеством круглых отверстий, расположенных по трем окружностям (рис. 4, *4*).

Курган 8. Под насыпью найдено 25 фрагментов керамики, ручка от амфоры, развал дна плоскодонного сосуда и три миски (рис. 7, *4, 5, 8*).

Курган 9. В погребении 1, справа и слева от берцовых костей, лежали бусы две цилиндрические, рубленые, синего стекла (длина 6-7 мм, дм 7 мм) и две пастовые, золоченые, овальновытянутые в прдольном сечении, длиной 10 мм, дм 5 мм (рис. 4, *8-11*).

В погребении 2 у юго-западной стенки найден кувшин (рис. 5, *3*).

Курган 15. В погребении 1, слева от скелета, у ног, лежали кувшин (рис. 7, *2*) и плоское пряслице (дм 45 мм, толщина 6 мм), изготовленное из хорошо отмученной глины (рис. 6, *17*). В районе грудной клетки лежали многоцветные глазчатые и полосатые стеклянные бусы (рис. 6, *19-26*) семь шарообразных (дм 0,9-1,4 мм), одна уплощенно-цилиндрическая (дм 16 мм, толщина 7 мм), а также бронзовая шаровидная (дм 11 мм) подвеска с петелькой (рис. 6, *18*) и фрагмент железного изделия (рис. 6, *16*).

В погребении 2 (кенотафе) найдены железный однолезвийный нож (рис. 6, *15*) с упором-перекрестием (длина клинка 12 см, ширина 1,6 см), бронзовая гофрированная подвеска-костылек с петелькой посередине (рис. 6, *12*) и две бронзовые серьги, лежащие одна на другой (рис. 6, *13, 14*). В верхней части кольца серьги (дм 23 мм) имелся пальцевидный выступ, в нижней на бронзовой проволоке были нанизаны пять стеклянных бусин. Все вещи (включая фрагменты сосуда, кусочки железа и кости жертвенного животного) лежали на одном уровне.

Курган 21. По дну погребения 1 были разбросаны бронзовые украшения: спиралевидная пронизка (рис. 6, *27*), подвеска-костылек (рис. 6, *4*), разомкнутое кольцо (дм 26 мм) из гофрированной проволоки (рис. 6, *1*), две серьги (рис. 6, *2, 28*). Здесь же найдена стеклянная глазчатая бусина (рис. 6, *3*).

В погребении 2 на тазовых костях лежала золотая серьга (рис. 6, *11*) в виде несомкнутого овального кольца (дм 18 мм) с дисковидным поперечным утолщением в нижней части и трубицей-пронизкой на проволоке. Интересно, что пальцевидный выступ изготовлен из серебра и припаян к кольцу позже, возможно, это реакция на изменение моды. В районе бедренных костей найде-

на железная пряжка (рис. 6, *10*).

В погребении 3 рядом с костями левой руки лежало пряслице (?), изготовленное из мела, дм 27 мм (рис. 6, *6*) и бронзовая серьга, близкая по форме золотой из п.2 (рис. 6, *7*), на груди захороненного найдена стеклянная глазчатая бусина дм 9 мм (рис. 6, *5*), слева от черепа бронзовая подвеска-капелька дм 7 мм (рис. 6, *8*).

В погребении 4 обнаружен горшковидный сосуд (рис. 7, *6*), стоящий южнее черепа.

Курган 22. В погребении 1 в районе костей таза лежала железная пряжка трапецевидной формы (рис. 4, *15*).

В погребении 2 на поясе захороненного найдена железная пряжка трапецевидной формы (рис. 4, *7*), в районе бедер фрагменты железа.

В погребении 3 слева от головы стоял горшок (рис. 7, *3*).

В погребении 4 на бедренных костях левой ноги покойника лежал сильно коррозированный железный нож (форма не восстановима) длиной 12 см. На дне могилы без определенного порядка находились детали поясного набора: четыре серебряные накладки в форме подковок с тремя шпеньками для крепления; четыре серебряные накладки полуовальной формы с фигурной прорезью в середине, тремя отверстиями для крепления, с бортиком, придающим изделиям выпуклый вид; пять аналогичных последним накладок, но изготовленных из бронзы и сильно окислившихся; железное прямоугольное в сечении кольцо дм 25 мм; серебряная прямоугольная накладка с держателем шарнирного типа; серебряный (обломанный) наконечник ремня подпрямоугольной формы, с двумя продольными рядами круглых фасетированных отверстий; серебряная пряжка - рамка овальная с углублением в передней части для фиксации язычка, щиток - подпрямоугольная пластина, скругленная на конце, с литым растительным орнаментом, язычок массивный нависающий, соединение частей пряжки шарнирное (рис. 5, *1-17*).

Курган 28. В насыпи найдено пряслице (рис. 4, *12*); в п. 1 пряжка (рис. 4, *16*); слева от костяка в п. 5 сосуд (рис. 7, *1*).

Прежде чем перейти к вопросу о хронологии могильника, хотелось бы сделать некоторые замечания.

Датирование раннесредневековых восточноевропейских древностей существенно затруднено тем, что в регионе практически не имеется опубликованных (на современном уровне), датированных обильным монетным материалом эталонных могильников.[2] Этим во многом объясняется отсутствие единой общепринятой концепции периодизации материальной культуры Восточной Европы I тыс. н. э., несмотря на то, что серьезные попытки ее создания предпринимались.[3]

В условиях отсутствия четких хронологических реперов, традиционным путем синхронизации новых материалов является процедура поиска максимального числа аналогичных объектов, дата которых уже определена. А поскольку такие даты часто (порой механически) переносятся из одних (нередко устаревших) работ в другие, то возникает ситуация, когда количество привлеченных аналогов далеко не всегда дает качество максимально точную хронологию памятника.

Вместе с тем археологами были предложены разработки (выполненные с

применением статистико-комбинаторных методик), в которых представительный материал из отдельных могильников или даже целых регионов (Алтай, Северный Кавказ, Башкирия, Верхнее Прикамье) был упорядочен во взаимоувязанные колонки относительной хронологии.[4] В этой связи было бы корректнее для целей хронологического определения комплекса использовать именно подобного рода исследования, хотя появление в перспективе памятников-эталонов не исключает возможности уточнения абсолютных дат выделенных стадий.

В Восточной Европе наибольшее количество раннесредневековых абсолютных дат было получено на могильниках Крыма и Кавказа районов, наиболее обеспеченных монетным материалом. Этим, а также тем, что первые серии новомодных вещей появлялись именно в тех районах, объясняется поиск археологами именно южных аналогий для хронологического определения находок. При этом в качестве объекта для сравнения привлекается довольно узкий круг вещей: принадлежности пояса (пряжки, накладки, наконечники ремней), бусы, некоторые типы серег. Объясняется это тем, что названные категории украшений были модными в среде целого ряда культурных и этнических групп (объединенных общими эстетическими вкусами) на больших пространствах Евразии.

Анализ вещевого материала Брусянского II могильникка позволяет говорить об определенном хронологическом "разбросе" захоронений. Однако вследствие того, что количество показательных (в плане хронологии) комплексов не велико, в настоящее время не представляется возможным установить последовательность всех погребений. В этой связи мы предлагаем обоснование хронологических рамок функционирования могильника, а точнее погребений с инвентарем. Причем принципиальное значение будет иметь определение нижней временной границы памятника, что в перспективе позволит выяснить дату смены оседлого населения именьковской культуры на Самарской Луке кочевническим.

Наиболее ранним из исследованных на могильнике является вещевой комплекс из погребения 1 кургана 2. С точки зрения хронологии интерес представляет золотая серьга (рис. 8, *24*). К сожалению, в археологической литературе этот тип изделий специально не исследовался. А.К.Амброз, ссылаясь на материалы из аварских могильников, датировал подобные украшения VII в.[5] Помимо погребения 2 из венгерского могильника Кишзомбор "О", упомянутого А.К.Амброзом, аналогичные по форме и размерам серьги найдены на аварском могильнике Желовце в Моравии.[6] В Чехословакии такие изделия принято датировать концом VII в. На могильнике Дюрсо близ Новороссийска близкие по форме серьги найдены в комплексах с фибулами последней трети VI-VII вв., а также с деталями геральдических поясов четвертого этапа функционирования могильника по А.В.Дмитриеву.[7] Датирование такого рода серег в пределах VII века на современном уровне знаний кажется нам вполне оправданным. Уже в первой половине VIII в. кольцо подобных украшений приобретает форму правильного вертикального овала с разного рода выступами пальцевидными, шаровидными, полуовальными. Эта тен-

денция прослеживается в выборке, приводимой А.К.Амброзом[8], а также на материалах верхнекамских могильников[9].

Наличие в погребении штампованных накладок и наконечников ремешков с сердечковидными окончаниями позволяет обратиться к проблеме "геральдических поясов" надежного хронологического индикатора для второй половины VI VII вв. Форма пряжек, накладок и наконечников этих поясов столь специфична и "узнаваема", что для этой группы изделий до настоящего времени не создана обоснованная шкала признаков. Впрочем, один морфологический признак определен в самом термине "геральдические", т. е. имеющие очертания щитка герба. Однако ременные украшения этой группы далеки от стандарта, и целая серия вещей не попадает под названный признак. Разнообразие геральдических наборов предопределило выделение исследователями отдельных их разновидностей - "типа Садовско-Кале", "агафоновские пояса" и т.д. Что же объединяет столь широкий круг украшений пояса второй половины VI VII вв.? Вычленение общих признаков для геральдической поясной гарнитуры и отдельных для различных ее вариантов самостоятельная проблема. В настоящей работе авторы ссылаются на характеристику геральдических наборов, предложенную В.Ф.Генингом: "цельнолитые изделия небольших размеров, в оформлении которых нередки криволинейные, часто сердцевидные очертания. Поверхность изделий обычно гладкая, с прорезями, на обороте высокие бортики, придающие изделиям массивный вид. Появляются в этот период штампованные изделия, всецело подражающие по форме литым"[10].

Исходя из этого определения, ременные накладки и наконечники из погребения кургана 2 возможно включить в круг геральдических. Отметим наличие тисненого орнамента в виде двух цветочных головок на наконечниках (фигурное тиснение на изделиях геральдического типа явление довольно редкое, но имевшее место, в частности, в аварских материалах VII в.[11]).

Возможно, наиболее вероятной датой активного употребления инвентаря из кургана 2 является вторая половина VII в. Говорить о более точной дате комплекса в пределах обозначенного срока пока рано.

Украшения из других погребений могильника датируются более поздним временем. В частности, поясные принадлежности (к. 6; к. 22 п. 4) синхронизируются с аналогичными из комплексов конца VII VIII вв. ряда прикамских культур (деменковская стадия ломоватовской, неволинская стадия неволинской, каравалесский этап поломской). Соответственная смена украшений произошла в конце VII первой половине VIII вв. в Крыму[12] и на Алтае (катандинский тип). Поясные наборы, состоящие из крупных шарнирных (или цельнолитых) пряжек, массивных наконечников и прорезных накладок с бортиками, в Прикамье условно называют "неволинскими". Они сменили в регионе "агафоновские" пояса геральдического типа и предшествовали ременным украшениям так называемого "салтовского" типа.

Другие украшения, с точки зрения хронологии, менее показательны: или дата их существования слишком широка (бусы синхонизируются в пределах конца VII первой половины IX вв.), или

их типология и периодизация слабо разработаны (подвески, серьги).

Таким образом, время бытования вещевого комплекса Брусянского II могильника можно ограничить второй половиной (или последней четвертью) VII первой половиной VIII вв. Не исключено, что доисследование памятника внесет коррективы в его хронологию.

В Самарском Поволжье известно более 20 курганных и грунтовых могильников с каменными выкладками над погребениями. Некоторые из них - III Рождественский[13], Новинковский, II Шелехметский подвергались стационарным раскопкам. Г.И.Матвеевой подобного рода памятники были выделены в особый, новинковский, тип, связываемый с первой волной ранних болгар, пришедших в Поволжье с юго-запада[14]. Особенности погребального обряда позволили поставить Брусянский II могильник в один ряд в новинковскими[15].

В период расцвета Великой Болгарии хана Кубрата (первая половина VII века) этноним сравнительно небольшой этнической группы болгар принимается другими союзными и, вероятно, родственными племенами; само имя - не племенное, а собирательное, объединяющее в единый народ, - получило быстрое распространение как общее самоназвание[16]. Памятники же собственно болгар в Приазовье до настоящего времени не найдены. Впрочем, в Волго-Донских степях не известен сколь-нибудь крупный массив кочевнических памятников VI VII веков, хотя отдельные погребения этого времени есть[17]. В этой связи постановка вопроса об исходной территории миграции населения новинковского типа кажется нам преждевременной.

Новинковский пласт памятников пока является наиболее ранним в восточноевропейской группе могильников, связываемых исследователями с болгарами. Им объясняется его своеобразие в сравнении с болгарскими материалами середины VIII - первой половины IX веков из Подонья[18] и собственно Волго-Камья.[19] Однако тот факт, что горшки и кувшины из Брусянского II могильника, керамика I и II групп[20] Кайбельского и Больше-Тарханского I могильников, а также некоторые группы салтовомаяцкой посуды[21] формовались на основе единых морфологических стереотипов, позволяет предполагать наличие общих культурных корней у населения, оставившего эти памятники.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тезикова Т. В. Самарская Лука. Краткая физико-географическая характеристика восточной части // Самарская Лука в древности. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975.

[2] Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.: Наука, 1989. С.6.

[3] Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. N 2, 3.

[4] Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.: Наука, 1982; Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980; Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980; Голдина Р. Д., Королева О.П., Макаров Л. Д. Агафоновский I могильник

памятник ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980; Гаврилова А.А.Могильник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен. М.;Л., 1965; Иванов В.А., Кригер В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1987; Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып.158; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь, 1982.

5 Амброз А. К. Проблемы С. 120 - 121. Рис. 8, 2.

6 Dekan G. Velka Morava. Bratislava. 1976. С.110, Рис.72.

7 Дмитриев А.В. Указ. соч. С.96. Рис.11, 24.

8 Амброз А.К. Проблемы... С. 121. Рис. 8.

9 Семенов В. А. Указ. соч. Рис. 6; Голдина Р.Д., Королева О. П., Макаров Л. Д. Указ. соч. Рис. 10.

10 Генинг В.Ф. Памятники у с.Кушнаренково на р. Белой VI-VII вв. // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1976. С.135.

11 Амброз А.К. Проблемы... С.117-120. Рис.6, 18-20.

12 Айбабин А.И. Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов. М.; 1982. С. 182. Рис. 8.

13 Рутто Н. Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975.

14 Матвеева Г.И. Итоги исследования могильников новинкоского типа в Среднем Поволжье // Всесоюзная археологическая конференция: Баку, 1985. С. 237.

15 Богачев А.В., Зубов С.Э. Раскопки Брусянского II могильника на Самарской Луке// Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 91.

16 Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории дрених болгар// Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1989. С. 11.

17 Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1. Саратов: Изд-во "Коммунист", 1956; Круглов Е. В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья и проблема буртасов; тезисы докладов. Пенза, 1990.

18 Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.

19 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние булгары на Волге. М.: Наука, 1964.

20 Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. С. 32, 33. Рис. 3, 4.

21 Плетнева С.А. Указ. соч. С. 124 - 134.

Список иллюстраций к статье А.Богачева и С.Зубова "Брусянский II могильник ранних болгар"

Рис. 1 Брусянский II могильник:
1 план могильника; 2 к.2; 3 к.5; 4 к.8; 5 к.15; 6 к.21; 7 к.22; 8 к.28; 9 к.1; 10 к.3; 11 к.6; 12 к.7; 13 к.9; 14 к.4

Рис. 2 Планы погребений Брусянского II могильника:
1-8 п.1-8 к.28; 9 п.1 к.1; 10, 11 п.1-2 к.4; 12-14 п.1-3 к.15; 15 п.1 к.8; 16-17 - п.1-2 к.7

Рис. 3 Планы погребений Брусянского II могильника:
1-3, 15 п.1-4 к.21; 4-7 п.1-4 к.22; 8 п.1 к.6; 9 п.1 к.2; 10-14 п.5, 3, 1, 2, 4 к.9

Рис. 4 Инвентарь курганов и погребений Брусянского II могильника:
1, 2 п.1 к.7; 3-6 п.2 к.7; 7 - п.2 к.22; 8-11 п.1 к.9; 12 к.28 насыпь; 13 п.1 к.6; 15 п.1 к.22; 16 п.1 к.28; 14 к.4 насыпь

Рис. 5 Инвентарь погребений Брусянского II могильника:
1-17 п.4 к.22; 18-26 - п.1 к.2

Рис. 6 Инвентарь погребений Брусянского II могильника:
1-4, 27, 28 п.1 к.21; 5-8 п.3 к.21; 9 п.1 к.4; 10-11 п.2 к.21; 12-15 п.2 к.15; 16-26 - п.1 к.15

Рис. 7 Инвентарь курганов и погребений Брусянского II могильника:
1 к.4 насыпь; 2 - п.1 к.15; 3 - п.2 к.9; 4, 5, 8 - к.8 насыпь; 6, 7 к.6 насыпь (кувшин и развертка его орнамента); 9 п.3 к.22; 17, 12 к.22 насыпь; 11 к.6 насыпь; 13 - п.4 к.21; 14 п.1 к.6; 15 п.5 к.28

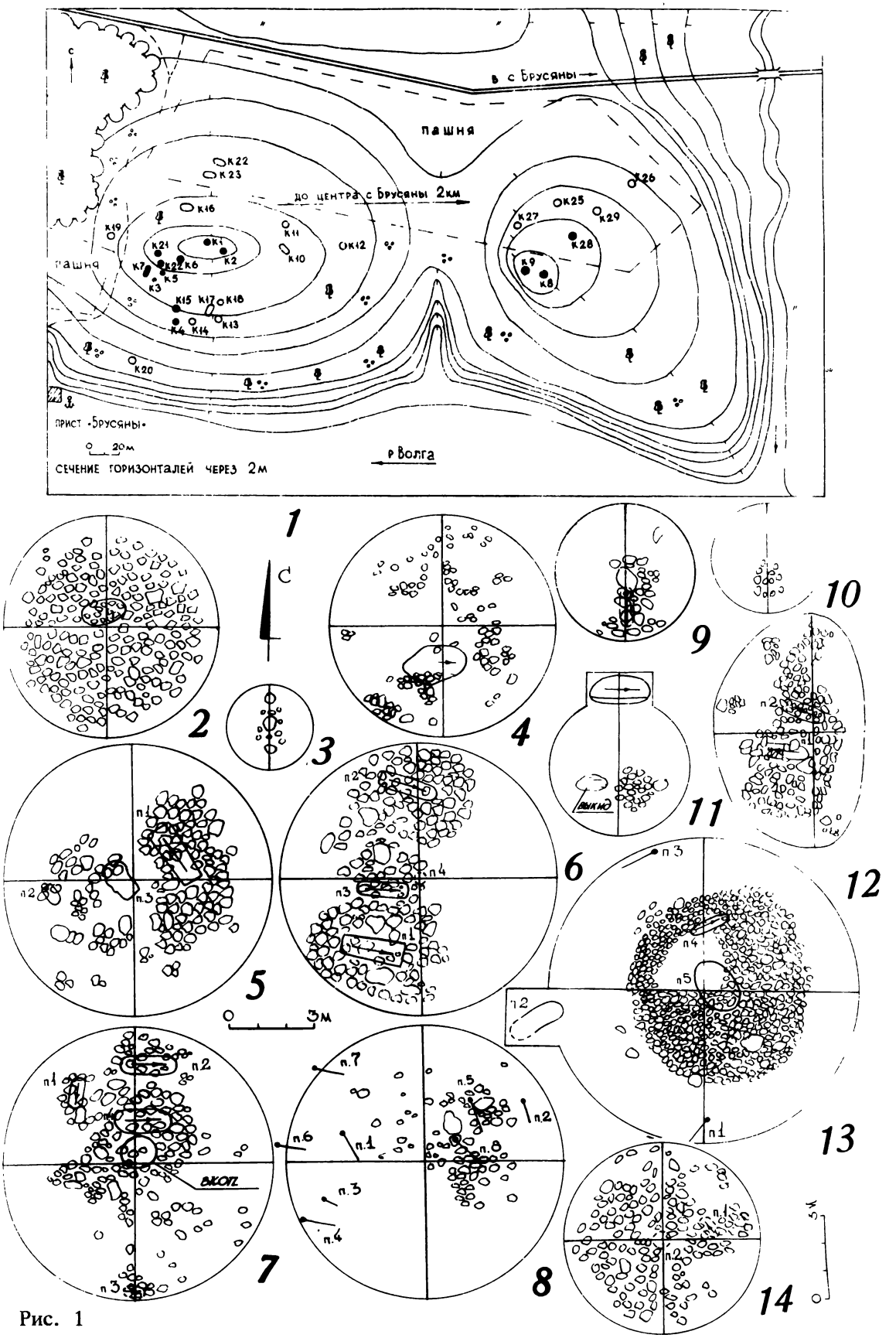
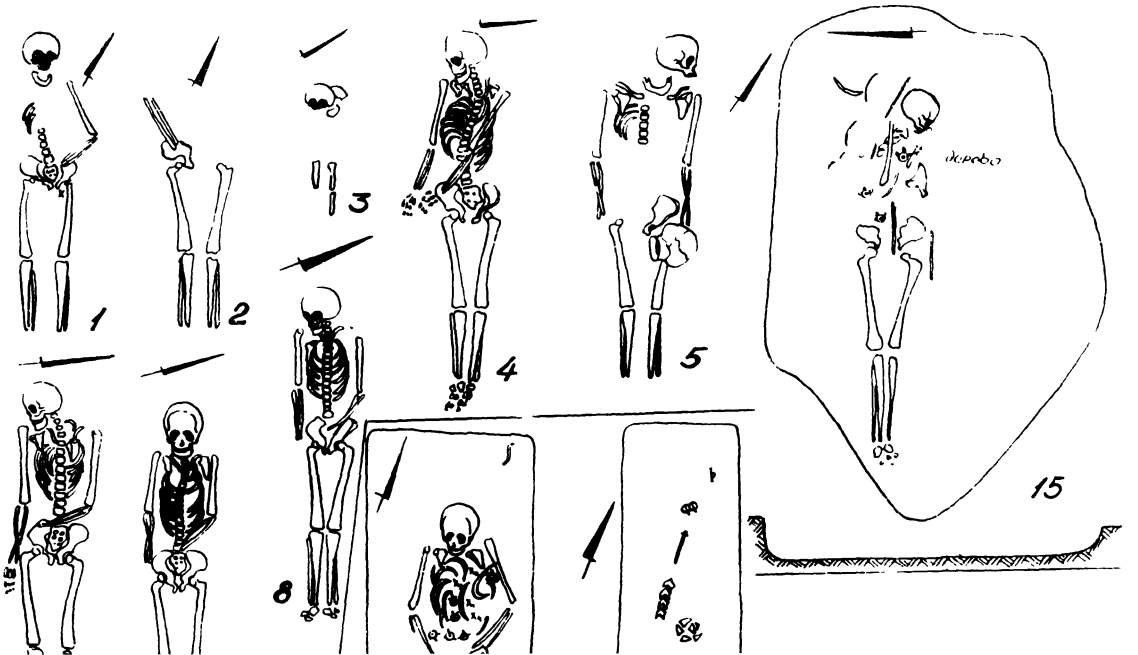

в с Брусяны
пашня
до центра с Брусяны 2км
пашня
прист «Брусяны»
0 20м
сечение горизонталей через 2м
р Волга
К22
К23
К16
К19
К21
К1
К2
К11
К10
К12
К7
К22
К6
К5
К3
К15
К17
К18
К13
К4
К14
К20
К26
К25
К29
К27
К28
К9
К8
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
С
выкид
вкоп
0 3м
п1
п2
п3
п4
п5
п6
п7
п8

Рис. 1


1
2
3
4
5
15

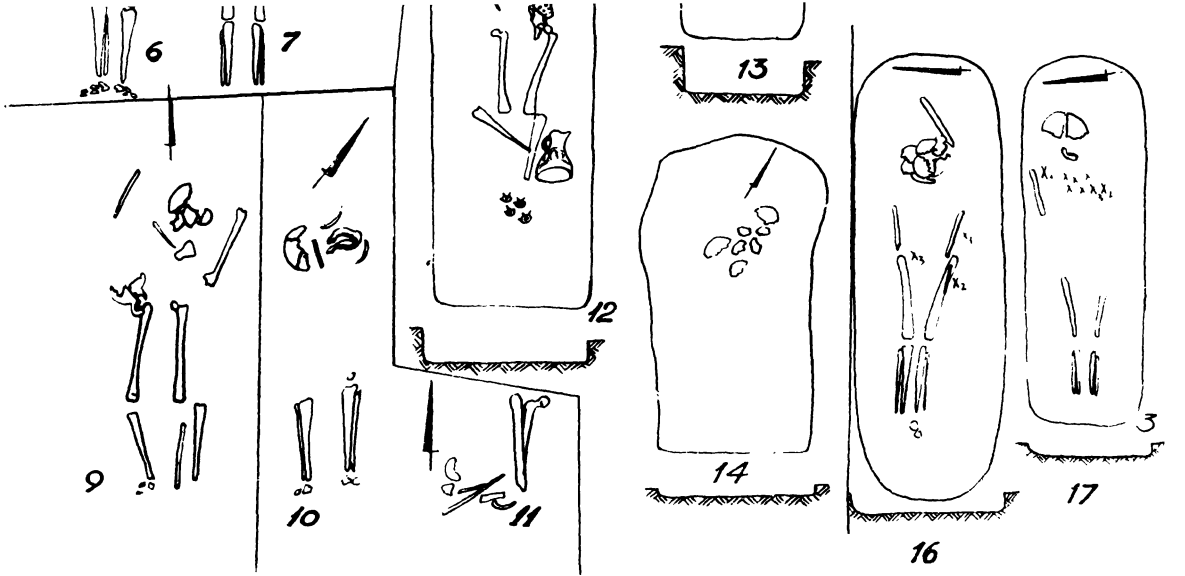


Рис. 2

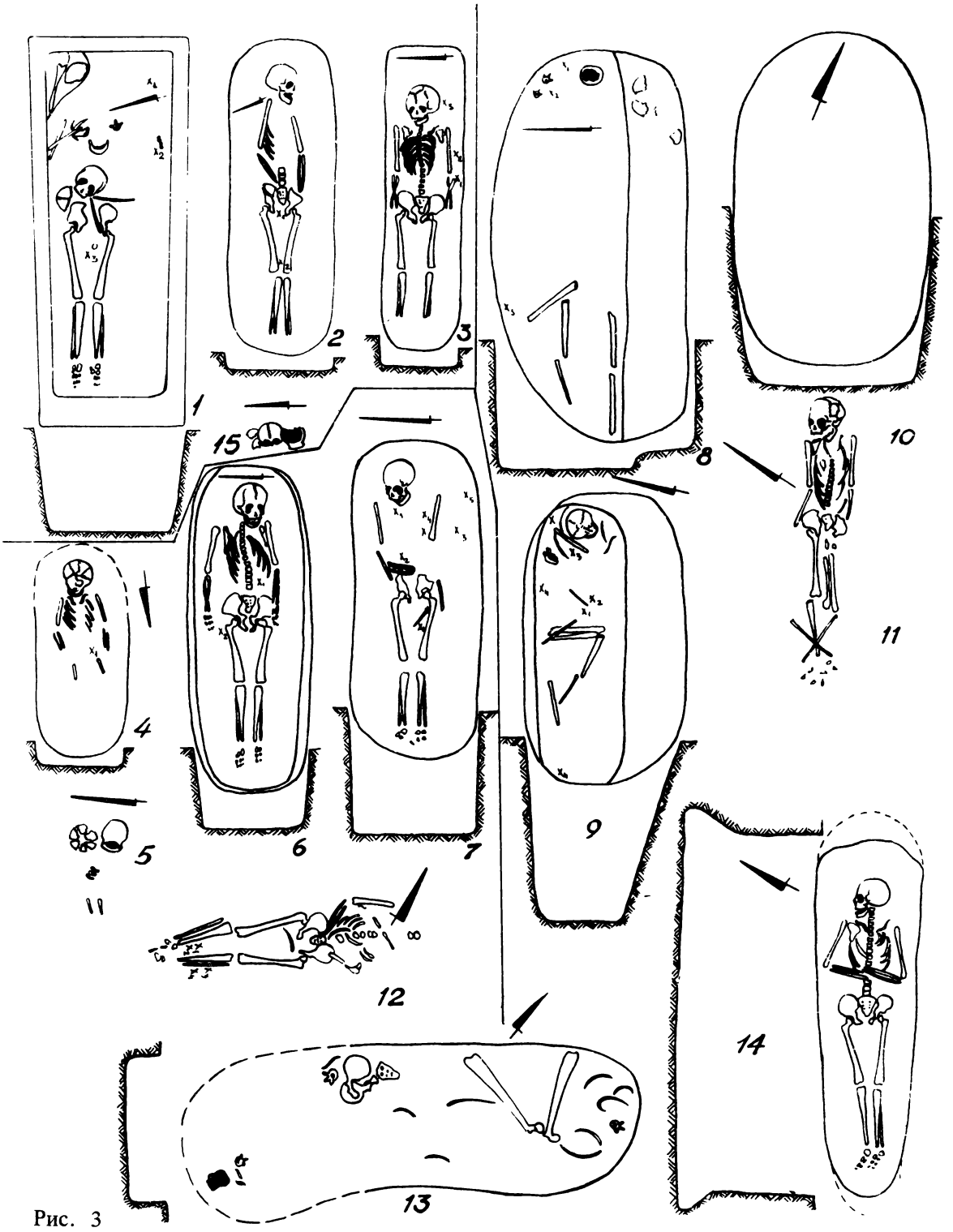


Рис. 3

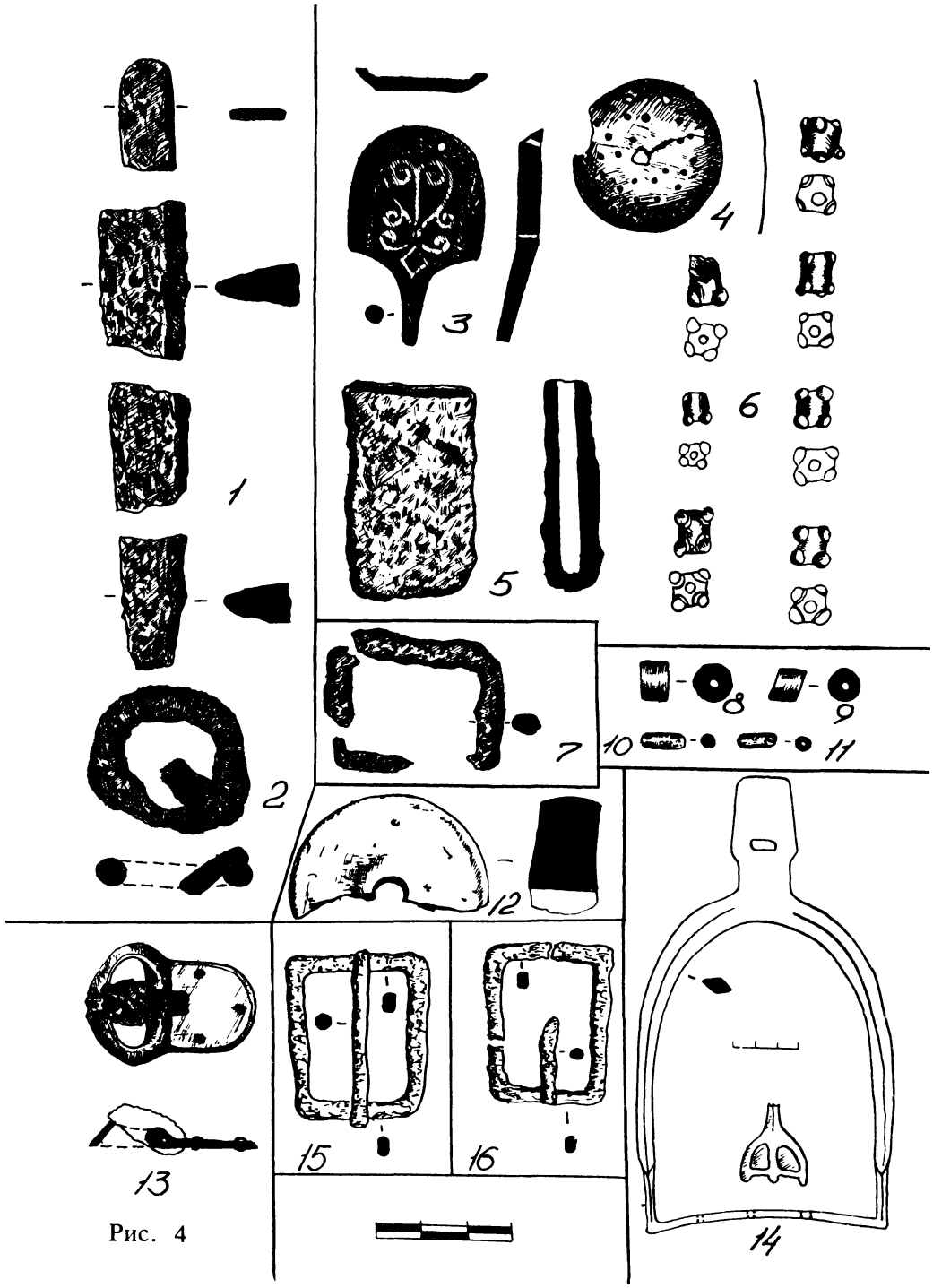
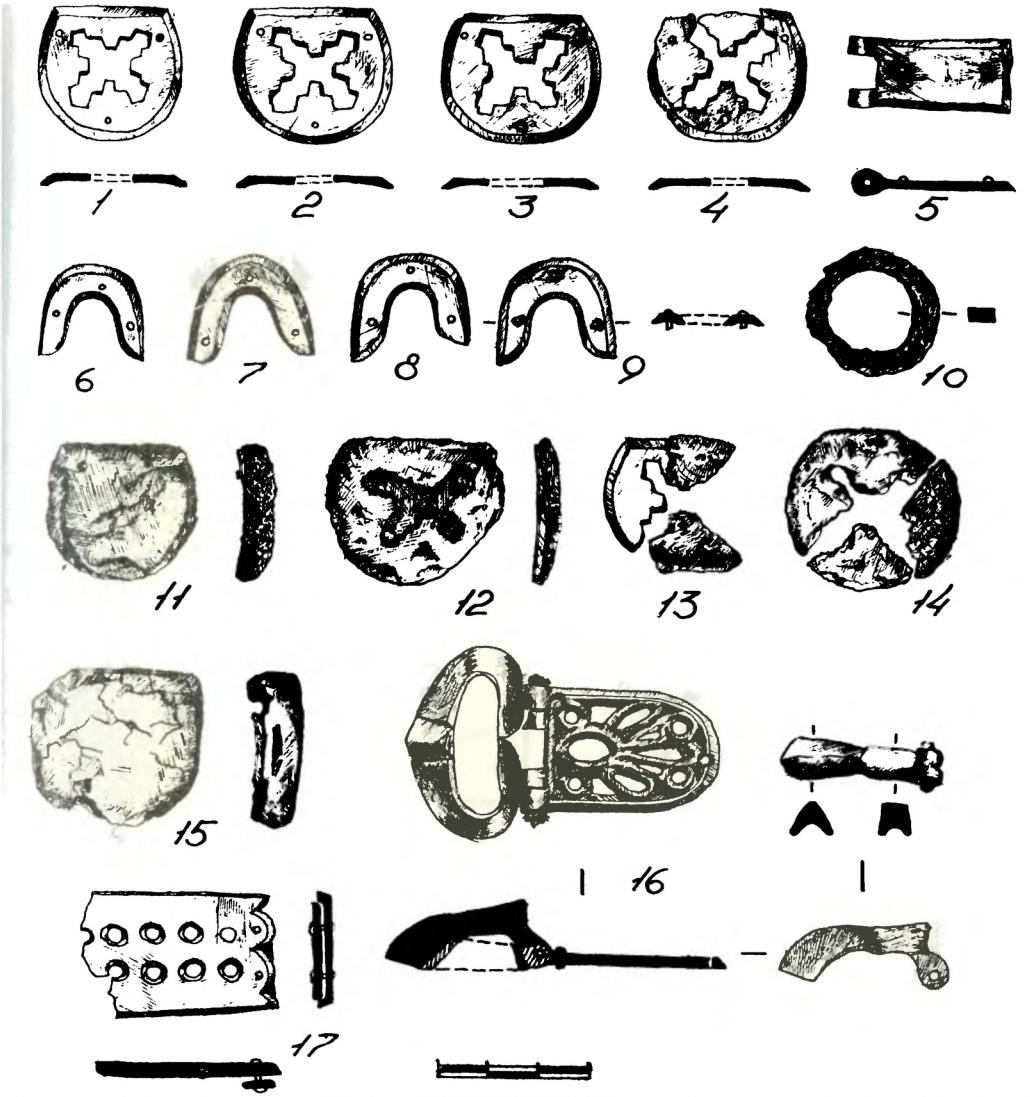


Рис. 4


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

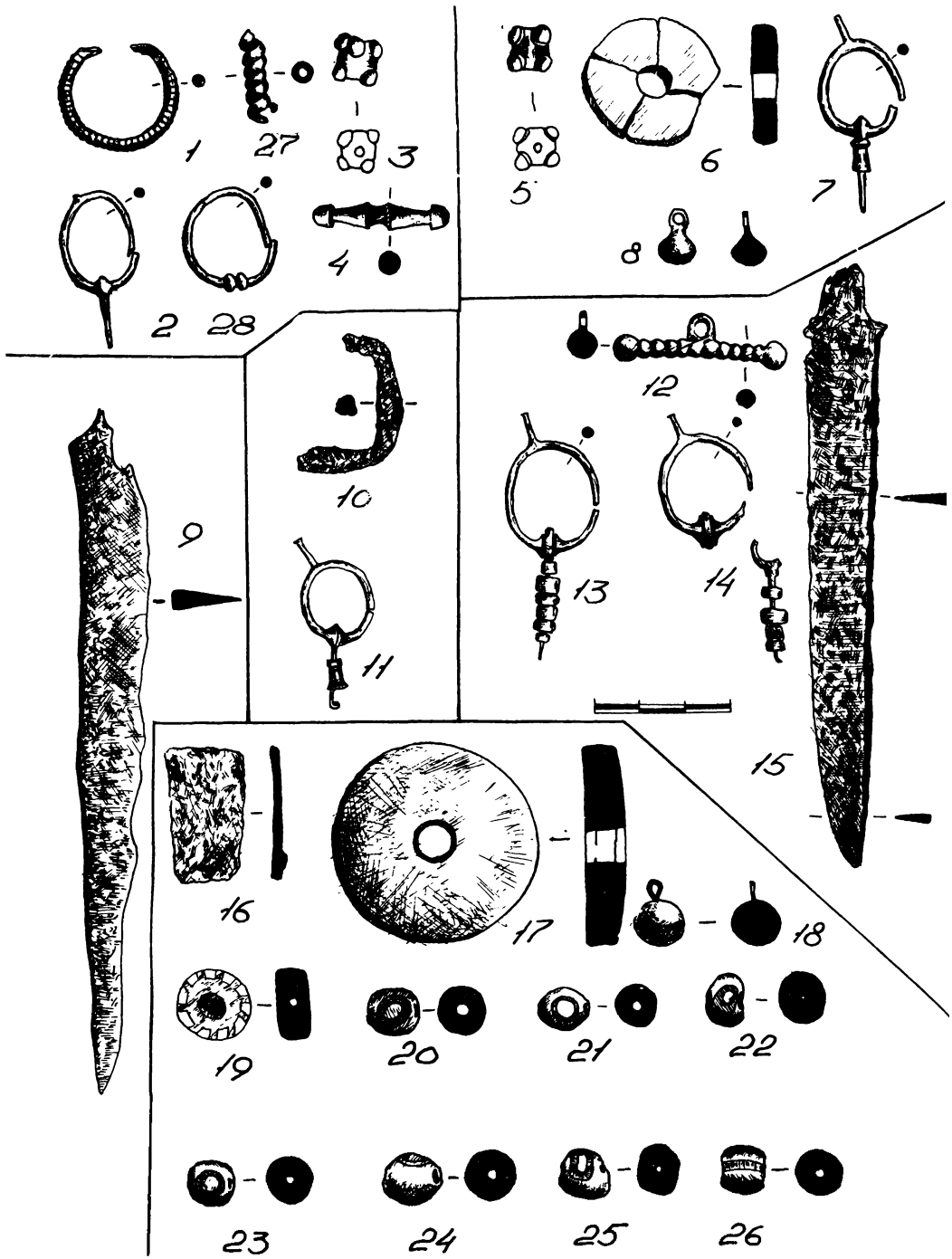


Рис. 6

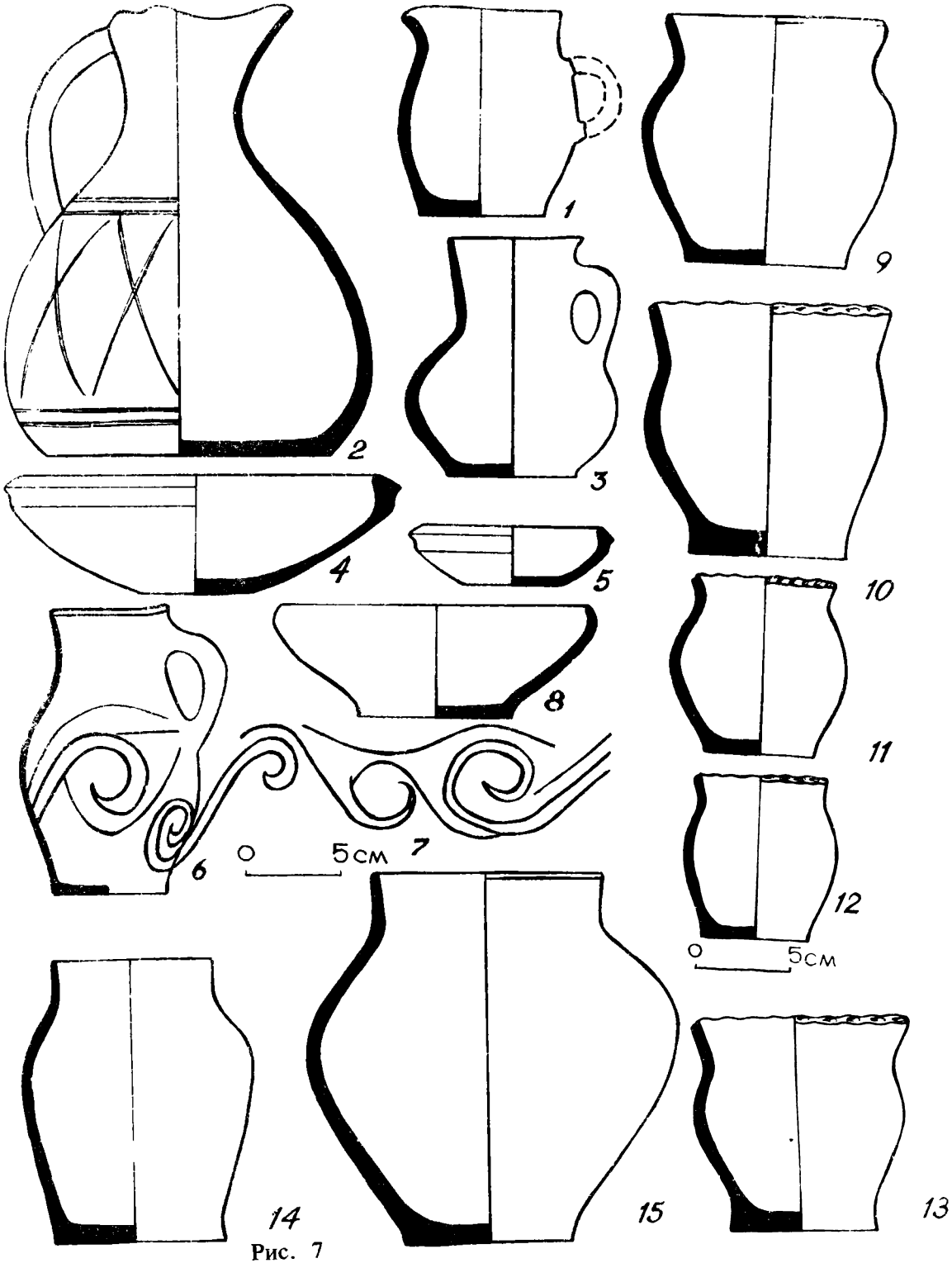


Рис. 7

С. Боталов, В. Костюков

Кыпчакские погребения XI-XII вв. в Южном Зауралье

Кочевнические комплексы X XII веков - чрезвычайная редкость для Урало-Казахстанских степей. Даже в сравнительно хорошо изученном Южном Приуралье их насчитывают единицы[1].

В последние годы в степной зоне Южного Зауралья нами исследовано несколько курганов этого времени. Все они локализованы в сходных ландшафтных ситуациях: на невысоких мысовидных возвышенностях вблизи широких пойменных ложбин с высоким уровнем подпочвенных вод и хорошим травостоем. Далее приводится описание наиболее выразительных памятников, датируемых XI XII вв., одиночного кургана у "3-го плеса", кургана 5 могильника Кайнсай и кургана 2 могильника Змеиный Дол.

Одиночный курган у "3-го плеса" в среднем течении р. Нижний Тогузак имел земляную насыпь диаметром 8,0 м и высотой 0,25 м (рис. 1, *1*). Глинистый выкид концентрировался непосредственно над полостью могилы. Яма удлиненной овальной формы (1,9 х 0,5 м), глубиной 1,3 м от уровня материка была ориентирована В-З. В южной продольной стенке имелся подбой, на ступеньке найдены кости ног и черепа лошади (рис. 1, *2, 4, 25*). На дне подбоя вытянуто на спине, головой на запад лежал скелет погребенного (рис. 1, *3*). Инвентарь состоял из двух стремян, плохо сохранившегося колчана с восемью железными наконечниками стрел (один с костяной свистунком, обломанный), ножа, костяной пряжки с железным шпеньком и четырнадцати удлиненно-прямоугольных серебряных пластинок. Последние располагались симметрично в области нижней челюсти, плечевых, локтевых, тазовых и бедренных костей (рис.1, *5, 6, 7-11, 13-15, 16, 28, 12, 17-24*). Остатки лука в погребении были представлены полуистлевшими костяными накладками, судя по их расположению срединной и концевой (рис. 1, *26, 27*).

Курган 5 могильника Кайнсай находился в нижнем течении реки Синташта. Насыпь овальной в плане конфигурации (4,0 х 3,0 м) сложена из камня. У юго-западного ее края лежала массивная стелообразная глыба (рис. 2, *1*). Глинистый выкид был сосредоточен над ямой овальной формы (2,1 х 0,95 м), ориентированной СЗ-ЮВ, глубиной в материке 0,7 м. У СВ стенки стояли два березовых столбика. В ЮЗ стенке прослеживался небольшой подбой. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на СЗ. На ее тазовых костях, справа, в той же позе покоился скелет младенца (рис. 2, *2*). Вещевой комплекс включал железные удила и стремя, 5 лазуритовых подвесок (одна на серебряном кольце), серебряное кольцо, два десятка шпеньковых накладок (вероятно, оловянных) и 3 обломка серебряных пластин (рис.2, *14, 6, 3-8, 9, 13, 10-12*).

Курган 2 могильника Змеиный Дол располагался на маловодном левом притоке р. Желкуар, в ее верхнем течении. Насыпь размерами 5,0 х 4,0 м сложе-

на из камня, ориентирована СЗ ЮВ. У южного ее края крупный плитообразный камень (рис.3, ***1***). Форма ямы подпрямоугольная (1,85 х 0,25 м), ориентировка широтная, глубина в материке 1,3 м. Подбой устроен в южной стенке, на ступеньке череп и отдельные кости ног лошади, остатки шкуры, растащенной сурками. На дне подбоя лежал потревоженный грызунами скелет человека. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З (рис. 3, ***2***). Над скелетом фиксировались фрагменты берестяного перекрытия. В заполнении и на дне могилы найдены 8 костяных колчанных накладок, стремя, 3 железных наконечника стрел и нож (рис. 3, ***4-9, 14, 10-12, 13***).

Достаточная общность погребального обряда (топография памятников, форма могильных ям, подбой, ориентировка в западный сектор, положение шкуры лошади и узды) и сходство в комплектации набора и типов вещей (удила, стремена, колчан, предметы украшения) позволяют рассматривать эти комплексы в совокупности как возможно близкие между собой. Установить хронологическую позицию данной серии позволяют некоторые предметы конской узды и типы стрел, составляющие колчаны.

Стремена арочной формы, с круглыми в сечении массивными дужками, уплощенной заостряющейся верхней частью и неширокой уплощенной подножкой с загнутыми краями характерны для кочевнических комплексов южноуральских степей XI-XIII вв. (тип I, II, III по Г.А.Федорову-Давыдову)[2]. Русские комплексы с данным видом стремян (тип VII по А.Н.Кирпичникову) датируются также XII-XIII вв.[3] Некоторые аналогии стремян среди южноуральских, Сибирских и Казахстанских памятников позволяют несколько удревнить данный конкретный тип. Близкие по форме экземпляры были найдены в 15-ом Синеглазовском кургане (IX X вв.)[4], в 4-ом и 9-ом Муракаевских курганах X-XI вв.[5], в могиле 1 Часовенной горы XI-XII вв.[6], в 18-ом и 20-ом Ждановских курганах X-XII вв.[7] Среди кыпчакских комплексов XIII XIV вв. Южного Приуралья также имеются стремена сходных форм[8], однако они, как правило, более мелких размеров, имеют тонкие ограненные дужки и более широкие подножки. Это косвенным образом также указывает на особую (более раннюю) хронологическую позицию рассматриваемой группы.

Колчанные наборы составляют несколько типов: массивные плоские наконечники с прямосрезанными краями (рис. 2, 3, 11) (группа VI, тип 4, по Ю.С.Худякову); плоские ассиметрично-ромбические (4 экз.) (рис.1, ***7-10***) (гр. VI, тип. 2, по Ю.С.Худякову). Данные типы были распространены в кочевнических комплексах X-XII вв. Тувы и Минусы[9]. Плоские рогатые наконечники (рис. 1, ***14***) также встречаются среди средневековых материалов X XII вв.[10]

Своеобразным для степных комплексов оказался плоский наконечник с остросрезанными, в виде шипов, лопастями (рис. 3, ***10***). Подобные наконечники встречаются на близлежащих территориях лишь в памятниках лесостепного и таежного Прииртышья и Приобья, начиная с VII в.[11]

Подпружная костяная пряжка с "Т"-образным вырезом и железным язычком (рис. 1, ***28***) распространена также среди наборов конской упряжи Ми-

нусы, Алтая и Западного Казахстана VIII XII веков. По мнению А.А.Гавриловой, пре-имущественное существование данных пряжек в Сибири падает на VIII X веков и связано с памятниками тюрк-ского круга[12]. Сочетание же́ кости и железа, большая округлость и утончение рамки и щитка наблюдаются в более поздних комплексах[13]. По типологии С.В.Неверова, предложенной для пряжек сросткинской культуры, подобные типы появляются не ранее IX века и существуют до XII в.[14]

Случаи обнаружения костяных подпружных пряжек в комплексах позднее XII в. нам не известны.

И последним типом датирующих вещей являются лазуритовые подвески ромбической формы с косыми нарезками и круглые подвески на серебряном кольце (рис. 2, *3-8*). Данный тип украшений является характерной чертой женских погребений XI XII вв. Южноуральских степей[15]. Большая серия находок аналогичных подвесок, датируемых X XI вв., представлена в комплексах Басандайского могильника на Средней Оби[16].

Подводя итог сказанному, хронологические рамки данной группы вещей, вероятно, можно определить XI-XII вв. Возможно некоторое удревнение до конца X в., но оснований для поднятия верхней границы к XIII веку нет. Несколько преждевременно жестко оконтуривать этнокультурную принадлежность этих трех комплексов. Особенности погребального обряда и инвентаря убеждают в том, что курганы оставлены тюркокультурным населением, пришедшим, вероятно, из районов Южной Сибири. Такая черта, как сооружение ям с подбоями и конем, по мнению Б.Б.Овчинниковой, привнесена в Туву Уйгурским племенем в VIII в.[17] Захоронение с умершим головы и ног лошади-специфическая черта поздних сросткинских памятников (тип 3 по С.В.Нестерову). Погребения, перекрытые берестой со шкурой коня, также характерны для лесостепной Барабы IX-XI вв. По мнению авторов исследований, они "оставлены тюркскими племенами, проникающими с середины VIII в. в лесостепные районы Обь-Иртышья"[18]. Эти племена ряд авторов связывают с кимако-кыпчакским эпосом[19]. Многие арабо-персидские и европейские источники (Худуд-ал-алам[20], Юань-ши, Ал Балхи, Махмуд Кахгарский, Ал Истахри, Ибн Хаукаль, Ал-Масуди[21], Константин Багрянородный[22], Матфей Эдесский[23] и др.) на этнополитической карте Южноуральских и примыкающих Казахстанских степей X-XI вв. помещают кыпчакский союз племен.

И действительно, к этому времени кыпчаки в рамках региона от Иртыша до Каспия разгромили печенежскую коалицию в Урало-Аральских степях[24], на юге в бассейне Сырдарьи одержали верх над огузами и в 1030 г. оказались у границ Хорезма[25]. Окончательно они вышли из политической зависимости от кимаков в XI в. (после падения Кимакского государства, в разгроме которого, вероятно, участвовал одна из восточных кыпчакских группировок[26]), сдвинули лесостепное сросткинское население и хакасов из Обь-Иртышского междуречья на восток[27], а на западе предпринимают первые набеги на районы Волги-Яика (город Саксин) и юго-восточную Русь (1061)[28].

Данная историческая картина убедительно показывает, что кочевники Зауралo-Казахстанских степей к XI в., бе-

зусловно, находились в ареале кыпчакской этно-политической зависимости. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлись активными кочевьями кыпчаков. На это в определенной мере указывает топографическая привязка памятников.

Вопрос конкретной этнокультурной персонификации памятников тюркокультурных кочевников Южного Зауралья с IX по XII вв. остается открытым. Думается, что процесс притока тюркоязычного населения сюда носил дискретный характер, зависел от различных факторов (природно-климатических колебаний, внешне- и внутриполитических катаклизмов) и состоял из нескольких этапов. Характеристику их возможно будет дать лишь на гораздо большем фоне археологического материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв). М.: Наука, 1988. С. 4, 5.

2 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 115.

3 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси (X - XIII) // САИ. 1973. Вып. Е 1-36. С. 48-49.

4 Боталов С.Г. Курганы у озера Синеглазово // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1986. С.110. Рис.49.

5 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII XII вв. М.: Наука, 1981. С. 140. Рис. 69, 24; С. 145. Рис. 71, 8.

6 Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1968. С. 75. Рис. 13, 2.

7 Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. Табл. Рис.49, 50.

8 Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы... С.32. Рис.8, 1-2; С.35. Рис.11, 20.

9 Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. Табл. XXXIII, 1-5; XXXI, 4.

10 Боталов С. Г. Курганы... Рис. 1, 2; Мажитов Н. А. Курганы... Рис. 60, 16; 64, 17; Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. Рис. 83, 8; Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. Табл.140, 6-8; Конников Б.А., Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из лесостепного таежного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С.98. Рис.2, 8.

11 Конников Б. А., Худяков Ю. С. Железные наконечники... С. 98. Рис. 2, 2, 5, 6; Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 43. Табл. V, 22, V, 1, 2.

12 Гаврилова А.А. Могилы древних кочевников у г. Суханихи на Енисее // СА. 1964. N 2.

13 Древняя Русь. С. 258. Рис. 82, 16; Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. С.198. Табл. 1, 302.

14 Неверов С.В. История племен сросткинской культуры VII-XII вв: Автореф. дис. к. ист. н. М., 1988. С. 12.

15 Древняя Русь. С. 261, 14; Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М.: Наука, 1973. Табл. 5, 2-3.

16 Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1962. Т. 4. С. 130-132. Табл. Рис. 55, 74, 79, 86, 87, 89.

17 Овчинникова Б.Б. Захоронения в подбоях Средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Си-

бири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ТомГУ, 1979. С. 71-72.
[18] Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 75.
[19] Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 135-136; Могильников В.А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТомГУ, 1981. С.45-46.
[20] Худуд-ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указанием В.Бартольда. Л.: Наука, 1930. С. 24. Л. 18б.
[21] Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX - XI вв. по арабским источниками. Алма-Ата: Наука, 1972. С.55-59.
[22] Багрянородный Константин. Об управлении государством // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 91. С. 15.
[23] Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад: Изд-во "Ылым", 1969. С.158.
[24] Кузеев Р.Г. Урало-Аральская этническая связь в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 21.
[25] Агаджанов С.Г. Очерки... С.154-155; Кумеков Б.Е. Государство... С. 43.
[26] История Казахской ССР. Алма-Ата: Наука, 1979. Т. II. С. 52.
[27] Неверов С. В. История племен... С. 18.
[28] История Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1981. Т. 1. С. 359.

Список иллюстраций к статье С. Боталова, В. Костюкова "Кыпчакские погребения XI XII вв. в Южном Зауралье".

Рис. 1 Курган "у 3-го плеса":
1 общий план; 2 план могильной ямы на уровне ступеньки подбоя; 3 план погребения (1 - серебряные пластинки; 2, 4 наконечники стрел; 3 стремена; 5 нож; 6 пряжка; 7 шпенек); 4 профиль могильной ямы; 5-16, 25 железо; 17-24 серебро; 26 кость, железо
Условные обозначения:
I заполнение насыпи, II погребенная почва, III глина, IV древесный тлен, дерево

Рис. 2 Курган 5 могильника Кайнсай:
1 общий план и профиль кургана; 2 план погребения (1-6 - подвески, 7 серебряные пластинки; 8 стремя, 9 накладки, 10 удила); 3-5, 7 - лазурит; 6, 14 железо; 8 лазурит, серебро; 9-12 серебро; 13 олово

Рис. 3 Курган 2 могильника Змеиный Дол:
1 общий план и профиль кургана; 2 план погребения и разрез могильной ямы (1-2 костяные накладки, 3, 4, 7 наконечники стрел, 5 стремя, 6 нож); 3-9 кость; 10-14 железо
Условные обозначения:
I перемешанный грунт, II береста

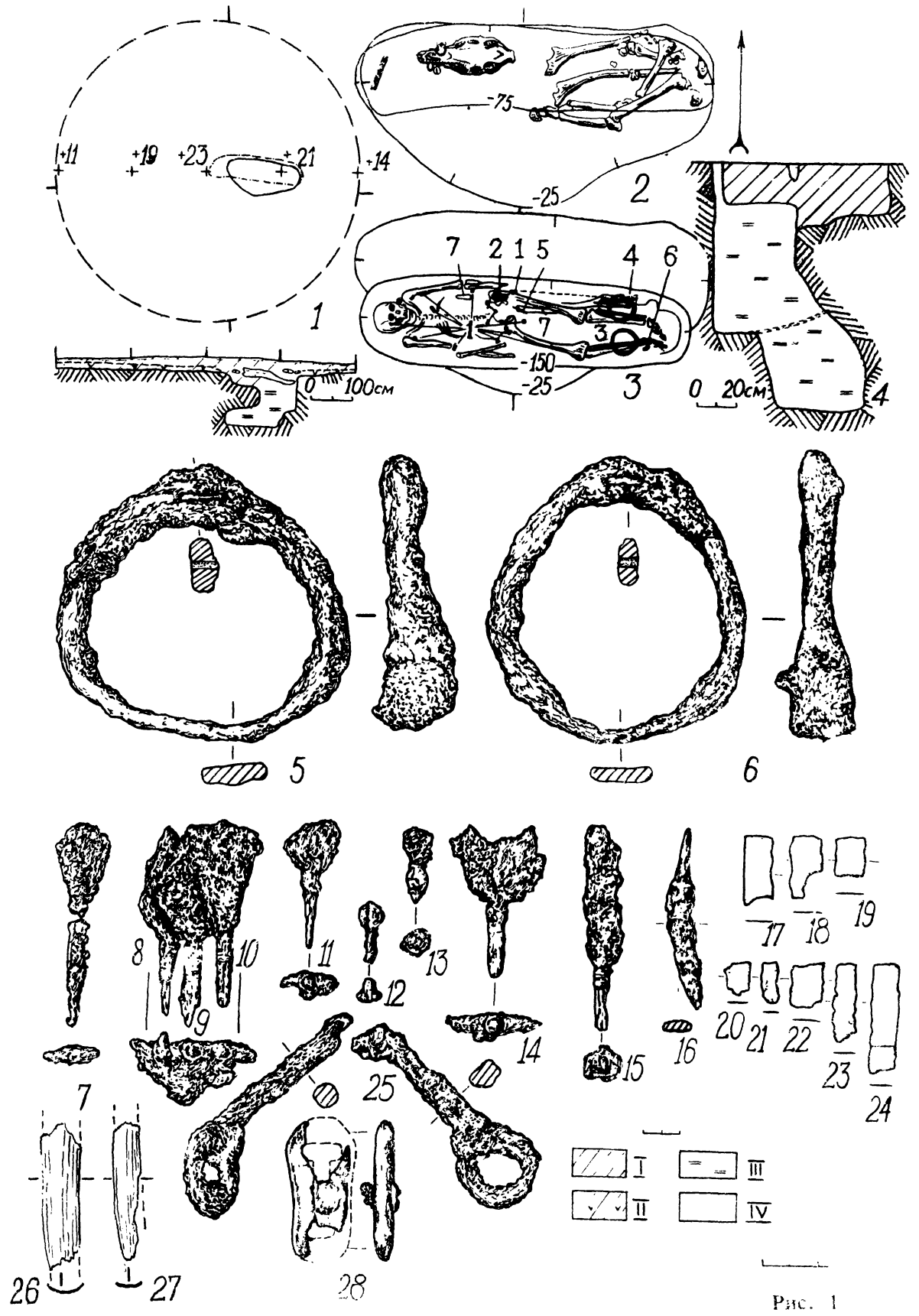

+11
+19
+23
+21
+14
1
-75
-25
2
7 2 1 5 4 6
1 7 3
-150
-25
3
0 100см
0 20см
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
I
II
III
IV

Рис. 1

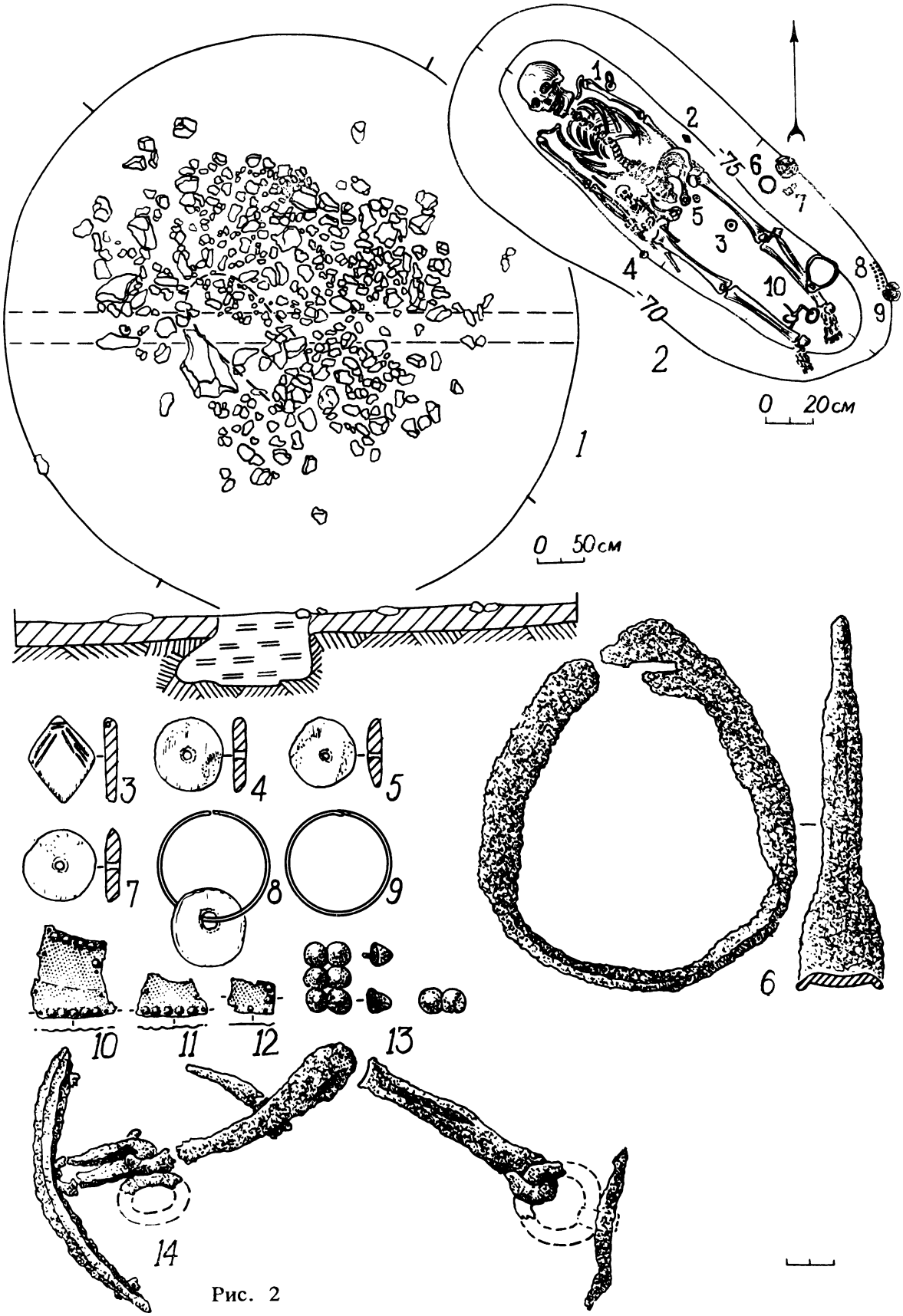


Рис. 2

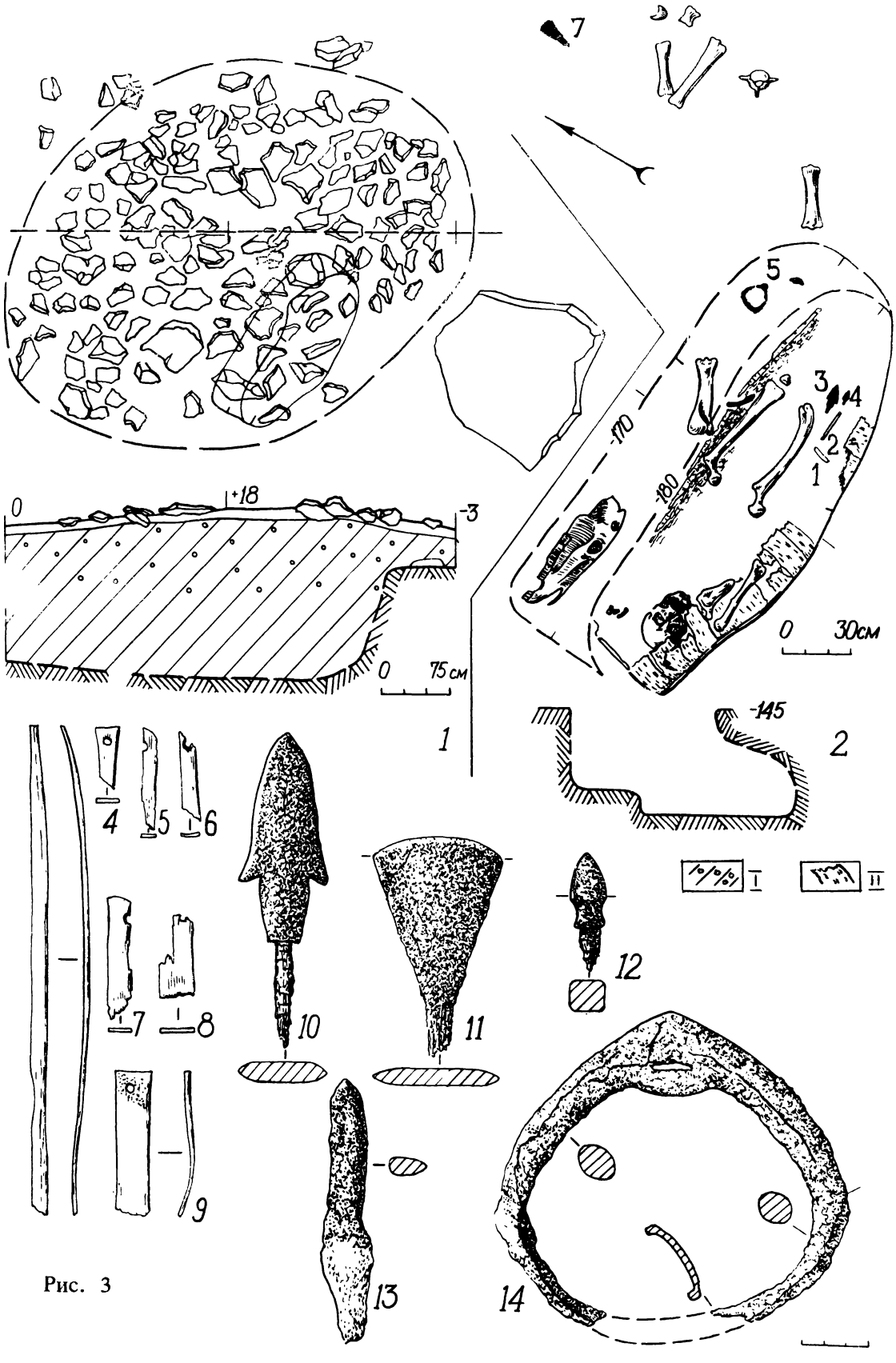

7
5
3
4
2
1
-170
-180
0
+18
-3
0 75 см
0 30см
1
-145
2
I
II
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

Рис. 3

Г. Вагнер

Русь и кочевники в батальных миниатюрах Радзивиловской летописи

В XI веке произошло вторжение кипчаков (половцев) в Волго-Днепровское междуречье, где они потеснили печенегов. Для Киевской Руси началась драматическая, почти двухвековая полоса борьбы с кочевниками. Как пишет знаток половцев С.А.Плетнева, в XI веке война с "самыми опасными врагами Руси" ханами Боняком, Тугорканом и Урусобой не прекращалась "ни на один год"[1]. В XII веке, после сокрушительного разгрома половцев Владимиром Мономахом, военные столкновения с ними стали реже, но отношения усложнились тем, что некоторые русские князья (главным образом Ольговичи) стали прибегать к половецкой помощи в своих "которах" друг с другом. Все это сделало военную тематику чуть ли не главным содержанием русских летописей, она отразилась в эпосе[2] и захватила даже мысли церковных писателей. Кирилл Туровский, например, "дал собственный, более удачный, чем болгарский, перевод того отрывка, в котором Амартол формулировал свое представление об историках и поэтах: "Историки и ветиа рекше летописци и песнетворци, прикланають свои слухы в бывшая межи цесари рати и ополчения, да украсят словесы слышащая и возвеличать крепко мужьствовавшая по своем цесари и не давших в брани плещи врагом, и тех славяще похвалами венчають"[3]. От писателей и поэтов, таким образом, ждали прославления героев.

Слово в древней Руси было тесно связано с изображением. Не только историки и витии, но и художники в меру своих сил принимали участие в возвеличении баталий. Радзивиловская летопись содержит множество миниатюр батального жанра.

Считается, что Радзивиловский список летописи XV века вобрал в себя Владимирский лицевой свод начала XIII века, который в свою очередь восходил к еще более древним (X XII вв.) иллюстрированным рукописям[4]. Миниатюры Радзивиловской летописи изучались неоднократно. В настоящей статье обращено внимание лишь на то, как изменялась интерпретация миниатюристами баталий между русскими и их соседями, как до так и после появления половцев. Конечно, при этом важно учитывать возможные отклонения в копировании художниками XI - XII веков миниатюр X века, а художниками XV века - всех предшествующих. Частично такая работа произведена Б.А.Рыбаковым[5] и это облегчает нашу задачу.

Первый приход печенегов на Русскую землю в 915 году, когда "заключив мир с Игорем", они пошли к Дунаю, отображен в миниатюре на лист 20 об.[6] довольно мирно: печенеги без бо стоят перед Киевом с поднятым мечом Схватка князя Святослава с печенегами у днепровских порогов не показана

может быть, потому, что слишком трагичен был исход: Святослав был убит.

В изображении баталий Владимира применен символический прием: показано единоборство Кожемяки с печенежским богатырем Кожемяка, поставив ногу на поверженного, явно торжествует. Пожалуй, это первая встречающаяся в миниатюрах Радзивиловской летописи авторская оценка изображенного. Во всех ранних миниатюрах, иллюстрирующих, например, болгарские войны Святослава, между стоящими друг против друга войсками не делается никакого различия, они во всех отношениях (кроме вооружения) равны. По-видимому, здесь проявлялось не только схематическое композиционное мышление, но и своего рода "этический героизм", не допускавший (по античной традиции) унижения врага. Не исключено, что и в сознании миниатюристов отразилось то недовольство Святослава войной, которое выражено в летописи[7]. В известной степени такой "художественный нейтрализм" был присущ и иллюстраторам XI века.

В 1036 году печенеги подступили к Киеву. На "поле вне града" "бысь сеча зла, и одоле к вечеру Ярослав". На миниатюре (л. 86 об.) одна из противостоящих групп (печенеги), уже повернувшая в сторону, изображена бегущей, ее преследует гораздо меньшее число русских воинов. По сравнению с миниатюрой о единоборстве Кожемяки это дальнейший шаг в оценке превосходства русских. На этом художественном этапе искусство киевских миниатюристов задержится надолго. И дело не втом, что продолжал сохранять свою силу отработанный прием передачи "целого по части" (башня означает город, пирамидка из пяти-семи конных воинов многотысячное войско и т. п.), а в отмеченном "нейтралитете" воинского мышления. Победа над врагом не вела к выработке каких-то особых, уничижительных приемов его изображения, кроме показа бегства. Примерно в таком же духе изображено бегство в 1060 году торков от дружин Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей (л. 94).

Положение несколько меняется с выступлением на историческую арену половцев. Первый приход их на Русь в 1061 году не изображен, возможно, по той причине, по которой не изображена гибель Святослава на днепровских порогах: русские потерпели сокрушительное поражение. Однако второе поражение в битве 1068 года, вероятно, уже не могло быть не изображено. На миниатюре русские, подобно торкам, бегут на конях от половцев (л. 97 об.), но художник все же не решился показать под конями убегающих тела убитых. В этой компромисности не отразилось ли то обстоятельство, что побежденными оказались братья Ярославичи Изяслав, Святослав и Всеволод, к которым предполагаемый Б.А.Рыбаковым автор летописи XI века Никон питал противоречивые чувства[8]. Изображение перед бегущими русскими какой-то черной пропасти могло быть намеком на церковное нравоучение, пространно изложенное в летописи: "По божьему повелению принимаем наказание за грехи наши". Битвы с половцами 1071 и 1078 годов изображены по той же схеме: сначала половцы бегут от русских, потом русские от половцев (л. 115 об.), но бегство русских изображено героически: они обороняются, выставив гораздо большее количество копий. Не исключено,

что и в этой двусмысленности проявилось лицо автора летописи, который не любил Изяслава, сыгравшего в драматических событиях 1068 года решающую роль. К пострадавшему же в 1078 году противнику Изяслава князю Всеволоду Никон должен был быть лоялен.

Более свободное и развернутое выражение художниками своего (и заказчика) оценочного отношения к кочевникам замечается в тех миниатюрах Радзивиловской летописи, которые, по мнению Б.А.Рыбакова, восходят к иллюстрациям Повести временных лет. Создание Повести Нестором падает на княжение Святополка, после смерти которого Повесть подверглась переделке, связанной с вокняжением Владимира Мономаха. Б.А.Рыбаков считает, что от иллюстраций времен Святополка в новую редакцию Повести могли перейти только достаточно нейтральные миниатюры, вроде изображения курганного погребения половецкого хана Тугоркана[9]. И все же среди "антикочевнических" миниатюр Мономаховой редакции даже эта миниатюра выглядит одиозной.

Столкновения с половцами, на миниатюрах мономаховой линии Повести временных лет выглядят более картинными.

В 1093 году при вступлении на Киевский стол Святополка произошло два страшных сражения на Стугне и у Торческа, в которых русские потерпели катастрофическое поражение из-за несогласованности действий между Святополком и другими князьями. "И был плач велик в земле нашей, и опустели села наши и города наши, и были в бегах мы перед врагами нашими". Для редактора Владимира Мономаха было естественным описать эту неудачу Святополка со всей яркостью, чем и воспользовался миниатюрист. Впервые мы видим в миниатюре, как половцы гонят русских мужчин, женщин и детей в плен, волокут их по земле под взмахами мечей (л. 127 об.). Здесь уже выражена определенная антиполовецкая эмоция. Настроение "победы великой" ярко выражено в изображениях битвы с половцами самого Владимира Мономаха (1103 г.), когда было убито двадцать половецких князей, в том числе и страшный Урусоба, а хан Бельдюзь взят в плен и казнен (л. 150 об., 151). В картине поражения половцев показана свалка коней и людей, под ногами коней валяются отрубленные руки половцев, некоторые из всадников падают с коней. Пожалуй, апофеоз побед Владимира Мономаха над половцами можно видеть на миниатюре, изображающей победу 1107 года над ханами Боняком и Шаруканом, когда половцы "ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие". Эта картина панического бегства с пешими воинами впереди, с оставлением на земле порубленных воинов точно передана на миниатюре (л. 153).

Изображения последующих стычек русских с половцами, относящиеся к Мстиславовой редакции Повести временных лет, мало что дают нового в смысле усложнения композиций и выражения авторских оценок событий. Возможно, это было одной из причин того, что к миниатюрам, изображающим эти сражения, были сделаны прорисовки, символический характер которых как бы "усиливал" либо героизм русских (изображение медведя при походе на ятвягов, л. 155 об.), либо коварство кочевников (змея как символ степного наро-

да, л. 155 об.; обезьяна как символ легкомыслия, л. 158[10] и др.). Некоторые из батальных миниатюр отличаются определенностью авторской оценки. За границами Повести временных лет снова появляются чрезвычайно динамичные композиции, например, победа киевского князя Святослава Всеволодича над Кобяком в 1184 году (л. 231 об., 232). Падающие половецкие всадники становятся непременным мотивом изображения победы русских.

Следует оговориться, что вне рассмотрения осталось довольно большое количество батальных миниатюр, в которых половцы играют только "подсобную" роль и оценка их действий совершенно не ясна.

Несколько интересных миниатюр посвящены печальному походу князя Святославича на половцев в 1185 году. Б.А.Рыбаков допускает, что они могли появиться не в XII веке, а в XIII или даже позже[11]. Любопытно отметить, что фигура спешившегося воина с мечом и щитом в левой части миниатюры, посвященной пленению князя Игоря, (л. 233 об.) в точности повторяет фигуру в сцене схватки князя Ярополка (брата Юрия Долгорукого) с владимирцами, произошедшей в ...1136 году (л. 167 об.). Случайного совпадения здесь быть не может, значит миниатюрист игорева цикла пользовался более древними образцами. Но дело не в этом. Рисунки этого цикла кроме отмеченной Б.А.Рыбаковым динамичности, наделены тем чувством "упоения в бою" (А.С.Пушкин), которое не было свойственно предшествующим миниатюрам. И хотя миниатюристу пришлось изображать поражение русского войска, он сделал это с чувством восхищения перед героизмом побежденных, что, в сущности, характеризует и само "Слово о полку Игореве". И еще одно. Если в X и даже в XI веке было "невозможно" изобразить поле боя со сплошь поверженными русскими воинами, то теперь это стало возможным (л. 233). Правда, один из воинов продолжает стоять и не только держит стяг, но и стреляет из громадного лука! Из этого можно заключить, что к XIII веку для выражения морального превосходства над кочевниками не надо было изображать их бегство, достаточно было патриотического подтекста.

Краткого рассмотрения сцен сражений русских с кочевниками, конечно недостаточно для каких-то серьезных выводов. Но все же можно сказать, что переход от "нейтральных" композиций X века к более или менее определенным оценочным позициям в миниатюрах второй половины XI и особенно XII веков произошел не без влияния патриотического чувства, которое сопровождало оборонительные, то есть справедливые, войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плетнева С.А. Донские половцы // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985. С. 257.
Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 355-356.

[3] История русской литературы. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 360.

[4] См. подробно: Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 49-101; Рыбаков Б. А. Миниатюры

Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X XII вв. М., 1984.
Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивиловской летописи... С. 188-240.

[6] Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. Л. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб. 1902. Л. 21. В дальнейшем ссылки на листы с миниатюрами будут даваться в тексте в скобках.

[7] ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 28.

[8] Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивиловской летописи... С. 205.

[9] Там же. С. 211.

[10] Подобедова О.И. Указ. соч. С.74-78; Рыбаков Б. А. Миниатюры... С. 214-215.

[11] Рыбаков Б. А. Миниатюры... С. 234.

Список иллюстраций к статье Г. Вагнера "Русь и кочевники в батальных миниатюрах Радзивиловской летописи"

Рис. 1 Победа Святослава над византийцами под Адрианополем в 970 г. Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 38

Рис. 2 Победа над половцами на р.Сюурлий в 1185 г. Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 232 об.

Рис. 3 Пленение Игоря в битве 1185 г. Миниатюра Радзивиловской летописи, 233 об.

Рис. 1

Рис. 2

наизбита · ада воуи изы мапа · и тай свема · возра
тиша с победою великою половци а на нашиле бы
ниство не въстипримеса : ~
а наше согрешение · гда бо бо ашема радость · ни

Рис. 3 .

И.Васильева

II Усинский грунтовый могильник XIII XIV вв. на Самарской Луке

Материал раскопок II Усинского грунтового могильника представляет значительный интерес для изучения этнической истории Среднего Поволжья в средневековый период.

В домонгольское время Самарская Лука входила в состав Волжской Болгарии и являлась ее южной окраиной. Археологические исследования, проводимые экспедицией В.В.Гольмстен, а впоследствии Средневолжской археологической экспедицией, выявили здесь большое количество домонгольских болгарских городищ и поселений[1]. Завоевание Волжской Болгарии татаро-монгольскими ханами и включение ее в состав Золотой Орды в определенной мере изменили этнокультурный состав населения Самарской Луки. В настоящее время известны археологические памятники XIII-XIV вв., оставленные двумя новыми для Самарской Луки этническими группами: мордвой и русскими. Мордовский грунтовый Муранский могильник был открыт и исследован в конце XIX века В. Н. Поливановым[2]. Им было вскрыто более 400 погребений. Изучение памятника и расположенного рядом поселения было продолжено в 50-е годы А.Е.Алиховой[3]. В начале XX в. и в 30-е годы проводились раскопки мордовского грунтового могильника на Барбашиной поляне (г. Куйбышев), расположенного напротив Самарской Луки, на левом берегу Волги[4]. К сожалению, материалы раскопок этого памятника не опубликованы. Остатки материальной культуры русского населения, проживавшего на Самарской Луке в золотоордынский период, были найдены Куйбышевской археологической экспедицией на поселениях возле сел Березовка, Комаровка, Печерские Выселки[5]. Большое количество керамики и других предметов болгарского типа в культурных слоях данных памятников, а также наличие мусульманских кладбищ рядом с Березовским и Муранским поселениями свидетельствуют о проживании в этом районе болгарского населения, оставшегося здесь после татаро-монгольского нашествия.

Таким образом, Самарская Лука и близлежащие районы левобережья Волги в золотоордынское время были заселены различными этнокультурными группами населения. Они сохраняли некоторые особенности своей материальной культуры и религиозных представлений, свидетельством чего служат находки предметов христианского культа на Березовском поселении, языческий погребальный обряд мордовских могильников, керамика и вещи, характерные для русских и мордвы в слоях раскопанных поселений на р. Усе. Вместе с тем совместное проживание в рамках единых культурно-хозяйственных комплексов - поселков, приводило к смешению этих групп населения. Необходимо дальней-

шее изучение этих процессов, для чего очень важно открытие и исследование новых памятников.

II Усинский могильник был открыт летом 1987 года. А.В.Богачевым был заложен небольшой раскоп на краю надпойменной террасы правого берега протоки Воложки, в котором было обнаружено два погребения (NN 19 и 20 по общей нумерации)[6]. Могильник расположен на Самарской Луке, напротив г. Куйбышева, на северной окраине пос.Учхоз (Усинский), относящегося к совхозу "Рождественский" Волжского района Куйбышевской области. Площадь могильника была, по-видимому, значительна: он протянулся вдоль обрыва высокой надпойменной террасы Воложки до поселка. По рассказам местных жителей, при строительстве погребов, прокладке траншей на территории поселка находили кости человеческих скелетов. Поверхность расположенной к северу от поселка части могильника занята совхозным садом, пасекой, проселочными дорогами.

Раскоп площадью 512 кв. м был заложен на краю террасы (рис. 1). Стратиграфия была следующей: 1) дерн мощностью 2-3 см; 2) слой светло-серой, очень плотной супеси мелкозернистой структуры, мощностью 8-25 см; в этом слое встречались измельченные фрагменты керамики и костей животных, связанные, по-видимому, с поминальным культом (рис. 1, ***25-44***); 3) слой темно-серой рыхлой супеси крупнозернистой структуры, мощностью 30-40 см; нижняя граница слоя нечеткая, он языками входил в нижний предматериковый слой. В этом слое также имелось некоторое количество находок аналогичных находкам из верхнего слоя; 4) предматериковый слой бурый плотный суглинок мощностью 8-35 см, без находок; 5) материк глинистый пестроцвет и местами, в основном в южной части раскопа, песок.

Раскоп 1988 года выявил 18 погребений, содержащих 19 костяков (в погребении N 7 было захоронено два человека). Таким образом, в настоящее время известно 20 погребений II Усинского могильника. На исследованной площади могильника погребения расположены неравномерно. Основная их часть сконцентрирована в прибрежной части, в полосе шириной 8-16 м, параллельной обрыву террасы. Расположение могил бессистемно. Определенной зависимости в планировке мужских и женских погребений нет, можно отметить только сгруппированность мусульманских погребений в середине раскопа. Могилы не сохранили никаких внешних признаков, но поскольку взаимных нарушений могил не было, можно предполагать наличие в древности отметок в виде земляных холмиков.

По особенностям погребального обряда захоронения могильника разделяются на две группы: I - безинвентарные, совершенные по мусульманскому обряду; II - совершенные по языческому обряду, содержащие погребальный инвентарь (табл. 1).

К I группе без сомнения можно отнести 4 погребения NN 2, 10, 12, 17 (рис. 2, ***1, 9-11***). Для них характерны детали, являющиеся надежным показателем принадлежности к мусульманским захоронениям: ориентация в соответствии с кыблой и положение тела погребенного с небольшим поворотом на правый бок и отсутствие вещей[7]. Погребения находятся на небольшой глубине от

современной поверхности (30-60 см), в третьем или предматериковом слоях. Могильные ямы соответствовали росту умершего, без дополнительных площадей для погребального инвентаря. Форма ям простая подпрямоугольная с закругленными углами, лишь погребение N 17 было совершено в подтрапециевидной яме с расширением для верхней части тела. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, с небольшим поворотом на правый бок, лицом на ЮЮЗ о чем свидетельствуют искривление позвоночника, положение бедренных костей и черепа. Трое погребенных были ориентированы в соответствии с "истинной" кыблой на ЗСЗ, один на запад. Положение рук было различным: в погр. 2, 17 они были вытянуты вдоль туловища; в погр. 10 полусогнуты и кисти расположены в области таза; в погр. 12 правая рука была вытянута, а левая согнута и кисть положена на правую руку.

С определенной долей осторожности к I группе можно отнести погребения NN 4, 6, 7, 8, 9 (рис. 2, ***4-8***). В погребении N 4 кроме раздавленного детского черепа, ориентированного на запад, ничего не сохранилось. Погребение N 6 всеми деталями соответствует мусульманскому обряду, однако на черепе лежала бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 1, *3*). В погребении N 7 положение погребенного, лежавшего сверху, и отсутствие вещей признаки мусульманского ритуала, но в ногах его, в неглубокой округлой яме, вырытой в дне общей могилы, была захоронена женщина в сильно скорченном положении, головой на ВСВ, с некоторыми украшениями. Кости верхнего погребенного лежали на черепе нижнего. Тщательное изучение условий залегания скелетов и устройства могильной ямы показало единовременность захоронения обоих умерших. Погребение N 8 было совершено, по-видимому, в спешке, без соблюдения некоторых деталей погребального ритуала: умершего положили в округлую яму (N 19), головой и ногами на ее края, а средняя часть туловища провалилась в яму. Погребенный ориентирован головой на СЗ, повернут на левый бок, лицом на восток. Вещи отсутствовали, только возле левой ноги имелась кучка древесных угольков. В погребении N 9 голова умершего также повернута налево, лицом на СВ, руки согнуты и положены на грудь.

Таким образом, все погребения совершены в общих чертах по мусульманскому обряду, однако наблюдаются и некоторые его нарушения. Подобные отступления от ортодоксальных норм (украшения в женских погребениях, поворот лица на север, различия в положении рук) реликты язычества встречались в раннемусульманских могильниках Волжской Болгарии в X XI вв., в период становления там нового для населения мусульманского обряда[8]. Определенное сходство мусульманских погребений II Усинского могильника прослеживается с Такталачукским, I Азметьевским и Кушулевским могильниками золотоордынского времени, расположенным на востоке Татарии и принадлежащими угорскому населению[9]. Исследователь этих памятников Е.П.Казаков отметил, что сходство раннемусульманских могильников вне зависимости от их датировки и местонахождения объясняется тем, что в них отражаются общие закономерности процесса утверждения мусульманского обряда, его борьбы с ре-

ликтами язычества. Представляется, что нарушения мусульманского обряда во II Усинском могильнике являются результатом именно такого процесса. Данные о распространении ислама у мордвы в XIII XIV вв. получены при раскопках Старосотенского и Аткарского могильников, где наряду с мусульманскими найдены захоронения смешанного характера с западной ориентировкой, но иногда с вещами или скорченным положением погребенного[10].

II группа включает погребения NN 1, 3, 5, 11, 13, 14-16, 18-20. По деталям погребального обряда и составу вещевого инвентаря их можно разделить на три подгруппы: II а, подгруппа самая многочисленная объединяет погребения с южной и юго-западной ориентировкой. К IIб подгруппе отнесены погребения N 3 и N 7б с северо-восточной ориентировкой. Подгруппа IIв включает погребения с западной ориентировкой (NN 5, 14, 15).

Подгруппа IIа, объединяющая погребения с южной и юго-западной ориентировкой, неоднородна по другим деталям погребального обряда. Мужчины были похоронены на спине, в вытянутом положении, а женщины в скорченном, на правом или левом боку, кисти рук перед лицом. Могильные ямы овальной или прямоугольной формы, с закругленными углами, значительно больше и глубже мусульманских. В засыпи могил встречались угольки, мелкие обломки керамики и костей животных. В погребениях NN 16 и 19 имелись остатки деревянных конструкций. Возле погребения N 16 обнаружено скопление костей животных, по-видимому, остатки жертвенной пищи. Все детали погребального обряда IIа подгруппы находят аналогии в мокшанских могильниках XII-XIV вв.[11]

Исследователи этих памятников отмечают однородность и устойчивость погребального ритуала мокши. Появление погребений с другой ориентировкой умерших объясняют проникновением в местную среду иноплеменников. В частности, северная ориентировка характерна для эрзи, погребальный обряд которой был близок мокшанскому[12]. Можно предположить, что погребения N 3 и N 7б, выделенные в подгруппу IIб, имеют именно такой характер. В пользу этого предположения свидетельствуют наличие наконечников стрел в погребении N 3, что не характерно для мокши, но часто встречается в эрзянских могильниках[13], и специфика положения женского скелета в погребении N 7: в соответствии с общим мордовским обрядом скорченно, на правом боку, но головой на В-С-В. Бедность сопровождавшего погребального инвентаря по сравнению с захоронениями мокшанских женщин (погребения N 11 и N 18) и, вероятнее всего, насильственное умерщвление женщины показывают чуждость и какое-то особое ее положение в мокшанской группе населения, оставившей данный могильник. Отклонение от северной ориентировки погребенных к востоку является скорее всего результатом представлений населения о сторонах света в данном месте и отсутствия точных приборов их определения. Почти все мокшанские погребения II Усинского могильника имеют значительное отклонение от юга к западу: соответственно, погребения с северной ориентировкой показывают отклонение к востоку.

Особый интерес вызывают погребения с западной ориентировкой, выде-

ленные в подгруппу IIв. Погребение ребенка (N 5) имеет смешанный характер: умершего положили в скорченном положении на правый бок, с вещами, головой на запад. Погребения N 14 и N 15 находятся рядом, в южной части раскопа. Простые неглубокие могильные ямы имели прямоугольную форму с закругленными углами. Погребенные лежали на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на запад с небольшим отклонением к северу. В погребении N 14 имелся в изголовье железный нож, в погребении N 15 нож и бронзовое зеркало с орнаментом. Рядом с погребением N 15 в неглубокой отдельной яме лежал скелет коня на правом боку, с подогнутыми конечностями, головой на ВЮВ. Ряд деталей погребального обряда (неглубокие могильные ямы, западная ориентировка погребенных, захоронение рядом коня, состав вещевого инвентаря) выделяет эти захоронения из основной массы. На территории расселения мордовских племен в XIII-XIV вв. известны могильники, где имелось небольшое количество погребений с западной (Выползово II) или с северо-западной ориентировкой (Гагинский могильник и Красное I)[14]. Однако, западная ориентировка сочеталась с деталями типичного мордовского обряда (скорченность) и характерным составом погребального инвентаря (большое количество сюльгам, пулокери и т. д.). Захоронения коней на мордовских могильниках встречаются крайне редко. Они известны в Сарлейском, Коринском могильниках, которые характеризуются специфичным погребальным обрядом (курганные насыпи на территории грунтовых могильников, восточная ориентировка умерших и т. д.), что позволило А.Е.Алиховой связать данные погребения с южными кочевниками, проникавшими в мордовскую среду[15]. Ритуальные захоронения коней найдены в могильниках Красное I и Кельгинском, но они отличаются от усинского: в отдельных могильных прямоугольных ямах находились черепа, передние и задние конечности, т. е. не целый конь, а его части[16]. На соседнем с II Усинским Мурапском могильнике известно захоронение целого коня (раскопки 1892 г.). Он был положен над могилой хозяина и со временем провалился в нее[17]. А.Е.Алихова отнесла это погребение к "социальной верхушке местного общества", но этническую его принадлежность из-за недостатка сведений определить не удалось. Погребение коней рядом с умершими было чуждо мордовскому погребальному обряду. Появление такой традиции в мордовских могильниках рассматривается исследователями как результат проникновения не-мордовского населения. Этот обряд имел широкое распространение в среде кочевников южнорусских степей, скорее всего, половцев, (тип Б-XXIII по Г.А.Федорову-Давыдову[18]). В золотоордынский период имело место насильственное перемещение половцев в Поволжье[19]. Погребение кочевника с целым конем известно в Ставропольском районе Куйбышевской области у совхоза им. Луначарского, расположенного на левом берегу Волги напротив Самарской Луки[20]. На левом притоке Волги р.Самаре, впадающей в нее напротив Самарской Луки, обнаружена группа золотоордынских дюнных могильников оседающих на землю кочевников, где наряду с раннемусульманскими имелись языческие погребения с различной, в том числе и западной, ориентировкой и

рактерным кочевническим составом огребального инвентаря, включающим ож и зеркало[21]. Приведенные данные зволяют предполагать кочевническую инадлежность погребений N 14 и 15. Перемещение различных этнических групп населения в рамках единого сударственного образования Золотой рды вполне допустимо. Понятно и елание оседающих на землю кочевников жить рядом с центрами ремесла и орговли, какими были поселения, связанные с Великим Волжским торговым утем. Данное предположение выдвигается в качестве рабочей гипотезы на основе культурно-археологического исследования и нуждается в результатах антропологического изучения материала II 'синского могильника.

Особенностью могильника следует читать большое количество ям ритуального назначения (рис. I, *2-24*). Ямы мели овальную или округлую в плане орму и различные размеры (от 60 см о 200 см и более) и глубину (от 25 см о 100 см и более), были заполнены рунтом, перемешанным с золой, сажей, линой, угольками. В некоторых из них а дне имелись целые прослойки сажи углей. В заполнении ям встречались емногочисленные фрагменты керами-и, костей животных и рыб, кальцинированные кости. В яме N 11 было найдено глиняное биконическое пряслице, яме N 18 развал сосуда; в ямах 12 и N 17 скелеты мелких животных (в одном случае собаки). Стратиграфические наблюдения показали, что ольшинство ям вырыто с того же уровня, что и мордовские погребения. Некоторые ямы существовали до совершения погребений. Так, погребения N 11 N 18 прорезали круглые ямы. Интересно, что эти очень близкие по обряду и вещевому комплексу погребения прорезали ямы южной своей частью, где находились верхняя часть туловища погребенного и сосуд. Создается впечатление преднамеренного нарушения ям. Яма N 19 также функционировала до совершения погребения N 8, так как погребенный был положен в уже частично заполненную грунтом яму. В целом связь ям с могильником очевидна. По-видимому, они имели ритуальное значение и были связаны с поминальным культом. Кострища в виде обожженных глиняных площадок или ям, заполненных углями, золой, керамикой и костями животных, известны на Старобадиковском могильнике VII IX вв. В Мордовской АССР[22]. Ритуальные ямы, заполненные углями, кальцинированными костями, иногда сосудами, найдены в могильнике Красное I XII-XIII вв.[23] Однако для большинства мордовских могильников подобные ритуальные сооружения не характерны.

Инвентарь женских погребений. Накосники типично мокшанское украшение. В материалах могильника имеются два трубчатых накосника пулокеря, относящихся к разным типам. Пулокерь из погребения N 11: палочка длиной 35-37 см и диаметром 1-1,3 см была вставлена в косу, обмотана шнуром из шерстяных волокон (сверху 10 витков шнура, остаток шнура вместе с волосами спускался вниз) и заключена в лубяной футляр, состоящий из двух полукруглых в разрезе половинок. Половинки плотно пригнаны друг к другу и обвиты по спирали медной плоской лентой. Пулокерь из погребения N 18 сделан несколько иначе: вставленная в косу палочка длиной 33 см и диаметром

1 см обмотана по спирали кожаным ремешком шириной 1-1,2 см, поверх этого приложена полукруглая в разрезе половинка футляра и обмотана кожаным ремешком, в свою очередь предварительно обвитым тонкой бронзовой, круглой в разрезе, проволочкой. В обоих случаях пулокери лежали на продолговатых кусках коры, покрытых шерстяной плотной и тонкой тканью черного цвета. Возможно, что это остатки спинных привесок типа пуло, известных по этнографическим материалам[24]. Первый тип пулокеря является более древним по сравнению со вторым, который, по мнению А.Е.Алиховой, появляется лишь в XIV в.[25]

Сюльгамы бронзовые и серебряные застежки с широкими треугольными лопастями, иногда орнаментированные нарезным орнаментом, обнаружены во всех погребениях женщин и девочек (рис. 4, ***5-12, 17***; 5, ***23-31***). Они являются вторым характерным мокшанским украшением и найдены во всех известных мокшанских могильниках. Наиболее близкие аналогии усинским сюльгамам имеются в материалах Старосотенского[26] и Муранского могильников[27].

Височные колечки серебряные, с несомкнутыми концами, из которых один закручен в спираль (рис. 4, ***18-19***). Два экземпляра происходят из погребения N 13. Подобные серьги имели довольно широкий территориальный и хронологический диапозон распространения. Известны они в мордовских могильниках XIII XIV вв.: Муранском, Старосотенском, Гагинском, Паньжинском[28]. Серьга в виде знака вопроса (рис. 2, ***3***) найдена в погребении N 6. Является хронологически определенным типом вещей второй половины XIII XIV вв.[29] (относится к типу IVб по типологии Г.А.Федорова-Давыдова).

Кольцевые застежки (рис. 3, ***7-8***) в количестве двух экземпляров обнаружены в погребении N 20. Исследователи мордовских памятников считают их характерным эрзянским украшением, которое на мокшанских памятниках встречается крайне редко. В Муранском могильнике они найдены в 5 погребениях, причем в тех, где отсутствовали пулокери[30]. Подобный факт имеет место и в II Усинском могильнике.

Браслеты (6 шт.) найдены в погребениях NN 11, 18 и 20. Один браслет железный, пластинчатый (рис. 5, ***16***), пять бронзовые, также пластинчатые, двух типов: гладкие (рис. 3, ***6***; 4, ***13, 15***; 5, ***17***) и продольножелобчатые с орнаментированными площадками (рис. 4, ***14***). Все браслеты имеют аналогии в материале Муранского могильника. По наблюдениям А.Е.Алиховой железные браслеты появляются у мордвы только в XIV веке.[31]

Перстни (4 шт.) обнаружены в погребениях N 11 и N 18, по два в каждом. Сделаны они из низкопробного серебра. Два перстня расширенносрединные, щиток составляет одно целое с дужкой. Щиток одного перстня имел овальную форму с 4 выступами и был украшен штампованным орнаментом в виде четырех небольших розеток (рис. 5, ***19***). У второго перстня этого типа щиток был фигурным, с одной розеткой посередине (рис. 4, ***3***). Перстень из погребения N 18 относится к типу массивнощитковых (рис. 5, ***18***). Щиток в виде "шатерка" (конической конструкции из проволоки) припаян к пластинчатой дужке. Перстень из погребения N 11 (рис. 4, ***2***) также массивнощитковый. В щиток по-

мещена вставка из зеленоватого стекла. Перстни были широко распространены в среде мордовского населения и имеются в коллекциях многих мордовских памятников. Полная аналогия перстню с "шатерком" есть в Гагинском и Муранском могильниках. В Муранском могильнике имеется также перстень со стеклянной вставкой зеленоватого цвета[32].

Амулеты найдены в погребениях N 13 и N 19. В детском погребении N 13 находились амулеты из мелких отшлифованных зубов животного с отверстиями в корневище (рис. 4, ***24-26***). В мужском погребении N 19 амулет был сделан из клыка животного.

Бусы. В коллекции памятника имеются серебряные и пастовые бусы. Серебряная бусина из погребения N 13 относится к типу желудевидных, состоящих из двух половинок, с "воротничками" возле отверстий (рис. 4, ***22***). В погребении N 7б найдены две серебряные бусинки в виде цилиндриков (рис. 2, ***12***). Основная масса бус происходит из детского погребения N 13, где было обнаружено ожерелье из 57 пастовых бус, серебряной желудевидной, трех амулетов и трех раковин (рис. 4, ***23, 27-43***). Пастовые бусы сделаны из желтой с золотистым оттенком и из темно-синей пасты. Форма их разнообразна: в плане круглые, ромбические, квадратные. В детском погребении N 5 имелось 4 пастовых бусины: одна из белой фарфоровидной пасты; другая кольцеобразная, черного цвета; две из черной и белой пасты с зигзагообразным узором голубого цвета (рис. 6, ***4-7***). Крупная пастовая бусина синего цвета, покрытая желтовато-золотистым слоем обнаружена в мужском погребении N16 (рис. 5, ***12***). В погребении N 11 имелась маленькая бронзовая подвеска петлевидной формы (рис. 4, ***4***). Подобные предметы известны в материалах Паньжинского могильника XIII XIV вв.[33] и могильника Красное I[34].

В погребении N 15 найдено бронзовое зеркало диаметром 75 мм с небольшой ручкой-выступом, в котором имелось отверстие для подвешивания (рис. 6, ***9***). На одной стороне зеркала нанесен рельефный орнамент в виде взаимопроникающих полуокружностей (тип Д-I по Г.А.Федорову-Давыдову). Зеркала не характерны для вещевых комплексов мордовских могильников. Лишь в Муранском могильнике было найдено два обломка зеркал[35]. Из производственного инвентаря в женских погребениях имелись железные ножи и биконические глиняные пряслица (рис. 3, ***5, 10***).

Керамический комплекс. В погребениях N 11 и N 18 в изголовье были поставлены глиняные сосуды. Один сосуд имел двухчастную биконическую, другой трехчастную форму с отогнутым наружу венчиком (рис. 4, ***44***; 5, ***15***). Сосуды изготовлены без использования гончарного круга, из формовочных масс, составленных из ожелезненных запесоченных глин с добавкой шамота. Сосуды сконструированы посредством лоскутного налепа, по-видимому, в кожаных формах-емкостях, и заглажены вручную пальцами и деревянным ножом. Микроскопический анализ керамики из погребений, ям и слоя подтвердил близость технологических традиций их изготовления, что позволяет отнести их к одному комплексу (табл. 2).

Инвентарь мужских погребений.

Топор (рис. 5, ***2***), найденный в погребении N 16, относится к типу узкообушных с треугольным клинком, имеющих широкое распространение у морд-

вы в XIV в.[36] Интересно его местоположение в погребении: поперек правой руки, так же, как в погребениях Старосотенского могильника[37]. Ножи черешковые, однолезвийные, с прямой спинкой и расширением перед черешком различной длины от 9 до 17 см в (рис. 5, *3*; 6, *2*). В погребении N 16 обнаружено также шило обычной формы прямоугольный в сечении черешок и круглое острие (рис. 5, *2*). Кресало (рис. 3, *16*) относится к типу калачевидных, с плотно пригнанными друг к другу и закрученными концами. Пряжки железные, прямоугольной формы (рис. 3, *14*; 5, *4 - 6*), с подвижным язычком. В погребениях N 3 и N 19 найдены кольца для подвешивания различных предметов к поясу, имевшие широкое распространение в среде мордовского населения. Удила двухсоставные, с неподвижными кольцами (рис. 3, *17*). Наконечники стрел железные, черешковые, плоские. Два наконечника из погребения N 3 относятся к типу 66 и типу 69 классификации А. Ф. Медведева (рис. 3, *18-19*), найденный в слое рядом с погребением N 6 к типу 38[38] той же классификации (рис. 2, *2*). Все три наконечника датируются золотоордынским временем[39]. В погребении N 16 были найдены остатки сильно коррозированного железного предмета и крупная пастовая бусина (рис. 5, *7, 11, 12*). По-видимому, эти предметы принадлежали прибору для хранения трута или фитиля[40]. В этом же погребении под тазом погребенного лежала золотоордынская серебряная монета с именем Кульнахана (определение В.Ю.Морозова), датирующаяся 1359-1360 гг. (рис. 5, *13*).

Таким образом, почти все предметы из погребений II Усинского могильника относятся к широкораспространенным в среде мордовских племен. К сожалению, в настоящее время четкой системы датировки мордовских древностей II тыс. н. э. нет. В археологической литературе существуют некоторые наблюдения о времени бытования тех или иных типов вещей у мордвы. Так, А.Е.Алихова выделила вещи, характерные в XIV в. для мокши и эрзи[41]. К их числу относятся и некоторые из обнаруженных в II Усинском могильнике: пулокерь с обмоткой из ремешка, обвитого бронзовой проволочкой; серьги в виде знака вопроса; сюльгамы с широкими треугольными лопастями; железные пластинчатые браслеты; пастовые бусы с зигзагообразным орнаментом; перстни. К этому надо добавить датированные по А.Ф.Медведеву XIII-XIV вв. наконечники стрел; хронологически определенные для золотоордынского периода серьги типа II и VIб по Г.А.Федорову-Давыдову и монету середины XIV века. Приведенные данные позволяют определить позднюю дату могильника XIV в. В то же время, находка пулокеря первого типа с обмоткой бронзовой полоской, вышедшего из употребления в XIV в., по мнению А.Е.Алиховой, указывает на более раннюю дату некоторых погребений XIII в.

Наибольшее сходство по составу погребального инвентаря и деталям погребального обряда II Усинский могильник обнаруживает с Муранским и Старосотенским могильниками XIII XIV веков, расположенными в районах сильного влияния золотоордынской культуры. В результате изучения памятника получены сведения о новой этнической группе населения Самарской Луки в золотоордынский период. Дальнейшие исследования позволят уточнить этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986.

[2] Поливанов В.Н. Муранский могильник. М., 1896.

[3] Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. 1954. N 42.

[4] Археологические исследования в РСФСР 1934 - 1936 гг. М.;Л., 1941.

[5] Алихова А.Е. Русский поселок XIII-XIV вв. у с.Березовка // МИА. 1960. N 80.

[6] Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

[7] Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X - начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. С. 47-49.

[8] Халикова Е. А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X - начала XIII вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1986. С. 10.
Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. С. 71.

[10] Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I - начала II тысячелетия н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. С. 36.

[11] Беляев Я.В. Погребальный обряд мордвы-мокши в XII - XIV вв.// Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С.79-84.

[12] Алихова А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I - начала II тыс. н. э. // СА. 1958. N 2. С. 66-77; Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с.Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. С.169-194.

[13] Алихова А. Е. Из истории мордвы С. 43, 50.
Алихова А. Е. Эрзянский могильник С. 169-170; Мартьянов В. Н. Археологические памятники мордвы конца I - начала II тыс. в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С.120; Мартьянов В.Н. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа в I - начале II тыс. н. э. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 81.

[15] Алихова А. Е. Из истории мордвы С. 33 - 34.

[16] Мартьянов В. Н. Могильник Красное I... С. 81.

[17] Алихова А.Е. Муранский могильник... С.271.

[18] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 126.

[19] Там же. С. 152.

[20] Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. С.225.

[21] Там же. С.226-232.

[22] Петербуржский И. М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 51.

[23] Мартьянов В. Н. Могильник Красное I... С. 81.

[24] Степанов П.Д. Древняя история мордвы эрзи // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. С. 48.

[25] Алихова А.Е. Некоторые хронологические... С. 77.

[26] Алихова А. Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1948. Табл. 1 и 2.

[27] Алихова А. Е. Муранский могильник С. 272-274.

[28] Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. С. 80.

[29] Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 116.

[30] Алихова А.Е. Муранский могильник... С.273.

[31] Алихова А.Е. Некоторые хронологические... С. 77.
[32] Алихова А.Е. Муранский могильник... Рис.8, 1, 15.
[33] Васильева И.Н. Указ. соч. Табл. 80, 21.
[34] Мартьянов В. Н. Археологические памятники... Табл. VIII, Б-4.
[35] Алихова А.Е. Муранский могильник... С.283.
[36] Эрзянский могильник... Рис. 74, 2.
[37] Алихова А.Е. Старосотенский могильник... С. 217.
[38] Алихова А.Е. Муранский могильник...
[39] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ. Вып. Е 1-36, 1966.
[40] Алихова А.Е. Муранский могильник... С.293.
[41] Алихова А.Е. Некоторые хронологические... Рис. 1.

Список иллюстраций к статье И. Васильевой "II Усинский грунтовый могильник XIII XIV вв. на Самарской Луке"

Рис. 1 План и находки раскопа II Усинского грунтового могильника: 1 план раскопа 1988 г. на могильнике; 2-24 размеры ям раскопа I: 2 я.8, 3 я.7, 4 я.1, 5 я.2, 6 я.3, 7 я.13, 8 я.6, 9 я.10, 10 я.9, 11 я.22, 12 я.18, 13 я.20, 14 я.27, 15 я.28, 16 я.16, 17 я.19, 18 я.15, 19 я.14, 20 17, 21 я.18, 19, 22 я.17, 19, 23 я.23, 24 я.24, 25-44 фрагменты керамики из слоя, ям и засыпки погребений

Рис. 2 Погребения I группы II Усинского могильника: 1 погр. 2; 2 наконечник стрелы из слоя возле погр. 6; 3 серьга из погр. 6; 4 погр. 4; 5 погр. 6; 6 погр. 7; 7 погр. 8; 8 погр. 9; 9 погр. 10; 10 погр. 12; 11 погр. 17; 12 вещи из погр. 7 (нижнего)

Рис. 3 Погребения II Усинского могильника: 1 погр. 1; 2 погр. 3; 3 погр. 19; 4 погр. 20; 5-10 вещи из погр. 20; 11-24 вещи из погр. 3

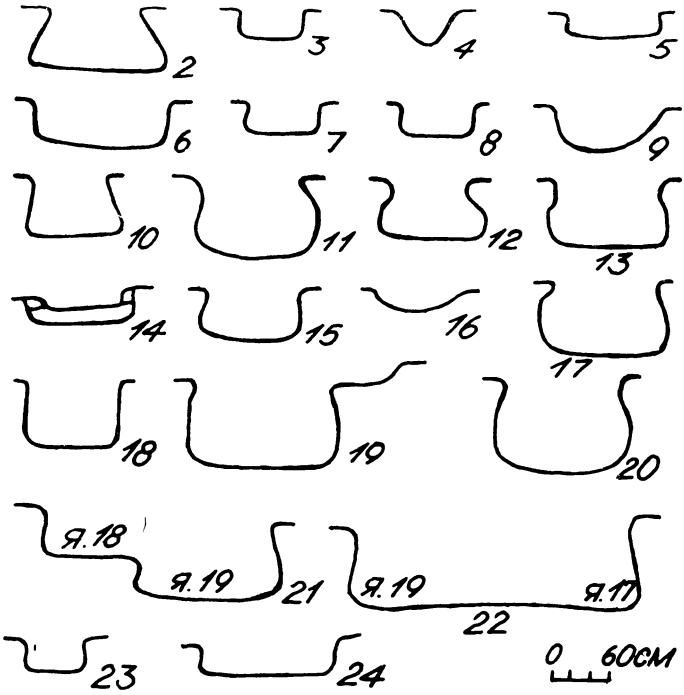
Рис. 4 Погребения II группы II Усинского могильника: 1 погр. 11; 2-15, 44 вещи из погр. 11; 16 погр. 13; 17 43 вещи из погр.13

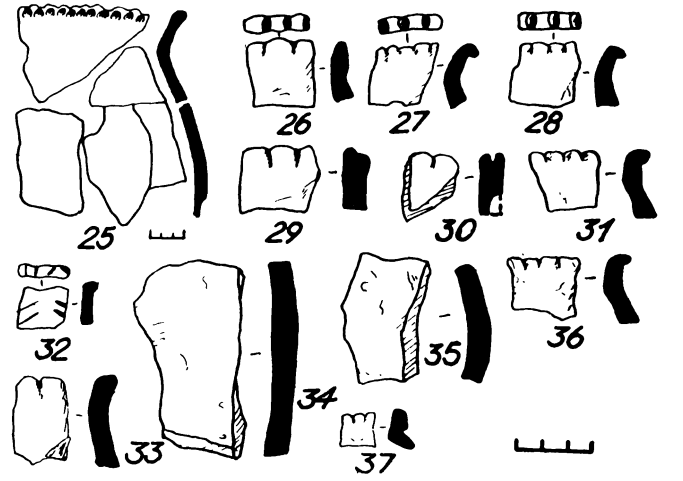
Рис. 5 Погребения II группы II Усинского могильника: 1 погр.16, 2-13 вещи из погр.16, 14 погр.18, 15-31 вещи из погр.18

Рис. 6 Погребения II группы II Усинского могильника: 1 погр. 14; 2 нож из погр. 14; 3 погр. 5; 4-7 вещи из погр. 5; 8 погр. 15; 9-10 вещи из погр. 15

С
я.28
я.25
я.22
п.17
п.18
п.19
я.20
я.27
п.I
я.II
п.I0
ф я.I
п.2
п.9
я.I4
п.3
п.6
п.I2
я.3
п4
п5
я.I0
я.I5
п.7
я.4
я.2
я.I3
я.I2
я.7
я.6
я.5
я.8
я.9
я.I3
я.I9
п.8
п.I5
я.I7
я18
п14
я23
я24
п16
0
2м
1

38
39
40
41
42
43
44


2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
Я.18
Я.19
21
Я.19
Я.11
22
23
24
0 60СМ


25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37

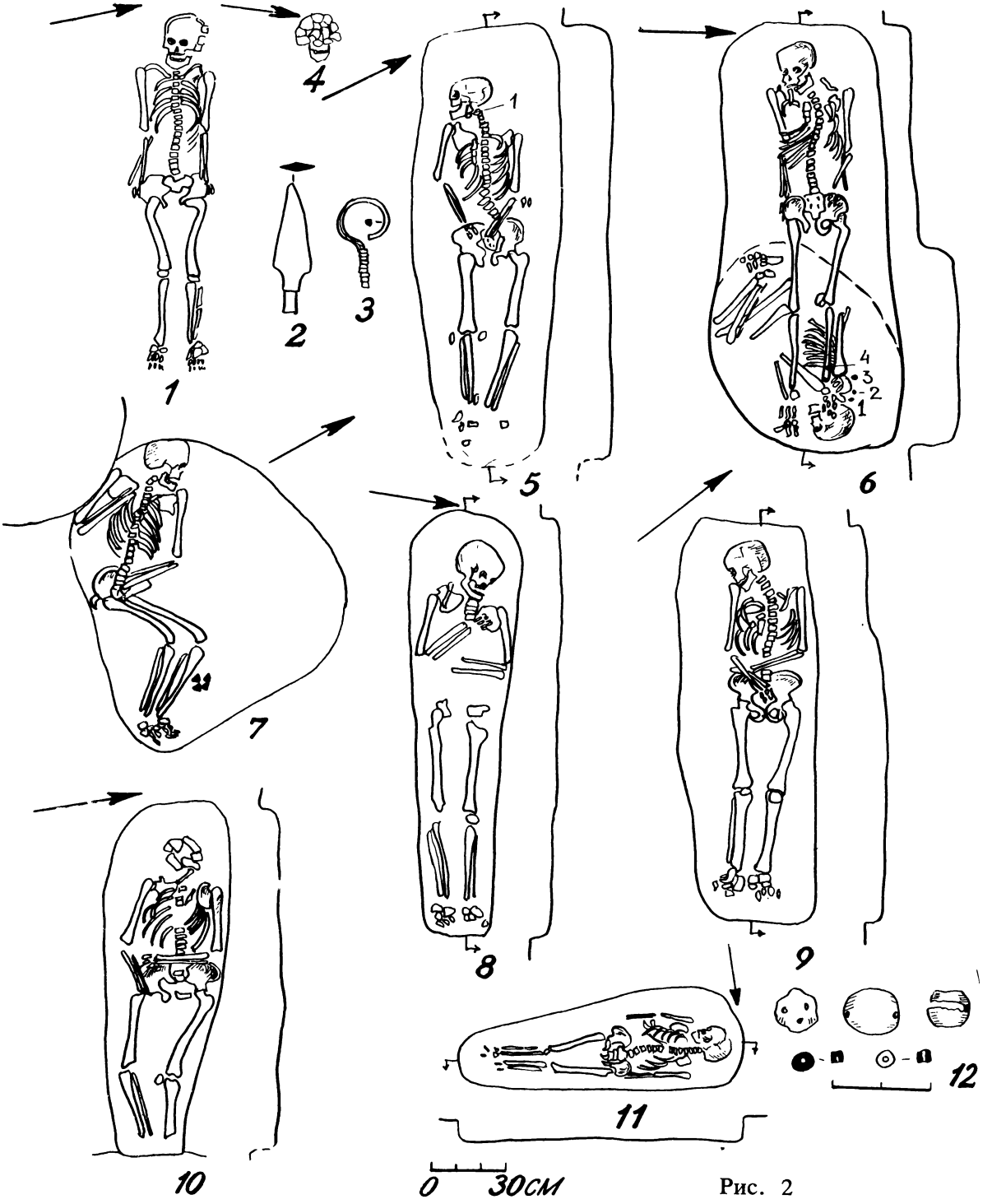


Рис. 2

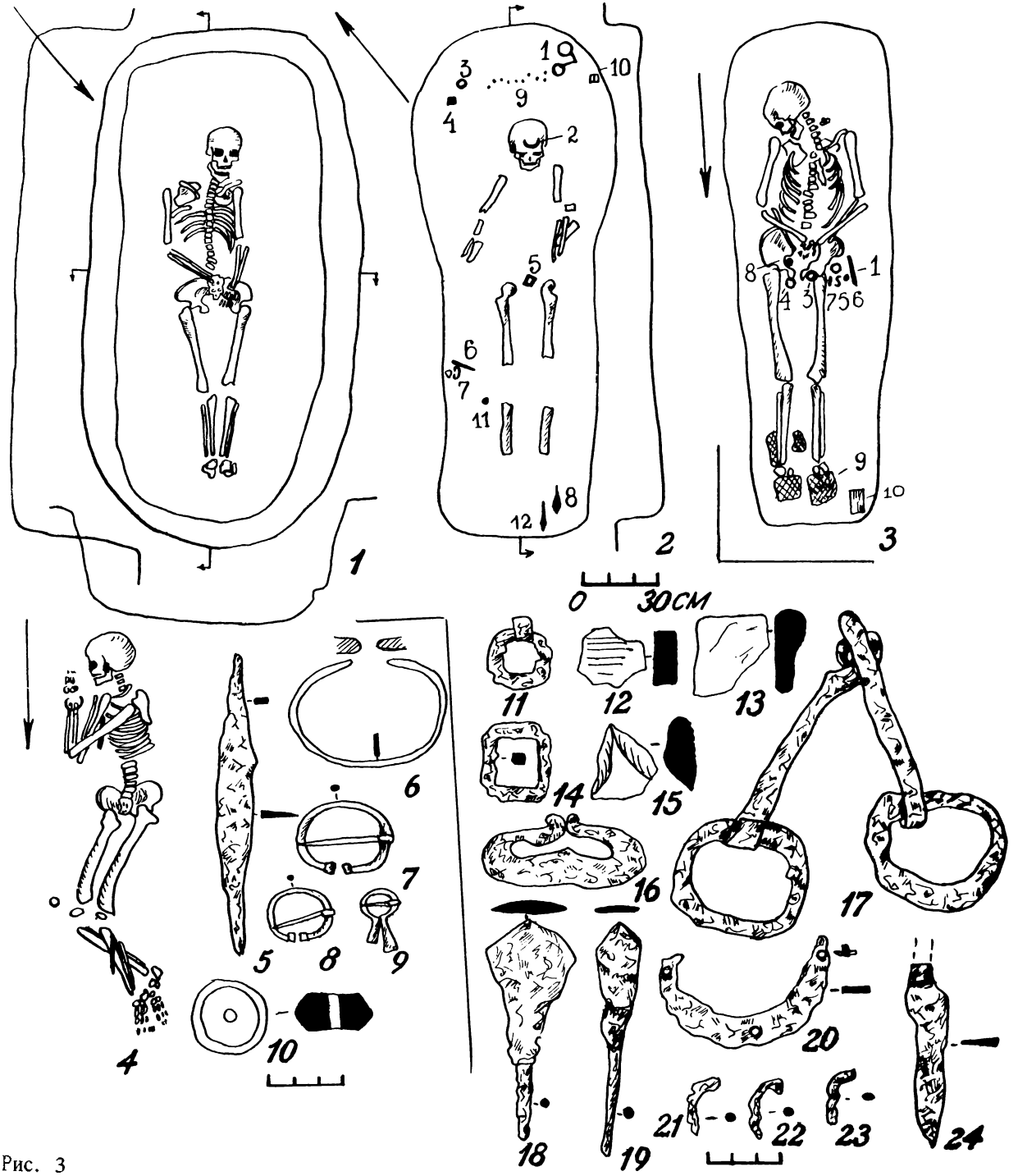


Рис. 3

20-2047

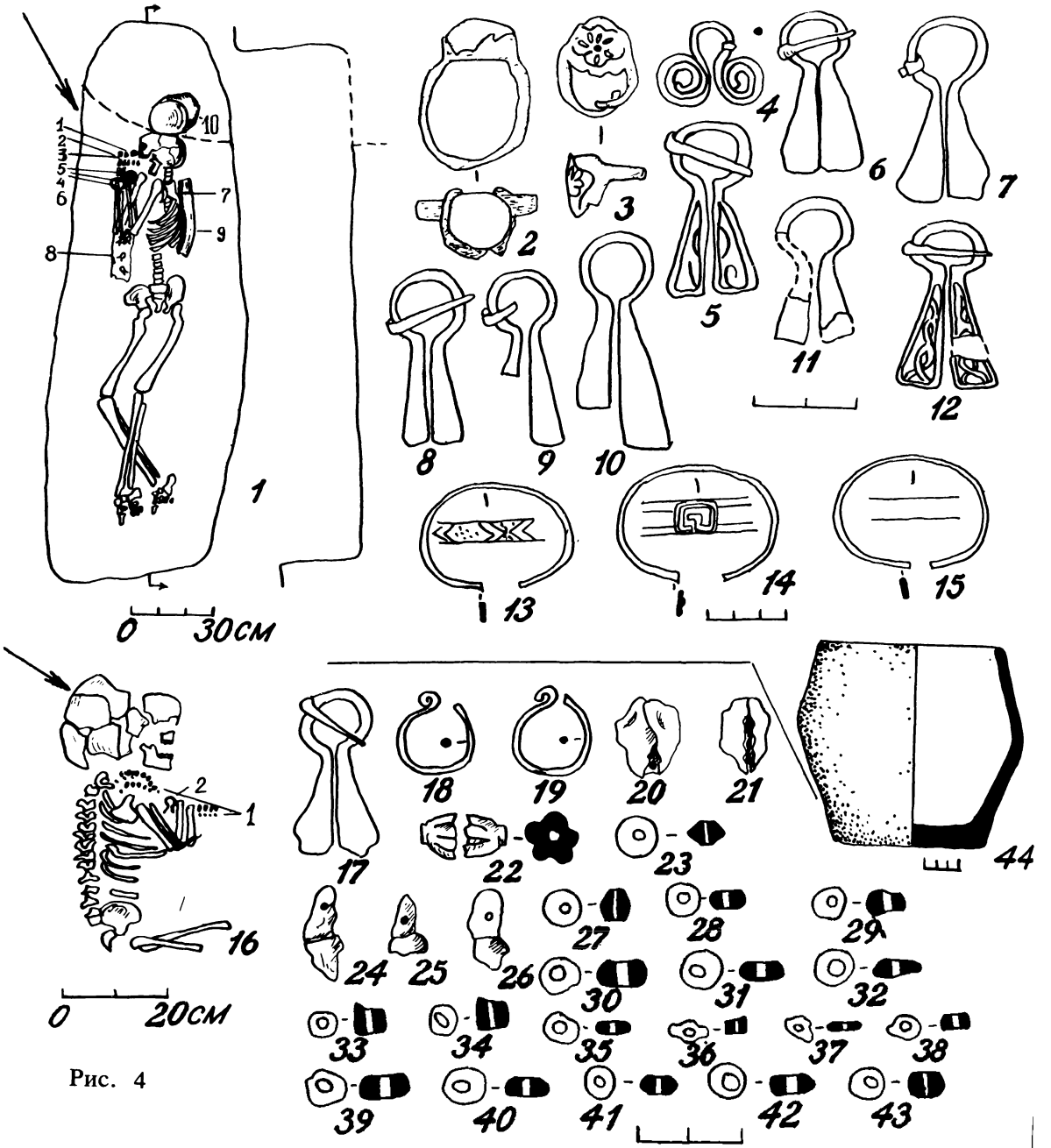

1
2
3
5
4
6
10
7
9
8
1
0 30см
2
3
4
6
7
5
11
12
8
9
10
13
14
15
2
1
16
0 20см
17
18
19
20
21
22
23
44
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43

Рис. 4

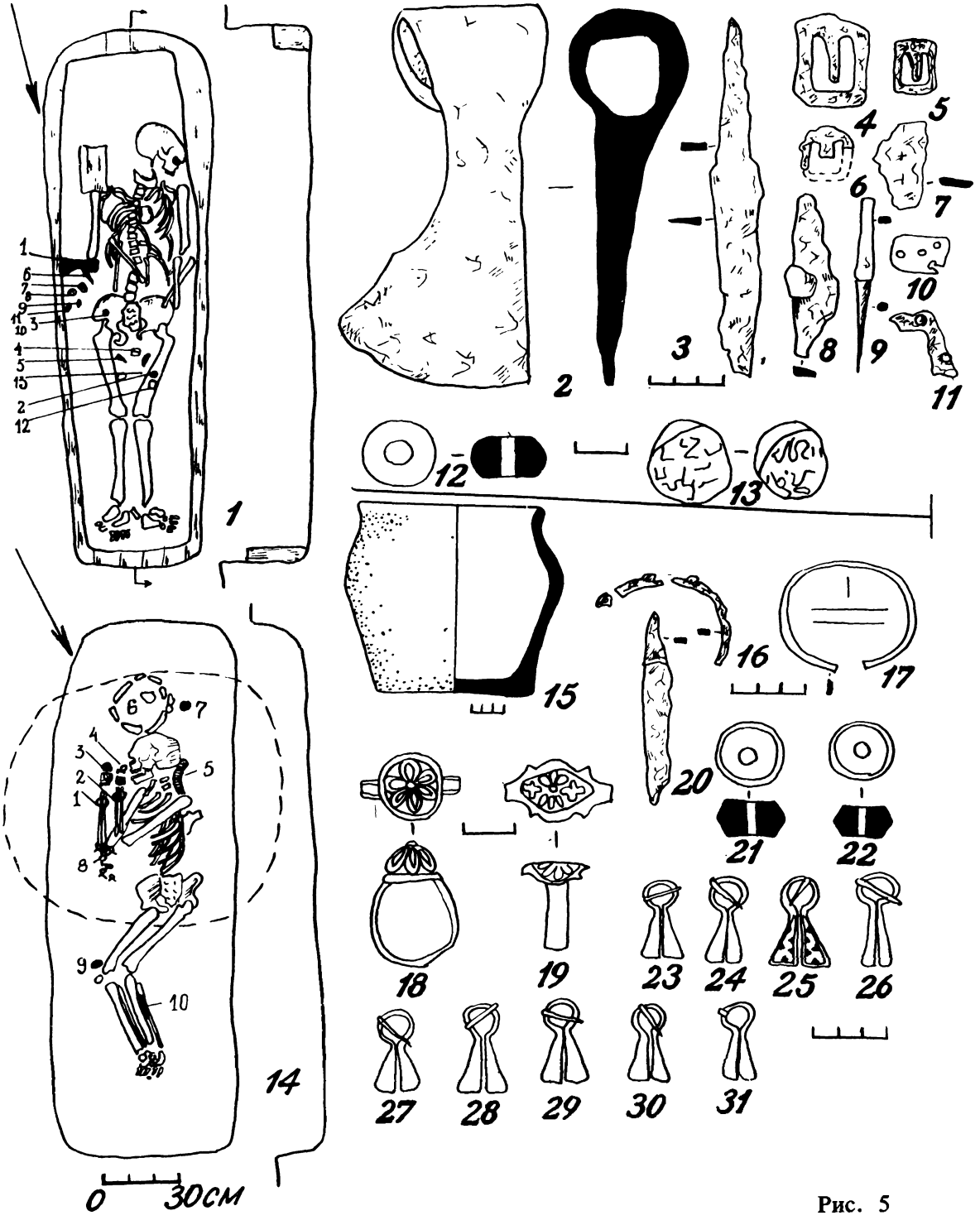

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
0 30см

Рис. 5

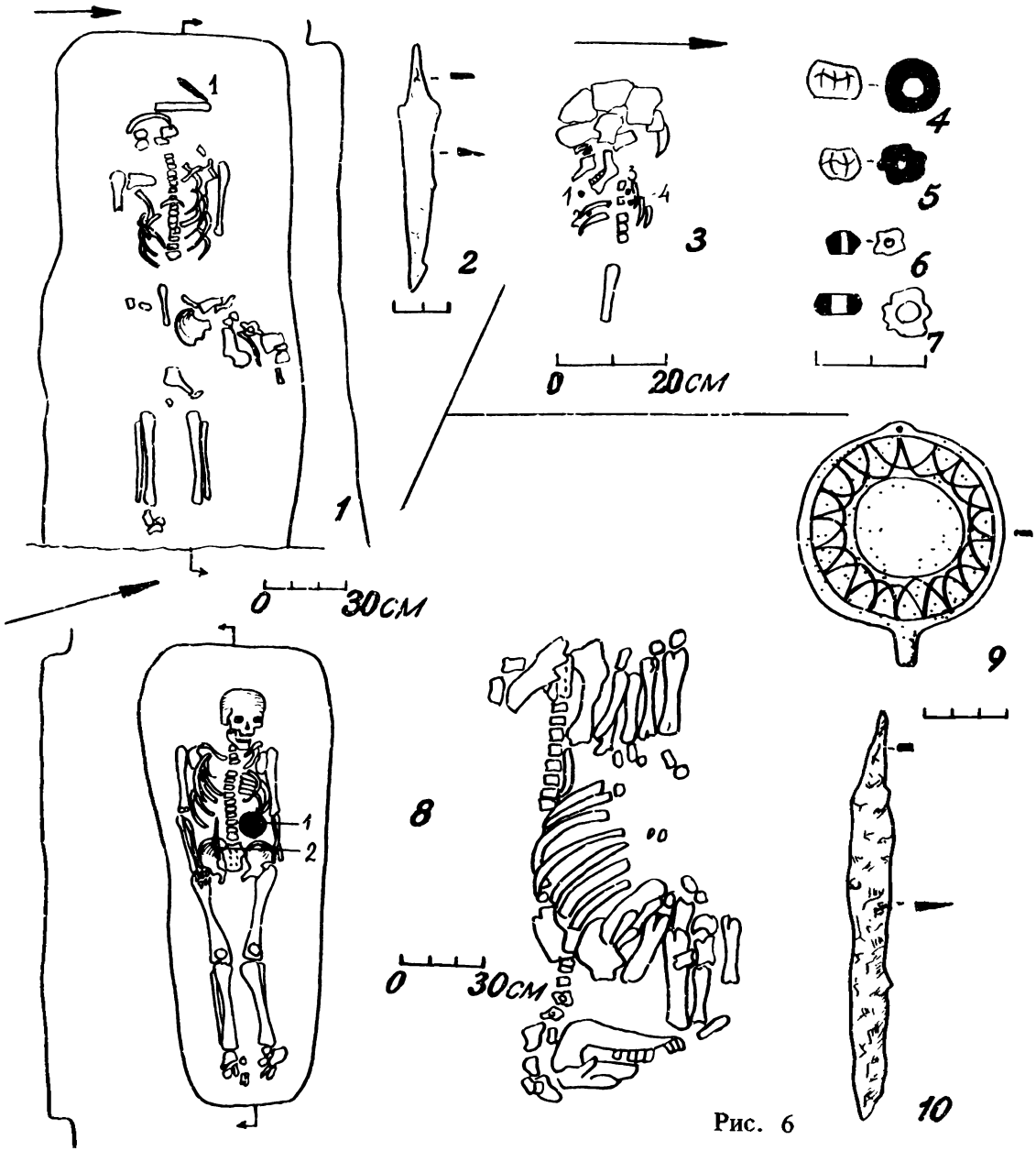


Рис. 6

Таблица 1

Детали погребального обряда II Усинского могильника

N погр.	Пол и возраст	Ориентировка головы	Деревянные конструкции в яме	Сосуд	Вещевой инвентарь	Положение погребенного			
						лицо	корпус	ноги	руки
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	?	ЮЗ			керамика в засыпи	на С	на спине	вытянуты	на тазе
2	?	ЗСЗ				на Ю	на спине	вытянуты	вытянуты
3	мужчина	СВ			+	вниз	на спине	вытянуты	вытянуты
4	ребенок	З				раздр.			
5	ребенок	З			+	на Ю боку	на правом		
6	?	ЗСЗ			+	на Ю	на спине	вытянуты	на тазе
7а	?	З				на ЮВ	на спине	вытянуты	правая вытянута, левая на тазе
7б	женщина	ВСВ			+	на Ю	на левом боку	согнуты	перед лицом
8	?	СЗ			угли	на В	на спине	согнуты	правая на груди, левая на тазе
9	?	З				на СВ	на спине	вытянуты	согнуты, на груди
10	?	СЗ				на Ю	на спине	вытянуты	скрещены на животе
11	женщина	ЮЗ		+	+	на ЮВ	на правом боку	согнуты	перед лицом

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
12	?	ЗСЗ				раздр.	на спине	полу-согнуты	правая на тазе, левая на животе
13	ребенок	ЮЗ			+	на С	на левом боку	согнуты	перед лицом
14	?	З			+	раздр.	на спине	вытянуты	не сохр.
15	женщина?	ЗСЗ			+	на СВ	на спине	вытянуты	вытянуты
16	мужчина	ЮЗЮ	+		+	на С	на спине	вытянуты	вытянуты
17	ребенок	З				на Ю	на спине	вытянуты	вытянуты
18	женщина	ЮЗ		+	+	на ЮВ	на правом боку	согнуты	перед лицом
19	мужчина	Ю	+		+	на С	на спине	вытянуты	на тазе1
20	женщина	Ю			+	на В	на правом боку	согнуты	перед лицом

Таблица 2

Результаты технологического изучения керамики II Усинского могильника*

Место находки	Исходное сырье		Формовочные массы		Конструирование полого тела		Формообразование		Заглаживание	Всего
	СОГ	ЗОГ	Ш+Н	Н	лоскутный налеп	не опред.	в форме емкости	не опред.	ручное	
Погребения		2	2		2		2		2	2
Ямы	5	3	7	1	2	6	2	6	8	8
Культурный слой	6	11	16	1		17		17	17	17

* Условные обозначения к таблице 2: СОГ среднепластичная ожелезненная глина; ЗОГ запесоченная ожелезненная глина; Ш шамот; Н навоз

Л. Гаврилина

Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X XI веков

Металлические наременные украшения являются одной из характерных и самобытных черт кочевнической культуры средневековья. Торевтика издавна привлекала к себе внимание исследователей прежде всего тем, что она "наиболее определенно показывает взаимосвязь в развитии разных культур. Нет другого вида источников, которые бы показывали с такой очевидностью удивительную цельность, можно даже сказать компактность средневекового мира от Западной Европы до Китая и от Прикамья до Индии"[1]. Однако не все стороны средневековой торевтики исследованы равномерно. Если так называемому "восточному серебру" декорированным сосудам из драгоценных металлов, найденным на территории Восточной Европы, Южного Урала и Прикамья посвящена обширная литература, то искусство степных народов долгое время вообще не было известно.

Но даже и тогда, когда систематическими раскопками был обнаружен обширный материал, сохранились значительные сложности в его изучении, так как очень трудно отличить сделанное кочевниками от того, что изготовлено оседлыми народами под влиянием степняков. Именно тюркоязычные кочевники внесли в быт и культуру оседлых народов повсеместно распространившуюся впоследствии традицию использования поясной и сбруйной металлической гарнитуры, а также некоторых видов оружия и частей конского снаряжения.

Богата памятниками торевтики эпоха раннесредневековых тюркских государств: металлические сосуды и наборные пояса имеют обширную историографию. В большей степени изучены художественный металл аварского каганата, венгерские изделия X века, специальное исследование посвящено средневековым хакасским металлическим украшениям[2]. Не получил пока освещения в литературе художественный металл Восточной Европы хазарского времени, хотя он представляет огромный интерес. Слабая его изученность в значительной степени затрудняет исследование художественного металла X XI веков, наиболее яркой частью которого являются наборы украшений конского оголовья. При рассмотрении таких шедевров сбруйного искусства, как серебряные с позолотой и чернью украшения оголовий из Гаевки, Сарайлы-Кият, Ново-Каменки, в литературе наметились две тенденции. Первая представлена в статьях украинских археологов[3] , которые вслед за А.Н.Кирпичниковым[4] наремные украшения восточноевропейских кочевников X XI веков связывают со значительным воздействием древнерусской и византийской культур, оставляя на долю самих кочевников лишь типологический набор бляшек. Во многом эта ситуация объясняется разным уровнем изученности древнерусского, византийского и степ-

ного искусства, а также слабым знакомством авторов с нижневолжским и нижедонским материалом X века, близким наремным украшениям с территории Украины, а в отдельных случаях представленным более ранними формами. Вторая тенденция связана с выделением Хазарии как культурного центра Восточной Европы X века и пока лишь намечена в статье Т. И. Макаровой и С.А.Плетневой[5] о хазарской торевтике, оказавшей большое воздействие на стилистическое развитие художественного металла кочевников X XI веков.

Украшение конской сбруи металлическими орнаментированными накладками является древней кочевнической традицией. Значение коня для степняка столь велико, что зачастую узда была украшена богаче, чем костюм всадника. Тип сбруи эпохи средневековья был реконструирован исследователями по имеющимся изображениям на серебряных блюдах, в росписях Пянджекента, кочевнических петроглифах, бляхах с изображениями всадников, а также на основе более поздних этнографических материалов. Он просуществовал почти не меняясь вплоть до сегодняшнего дня и поражает своим удивительным единством на огромной территории степной Евразии[6].

Особенно популярно было украшение оголовья: налобный, наносный и нащечные ремни имели мелкие бляшки, а перекрестья их выделялись более крупными круглыми, кресто- и Т-образной формы. В Восточной Европе в X веке сложился своеобразный набор декоративных блях конского оголовья, явившийся результатом четырехвекового развития тюркской традиции в украшении боевого коня. Основными видами блях, входившими в него были: бляхи-решмы, бляхи перекрестья (крестообразные, Т-образные, круглые, четырехлепестковые), бляшки (более мелкие, разнообразных форм), украшавшие ремни и наконечники (обычно вытянутые, с одним заостренным, а другим вогнутым внутрь торцами), пряжки.

Наиболее интересным и важным видом являются бляхи-решмы. Как подчеркивал А.Н.Кирпичников, "по решмам нагляднее всего можно судить о месте и времени изготовления уздечного набора"[7]. Они были характерной и отличительной чертой восточноевропейских наборов X-XI веков, представляя собой чисто декоративную деталь убранства, не имевшую конструктивного значения. Известные бляхи-решмы можно объединить в 3 основных типа.

Тип I. Круглые или слегка вытянутой формы бляхи, состоящие из двух пластин, соединенных заклепками, двух вариантов:

1-й круглые плоские, чаще гладкие, единственным украшением которых служат заклепки или рубчатый ободок по краю, а иногда с рельефным орнаментом;

2-й круглые или слегка вытянутой формы с небольшой выпуклостью в центре, с погремушкой внутри.

Тип II. Листовидные двойные бляхи в листовидной же или грушевидной выпуклостью в центре и обрамляющим ее орнаментом (рис. 1, ***9-20***).

Тип III. Листовидные сильно вытянутые бляхи, иногда с дополнительными выступами по бокам, с орнаментом, заполнившим всю лицевую поверхность изделий. Обычно соединены с Т-образной бляхой при помощи шарнирного крепления (рис. 1, ***23-26***).

Генетически бляхи-решмы листовидной формы, использовавшиеся в наборах оголовья, по-видимому, восходят к листовидно-сердцевидным бляхам-бубенцам, известным в Южной Сибири и имеющим, по мнению исследователей, восточно-азиатское или сибирско-китайское происхождение[8]. Первоначально они являлись украшением груди или крупа коня и были широко представлены в изображениях всадников на сасанидских и более поздних серебряных блюдах, кочевнических писаницах, в росписях Пянджекента[9], но долгое время не подкреплялись находками из погребений. Прекрасное подтверждение существованию в действительности таких уборов дало погребение 7 в кургане 3 у 15-го поселка Волгоградской области, исследованное В. П. Шиловым[10]. Бляшки, найденные на крупе коня, полностью воспроизводили убор, изображенный в Пянджекентской росписи[11]: справа и слева подхвостовой ремень украшали по три группы бляшек, состоящие из одной листовидной бляхи с выпуклостью в центре и погремушкой внутри, двух круглых полусферических, с идентичным орнаментом, но разных диаметров, и двух удлиненных блях с одним заостренным, а другим углубленным внутрь торцом. В центре группы крепилась на ремне круглая бляшка, по сторонам от нее две вытянутые бляхи, заостренными торцами наружу. От круглой бляшки вниз, по-видимому, отходил дополнительный ремешок, на котором была укреплена маленькая круглая полусферическая бляшка (непосредственно под большой), а конец его был продет внутрь листовидной бляхи-бубенца. Ближайшей аналогией этому убору в Нижнем Поволжье является набор блях из погребения 13 кургана 7 Ново-Никольского могильника Волгоградской области[12], в который входят 4 листовидно-сердцевидных бляхи-бубенца с изображением женского лица с височными подвесками и нагрудным украшением. Эти находки по форме и изображению человеческого лица в центре бляхи напоминают известные минусинские бляхи-бубенцы с бородатым мужским лицом на выпуклости[13]. Произошли эти бляхи от совмещения листовидных плоских блях с бубенцом, вставленным в середину. Недаром в некоторых изделиях выпуклость в точности повторяет форму и орнаментацию грушевидных бубенчиков, распространенных в Поволжье в X начале XI века, а на одной из сибирских блях воспроизведен бубенчик иной формы, известной в это же время в Сибири овальный, с прорезью внизу[14]. Иногда на выпуклости повторяется характерная для бубенчиков прорезь внизу и сохраняется граненная форма верха, от чего впоследствии в декоре решм останутся лишь вертикальные углубленные канавки (рис. 1, ***12-15***). Подобные листовидные бляхи-подвески, украшающие нагрудный и подхвостовой ремни, дожили до наших дней в киргизском сбруйном уборе.

В Восточной Европе в X веке бляхи-решмы приобретают новое качество, становясь центром украшения оголовья, вокруг которого группируются остальные детали убранства. В набор оголовья входит обычно две таких бляхи, украшающие центры налобного и наносного ремней. Сложилась подобная система декора в Нижнем Поволжье при замене широко использовавшихся в оформлении оголовья круглых блях листовидно-сердцевидными подвесными бляхами-бубенцами. Находки из Нижнего Поволь-

жья дают возможность реконструировать этот процесс. Целый ряд найденных там уборов имели круглые налобные и наносные бляхи I типа (погребения у с.Заплавное, 15-го поселка Волгоградской области, у Алебастровой горы Оренбургской области)[15]. В наборах оголовий из погребений у с. Балыклей (к. 5, п. 1) и Быково (к. 16, п. 9) Волгоградской области[16] использовались плоские бляхи с выпуклостью и погремушкой в центре. В наборах из погребений у 15-го поселка и Быково Волгоградской области уже присутствуют по две маленьких решмы листовидной формы II типа (рис. 1, ***10, 12***), но они играют пока скромную роль, украшая наносный ремень по сторонам от центральной бляхи, невелики по размерам и почти лишены орнаментации. Характерной стилистической чертой наборов с решмами I типа, найденных в Нижнем Поволжье и Волго-Уральском междуречье, является простота и строгая геометричность форм блях круглых, крестообразных, прямоугольных, обилие гладких блестящих поверхностей. Декор в виде ложной зерни, рифления и розеток обычно заключен в рамки геометрических фигур: ромбов, треугольников с вогнутыми гранями или представлен тонким ободком по краю. Контраст гладкого блестящего фона и небольших вкраплений позолоченного рельефного орнамента составляет основу художественной выразительности этих украшений. Выполнены бляхи литьем из бронзовых и серебряных сплавов с применением позолоты.

Бляхи-решмы II типа происходят в основном с более западных территорий: от Поволжья до Северо-Западного Причерноморья (рис. 2). Они приобретают устойчивые формы и приемы декора, становятся композиционными центрами наборов. Состав блях в наборах становится более разнообразным, широко используются растительные мотивы в орнаменте. Декор стал богаче но по-прежнему заполняет отведенные ему участки, не занимая всей поверхности изделия.

Вершиной развития подобного рода украшений являются решмы III типа - серебряные, с позолотой и чернью, из наборов происходящих в основном с территории Северного Причерноморья (один набор из Воронежской области). Форма решм стала еще более вытянутой, усложнилась за счет выступов по бокам и шарнирного соединения с Т-образной бляхой, при помощи которой решма подвешивалась к ремню. Наборы из Гаевки, Сарайлы-Кият, Ново-Каменки замыкают типологический и декоративный ряд в развитии украшений кочевнических конских оголовий. Ассортимент и типология форм этих наборов полностью укладываются в кочевническую традицию оформления конского оголовья, с нею же связаны основные принципы декора изделий. Это хорошо видно при сопоставлении решм с бляхами-бубенцами из древнерусских памятников (Чернигов, Табаевка)[17]. Своей листовидной формой с выпуклостью последние напоминают решмы, но сам подход к оформлению иной: растительный орнамент покрывает все изделие сплошь, ковром, так же, как на венгерских накладках на сумки. На решмах декор всегда имеет конструктивный характер, следует форме решмы: по контуру проходит обрамляющий поясок, плоский широкий бортик подчеркнут рифленым бордюром, полосой чешуйча-

того орнамента или "бегунка". Выпуклость выделена пояском ложной зерни, валиком, рифлением, украшена оригинальным, только ей присущим орнаментом или оставлена гладкой. Приемы декора и мотивы орнамента, использованные в украшении этих наборов, состав их и формы отдельных блях тесно связаны с восточноевропейскими кочевническими традициями в оформлении сбруи.

Сбруйные наборы из кочевнических памятников Восточной Европы X XI веков, оригинальность и своеобразие которых связаны с использованием налобных и наносных блях-решм, не находят себе близких аналогий в степях Евразии, хотя являются продуктом этой степной культуры. Какие-то параллели с бляхами-решмами имеют известные по реконструкции Ю.С.Худякова украшения оголовий коней кыргызских воинов X XII веков. В восточноевропейских уборах в центре налобного ремня на месте решм на шарнирном креплении подвешен длинный плоский наконечник[18].

Схема распространения решм трех типов соответствует основным районам расселения племен и их перемещением (рис. 2). Решмы I типа, открывающие типологический ряд, сконцентрированы в Нижнем Поволжье и Волго-Уральском междуречье, датированы X веком. Решмы II типа имеют более широкое распространение, встречены как в Нижнем Поволжье и Подонье, так и в Северном Причерноморье. Они датированы монетой XI веком и, возможно, демонстрируют перемещение населения на запад. Решмы III типа встречены к западу от Дона, тяготеют к Северному Причерноморью и замыкают типологический ряд.

Показательно перемещение ареалов находок решм этих типов X-XI веков с востока на запад из Нижнего Поволжья в Северо-Западное Причерноморье. В Нижнем Поволжье в X веке находился один из центров высокого художественного уровня, знавший технику инкрустации, амальгамирования, чернения. Именно с его традициями, по-видимому, можно связывать наборы украшений оголовий с решмами I и отчасти II типа (рис. 1, ***1-13, 17***). В XI веке центр производства украшений сместился к западу, где найдены наиболее высокохудожественные решмы II типа (рис. 1, ***15, 16, 18-20***). Развивая типологию, технические и художественные приемы и орнаментацию сбруйных украшений X века, оголовья XI века, такие, как Гаевское, Сарайлы-Киятское. Ново-Каменское, несут на себе и отпечаток новых художественных веяний, связанных, по-видимому, с Византией и Древней Русью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маршак Б.И. История восточной торевтики III XI веков и проблемы культурной преемственности: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1980. С. 2.
Hampel I. Alterhumer des Fruhen Mittelalter in Ungarn. Vol.I-III. Braunschweig, 1905; Laszlo G. L'artdes Nomades. Budapest. Corvinapress, 1972; Fettich N. Das Kunstgewerbe der Landnehmenden Ungarn // AH, 1937, V.XXI; Erdelyi I. Ihe art of the avars. Budapest: Corvinapress, 1966; Король Г.Г. Орнамент средневековых хакасов как исторический источник: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981.

[3] Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI века из Ново-Каменки // СА. 1982. N 1. С.238-246; Орлов Р.С. Південно-руський центр художньой металообробки X с. // Археологія. 1983. N 44. С. 29-47; Он же. Среднеднепрвская традиция художественной металлообработки в X-XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С.32-52; Пупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // СА. 1980. N 2. С. 203-219.

[4] Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII веков // САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. С.26-30.

[5] Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. N 2. С. 62-77.

[6] Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири // СЭ. 1977. N 1. С.31-48.

[7] Кирпичников А.И. Снаряжение всадника... С. 21.

[8] T.I.La Suede et L'orient. Ursala, 1914; Sanmony A. Einechinesigche Schmuck-form und ihre Verbreittungin Eurasien // ESA, V. IX. Helsinki, 1934. С.321.

[9] Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.;Л., 1935. Табл. 5, 6, 15, 17; Беленицкий А. М. Работы таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. 1959. N 3. С. 92-93, Рис. 35; Рашев Р. Конникьт в старобългарского изкуство // Археология. 1984. N 2-3. С.60-71. Рис.1-6; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских киргизов VI - XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. Табл. XLIX LI; Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. Рис. 21.

[10] Шилов В.П. Отчет об археологических раскопках Астраханской экспедиции в 1958 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. N 1850. 1850-а. С.81-89. Табл. XXXI - XXXVIII.

[11] Беленицкий А. М. Указ. соч., цветная вклейка.

[12] Шилов В.П. Отчет о работе Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 // Архив ИА АН СССР. Р-1. N 1300. 1300-а. С.104-105. Табл. XXX - XXXII; Komantseva A.S. Les sepultures nomades tardives du eimetiere de Novonikolskoe // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a L'Est. Studia Archaeol ogica, VI. Budapest, 1977.

[13] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Табл. LXIII-2, 3.

[14] Там же. Табл. LXIII-2.

[15] Шилов В.П. Отчет об археологических раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. N 1850. 1850а. С. 26-34, 81-89; Кривцова-Гракова О.А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. // Тр. СА РАНИОН. XI. М., 1928. С. 288-299.

[16] Скрипкин А. С. Отчет о раскопках археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. N 8082. 8082-а. С.9-13. Рис.26-31; Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. N 78. С. 169-272. Рис. 18.

[17] Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция... Рис. 3, 4.

[18] Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. С. 133. Рис. 89.

Список иллюстраций к статье Л. Гаврилиной "Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков"

Рис. 1 Бляхи-решмы из кочевнических погребений X-XI веков на территории Восточной Европы:

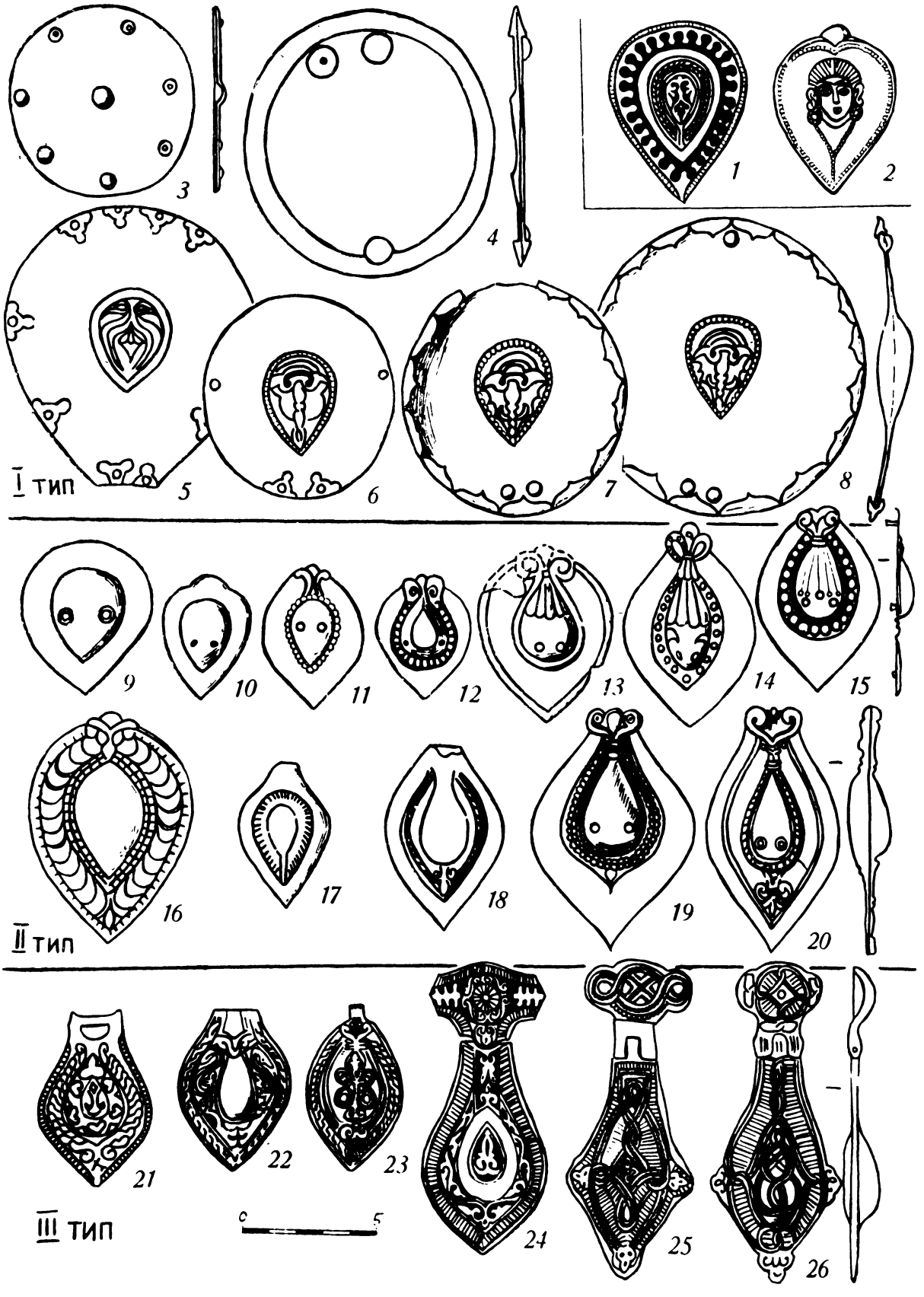
1, 2 бляхи из украшения крупа коня; 3-26 бляхи из украшения оголовья.

1, 3, 12 15-й пос. Волгоградской обл., к. 3, п. 7; 2 Ново-Никольское Вол-

гоградской обл., к. 7, п. 13; 4 Алебастрова гора Оренбургской обл.; 5, 6, 10 Быково II Волгоградской обл., к. 3, п. 5; 7, 8 Балыклей II Волгоградской обл., к.5, п. 1; 9 Ново-Николаевское Волгоградской обл., сл. нах. 1926 (ВОКМ, N 1562); 11 Покровск (КМЭ, N 2763); 13 Саркел (ГЭ ОИПК); 14 Ильичевское городище (АО. 1976. С.114); 15 Первоконстантиновка Херсонской обл; 16 Булгаково Николаевской обл., к. 7, п. 1/11; 17 Рахинка Волгоградской обл., сл. нах. (ВОКМ, б/N); 18 Горожено Херсонской обл; 19 Мирное Одесской обл; 20 Тузлы Одесская обл; 21 Ст. Шведское Херсонской обл.; 22 Котовка Екатеринославской губ.; 24 Гаевка Воронежской губ.; 25 Сарайлы-Кият Таврической губ.; 26 Ново-Каменка Херсонской обл., к. 5, п. 1

Рис. 2 Схема распространения решм трех типов на территории Восточной Европы:

1 15-й поселок Волгоградской обл.; 2 Ново-Никольское Волгоградской обл.; 3 Алебастрова гора Оренбургской обл.; 4 Быково II Волгоградской обл.; 5 Балыклей II Волгоградской обл.; 6 Заплавное Волгоградской обл.; 7 Никольское I Астраханской обл.; 8 Ново-Николаевское Волгоградской обл.; 9 Покровск Саратовской обл.; 10 Саркел Ростовской обл.; 11 Рахинка Волгоградской обл.; 12 Ильичевское городище (в районе Керчи); 13 Первоконстантиновка Херсонская обл.; 14 Булгаково Николаевской обл.; 15 Горожено Херсонской обл.; 16 Мирное Одесской обл.; 17 Тузлы Одесской обл.; 18 Шведское Херсонской обл.; 19 Котовка Екатеринославской губ., 20 М. Горького Запорожской обл.; 21 Каменка Екатеринославской губ.; 22 Гаевка Воронежской губ.; 23 Сарайлы-Кият Крымской губ.; 24 Ново-Каменка Херсонской обл.


1
2
3
4
I тип
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
II тип
16
17
18
19
20
III тип
21
22
23
24
25
26
0
5

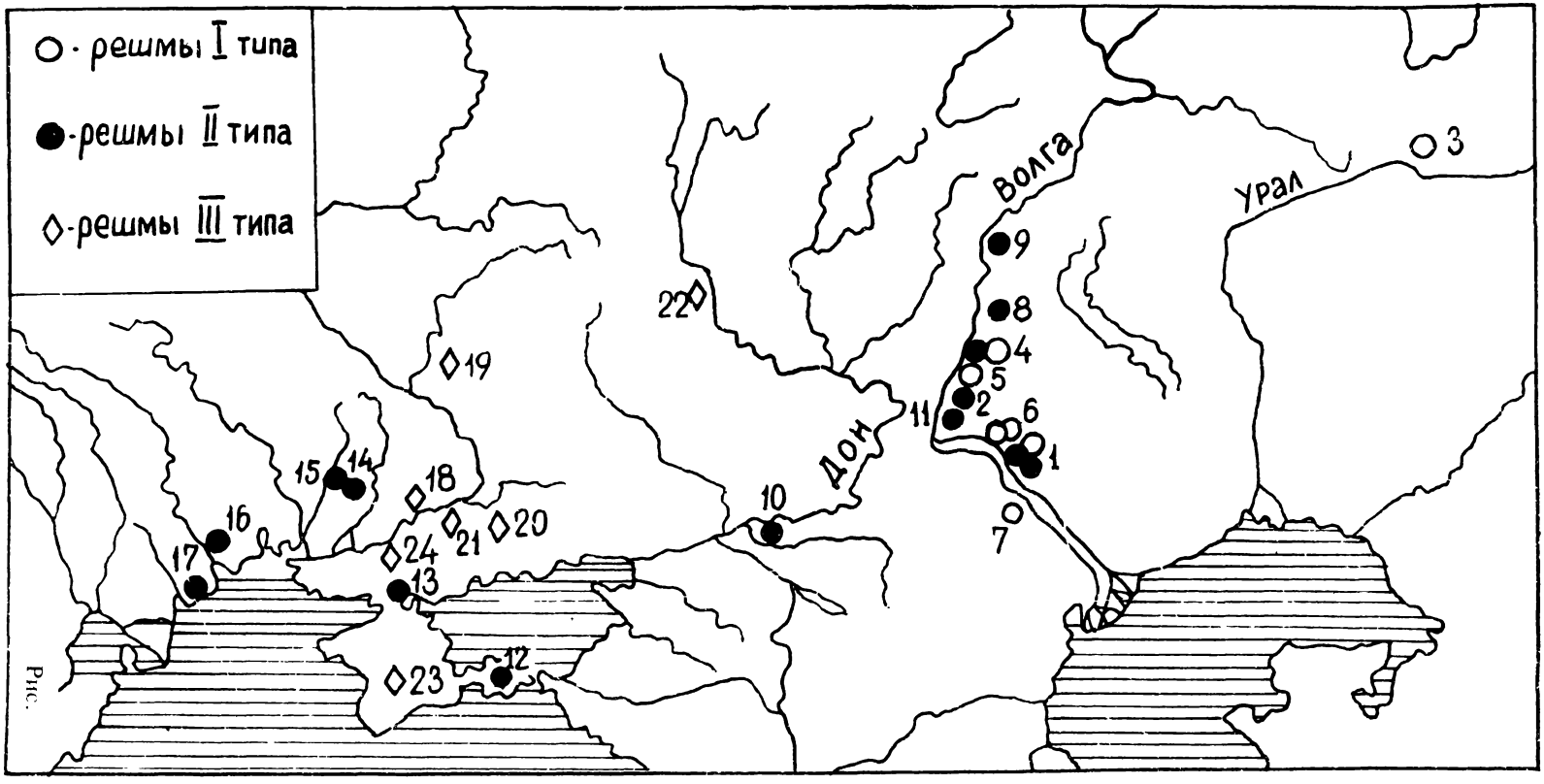

○ - решмы I типа
● - решмы II типа
◇ - решмы III типа
Волга
Урал
Дон
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

Рис.

Г. Гарустович

Могильник Саралжин I
(к вопросу об исламизации Джучиева Улуса)

В XIV в. в недрах золотоордынского общества происходят изменения, оказавшие влияние на весь ход исторических событий в Восточной Европе. К таким важным новациям, по нашему мнению, следует отнести, прежде всего, процесс исламизации кочевой степи. Распространение монотеистической религии на территории Джучиева Улуса является своеобразным индикатором уровня развития производительных сил золотоордынского общества, процесса класообразования, степени его консолидации и т. д.[1]

Происходившие в Золотой Орде в XIV в. изменения нашли свое отражение и в археологическом материале. В XIV и начале XV вв. традиционный для кочевников погребальный обряд, с курганными насыпями, инвентарем в погребениях, сменяется новым обрядом без курганных насыпей, инвентаря, со специфическим положенмем костяков в могильных ямах. В XIV в. под влиянием ислама в степных районах Дешт-и-Кыпчака и в городских центрах Золотой Орды появляется большое число каменных и кирпичных выкладок над погребениями[2], мавзолеев, грунтовых могильников с каменными надгробиями или без них.

Появление значительного числа во многом несхожих видов надмогильных сооружений имеет свои причины. Связаны они с длительностью и постепенностью процесса утверждения ислама, с разноэтическим характером населения Улуса Джучи (естественно, языческие традиции оказали мощное влияние на формирование таких различий), с различием территориальных центров, откуда ислам проникал в Дешт-и-Кыпчак (Средняя Азия, Иран, Азербайджан, Малая Азия и т. д.), с дифференциацией общества. Но более всего это многообразие связано с тем, что шариат, строго унифицируя обряд захоронения[3], не предъявляет таких же жестких требований к типам надмогильных сооружений.

В настоящей работе публикуются материалы двух курганов, исследованных в 1986 г. в бассейне р. Уил. Могильник, состоящий из 5 курганных насыпей, расположен в местности Кзыл-Жар, в 15 км южнее пос. Саралжин Уилского района Актюбинской области, от чего он и получил название "Саралжин I" Курганы занимают край невысокой террасы левого берега р. Уил. Раскопано два кургана.

Курган N 1. Диаметр 15 м, высота около 1 м. Насыпь земляная, на ее поверхности найдены обломки жженого и сырцового кирпича. В ходе раскопок кургана выяснилось, что перед нами не насыпь в буквальном смысле, а результат разрушения верхней части кирпичного "мазара" прямоугольной формы (6,3 х 6,3 м, юго-восточная стенка 7 м), углами ориентированного по сторонам света (рис. 1, *I*). Мазар был возведен на древней поверхности из сыр-

цового кирпича. Толщина его стен в среднем равнялась 1,25 м, высота сохранившихся частей 0,75 1,1 м. Кирпич укладывался плашмя в 7 9 рядов и скреплялся жидким глиняным раствором. По внешнему обводу основание стен укреплялось жженым кирпичом плинфой (23 х 23 х 6-7 см), уложенным в 4 слоя. Плинфой же была замощена вся внутренняя поверхность мазара, причем уровень пола находился примерно на 15 см (два кирпича) выше уровня внешнего обвода. В юго-западной стенке мазара находился вход шириной 1 м.

Среди земли и кирпичной крошки у внешнего края ограды встречались кости животных (барана и коровы) и куски дерева.

Внутри ограды, ближе к ее северо-восточной стенке, находились две могилы, обозначенные прямоугольными выкладками из жженого кирпича, уложенного плашмя в три ряда по всей длине могилы (мастаба).

Погребение 1. Яма прямоугольная, размером 2 х 0,45 м, глубиной от уровня пола ограды 1 м. В яме устроен кирпичный склеп. Дно и стенки могилы выложены плинфой. Потолок склепа сделан в виде ступенчатого стреловидного свода (рис. 1, *2*). На дне стоял прямоугольный гроб из досок, скрепленных по углам массивными коваными гвоздями Т-образной формы длиной 10 11 см и железными скобами.

Скелет взрослого мужчины лежал в гробу вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки слегка согнуты в локтях, кисти уложены на кости таза, лицо обращено на юго-запад (рис. 1, *3*).

Погребение 2. Могильная яма прямоугольной формы, длиной 2,05 м, шириной 0,6 м и глубиной 1 м. В могильной яме устроен склеп, закрытый кирпичной кладкой в виде купола. Внутри склепа установлен деревянный гроб, представляющий из себя прямоугольный ящик (плохой сохранности).

Костяк женщины лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом вверх, руки вытянуты вдоль тела (рис. 1, *4*, *5*).

Курган N 2 имел диаметр 6 м, высоту 23 см. Насыпь земляная. С севера курган окружал ров шириной 3 м. В насыпи встречались мелкие обломки жженого кирпича (0,2 х 0,09-0,07 м) и мелкие фрагменты гончарной золотоордынской керамики.

Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии северо-восток юго-запад, длиной 2,2 м, шириной 0,8 м, глубиной 1,3 м (глубина до ступенек 0,5 м). На глубине 0,2 м могила была обложена вдоль всех стенок сырцовым кирпичом прямоугольной формы 40 х 25 х 9 см так, что середина ямы оставалась свободной от кирпича. Кирпичи покрывал тонким слоем камыш. По мере надобности кирпичи обтесывали и обламывали. У восточной стенки зафиксировано скопление обломков сырца (рис. 1, *6*). Кирпичи были уложены на ступеньки вдоль 4-х сторон шириной 0,25-0,3 м.

Скелет взрослого мужчины лежал на дне могильной ямы, вытянуто на спине, головой на запад юго-запад, лицом вверх, кисти рук покоились на тазе (рис. 1, *7*).

Все три погребения были без вещей.

Таким образом, в раскопанных погребениях могильника Саралжин I были захоронены, безусловно, мусульмане. На это указывают следующие элементы обря-

да: отсутствие вещей, поворот лица к югу в сторону кыблы (курган N 1, погр. 1), кирпичная оградка-мазар и др. Вместе с тем, очевидно, что это ранние мусульмане[4], поскольку могильные ямы не имели подбоев - ляхедов; погребения в мазаре совершены в дощатых гробах; по всему периметру могилы в кургане N 2 сделаны ступеньки, подобно ступеньке-опоре для перекрытия в кыпчакских языческих могилах; вокруг оградки-мазара найдены кости животных остатки тризны; сама насыпь кургана N 2 это явно языческий пережиток.

Элементы погребального обряда показывают, что захоронения в могильнике Саралжин I совершены не ранее второй половины XIV начала XV вв. (золотоордынский мусульманский период)[5]. Это подтверждается размером и формой кирпича, использованного при сооружении мазара и склепов, а также формой и размером гвоздей, которыми был сколочен гроб в погребении 1 кургана N 1. Такие кованые гвозди начинают широко использоваться именно в золото-ордынское время[6] и исчезают в XV в.

Косвенным подтверждением правильности нашей датировки могут служить и кирпичные склепы. Раскопки на городских некрополях Золотой Орды (Увен, Мечетное, Маджары и др.) выявили значительное число погребений в кирпичных склепах, основная масса которых датируется второй половиной XIV в.[7]

Ближайшие аналогии мазару Саралжин I известны в Нижнем Поволжье и степном Приуралье: "301 км" и Успенка (Е.В.Шнайдштейн), Бахтияровка (В.А.Кригер)[8], Мокринский I и III (Г.А.Кушаев, Б.Ф.Железчиков), Лебедевка VIII, к. 1 (В.А.Кригер), Жангыз-Агаш (А.Л.Аниховский)[9].

Вероятно, следует согласиться с выводом Л.Т.Яблонского о принадлежности погребений в мавзолеях, склепах и мазарах представителям социальной верхушки золотоордынского общества[10]. И здесь как раз могильники, подобные могильнику Саралжин I, представляются наиболее показательными, поскольку сооружеие мавзолеев и мазаров в открытых степных районах было более сложным и дорогостоящим, чем в городах.

Почти полная тождественность форм мазаров (как и мавзолеев) в степи и в городах Золотой Орды позволяет говорить о постоянных, хорошо налаженных связях политических и культурных центров и перефирийных степных районов. Эти связи создавали возможность более быстрого распространения ислама в кочевой среде, прежде всего среди аристократии. В то же время в степных районах дольше сохранялись языческие пережитки, особенно в среде простых кочевников-скотоводов.

Таким образом, вторую половину XIV в. можно считать началом постепенного утверждения ислама в степях Джучиева Улуса. Процесс распространения мусульманства начался здесь, видимо, в начале XIV в., а окончательно утвердился ислам не ранее середины XV века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сухов А. Д. Религия в истории общества. М., 1979. С. 12.

[2] Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 158; Синицын И. В. Археологические исследования

заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. N 60. С. 175 и др.

[3] Цветков П. Исламизм. Т. III. Практические обязанности исламизма. Ашхабад, 1913. С. 177; Керимов М. Г. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 49.

[4] Нам уже приходилось писать о том, какое содержание мы вкладываем в термин: "раннемусульманские памятники" (Гарустович Г. Н. Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в Южно-Уральском регионе // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986. С. 78).

[5] Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XIII-XIV вв.). М., 1986. С. 56.

[6] Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII вв. Казань, 1986. С. 56.

[7] Пугаченкова Г.А. отмечает, что склепы в Среднеазиатских мавзолеях появляются не ранее XIV в. (Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. VI. М., 1958. С. 377). В конце XIV и XV вв. склепы уже довольно широко используются в мавзолеях Средней Азии. См., например: Массон М. Е. Краткое сообщение о результатах исследования мавзолея "Ходжа Ахмада" в группе "Шах-Зинда" в Самарканде в 1922 году // Известия туркестанского отдела Русского географического общества. Т. XVII. Ташкент, 1924. С. 157; Шишкин В.А. Гури-Мир // Научные труды ТашГУ. Вып. 232. Археология и антропология. Новая серия исторической науки. Кн. 48. Ташкент, 1964. С. 21, 28, 30.

[8] Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 106. Рис. 3, 5-7.

[9] Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXII. Оренбург, 1970. С. 66.

[10] Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Волжского городища // СА. 1980. N 1. С.103; Он же. Типы погребального обряда на средневековом мусульманском некрополе Селитренного городища // Полевые исследования института этнографии, 1978. М., 1980. С. 21.

Список иллюстраций к статье Г. Гарустовича "Могильник Саралжин I. К вопросу об исламизации Джучиева Улуса

Рис. 1 Могильник Саралжин I:

1 план кургана 1; 2 склеп в погребении N 1 кургана 1; 3 план погребения N 1 кургана 1 (1 железные гвозди от гроба; 2 железная скоба от гроба; 3 тлен от материи); 4 остатки перекрестия в погребении N 2 кургана 1; 6 перекрестие в погребении кургана 2; 7 план погребения кургана 2; 8 план кургана 2.

Условные обозначения: А квадратные жженые кирпичи; Б остатки дерева; В остатки камышевой подстилки

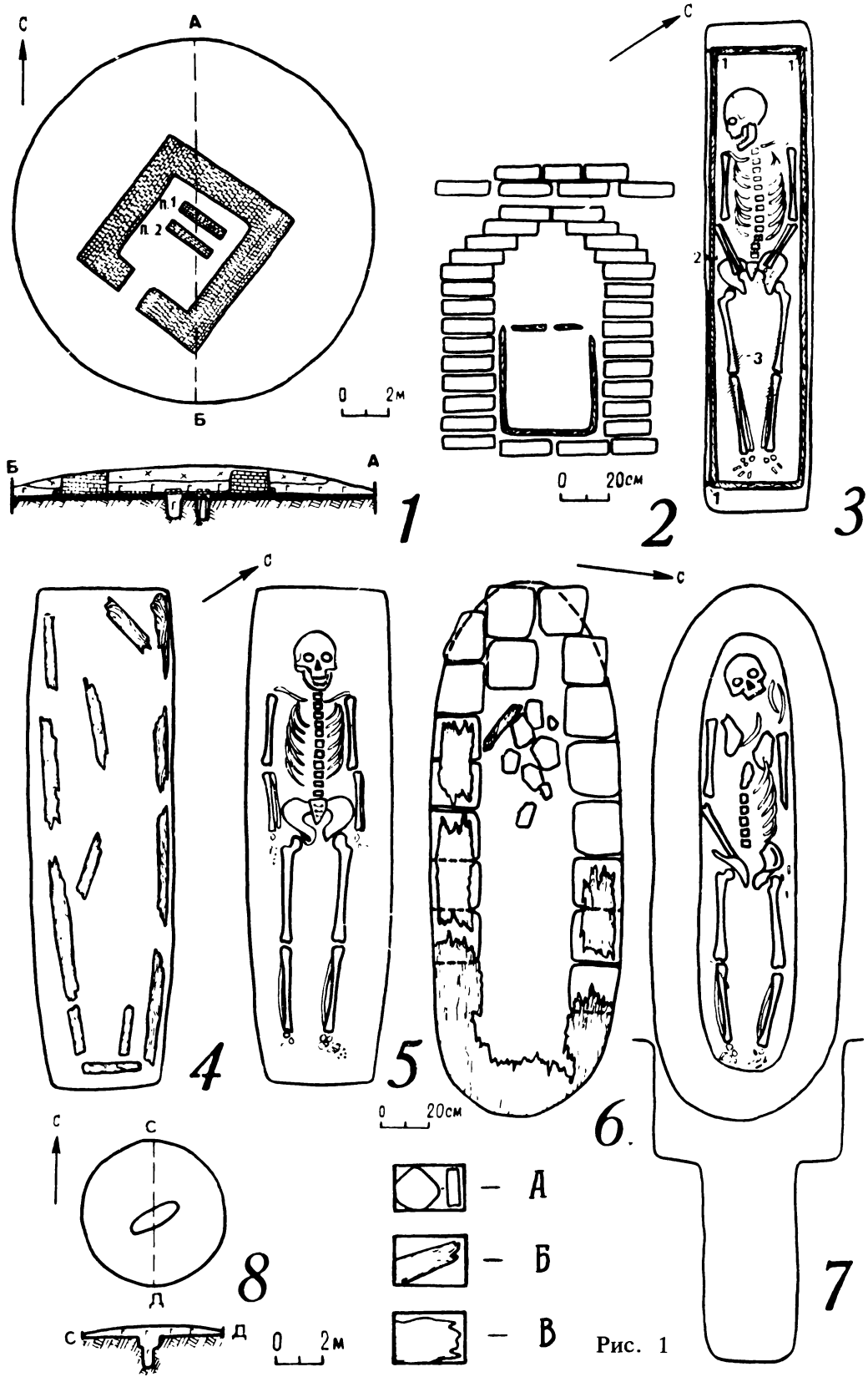

С
А
п.1
п.2
Б
0 2м
Б
А
1
С
1
1
2
3
1
0 20см
2
3
С
4
С
5
0 20см
С
6
7
С
С
Д
С
Д
0 2м
8
– А
– Б
– В

Рис. 1

С. Гуцалов

Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область)

Памятники огузо-печенежского времени и типа в степях Южного Приуралья встречаются очень редко, хотя во всех средневековых письменных источниках этот регион фигурирует как один из центров кочевания огузов и печенегов. Поэтому каждое погребение, связанное с этими племенами из Приуралья, вызывает пристальное внимание исследователей. В статье дается описание погребения огузо-печенежского времени, раскопанного в 1984 г. в разрушенном кургане у пос. Болгарский Алгинского района Актюбинской области.

Земляной курган диаметром 9 м и высотой 40 см находился на краю надпойменной террасы, выдающейся мысом в долину р. Сары-Хобуа, в 1,5 км южнее пос.Болгарский. Осенью 1983 г. курган был разрушен во время строительства телемачты, а летом следующего года исследован экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея под руководством автора статьи.

Погребение N 3 (впускное) было обнаружено в юго-восточном секторе кургана. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,7 х 0,9 м, глубиной от современного уровня 1,45 м ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На дне могилы, на глубине 1,25 м, на подстилке из веток в анатомическом порядке лежали череп и кости ног коня, ориентированные на юго-запад (рис. 1, *1, 2*). На месте спины коня находились деревянное седло (длина полочек 52 см) с высокой вертикальной передней лукой и два железных стремени овальной формы с вогнутой подножкой и выступающей прямоугольной петлей (рис. 1, *9*). Возле костей задних ног коня найдены остатки подпружных ремней, украшенных десятью бронзовыми прямоугольными бляхами с умбоном посредине и такой же полуовальной бляхой (рис. 1, *15, 14*).

На черепе коня и вокруг него найдены 11 накладок, украшавших оголовье. Наиболее крупная сердцевидная бляха-решма, украшенная растительным орнаментом по наружнему краю (рис. 1, *19*), состоит из двух пластин: наружной серебряной с сердцевидной выпуклиной в центре и нижней железной, соединенной с наружной четырьмя заклепками. Между пластинами сохранились остатки кожаного ремня. Вторая подобная бляха-решма, меньшего размера, лежала на носовых костях конского черепа (рис. 1, *17*), ниже ее бронзовая бляшка-ворворка. Справа и слева от черепа найдены бронзовые 3- и 4- лепестковые накладки, украшенные выпуклым растительным орнаментом (рис. 1, *18, 21*). Под нижней челюстью коня лежали бронзовый наконечник ремня (рис. 1, *7*) и овальнорамчатая пряжка с цельнолитым гладким полуовальным щитком и подвижным железным язычком (рис. 1,

6). Под затылочной частью черепа найдены две небольшие круглые бляшки-заклепки (рис. 1, *5*).

В юго-восточной стенке могилы вырыт подбой высотой 35 см и глубиной 15 см, перекрытый березовыми жердями и прутьями. На дне подбоя, в гробу из бересты лежал вытянуто на спине женский скелет, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте и кистью положена на таз (рис. 1, 1). На скелете сохранились остатки одежды типа халата из ткани с узором в виде мелких голубых листиков на белом фоне. Удалось установить покрой рукавов халата: широкие в плечах, они сужались к запястью. Края рукавов и низ подола халата, очевидно, были обшиты мелкими серебряными бляшками-розетками (рис. 1, *3-4*), о чем свидетельствует их скопление на запястьях и в виде редкой цепочки на голенях.

При погребенной найдены золотая проволочная серьга в виде кольца у левого ушного отверстия, бронзовое зеркало в плоском деревянном футляре у черепа, под зеркалом двусторонний деревянный гребень (рис. 1, *8, 10, 16*) и железные шарнирные ножницы с обломанными концами (рис. 1, *21*).

Уздечный набор, найденный в погребении, состоит из предметов, имеющих аналогии в комплексах огузо-печенежского времени (X XI вв.): это бляхи-решмы, подпружные бляхи с умбонами, трех- и четырехлепестковые уздечные накладки[1]. Вещи, найденные на погребенной, эту дату не опровергают.

Что касается этно-культурной принадлежности погребения, то в его обряде прослеживается сочетание признаков, характерных, как считает В.А.Кригер, для огузских погребений Заволжья и Приуралья: могила с деревянным перекрытием, шкура коня, уложенная на перекрытие, богатый ассортимент погребального инвентаря[2]. Все это дает основание считать, что впускное погребение в кургане Болгарка I было оставлено представителями огузских племен Заволжья и Приуралья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. Рис. 10; Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 82, 89, 33, 80, 109.

[2] Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 126.

Список иллюстраций к статье С. Гуцалова "Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область)

Рис. 1 Могильник Болгарка I, курган N 1, погребение 3:

1 план погребения; 2 - профиль погребения; 3-4 розетки для украшения одежды; 5 наносный султанчик; 6 пряжка; 7 наконечник ремня; 8 гребень; 9 лука седла; 10 проволочная серьга; 12-13 стремена; 16 зеркало; 17, 19 налобные бляхи-решмы; 18, 21 бляхи от перекрестий ремней; 20 ножницы; 22 пряжка от пут;

3, 4, 17, 19 серебро; 5-7, 11, 14-16, 18, 21-22 бронза; 8, 9, 22 дерево; 10 золото; 12, 13, 20 железо;

А березовые ветки; Б деревянные плашки; В углистый слой; Г гроб из бересты

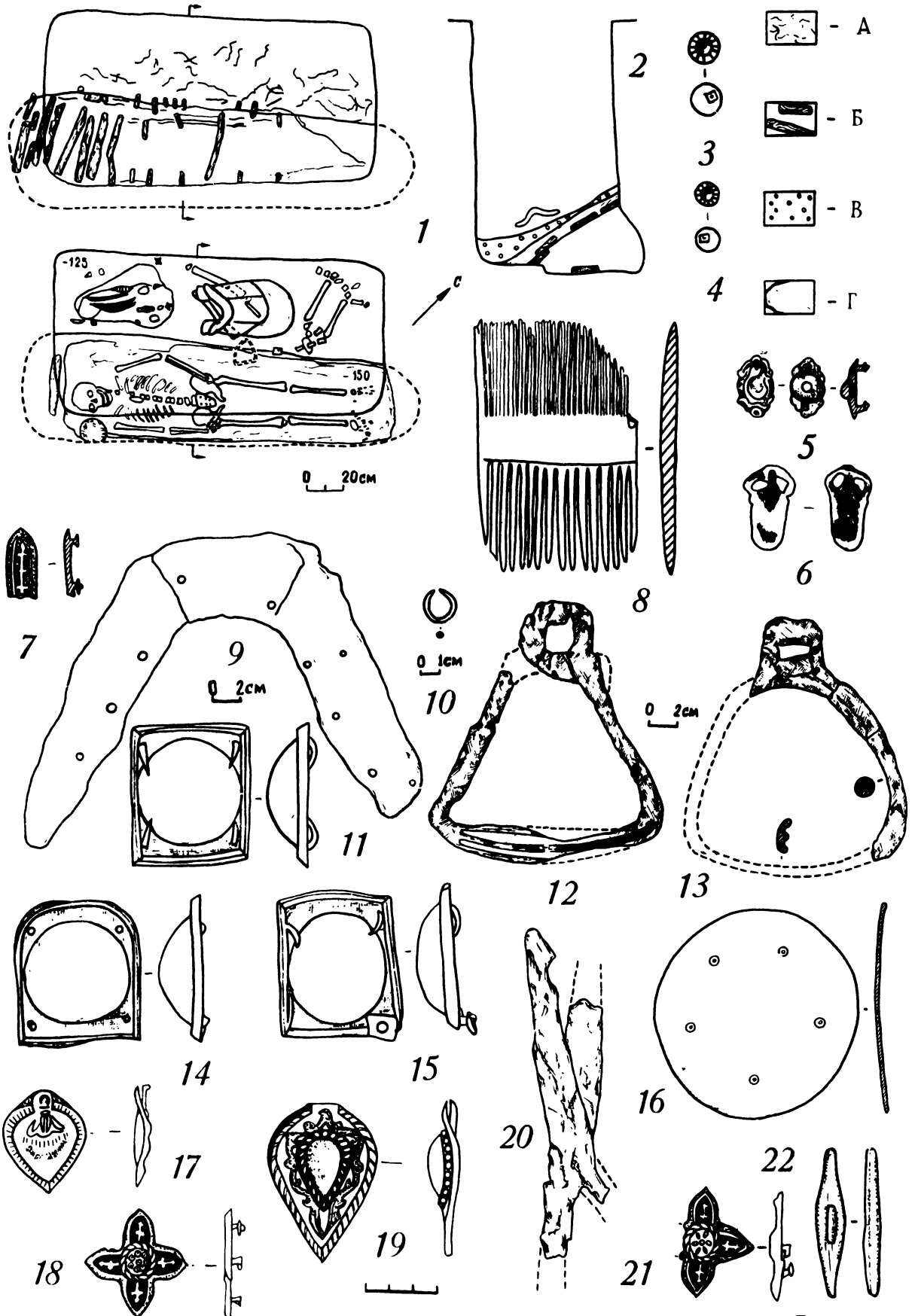

А
Б
В
Г
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
-125
-150
С
0 20см
0 2см
0 1см
0 2см

Рис. 1

В.Иванов

Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей

Логично предположить, что концепция трех стадий кочевания, разработанная С.А.Плетневой и по сути своей имеющая универсальный характер, находит свое проявление и в тех районах евразийских степей, которые, по тем или иным причинам, оказывались как бы на периферии кочевнических ойкумен, зафиксированных в средневековых письменных источниках. В этом плане степи Урало-Поволжья представляют собой совершенно уникальный регион, поскольку, находясь в самой сердцевине Великого пояса степей Евразии, они на всем протяжении истории евразийских номадов пропускали через себя все кочевые волны, которые исторгала из своих глубин неиссякаемая Азия. Другое дело, что целенаправленное археологическое изучение данного региона в контексте средневековых кочевнических древностей долгое время отставало от более западных областей степной Евразии, а потому памятники рассматриваемого региона, в силу своей малочисленности, играли вспомогательную роль восточноевропейской (да и азиатской) периферии.

На сегодняшний день мы можем со всей определенностью сказать, что накопление источниковой базы по кочевнической археологии эпохи средневековья достигло в регионе такого уровня, когда можно ставить и решать проблемы этнокультурной динамики, характера и масштабов освоения теми или иными кочевыми группами территории Урало-Волжских степей. Параллельно возникает необходимость концептуального объяснения фиксируемых археологических ситуаций, а уже существующие концепции (в данном случае о трех стадиях кочевания) получают возможность быть подтвержденными или оспоренными новым материалом, в их разработке не задействованным.

Археологические памятники, известные ныне в степях Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, дают возможность осветить этнокультурную историю средневековых кочевников на протяжении целого тысячелетия: от похода гуннов IV-V вв. до Золотой Орды включительно. Хронологически 518 исследованных в разные годы погребений распределяются следующим образом: 2,5% - погребения V VIII вв., включая эпоху великого переселения народов и первых Тюркских каганатов; 19,5% погребения огузо-печенежского времени, т. е. конца IX-XI вв.; 78,0% погребения золотоордынского времени, XIII-XIV вв.

Из приведенных данных следует, что в середине второй половине I тыс. н. э. (датировка ранних погребений региона дается по А.К.Амброзу) степи Урало-Поволжья представляли собой коридор, через который стремительно проходили гунны и связанные с ними кочевые племена, оставившие в регионе немногочисленные погребения (по типологии А.К.Амброза погребения I и

II групп), расположенные в основном по левобережью Нижней Волги (рис. 1) и все без исключения впущенные в насыпи еще более ранних курганов. Налицо основные признаки первой стадии кочевания, для которой характерны отдельные погребения, разбросанные на больших пространствах[2].

Признаки второй стадии кочевания (ограничение территории кочевания для каждой орды, появление постоянных мест для сезонных стойбищ и курганных могильников рядом с ними)[3] в степях Поволжья и Южного Приуралья фиксируются не ранее конца IX-X вв. Причем признаки эти достаточно выражены: прежде всего, это разграничение двух этнокультурных территорий огузской в южной части Урало-Волжских степей и печенежской в северных, прилегающих к лесостепи областях[4]. И хотя в обеих группах преобладают впускные погребения (по подсчетам автора, у огузов 79,6%, у печенегов 59,0%), но заметный удельный вес составляет и специально сооруженные курганы (соответственно, 20,4% и 41%), иногда группирующиеся в могильники: Верхне-Погромное, Быковсский, Калиновский, Эльтон, Карасу-I (рис. 1) Мы пока не имеем достоверных сведений об исследованиях и находках следов огузских или печенежских стойбищ, что отнюдь не исключает вероятности их существования в древности.

Судя, по тому, что европейские печенеги, известные Константину Багрянородному, повествовали ему о своей исконной земле к востоку от Волги, а в сочинениях восточных авторов (Ибн-Фадлан, Масуди) и огузы, и печенеги в Заволжье и Приуралье каждый выступали под своим единым (обобщенным) именем, можно предположить, что в X-XI вв. в рассматриваемом регионе кочевые племена уже стояли на уровне сложения этнических общностей, что, по мнению С.А.Плетневой, также является одним из характерных признаков второй стадии кочевания[5]. Данное положение в нашем случае подтверждается не только единством материальной культуры и мировоззрения (погребальный обряд) внутри выделенных в Урало-Поволжье этнокультурных областей, но и высоким коэффициентом типологического сходства погребальных памятников заволжских и европейских печенегов.[6]

Утверждению в степях региона второй стадии кочевания, очевидно, способствовали и внешние факторы в лице Хазарского каганата, преграждавшего огузам и заволжским печенегам дальнейший путь на запад, и ранней Волжской Болгарии, активизировавшей в XI., после падения Хазарского каганата, свою экспансию в южном направлении.

В керамике второй группы X XI вв., выделенной Т.А.Хлебниковой на поселениях южных районов Волжской Болгарии, которую исследователь типологически сближает с печенежско-огузскими керамическими комплексами[7], весьма заманчиво было бы видеть следы перехода урало-волжских кочевников к третьей стадии кочевания по сути уже оседлости, что в общем-то и было отражено в некоторых работах автора статьи[8]. Однако керамика раннеболгарских памятников Среднего Поволжья (т. н. "новинковского типа" см. статью А.Богачева и С.Зубова в настоящем сборнике) заставляет вновь задуматься над необходимостью более углубленного сравнительно-типологического анализа этой керамики и керамики II группы VIII-IX

и X-XI вв. с памятников Волжской Болгарии (по Т.А.Хлебниковой), тем более, что "новинковская керамика" начинает становиться все более массовым явлением в Среднем Поволжье, а керамика печенежского типа обнаружена пока только в пяти погребениях Урало-Волжских степей. Да и в целом, надо полагать, дальнейшее развитие второй стадии кочевания в регионе было прервано в середине XI в. кыпчаками=половцами, вытеснившими из степей Урало-Поволжья огузов и печенегов. В регионе известно не более 30 половецко-кыпчакских погребений XII начала XIII вв., из них в степном Приуралье только 9: Базар-Тюбе, к.8; Лебедевка VI, к.106 11; Лебедевка VIII, к.6; у пос.Комсомол, к.1,2; Нов.Кумак, к.2; Красный Яр, к.17) (рис. 1).

В золотоордынское время этнокультурная ситуация в степном Урало-Поволжье существенно меняется. По результатам сравнительно-типологического анализа курганов второй половины XIII XIV вв. в Нижнем Поволжье и волго-уральском междуречье В.А.Кригером и мной первоначально были выделены погребения т. н. "быковской", "царевской" групп и "западной группы Приуралья"[9]. Степи от левого берега Волги до западной излучины р. Урал и низовьев Илека были в это время заняты этнически однородными половецко-кыпчакскими племенами (команами у П.Карпини и В.Рубрука). Коэффициент типологического сходства курганов трех указанных групп, равнй 0,80-0,88, показывает, что в этнокультурном отношении это был единый массив (этнокультурный ареал), в политическом отношении составлявший восточную часть улуса Бату (Волжской Орды).

На территории этого государства мы фиксируем две стадии кочевания вторую и третью в их "классическом" варианте. Население глубинных степных районов Волго-Уральского междуречья находилось на второй стадии кочевания, представленной самыми характерными ее формами: четко очерченная территория кочевий (между Илеком на востоке, Самарой на севере, низовьями Узеней и оз. Эльтон на западе и северной границей Прикаспийской низменности на юге); наличие стационарных могильников, насчитывающих по несколько десятков одновременных захоронений (Линевский, Лебедевские, Мокринский, Джангала) (рис. 1); отсутствие крупных стационарных поселений-городов.

По левобережью Нижней Волги то же самое половецко=кыпчакское население концентрировалось вокруг ордынских городов, где исследованы стационарные многомогильные кочевнические некрополи: Быковский, Царевский, Бахтияровский, у пос. Ленинск и др. Наряду с обычными курганами, на этих могильниках обнаружены сооружения из саманного, жженого кирпича и пахсы в виде оградок или мавзолеев-мазаров, которые, по мнению В.А.Кригера, связаны с процессом оседания кочевников на землю[10]. Утверждение, однако, не бесспорное, поскольку подобные же сооружения известны и в восточных глубинных районах Урало-Волжских степей, где никакого оседания кочевников не происходило (см. статью Г. Гарустовича в наст. сб.).

Далее на востоке рассматриваемого региона, в верховьях р.Урал, в бассейне Эмбы и предгорьях Мугоджар, мы вновь обнаруживаем для XIII XIV вв. зону второй стадии кочевания, образо-

ванную т. н. "каменными курганами" золотоордынского времени (или курганами восточной группы Южного Приуралья)[11], которые представляют собой надмогильные сооружения в виде каменных выкладок, беспорядочных насыпей, обкладок-"черепах" или оградок над могилами. Курганы эти в массе своей разбросаны по приуральской степи небольшими группами из 2-4 насыпей, только в верховьях р. Урал концентрируясь в относительно крупные могильники: Ишкуяовский II, Покровский, Ново-Кумакский (рис. 1). Этнокультурная принадлежность кочевников, оставивших эти курганы, пока не ясна. Очевидно лишь, что они не могут быть отождествлены с волго-уральскими половцами=кыпчаками, поскольку коэффициент типологического сходства между каменными и земляными курганами рассматриваемого региона очень невелик 0,39.

Подобный тип надмогильных сооружений, традиционный для средневекового Алтая, в IX-X вв. был также широко распространен среди кимако - кыпчакских племен Верхнего Прииртышья, сопровождаясь признаками обряда, характерными и для рассматриваемых приуральских памятников: целый остов коня в могиле, северная ориентировка погребенных, деревянные перекрытия над могилами. Поэтому точка зрения Г.А.Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой, связывающих племена, оставившие в восточноевропейских степях каменные курганы, с этнокультурной средой Южной Сибири и Алтая, автору статьи представляется наиболее конструктивной. Скорее всего, в этнокультурном плане они могут быть соотнесены с одной из групп, составлявших центр кимако=кыпчакского этнополитического объединения на Иртыше: сеяньто (кыпчаки) или яньмойемеки (кимаки).

В этнополитическом аспекте ареал каменных курганов совпадает с границами улуса Шибана (Шайбана) в том виде, как они реконструируются исследователями по данным средневековых авторов. Улус Шибана полностью кочевое государственное образование с двумя сезонными центрами (летом по берегам Иргиза, Ори и Илека, зимой в Кара-Кумах, на берегах Сыр-Дарьи, Чу и Сары-Су) был образован как своеобразный буфер между полукочевыми государствами: Батыевым улусом (Большая или Волжская Орда) и улусом Орда-Еджен (Белая или Ак-Орда) (по Н.Н.Мингулову).

Типологические различия курганов золотоордынского времени в Заволжье и Южном Приуралье показывают, таким образом, что граница между Батыевым улусом и улусом Шибана, действительно, совпадала с этнической границей волго-уральских и казахстанских кыпчаков (как это считает Г.А.Федоров-Давыдов), но этнический состав Шибанова юрта определяли все-таки не огузы, а племена, некогда составлявшие ядро кимако-кыпчакского этнополитического союза.

Итак, выявленная в степях Заволжья и Приуралья археологическая ситуация со всей определенностью показывает, что на ранних этапах истории евразийских средневековых кочевников они проявляли себя в регионе сообразно с общим ходом своего развития: гунны и связанные с ними племена находились на первой стадии кочевания; огузы и печенеги на второй стадии и только половцы=кыпчаки последние крупные хозяева евразийских степей продемонстрировали здесь полный цикл стади-

ального кочевания, дав возможность своим потомкам (башкирам, казахам) вновь вернуться к наиболее оптимальной и характерной стадии второй.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 21.

[2] Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 26.

[3] Там же. С. 42.

[4] Иванов В.А. Заволжская Печенегия (в печати).

[5] Плетнева С.А. Кочевники средневековья... С. 72.

[6] Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н.э. // Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1990. С.36.

[7] Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984. С. 216-217.

[8] Иванов В.А. Заволжская Печенегия...

[9] Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII XIV вв.). М., 1988. С. 60-66.

[10] Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985. С. 24.

[11] Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени... С. 50.

Список иллюстраций к статье В. Иванова "Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей"

Рис. 1 Карта средневековых кочевнических памятников степного Заволжья и Южного Приуралья:

1 у п/л "Золотая Нива"; 2 Федоровка; 3 Осинковский; 4 Покровский; 5 Волчанский; 6 Колысевский; 7 Андреевский; 8 Ишкуловский II; 9 Покровский; 10 IV Ивановский; 11 Юлдыбаевский; 12 у пос.Комсомол; 13 у пос.Большевик; 14 Новоорский; 15 Орский одиночный; 16 Колпакский; 17 Хабарчый I; 18 Тлявгуловский; 19 Алабайтал; 20 VII Новочеркасский; 21 Каменно-озерный; 22 Башкирское стойло; 23 Нежинский; 24 Ханская Могила; 25 Россыпная; 26 Рычковка; 27 Яман; 28 Рубежинский; 29 Верхне-Погромное (Оренбургская обл.); 30 Уральск; 31 Шипово; 32 г. Энгельс (Покровск); 33 Покровск; 34 Фриденберг; 35 Березовка; 36 Бородаевка; 37-38 Скатовка; 39 Луговское; 40 Ровное; 41 Черная Падина; 42 Новоузенский Сад; 43 Мамбетбай; 44 Челкар III; 45 Барбастау; 46 Подстепное; 47 Челкар I; 48 Изобильный; 49 Мертвецовский; 50 Линевский; 51 Лиман; 52 Увак; 53 Тамар-Уткуль; 54 Мертвые Соли; 55 у пос.Урал; 56 Худай-Берген; 57

Ново-Кумакский; 58 Кара-Тугайская волость; 59 Каргалы; 60 Шпаки II; 61 Лебедевка VIII; 62 Лебедевка IV; 63 Янайкино; 64 Торгун; 65 Политотдельское; 66 Иловатка; 67 Новоникольское; 68, 69 Бережновка; 70 Быково; 71 Калиновка; 72 Рахинка; 73 Старая Иванцовка; 74 Верхне-Погромное; 75 Заплавное; 76 Верхне-Погромное; 77 Средняя Ахтуба; 78 Бахтияровка; 79 Заплавное; 80-81 Ленинск; 82 Царев; 83 Киляковка; 84 Эльтон; 85 Саралжин; 86 Кара-Су; 87 Кара-Оба; 88 Караултобе; 89 Мамбеталы; 90 Болгарка; 91 Атпа; 92 Родники; 93 Новая База I; 94 Новая База II.

Условные обозначения: I курганы V-VIII вв. (по А.К.Амброзу); II курганы X-XI вв.; III земляные курганы XIII-XIV вв.; IV каменные курганы XIII-XIV вв.

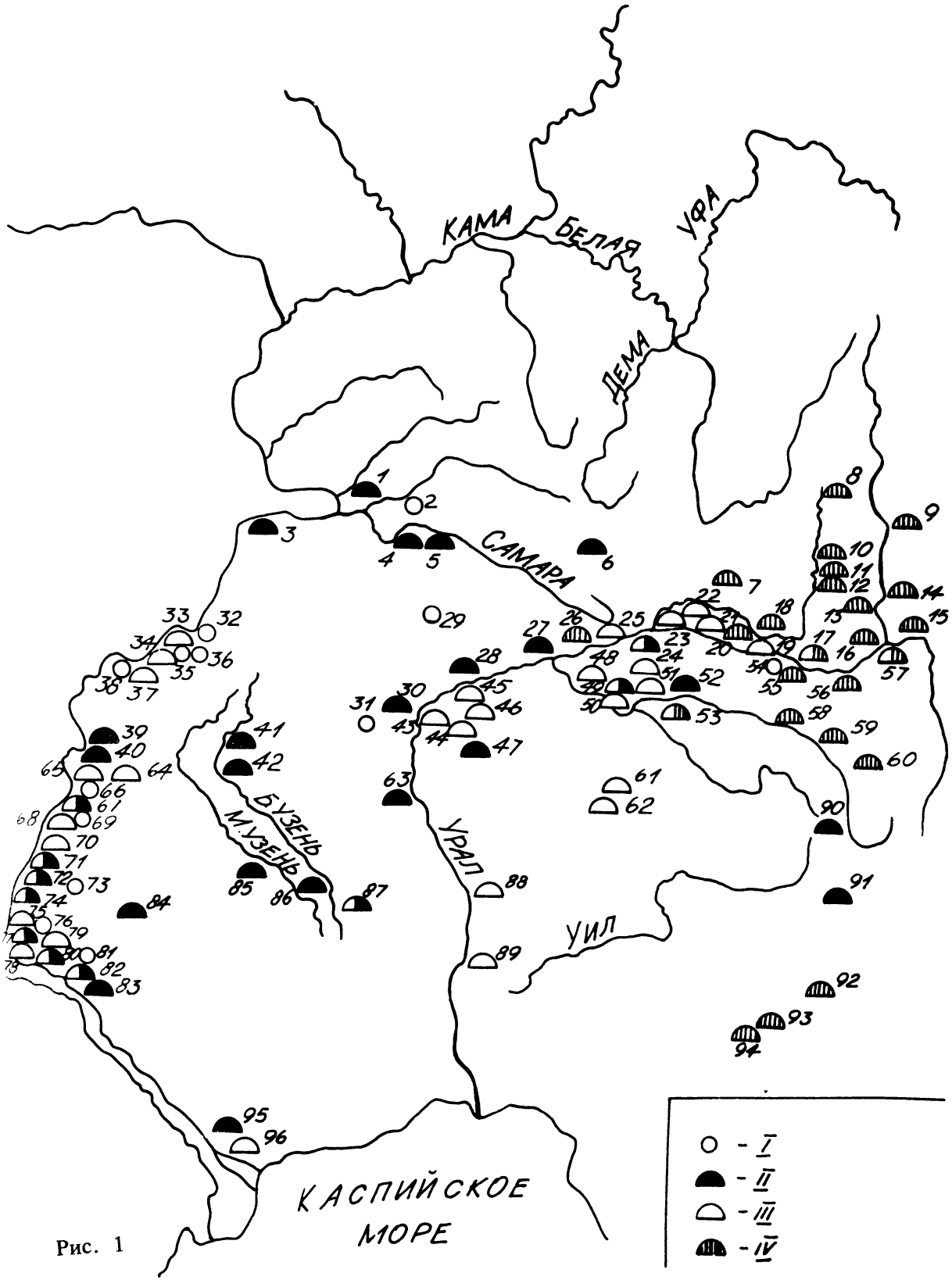

КАМА
БЕЛАЯ
УФА
ДЕМА
САМАРА
БУЗЕНЬ
МУЗЕНЬ
УРАЛ
УИЛ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
- I
- II
- III
- IV

Рис. 1

Е. Казаков

Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке

В течение ряда лет Раннеболгарской экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР (ныне ИЯЛИ Казанского научного центра Российской АН) проводились охранно-спасательные работы на разрушаемых памятниках в зоне Куйбышевского водохранилища. Основные исследования были сосредоточены на памятниках приустьевого Закамья южного угла, разделяющего широкие пойменные долины Камы и Волги. В низовьях протекающих здесь рек Ахтай и Бездна выявлены многочисленные именьковские памятники, сводная карта расположения которых дана в работе П.Н.Старостина[1]. Часть материала с этих памятников уже опубликована нами[2].

Среди именьковских памятников, открытых и изученных Раннеболгарской экспедицией в последние годы, наибольший интерес представляют могильники у пос. Коминтерн и с. Измери. На первом исследовано 39 захоронений, синхронных погребениям известного Кушнаренковского могильника на р. Белой[3], а на IX Измерском могильнике в урочище "Девичий городок", что в 3,5 км западнее с. Измери Куйбышевского района Татарстана 11 погребений.

IX Измерский могильник составляет единый комплекс с большим именьковским селищем, расположенным в 100-120 м западнее могильника. В 1989 г. в результате большого спада воды на водохранилище обнажилась значительная, правда, разрушенная часть поселения, где была собрана богатая коллекция характерных именьковских вещей: биконические глиняные пряслица (рис. 1, ***33, 34***), льячка (рис. 1, ***32***), блоковидные поделки.

В именьковских памятниках находят ближайшие аналогии: железный серп (рис. 1, ***29***), кольцо от косы-горбуши (рис. 1, ***28***), ножи (рис. 1, ***24-26***), стержневые булавки с приемным кольцом в верхней части (рис. 1, ***8, 9, 10***)[4].

Среди подъемного материала имеется более десятка деталей поясного набора: пряжки, наконечники ремней (рис. 1, ***3, 4, 12-15, 17-23***). Большинство из них имеют самое широкое распространение, а железные пряжки с вытянуто-овальным приемным кольцом (рис. 1, ***20, 23***) и бронзовые пряжки с овальным и утолщенным приемным кольцом (рис. 1, ***19, 21, 22***) характерны для именьковских комплексов[5].

Найдены на селище бронзовые шумящие подвески (рис. 1, ***5***), ближайшие аналогии которым известны в Бирском (погр. 181), Варнинском (погр. 16), Концовском (погр. 28) могильниках и некоторых других памятниках VI VII вв.[6]

В Концовском могильнике имеется аналогия бронзовой пластинчатой накладке (рис. 1, ***2***) и бронзовым бусам-пронизкам (рис. 1, ***1-2***), а в Бирском (погр. 35) сюльгаме со слабопрофилированной спинкой (рис. 1, ***16***)[7].

Приведенные аналогии позволяют датировать селище второй половиной VI-VII вв., хотя на нем найдены и более ранние вещи (например, пряжки с вытянуто-овальными приемными кольцами). Поселение, скорее всего, существовало в период распространения изделий раннегеральдического облика, появление которых относят к середине VI в. Во всяком случае, к этому времени можно отнести серебряный приемный щиток от пряжки (рис. 1, ***17***), а также находки, встреченные на этом памятнике в предшествующие годы (серебряные полуовальные подвески-"бельки", датируемые VI VII вв).

IX Измерский могильник обнаружен по четырем погребениям, разрушаемым размывом берега (погр. 2, 3, 10, 11). В двух раскопах, заложенных на площадке памятника, изучены еще могилы, содержащие пережженные кости, керамику и другие вещи. Всего на могильнике вскрыто 11 погребений, редко расположенных по площадке некрополя (одно захоронение на 15-20 кв. м). Очертания могильных ям, глубиной 40-75 см, в черноземе не прослеживаются. Продольную линию могил можно установить только по площади распространения кальцинированных костей и расположению сосудов. Судя по ним, погребения были ориентированы по линии северо-запад юго-восток.

На глубине 30-40 см местами встречаются единичные фрагменты именьковской керамики, а в четырех случаях возле погребений расчищены развалы сосудов, скорее всего, поминальных или жертвенных. Сосуды найдены в погребениях 2, 3, 5, 6, 8, причем в погр. 5 два сосуда сохранились целиком и один в обломках. Отдельные фрагменты керамики присутствуют практически во всех захоронениях. Сосуды, обнаруженные на могильнике, лепные, плоскодонные с серо-черной бугристой поверхностью и примесью шамота в тесте. Исключение составляют сосуды из погребения 5, изготовленные из глины с примесью песка и имеющие заглаженную или залощенную поверхность.

Все сосуды из погребений небольшие: высота их 5,5-12,5 см, диаметр по венчику от 5 до 10,5 см. Несколько отличаются сосуды из межмогильных (поминальных?) комплексов, более высокие с диаметром по венчику около 14 см. По размерам эта группа керамики близка к бытовой поселенческой посуде, заметно отличающейся от погребальной.

В погребениях найдены характерные для именьковской культуры биконические глиняные пряслица (рис. 2, ***11-13***), бронзовая литая пронизка, имеющая аналогии в комплексах VI VII вв. Концовского могильника (рис. 2, ***12***). Этой дате не противоречат мелкие стеклянные бусы желтого цвета из погр.3 и железная пряжка с овальным кольцом из погр. 7 (рис. 2, ***14***).

Таким образом, поселение и могильник в местности Девичий городок составляют единый именьковский хронологический и культурный комплекс, нуждающийся в интенсивном изучении в связи с его катастрофическим разрушением водами Куйбышевского водохранилища.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1-32. С. 49. Табл. 1.

[2] Казаков Е.П. Новые материалы II-III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 116-130.

[3] Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1988. С. 63.

[4] Старостин П.Н. Указ. соч. С.73. Табл. 13, 2, 3; 19, 19, 23.

[5] Там же. Табл. 19, 11, 22, 24; Казаков Е.П. Новые материалы... Рис. 1, 2, 32.

[6] Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 126. Табл. 7, 8; Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С.113. Табл. VII, 40; Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 12. Рис. 6, 9.

[7] Иванова М.Г. Указ. соч. С.21. Рис. 15, 10; Мажитов Н.А. Указ. соч. С.132. Табл. 13, 3.

Список иллюстраций к статье Е. Казакова "Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке"

Рис. 1 Вещевой инвентарь с селища Девичий городок
Рис. 2 Вещевой инвентарь с IX Измерского могильника

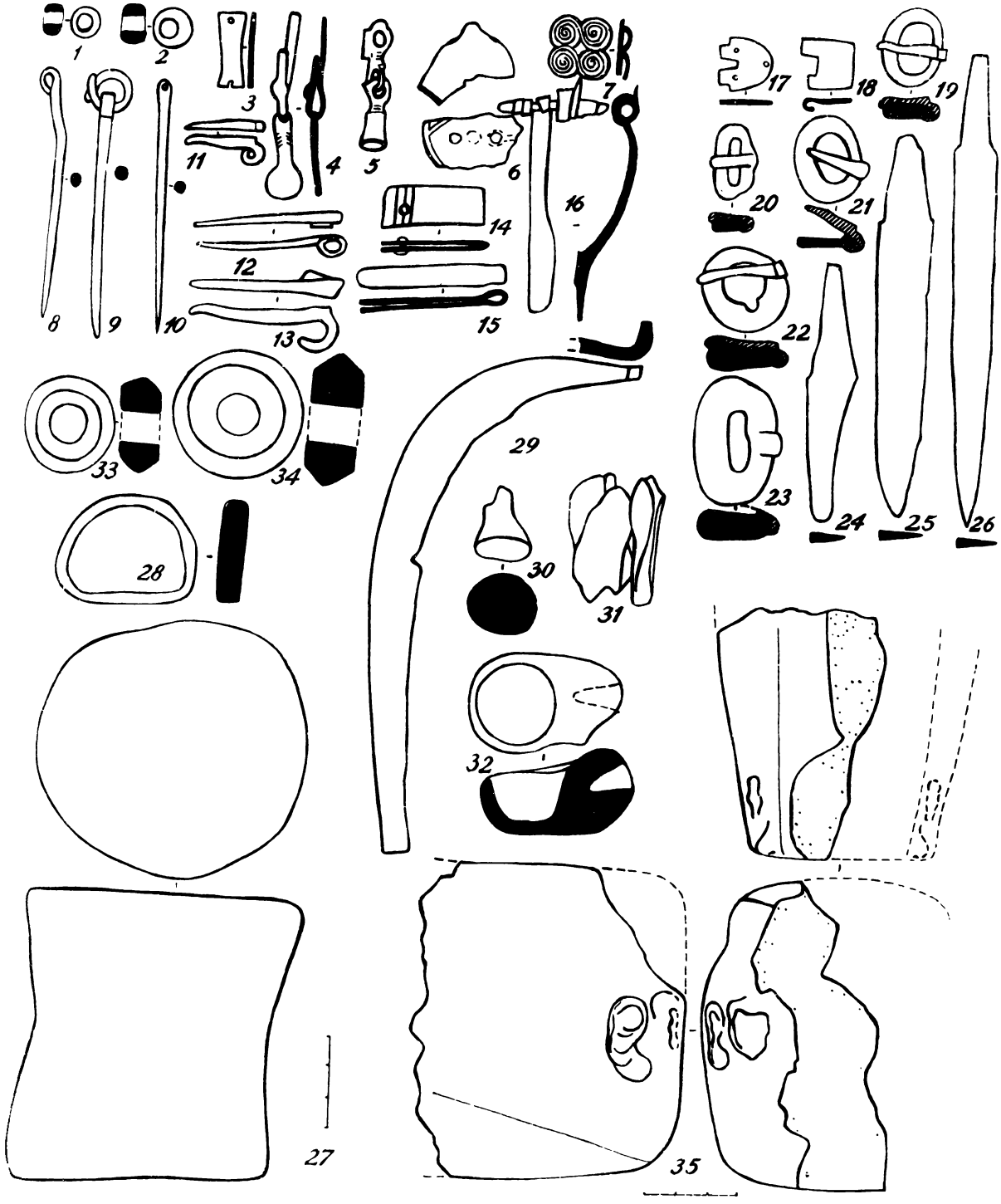

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

Рис. 1

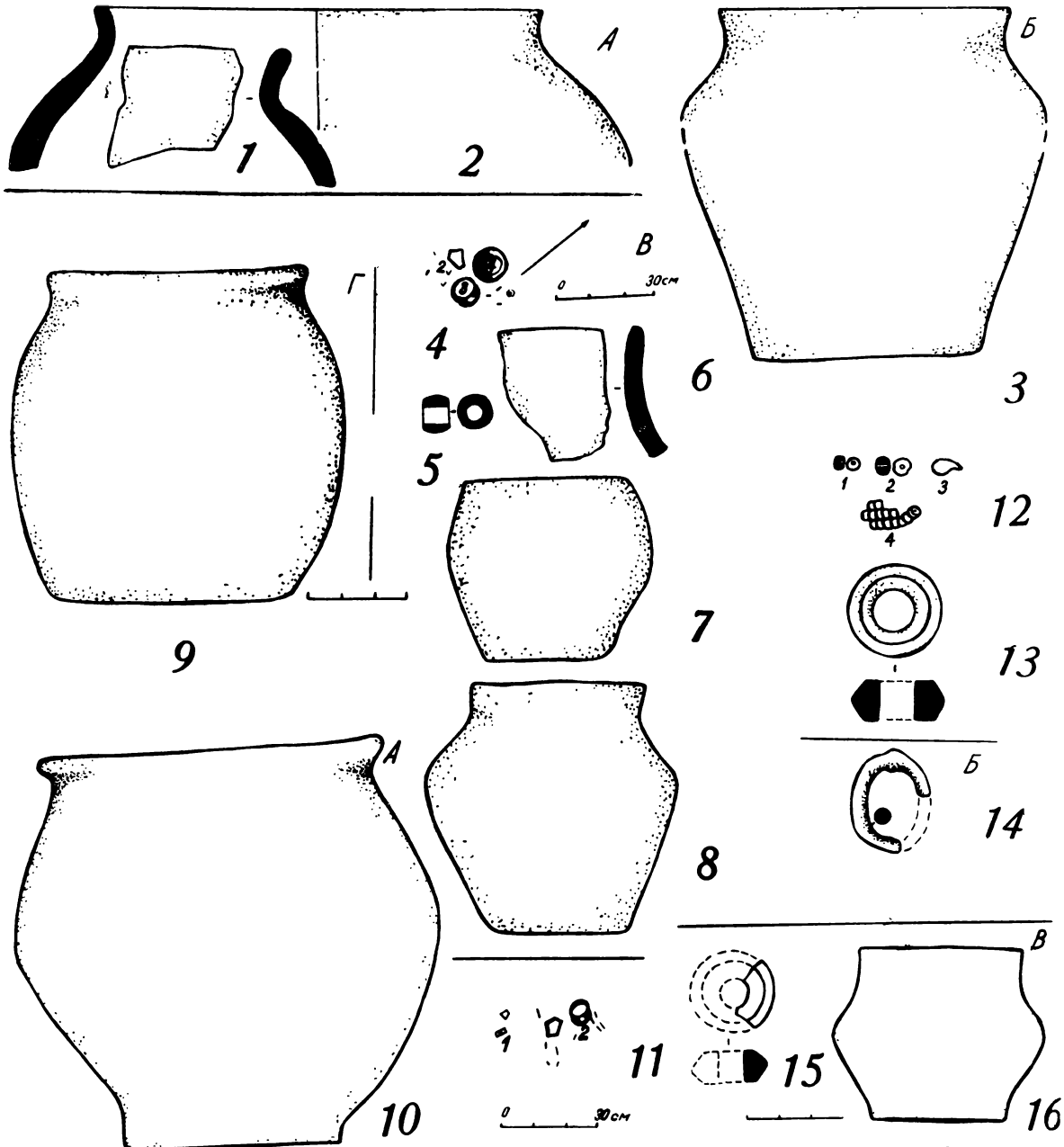


Рис. 2

В. Ковалевская

Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа)

Выбор деталей поясных наборов дружинников Евразии в качестве единого знаменателя для хронологизации древностей обширных пространств от Сибири до Западной Европы и от Северных отрогов Урала до Средней Азии, Закавказья и Ближнего Востока не требует доказательств; достаточно не только обратиться к тем статьям, где на эту категорию вещей археологи обращают специальное внимание, но и оценить удельный вес этого материала в обобщающих и региональных исследованиях по раннесредневековой Евразии. Проблема заключается в том, чтобы в той мере, в какой этот материал является единым в Евразии, он рассматривался бы по единой программе и результаты были бы сравнимы между собой. Первым опытом такого единого подхода был свод-каталог автора статьи[1] с предложенной типологией и выделением признаков, сочетание которых характеризует каждый рассматриваемый экземпляр. Материал издан в готовой для машинной обработки форме и в дальнейшем автором предложен код для компьютеризированной обработки, построенный на основании систематизации предложенных групп признаков.

В анализируемых работах по раннесредневековой археологии Евразии, где поясным наборам уделяется значительное место, мы видим сумму типологических разработок, как правило, не стыкующихся между собой даже в том случае, если они выполнены одним автором для отдельного памятника и целого региона. Необходимо отметить, что наряду с сочетанием признаков, определяющих тот или иной тип в традиционной иерархической классификации, существенное значение имеют отдельные признаки, специфическим образом распределенные во времени и пространстве и несущие различную историко-культурную нагрузку.

В данной статье я не ставлю своей целью подробно рассмотреть всю коллекцию пряжек (около 600 экземпляров) с Кавказа, это требует издания значительно большего объема, тем более, что описание более половины этого количества пряжек органически вошло в состав указанного свода. Подробная сводная хронологическая таблица поясных украшений издана в Археологии СССР[2]. Кроме того, Г.Е.Афанасьевым классифицированы 88 бронзовых и серебряных пряжек из раскопа Г.Е.Афанасьева, В.Б.Ковалевской и А.П.Рунича аланского могильника Мокрая Балка по предложенной нами системе[3].

Важность кавказских пряжек для евразийских раннесредневековых древностей определяется хорошей научной документацией материалов, позволяющих определять относительную и абсолют-

ную дату, оценивать взаимовстречаемость, строя на этом основании связные графы и, главное, благодаря массовости материала, позволяющих интуитивный подход заменить аналитическим, вводя количественные характеристики.

Статистическим основанием данной работы является коллекция из 573 пряжек, систематизированных согласно предложеноній ранее типологии с учетом всех групп признаков, и фоновый материал с остальной территории Евразии, собранный в указанном своде, служащий для статистической обработки и используемый в качестве аналогий, как нами было предложено ранее[4].

Задача заключается не столько в характеристике части типов кавказских пряжек и их места в мире евразийских древностей (происхождение, место производства, торговые связи, люди и т. д.), сколько в анализе разлиных признаков в качестве показателей хронологии и культурных связей. Рисунки кавказских пряжек и таблицы в достаточно сжатом виде дают необходимую информацию: разбиение всего массива по принятой нами системе, указание на хронологию находок (по трехчленной системе: IV V вв., VI-VII вв. и VIII-IX вв.), весь фоновый материал Евразии (830 экз. по Своду). Несмотря на то, что для ряда районов (прежде всего для Поволжья и Приуралья) за истекший после напечатания Свода перио, количество изданного материала резко увеличилось, мы оставляем из методических соображений все подсчеты только по Своду, поскольку это единый хронологический срез всего материала, позволяя себе увеличить материал только по Кавказу, так как он является целью нашего рассмотрения и должен быть представлен возможно полно (правда, из тех же методических соображений при статистических подсчетах удельного веса кавказских находок среди евразийских мы берем показатели по Своду).

Только 23,4% евразийских пряжек, найденных на обширной территории в Крыму, Поднепровье, Поволжье, Башкирии, Прикамье, Сибири, Средней Азии не имеют аналогий в кавказских материалах, выйдя из местных ремесленных мастерских с небольшим рынком сбыта, тогда как 21,5% кавказских пряжек не имеют аналогий и свидетельствуют о местном ремесленном производстве[5].

При полном использовании всего массива аналогий последние выступают в качестве доказательства правильности предложенных нами дат комплексов, вещей и их признаков[6]. Дальнейшее рассмотрение пряжек будет происходить по отделам (форма рамки), с учетом всех значимых взаимовстречаемостей с другими признаками (соединение рамки и щитка, форма щитка, прикрепление к ремню и т. д.).

Круглорамчатые пряжки (113 экз., рис. 1, ***I-16***) составляют в целом около 20% коллекции, в основном за счет комплексов IV-V вв., где они доходят до 35,0-57,4%, в среднем несколько превышая процент для всей Евразии (18,5%). По количеству экземпляров Кавказ уступает только Крыму, но зато по разнообразию представленных типов (прежде всего за счет своеобразных материалов из Абхазии) занимает первое место среди других областей. Выделяется несколько вариантов круглых рамок пряжек, различно ведущих себя в качестве хронологического признака: рамки первого варианта, круглые по внешне-

му и внутреннему контурам, составляют 30% в комплексах IV V вв., поднимаясь до 79% в VI-VII вв. и до 100% в VIII IX вв., тогда как пряжки с расширенной передней частью рамки составляют 30% в IV-V вв., падая до 14% в VI-VII вв. и исчезая к VIII-IX вв. Сегментированные пряжки из круглого или многогранного в сечении дрота также типичны для первой половины исследуемого времени в IV-V вв. они составляют 20%, падая до 7% в VI-VII вв. и также исчезая в VIII-IX вв. Из всего набора щитков круглорамчатые пряжки использовали меньше трети, причем только наиболее простые формы прямоугольные (более половины), округлые и треугольные. Это же касается и соединения рамки со щитком из пяти видов использовались только подвижное щитковое соединение (100%), тогда как в целом для пряжек Кавказа оно составляет около 30%. Прикреплялись к ремню пряжки только с помощью шпеньков, причем 2/3 сооставляли шпеньки-гвоздики, и треть внутренние шпеньки. Орнаментация круглорамчатых пряжек проста как по количеству примененных типов орнамента, так и по рисунку. У 64,3% пряжек орнаментацией служат головки шпеньков (при среднем в 13,3%), только 7% (вместо 33,3% для всех пряжек Кавказа) не орнаментированы. Гравировку мы видим на 14% пряжек (при среднем в 17,3% для Кавказа и 10,4% для Евразии), насечки на 7% (при среднем в 0,7%), а инкрустацию и прорезы на 3,5%.

В целом этот вид рамки на Кавказе и в Евразии (находки из Крыма и Кавказа составляют двет трети всех круглорамчатых пряжек) оказался скореллированным с наиболее простыми вариантами каждого признака, и большая часть типов этого отдела является датирующим признаком для погребений первого периода. Что же касается размеров, то составление графика показывает, что выведение среднего арифметического только смажет картину: пики на графике (интересно, что они одинаковы для Кавказа и для всего массива пряжек) указывают на то, что "моды" (наиболее излюбленные размеры) более показательны, чем среднее арифметическое. Выделяются несколько размерных страндартов: с диаметром в 1,6 см, в 2,1 см и менее наглядно в 2,5 см. Большая часть пряжек относится к поясу, хотя не исключено, что небольшие пряжечки относились к ремням обуви. Большая часть кавказских экземпляров отличается простотой и упрощением по сравнению с богатыми материалами из степных памятников Боспора и Западной Европы[7].

Представляет интерес анализ аналогий на первом месте по количеству экземпляров стоит Крым (129 экз.), затем Поволжье (35 экз.), Башкирия (16 экз.), Поднепровье (8 экз.), Сибирь (5 экз.) и Прикамье (2 экз.). Коэффициент соответствий Ю.Левина, подсчитанный не по числу экземпляров, а по числу аналогичных типов и вариантов, дает несколько иную последовательность: Крым, Поволжье, Поднепровье, Сибирь, Башкирия, Прикамье. Но в целом направление связей по круглорамчатым пряжкам рисуется примерно такое же, как и по всем пряжкам суммарно, хотя круглорамчатые пряжки Евразии отличает максимальное единство для обширной территории горизонтальные связи преобладают. Простые бесщитковые пряжки Кавказа, Крыма, Поволь-

жья, Прикамья, Приаралья, степей Евразии настолько похожи, что региональные отличия прослеживаются очень слабо. Это же касается преобладания простого вида щитков, наличия инкрустации (как правило, стеклянные вставки). Зооморфные язычки на пряжках из цебельдинских могильников и с территории Дагестана имеют аналогии только в Крыму, что позволяет связывать их происхождение с Византией и появление основной массы определять не ранее середины VI в.

Овальнорамчатые пряжки стоят на первом месте по количеству (146 экз., NN 17-51), хотя их процент среди пряжек Кавказа (25,5%) значительно меньше, чем общий средний (42,6%). Но если по количеству экземпляров кавказские пряжки составляют только 15% овальнорамчатых, то по разнообразию типов около половины. Большинство пряжек изготовлено из бронзы путем литья. Распределение рамок различных вариантов является некоторым хронологическим признаком - овальные из дрота равной ширины составляют 53% в IV-V вв., достигают 66,6% в VI-VII вв. и падают до 22,2% в VIII-IX вв., овальные из дрота более массивного в передней части 47% в IV-V вв., падая до 25,2% в VI-VII вв. и до 22,2% в VIII-IX вв. Другие же типы рамок, появляясь в VI-VII вв., достигают расцвета в VIII-IX вв., составляя 66%. из десяти вариантов сечения рамок на Кавказе с овальнорамчатыми встречены только 4, причем цифры очень близки к тому, что мы видим для всего массива: из выпукло-вогнутого дрота сделано больше половины пряжек (54,3%), из круглого в сечении 29,4%, овального 15,2%, граненого 1,1%. С овальнорамчатыми встречены, за одним исключением, все варианты язычков. На первом месте, как и в среднем для всех пряжек, находятся простые язычки, затем, и в этом мы видим специфику Кавказа, зооморфные (28% вместо 15,2% для Кавказа в целом и 9,2% для Евразии), "хоботкообразные" и язычки с выступами составляют по 17,5%, "салтовские" всего 5,3% и железные 1,7%.

Спецификой кавказских пряжек является высокий процент шарнирной конструкции соединения рамки со щитком (35,3% вместо 13-14% для всех пряжек Кавказа и Евразии и 24% для овальнорамчатых пряжек Евразии), высокий, но близкий к средним, процент односоставных пряжек (45,1%) и заниженный процент пряжек с подвижным щитковым соединением (14,6%). Интересно распределение среди овальнорамчатых пряжек способов прикрепления к ремню. Наиболее совершенный вид, который является признаком византийского металлообрабатывающего искусства[6] внутренние петельки достигает наиболее высокого процента для овальнорамчатых пряжек именно на Кавказе (56,6%), тогда как в среднем для всех пряжек на Кавказе он составляет 21,9%, а в Евразии 24,3% (среди овальнорамчатых пряжек Евразии он доходит до 45,2%) (благодаря любезности М.Манго мне удалось в Оксфорде в 1989 г. и Ашмолеан музее ознакомиться с большой неопубликованной коллекцией византийских пряжек из Константинополя, подкрепившей эти наблюдения).

Многообразен этот отдел пряжек по примененным вариантам щитков - использовано более 20 (при 28 для всех пряжек Кавказа и 46 для Евразии), причем многие из этих вариантов (58%)

встречены только среди овальнорамчатых пряжек. Это в первую очередь щитки сложных форм, найденные на пряжках местного кавказского производства (см. NN 43-52), тогда как среди других видов пряжек их почти нет. На втором месте стоят геральдические щитки (рис. NN 28-33), которые в сочетании со специфическим прорезным орнаментом дают местные типы. Далее следуют округлые полуовальные щитки.

На овальнорамчатых пряжках встречены все виды орнаментации, за исключением насечек по краю. Причем на первом месте прорезная орнаментация, (40,3% при среднем для Кавказа 21,7% и для овальнорамчатых пряжек Евразии 24,9%), высокого процента достигают пряжки с гравированным орнаментом (26,3% вместо 10,4% в среднем). Оба вида орнаментации часто встречаются на одних и тех же пряжках, они специфичны для Кавказа и являются указанием на местное производство. Наибольшее количество пряжек местных кавказских типов, восходящих большей частью к византийским, относится к овальнорамчатым (см. рис. NN 22-31 и т.д.). Рассмотрим только несколько.

Надо отметить, что в западноевропейской археологической литературе принято некоторым типам пряжек византийского происхождения давать названия. Хотя нам не кажется это удобным, но, поскольку в литературе утвердился ряд названий: "тип Сиракузы", "тип Боленья" и т.д., мы предлагаем подобные названия и для кавказских пряжек, подчеркнув, что названия никак не свидетельствует в пользу выделения центра производства по характеру названия.

Тип "Песчанка" литые бронзовые, односоставные пряжки (6 экз., NN 23, карта 1), поразительно стандартных размеров. Найдены в комплексах VIII-IX вв. из Гоуста, Джаги, Кабардинки, Песчанки и Дмитриевского могильника и в случайных коллекциях Пятигорского музея. Центр их производства находился на территории Центрального Предкавказья, именно отсюда пряжки этого типа, по всей видимости, проникли на территорию салтово-маяцкой культуры.

Тип "Кабарда" литые бронзовые односоставные пряжки (16 экз., NN 29-30, карта 1), орнаментированные двумя вытянутыми сегментами. Эволюцию их мы уже проследили из византийско-крымских образцов пряжек с трилистником в сердцевидном прорезе, который постепенно превращался в небольшое ромбическое расширение в середине, а затем и исчезал вовсе. Этот тип локализуется в пределах Центрального Предкавказья, центром его производства следует считать Кабардино-Пятигорье (где найдена большая часть экземпляров как промежуточных, так и основных форм) или Северную Осетию. По находкам в Мокрой Балке (п.110), Песчанке, Гоусте и в окрестностях Кисловодска этот тип можно с полной убедительностью датировать VIII-IX вв. Пряжки характеризуют стандартные размеры с невысоким коэффициентом вариации (8,9%).

Тип "Чми" литые бронзовые односоставные пряжки с фестончатым щитком, прикреплявшиеся к ремню с помощью петелек (12 экз., NN 43, 44, карта 1), с полным повторением всех признаков, очень стандартными размерами (коэффициент вариации не превышает 6-7%) происходят с территории восточного локального варианта аланской культуры из Северной Осетии и Чечено-

Ингушетии и из Закавказья (Рустави, Двин). Время их производства можно определить VIII веком на основании находок в погребальных комплексах Чми и Архона. Возникли они, очевидно, на основе импортных из Византии экземпляров или являлись примером византийского импорта. Прямую аналогию этот тип имеет во Франции, в случайных коллекциях из Нанси, где он впервые был определен как сармато-аланский по происхождению и неправильно датирован эпохой великого переселения народов[9], что позднее было исправлено[10].

Тип "Баксан" бронзовые, односоставные пряжки с щитком сложной рельефной формы с прорезами (5 экз., NN 46-46, карта 1), слабо варьирующими размерами; 4 экземпляра из пяти найдены в Кабардино-Пятигорье, т.е. на территории центрального локального варианта аланской культуры, и лишь один экземпляр выходит за границы этого варианта, но именно он по конструкции, размерам и орнаментации отличается от остальных. Аналогий этому типу на других территориях мы не знаем и можем считать пряжки продукцией мастерских, находившихся на территории Кабардино-Балкарии или Пятигорья. По типологическим особенностям их следует относить к VIII веку.

Тип "Чир-Юрт" литые крупные бронзовые пряжки шарнирной конструкции или односоставные (15 экз., NN 47-48, карта 1), пр креплявшиеся петельками или шпеньками, с крупным щитком сложной формы с тремя яйцевидными прорезами, иногда окаймленными врезными линиями. Все пряжки происходят и территории центрального или северо-восточного Предкавказья - от Кабардино-Пятигорья до Дагестана. Дата его может быть определена по находкам в погребениях второй половины VII-VIII века. По мнению Д.Чалланя, эти пряжки являются схематизацией изображения дракона, и пути схематизации можно проследить на основании нескольких экземпляров из Греции и Венгрии. На Северном Кавказе мы видим уже вполне сложившийся тип с неварьирующими признаками.

На материале овальнорамчатых пряжек интересно оценить связи Северного Кавказа с Византией, хорошо документированные исторически для V-VIII вв., когда Византия кровно была заинтересована в использовании кавказских горных проходов. Как мы уже указали, использование петелек для прикрепления щитка к ремню указывает либо на импорт из Византии, либо на изготовление в византийских традициях (а таких пряжек более половины). Большая часть пряжек из апсилийской крепости Цибилиума являет тому пример, причем связаны с Византией как пряжки V-VII вв. с инкрустацией стеклом (см. изображение креста N 20), так и бронзовые литые распространенных типов второй половины VII-VIII вв.

Пряжки типа "Болонья" (N 34) в северокавказских могильниках появляются с середины VII в. (что соответствует, по А.И.Айбабину[11], времени их появления в Крыму); пряжки типа "Сиракузы" (N 32), появляющиеся в Крыму во второй половине VII в. на Северном Кавказе в это время отсутствуют, появляясь только в VIII в. Пряжки типа "Коринф" (N 41) и в Крыму и на Северном Кавказе появляются одновременно, в VIII в., являясь импульсом для оформления ряда местных типов. Единичны столь распространенные в Подунавье

пряжки с литым растительным орнаментом (N 27). В некотором количестве в этом отделе присутствуют салтовские пряжки (NN 39, 40, 42).

Лировидные пряжки (88 экз., NN 52-71) являются наиболее выразительным материалом с территории Кавказа, поскольку они составляют больше половины (53,6% по САИ) всех лировидных пряжек Евразии. Если в целом для Евразии они составляют 6,8%, то для Кавказа 15,1%. Лировидные пряжки являются хорошим хронологическим признаком VI-VII вв., где их процент поднимается до 50%, спускаясь в VIII-IX вв. до 12,3%

В лировидных пряжках наблюдается высокая взаимосвязь с характером сечения - так рамки выпукло-вогнутого сечения составляют 92% (в среднем оно составляет 61,5%), граненые полые 4,8%, а круглые в сечении 3,2%. Это же относится и к типу соединения рамки со щитком односоставные пряжки составляют 70%, пряжки с подвижным щитковым креплением 30%. Очень заметна связь лировидных пряжек с профилированными яычками (45,4% вместо 21,8% в среднем), зооморфные язычки дают 12,4%, а простые 15,1%.

Среди вариантов прикрепления щитка пряжки к ремню на первом месте стоит прикрепление с помощью внутренних шпеньков (83,3% вместо 60,7% для Кавказа в целом и 44,8% для Евразии), затем шпеньков-гвоздиков (13,3%) и только 3,4% составляет прикрепление с помощью петелек для импортных византийских пряжек (вспомним, что в предыдущем отделе оно составляло 56,5%). Следовательно, как мы уже не раз показали, рассмотрение признаков с учетом их связи с формой рамки, ареалом или хронологией приводит к интересным выводам о дате и культурно-исторической принадлежности.

Лировидные пряжки сочетаются с десятью вариантами наборов щитков из 46, т. е. наблюдается определенная избирательность. Больше трети составляют геральдические щитки, затем прямоугольные полуовальные. Интересно, что только в этом отделе пряжек мы видим двойные щитки в виде соколиных головок и накладных пластинок (см. NN 60-68).

Орнаментация лировидных пряжек также достаточно специфична преобладают неорнаментированные экземпляры и пряжки с геометрическими прорезами. У лировидных пряжек местного кавказского производства следует отметить стандартность размеров, изящество, простоту и, я бы сказала, изысканность форм и пропорций при сдержанности в оформлении.

Местное производство с определенной долей вероятности можно принять для ряда пряжек (NN 56-58, 66-68), они относятся к VI-VII вв. и по своим типологическим особенностям отличаются от тех местных кавказских пряжек, которые несут в себе крымско-византийские черты. Такие пряжки встречены и среди лировидных (NN 61, 62), происходя от византийско-крымских пряжек с сердцевидным прорезом и трилистником на Кавказе. Пряжки этого типа найдены в центральном Предкавказье (Кабарда, Осетия и Чечено-Ингушетия), 1 экз. в Закавказье (Ацкури). По стилистическим признакам этот тип следует отнести к VII VIII вв.

Интерес представляет и тип "Кумбулта" (NN 64-65), имеющий этот же набор признаков, говорящих о византий-

ско-крымских прототипах. Их отличает близость (но не тождественность) орнаментации, очевидно, подражающая изображениям на масковых пряжках типа "Сучидава", довольно стандартные размеры, односоставность, прикрепление с помощью внутренних шпеньков и полная идентичность формы щитков. Очевидно, дальнейшее увеличение количества материалов позволит расширить число типов, свидетельствующих о местном производстве, ведь если для двух рассмотренных отделов пряжек число аналогий превосходило их в два-три раза, то здесь аналогии составляют всего немногим более половины пряжек, найденных на Кавказе (а в настоящее время и того меньше).

Треугольные пряжки дают другую картину. Этот редкий для Кавказа отдел (22 экз., NN 73-84, 3,8% от всех пряжек Кавказа), специфичный для VIII IX вв., составляет всего 13,1% всех треугольных пряжек Евразии. Пряжки с треугольной формой рамки типично "салтовские", поэтому небольшой процент этого отдела пряжек на Кавказе свидетельствует о незначительном количестве там вещей салтовского типа (при том, что могильники VIII IX вв. в памятниках Кавказа представлены богато). Пряжки отличают небольшие размеры и четкое сочетание признаков: преобладает выпукло-вогнутое сечение рамки (90,9%), язычки "салтовского" типа (38,5%), простые (38,5%) или железные (23%), неподвижное соединение рамки со щитком. Здесь следует сделать некоторую оговорку. На салтовских пряжках наблюдается в трети случаев (36,8%) неподвижное соединение, когда в щитке, параллельно заднему краю рамки, делалось сквозное отверстие с глубоким квадратным вырезом в центре. Через это отверстие проходил железный шпенек, на него одевался язычок, а затем он заклепывался. Эта конструкция восходит к костяным подпружным пряжкам гуннского времени из европейских памятников и кроме салтовских типов встречается только на тюркских пряжках лишний раз показывая, что салтовская культура несет на себе определенное влияние сибирско-тюркской материальной культуры. Прикреплялись щитки пряжек к ремню с помощью шпеньков (93,7%).

В целом салтовские пряжки характеризуются большой определенностью в сочетании признаков, это очень стандартный, "установившийся" отдел, сочетающийся с 9 типами и вариантами щитков. В целом их отличает специфическая орнаментация около 16% пряжек с литым растительным орнаментом набор трилистников, листьев плюща, звездочек, виноградной грозди, пятилепестковой розетки и т.д., иногда с дальнейшей тонкой гравировкой, подчеркивающей рисунок. Нельзя можно найти двух полностью идентичных по рисунку экземпляров. Это подкрепляет предположение ряда исследователей о том, что поясные пряжки изготавливались для каждого дружинника по индивидуальному заказу. Поэтому, несмотря на то, что использовалось ограниченное количество элементов орнамента, число композиций, где эти элементы встречались в разном сочетании и расположении, оказалось настолько велико, что не найдено пока ни одного повторения (аналогичная картина отмечена исследователями для пряжек аварского времени со сценами терзания зверей). Салтовские пряжки Северного Кавказа отличают другие особенности: прежде всего, за од-

ним исключением (N 76), мы не видим здесь пряжек с растительным орнаментом (пряжка N 77, не имея абсолютной аналогии, может быть включена в группу аварских пряжек Венгрии и, возможно, свидетельствует о связях Кавказа и Подунавья). Все пряжки при сохранении типичных салтовских черт представлены неорнаментированными экземплярами или украшены гравировкой. Выделяется несколько специфических типов, ареал которых ограничивается только Северным Кавказом или Северным Кавказом и Крымом, но и в них проявляется сдержанность мастеров. Так местными типами являются пряжки с прямоугольным щитком с вогнутыми боковым гранями (N 80) и пряжки с пятиугольными щитками (N 82), связанные с узким ареалом Центрального Предкавказья. Спецификой Северного Кавказа являются пряжки с изображениями грифонов типа Дуба-Юр (N 75). Хотя они и происходят из трех отстающих? друг от друга на несколько сотен километров пунктов Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, повторение всех деталей формы, конструкции, размеров и, особенно, стилистических особенностей изображения грифонов, говорит о том, что они вышли из рук одного мастера. Край пряжек оформлен как ряд чередующихся округлых и овальных бусин (разновидность жемчужного обрамления), грифон влево с львинообразным туловищем стоит на полусогнутых ногах, с одним крылом, спускающимся вперед вниз слева от шеи и другим, поднимающимся вверх от середины спины; хвост поднят вверх и загибается над спиной, доходя до крыла, в одном случае он кончается трилистником. Грива изображена гравированными квадратами. Стилистически эти грифоны близки изображениям на фресках Согда VI-VII вв.[12], а датируются по находке Дуба-Юрта VIII-IX вв. Размеры этих пряжек слабо варьируют, причем изменение в арзмерах происходит за счет рамки, щитки у всех трех пряжек совершенно одинаковы.

Специфика "салтовских" пряжек на Кавказе отразилась в распределении аналогий. По количеству аналогичных экземпляров на первом месте находится Днепр-Донец (40%), затем идут Поволжье (36%), Крым (16%), Сибирь и Прикамье (по 4%). По числу общих типов на первом месте стоит Крым, что говорит за то, что в хазаро-болгарское время на юге существовали производственные центры, снабжавшие своей продукцией эти два района и нахсдившиеся, очевидно, в одном из них.

В-образные пряжки (70 экз.) стоят на предпоследнем месте среди кавказских по числу экземпляров, составляя около трети всех в-образных пряжек Евразии. Первые экземпляры на этой территории относятся к памятникам конца V в., максимального расцвета достигают в VI-VII вв., являясь датирующим материалом для этого периода. В VIII-IX вв. найдены отдельные экземпляры, фактически к этому времени относится только группа "псевдопряжек". Среди в-образных пряжек выделяются 4 варианта рамок: рамки в-образные по внешнему и внутреннему контуру (N 85) составляют 20,2% при 26,6% для в-образных пряжек Евразии (их возникновение относится к позднесарматскому времени). Рамки в-образные по внешнему контуру и прямоугольные по внутреннему (NN 86-91 56,4% вместо 54%); в-образные по внешнему контуру и прямоугольные по внутреннему, с дву-

мя круглыми прорезями на передней части всего 4,3% (NN 96, 97), в-образные по внешнему контуру с внутренним контуром в виде двух кругов, соединенных в один прорез с прямоугольником 21,2%. Интересно, что хотя среди в-образных пряжек и преобладали бронзовые пряжки, но не в такой степени, как в других отделах, где они составляли около двух третей, а серебряные пряжки доходили здесь до 1/3 (при общем среднем около 10%). Изготовление пряжек с помощью чеканки также достигало наивысшего процента (35,3% при общем среднем 9,4%). Своеобразием в-образных пряжек в отношении сечения рамки является высокий процент многогранных (32% вместо 3,2%); процент вогнуто-выпуклых несколько ниже среднего (48%), а округлые, овальные и плоские в сечении составляют в сумме 20%. Среди использованных язычков на первом месте стоят язычки с выступами, которые ни в одном отделе не достигали такого высокого процента (54,8%), очень редки хоботкообразные и зооморфные (по одному экземпляру), а простые составляют 36,3%.

Характерным для в-образных пряжек было подвижное щитковое соединение, за счет первого варианта, которое составляло 30,3% при общем среднем в 6,7%, несколько превышает общий средний и процент односоставных (57,5% вместо 51%). Способы прикрепления к ремню также существенно отличаются от общего среднего: на первом месте остается прикрепление шпеньками первого варианта, но вместо 44,8% такие пряжки составляют 80%, ниже общего среднего процент прикрепления с помощью шпеньков-гвоздиков (13,3%) и, особенно, с помощью петелек (6,7% при среднем общем 24,3%).

Интересно рассмотреть специфику сочетания в-образных рамок со щитками: сочетается всего 8 вариантов из 46, наиболее излюбленным является сочетание с геральдическими щитками (65,8% вместо среднего 12,7% для Кавказа и 39,3% для в-образных пряжек Евразии). Как мы покажем далее, это идет за счет выбора этих щитков для пряжек местного производства. Это лишний раз показывает, что этот вид рамки наиболее специфичен для моды геральдических поясов с прорезной орнаментацией VI-VII вв.

В отделе в-образных использовались 4 из 12 видов орнаментации, причем неорнаментированные пряжки составляли 69,2% (при общем среднем в 33,6%), т. е. никакой другой из отделов не давал такого высокого процента неорнаментированных экземпляров, что, как мы показали ранее, является закономерным завершением линии развития масковых пряже при схематизации изображения человеческого лица[13]

Распределение признаков показывает, что в-образные пряжки на территории Кавказа имели ряд черт своеобразия, что может свидетельствовать о том, что часть из них изготавливалась в северо-кавказских мастерских (например, NN 91-94, 99, 103, 104). В некоторых случаях это самостоятельный тип (например, рис. 10), в других местное подражание византийско-крымским пряжкам. Примером последнего является бронзовая литая пряжка из Бежтинского могильника памятник местного производства средневековой Аварии VIII в. (N 91). На пряжке мы видим челове-

ческое лицо, изображенное с помощью нескольких прорезов-глаза (квадратные прорезы), нос (небольшое круглое отверстие) и прорез в виде соединенных полулунных прорезов, который на поясных наборах VI-VII вв. обычно изображал брови, в том случае, когда был иначе ориентирован. Наиболее здесь интересно то, что квадратные прорезы, изображающие глаза и меняющие ориентировку пряжки (рамкой вверх) нанесены на пряжку после ее изготовления, как бы для того, чтобы изображение "легче читалось". Особенный интерес представляет индивидуальная находка другой такой же пряжки в западной части Кавказа при раскопках Цебельдинских памятников, на что любезно мне указал Ю.Н.Воронов. Там также брови изображены сдвоенными полукружьями у нижней части щитка два круглых прореза, изображающих глаза, и еще ниже, также в виде двух квадратов, добавлены "брови" если в этом случае перевернутые брови рассматривать как усатый (или смеющийся?) рот. Эти два идентичных примера "подправок" пряжки неизвестным ремесленником для достижения большего сходства с изображением человеческого лица представляют особую ценность, т. к. показывают, что смысл изображения забыт не был ни мастерами, ни носителями поясов.

Ареал пряжек с подобной орнаментацией, известных в западно-европейской литературе как "тип Мартыновка", охватывает Крым, Поднепровье, Башкирию и Кавказ. По в-образным пряжкам связи Кавказа с другими территориями рисуются несколько по-иному - по разнообразию типов и количеству экземпляров вслед за Крымом находится Башкирия, а затем уж Поволжье, Сибирь и Прикамье и Приаралье. Причем разнообразие типов, богатство орнаментации (прорезы и инкрустации стеклом и камнем), количество, свидетельствует о роли Кавказа в качестве поставщика этого типа пряжек на северо-восток и восток (очевидно, в наборе с поясными наборами геральдического типа с прорезной орнаментацией).

Прямоугольно-рамчатые пряжки (134 экз.) по количеству экземпляров стоят на втором месте, вслед за овальнорамчатыми, но в отличие от первых составляют почти половину (43,0%) всех прямоугольнорамчатых пряжек Евразии и являются специфической чертой Кавказа. В комплексах IV-V вв. они составляют всего 3,8%, в VI-VII вв. поднимаются до 70,5%, чтобы спуститься до 25,6% в VIII-IX вв. Ряд закономерностей, отмеченных для лировидных и в--образных пряжек, прослеживается и в данном отделе. В частности, это касается более высокого процента пряжек из низкопробного серебра (21,2% вместо 11,5%), и чеканных экземпляров (22,9% вместо 9,7%). Соотношение вариантов сечения рамки тоже не соответствует среднему выпукло-вогнутое при среднем в 54,6% составляет здесь 90,7%, а плоское составляет 8,3% (при среднем для Кавказа 2,8%), зато другие варианты не представлены. Из девяти вариантов язычков в отделе прямоугольнорамчатых использовалось 7; на первом месте простые язычки 30,9%. Спецификой является повышенный процент небольших профилированных язычков (16,2% при среднем для всех пряжек Евразии в 28%) и железных (14,3% вместо 4,3%). Для прямоугольнорамчатых пряжек следует отметить высокий процент односоставных пряжек 71,6%

(вместо 51% в среднем), низкий, близкий к среднему, процент подвижного щиткового соединения (23,4%) и полное отсутствие пряжек шарнирного соединения. Для прикрепления к ремню использовались внутренние шпеньки (95,2%).

С прямоугольными рамками сочетались 14 вариантов щитков; повышенная связь наблюдается с геральдическими щитками (79,3% при среднем 28,1%). Именно среди этих пряжек мы видим для VI-VII продукты местных мастерских (NN 111, 112) стандартные, со слабо варьирующими признаками и размерами, составляющими до 62% на Северном Кавказе, но проникающие отсюда в Крым и Башкирию.

Некоторые типы представлены единичными экземплярами, но отсутствие их на других территориях позволяет предположить их местное производство (NN 113, 118, 123). Интерес представляет тип пряжек с щитком в виде двух стилизованных птичьих головок (NN 128-132) - в них мы тоже можем видеть местное производство VII-IX вв. Причем опять-таки находка некоторых подобных пряжек с петельками из Цибилиума указывает на путь проникновения этого отдела пряжек на Кавказ. В орнаментации этих пряжек мы, как и в в-образных видим, с одной стороны, линию развития от изображения человеческой личины на геральдическом щитке с постепенной схематизацией, как и появление в VIII в. в этом отделе типичных литых щитков овальнорамчатых пряжек.

Так, в Мокрой Балке в раскопках автора и в катакомбе из Кавминвод геральдический щиток типа пряжки N 29, щиток пряжки N 115 и пряжки из Карачая подражает щитку пряжки N 30.

Для того, чтобы завершить данную статью, повторив таблицу из моего раздела по Кавказу в 1981 г., покажем как весь этот материал располагается по периодам, причем нашей задачей является хронологизировать не только типы вещей, но, главным образом, показать как датирующими являются процентные соотношения тех или иных признаков.

Пряжки, происходящие из комплексов IV-V вв. (63 экз.) составляют 16,4% всех находок из датированных комплексов. Показали мы и местные кавказские типы пряжек (в основном круглорамчатые, являющиеся датирующими для этого периода (см. хронологическую таблицу). Посмотрим какое же распределение признаков его характеризует. Высокий процент круглого сечения рамки (80% вместо 24,1%), хоботкообразных (46,8% вместо 14,3%) и зооморфных (17,0% вместо 9,2%) язычков, щиткового соединения (84% вместо 25,5%), прикрепления с помощью гвоздиков (78,9% вместо 17,4%), орнаментации головками шпеньков (54,1% вместо 18,5%), гравировкой (16,9% вместо 10,4%) и инкрустацией (40 вместо 2,4%), применения щитков простейших форм: прямоугольных (60,2% вместо 11,9%) и округлых (27,2% вместо 16,2%). Пряжки IV-V вв. показывают наибольшую связь с Крымом, затем Поволжьем, Башкирией, Днепром и Сибирью и Прикамьем т.е. наибольшую связь с Поволжье (в основном за счет памятников гуннского времени нижнего Поволжья).

Пряжки, происходящие из комплексов VI-VII вв (202 экз.), составляют 52,6% датированных пряжек Кавказа. В тексте мы уже остановились на датирующих типах местного кавказского про-

изводства или византийско-крымских импортных (все они приводятся в хронологической таблице). Число типов резко выросло. Распределение других признаков пряжек резко отличается от того, что мы видим в первом периоде. Сечение рамок преобладает выпукло-вогнутое (63,7% вместо 54,6% здесь и далее проценты по 1616 экз. пряжек Евразии), язычки простые (52,8% вместо 32,9%) и железные (7,6% вместо 4,3%), односоставные пряжки (69,6% вместо 51%), прикрепление с помощью внутренних шпеньков (74,4% вместо 44,8%) и появление петелек (12,8%). Преобладание неорнаментированных пряжек (51,8% вместо 33,6%), гравировка (17,3 вместо 10,4%), инкрустация (3,5% вместо 2,4%), появление прорезной орнаментики (12,1%); среди щитков пряжек излюбленными являются различные варианты геральдических щитков (33,3%), птичьих головок (реалистических или схематизированных) и округлых (24,4% вместо 16,2%). Что же касаетсся связей, то следует отметить следующий процесс связи с Крымом неизменно остаются на первом месте (40,6%), происходит увеличение связей с районами Днепра (18,8%), уменьшение связей с Поволжьем (17,3%) и Башкирией (12,1%) и увеличение связей с Сибирью (9,8%) и Прикамьем (0,4%).

Безусловно, существует возможность дробного деления в этом хронологическом периоде, поскольку время существования ряда типов представляется возможным заузить, о чем мы уже говорили и что отражено в таблице помещением в нижнюю часть более ранних экземпляров. Все комплексы VI в. характеризуются продолжением традиции гуннской эпохи, отраженной в выборе круглых и овальных рамок, простых круглых, полуовальных и квадратных щитков, орнаментации щитка с помощью головок шпеньков, выемчатая инкрустация стеклом и инкрустация круглыми вставками сердолика и стекла; к концу VI в. излюбленными являются зооморфные язычки.

На рубеже VI-VII вв. массово появляются в-образные, лировидные и прямоугольные рамки, особенно в сочетании с геральдическими щитками, птичьими головками, смотрящими в разные стороны, пластинчатыми накидными двойными щитками. Появляется на щитках пряжек широко представленная на накладках и наконечниках прорезная орнаментация с изображением человеческого лица. Из комплексов VIII-IX вв. происходит 31,1% находок (119 экз.). К этому времени относится основное число местных типов сложных пряжек (см. выше ряд местных кавказских и византийско-импортных типов в основном разделе овальнорамчатых и салтовских). Это же своеобразие периода наглядно отображено в распределении признаков: как и в VI-VII вв. преобладает выпукло-вогнутое сечение рамки (66,6% вместо 54,6%); среди язычков, как и в VI-VII вв. преобладают простые (43,8% вместо 32,9%), резко уменьшился процент хоботкообразных, профилированных и зооморфных, но появились "салтовские" (12,8%) и увеличился процент железных (17,9% вместо 4,3%) опять односоставные пряжки составляют больше половины (62,8% вместо 51%), но несколько увеличился процент пряжек шарнирной конструкции (2,3%) и появилось соединение рамки со щитком салтовского типа. В прикреплении к ремню сохранился высокий процент внутренних шпеньков (73,7% вместо 44,8%), увели-

ился процент использования петелек (5,8%) за счет импортных византийских пряжек и уменьшился процент пряжек со шпеньками-гвоздиками. В орнаментике пряжек на первом месте находится орнаментация прорезами (36,8% вместо 20,7%), появилась орнаментация растительного и зооморфного характера (10,5% вместо 9,9% в среднем и 4,5% на Кавказе). Число неорнаментированных пряжек сильно понизилось по сравнению с предыдущим периодом (31,8%). Что же касается форм щитков, то следует отметить, что разнообразие их достигает в VIII-IX вв. максимума; наряду с теми типами, которые появились уже в предыдущий период, появился ряд новых типов, в частности формы щитков, типичных для салтовских пряжек.

В VIII-IX вв. продолжается процесс изменения направления связей, начавшийся в VI-VII вв. Константой остаются связи с Крымом, увеличились связи с районом Донца и Днепра (за счет пряжек салтовского типа), Поволжьем и Сибирью, свелись почти к нулю связи с Башкирией и несколько увеличились связи с Прикамьем.

Рассмотрение распределения аналогий по векам позволяет рассмотреть связи в их динамике. Но анализ всех аналогий в целом тоже очень интересен, поскольку оказываются учтенными все случайные находки, не имеющие иных данных для датировки, кроме стилистических особенностей и поэтому не вошедших в предыдущие подсчеты.

Мы можем рассмотреть распределение всей суммы аналогий кавказским пряжкам (830 экз.) по географическим районам. Подавляющую часть (60%) составляют аналогии с Крымом, затем следуют Поволжье (12,4%), Поднепровье-Подонье (9,4%), Сибирь (8,4%), Башкирия (7,6%) и Прикамье (2,2%) последние цифры в настоящее время являются устаревшими, поскольку количество материалов в Волго-Уральских регионах увеличилось на несколько порядков. Слабым местом подсчетов является то, что нами не учтено то различие в количественном материале пряжек по районам, которое существует сегодня. Поэтому для того, чтобы представить, какую роль играет Кавказ, как поставщик пряжек для того или иного района, мы должны отнести количество аналогичных Кавказу материалов к числу пряжек в этом районе. И картина здесь получается иной: если, например, аналогии с Башкирией во всей массе кавказских аналогий составляют всего 7,6%, то для Башкирии пряжки, имеющие аналогии на Кавказе (а, возможно, и импортированные оттуда) составляют 69,2%, только 32,8% пряжек не имеют аналогий на Кавказе, из них 7,4% составляют местные для Башкирии типы, не имеющие аналогий в других районах, а остальные имеют аналогии в Крыму, Сибири, Поволжье, Поднепровье, Прикамье и т.д. (Правда, из всего многообразия пряжек не найдено ни одного типа или варианта, который был бы встречен только в двух районах на Кавказе и в Башкирии. Рассмотрение графика на карте показывает, что на первом месте по тому проценту, который составляют аналогичные кавказским материалы, стоит не Крым (там достаточно велик процент местных пряжек, не выходящих за пределы не только Крымского полуострова, но иногда и его отдельных районов Боспора, юго-западного Крыма, Херсонеса), а Поднепровье-Подонье, где только 13,4% всех находок пряжек при-

ходится на экземпляры, не имеющие аналогий с Кавказом.

Для характеристики связей интересно рассмотреть аналогии не по количеству экземпляров, а по их разнообразию, за единицу беря наличие того или иного типа или варианта, выделенного по принятэй нами типологии (на этом основании мы уже подсчитывали коэффициенты соответствий). Из 111 единиц сравнения 31 не имеют аналогий вне пределов Кавказа (27,9%). Среди остальных 20,2% имеют аналогии только в Крыму, т.е. эти типы объединяют только эти два района; 5,4% в Сибири, 21,7% в Поднепровье-Подонье, и по 1,4% в Поволжье и Прикамье. Типы, объединяющие, кроме Кавказа и Крыма, еще по одному району составляют еще 14,9%, другие типы, объединяющие с Кавказом два района 8,1%; 23% составляют типы, объединяющие с Кавказом три района, 20,2% - типы, объединяющие с Кавказом четыре района, и только 2,7% объединяют Кавказ с четырьмя районами, т.е. встречены почти во всей Евразии. Последние цифры показывают, что при подобной типологии, когда мы выделяем вещи, вышедшие или из одного производственного центра, или сделанные по одному эталону, общая картина единого (по поясным наборам) евразийского мира, которую мы видели при самом общем взгляде на вещи, заменяется значительно более полной и интересной. Евразийская мода проявляется в общих принципах конструкции, технологии изготовления, излюбленной орнаментации, смысловой насыщенности, тогда как изучение особенностей говорит об отличиях производственных центров, дробной хронологии и дает нам возможность с должной конкретностью и определенностью говорить о характере и направлении торговых связей.

Но в этом случае мы опять возвращаемся к тому, с чего мы начали, необходимости в дескриптивной археологии выработать и пользоваться единым языком описания и анализа, особенно сейчас, когда любой массовый материал должен быть исследован с помощью ЭВМ, поскольку его количество далеко вышло за границы того объема, который может быть подвергнут ручной обработке.

Должен выдерживаться принцип единой минимальной глубины исследования, определен необходимый и достаточный для поставленных целей набор признаков и число их членений (причем, чем более узкий материал мы рассматриваем и чем более узкие хронологические или культурно-исторические градации мы намереваемся получить, тем более углубленный анализ нам предстоит выбрать). На пороге компьютеризации массового материала повышается наша ответственность по отношению к тем категориям вещей, которые распространены на обширных территориях (для эпохи раннего средневековья это, в частности, бусы, поясные наборы, стеклянная посуда, керамика, амулеты, зеркала, серьги и т.д.). Создавать бесчиленные несопоставимые между собой классификации однотипных категорий вещей на различных территориях бесполезно, тем более, что сравнивать между собой более целесообразно не типы и варианты (вернее, не столько их), а признаки, картографируя их, рассматривая их сочетания и корреляцию как между собой, так и их распределение во времени и пространстве. Следовательно, первостепен-

ной важности задачей является выработка единых кодов-дескриптов и пользование ими (после обсуждения) всем научным сообществом археологов, именно в этом может заключаться кооперация археологов различных центров при изучении близкого (морфологически, хронологически или культурно) материала.

Так, первое межведомственное рабочее совещание 1988 г. в Тбилиси, посвященное компьютеризированным банкам данных музейной и археологической информации, объединившее подавляющее большинство археологов и музейных работников, связанных с компьютеризацией в бывшем СССР, предложило в качестве основы для унифицированного описания археологической информации использовать форматы данных, разработанные в ЦНИОН ГССР, Государственном Эрмитаже и Кемеровском университете, поскольку в значительной части они информационно совместимы и совпадают.

В настоящее время в рамках сотрудничества Института археологии АН СССР и Центра научной информации по общественным наукам АН ГрССР выработан рабочий лист с перечнем всех возможных характеристик для керамики, антропоморфных изображений, пряжек, различных исследователей на базе формально скоординированных и согласованных правил кодового представления археологической информации каждый желающий может ознакомиться (учесть и использовать) подготовленные материалы[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. САИ. Вып.Е1-2. М., 1979.

2 Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. # 1. Центральное Предкавказье // Степи Евразии эпохи раннего средневековья. М., 1981. Рис. 60, 61.

3 Афанасьев Г.Е. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 141-152.

4 Ковалевская В. Б. Башкирия и Евразийские степи IV-IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С.95-117.

5 Ковалевская В.Б. Производство и торговля народов Северного Кавказа IV - IX вв н.э. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965. С.154.

6 Ковалевская В.Б. К вопросу о "поломской культуре" // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 91. Рис. 3.

7 Kazanski M. Deux riches tombes de l'epoque des Grandes Invasions an nord de la Ganle: Airan et Ponan // Archeologie Medievale. XII. 1982. Рис. С1-9.

8 Kazanski M., Sodini I.P. Byzance et l'art "nomade": remarques a propos de l'essaie de J.Werner sur le lepot de Malaja Perescepura (Perescepino) // Reirie archeoloque 1. 1987. Рис. 10-17.

9 Franchet Z. Une-colonie scytho-alaine en Orleanais, les bronzes cancasiens de Vendomois // Revue scientifique, 1930, LXVIII. P.221-240.

10 Riviere J. Une production d'origine etrangere les garhituris de ceinture merovingienne de la Zoire moyenne // Revue archeologique du Centre, Lyon, 1966, V. P. 221-240.

11 Айбабин А.И. Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древнос-

ти эпохи великого переселения народов V-VII веков. М., 1982. С. 165-192.

[12] Пугаченкова Г. А. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА. 1959. N 2. С. 94.

[13] Ковалевская В. Б. О некоторых знаковых системах в археологии // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып.236. Труды по знаковым системам IV. Тарту, 1969. С. 425-432.

[14] Компьютеризированные банки данных музейной и археологической информации // Материалы межведомственного рабочего совещания. Тбилиси, 1988.

Список иллюстраций к статье В. Ковалевской "Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения"

Рис. 1 Кавказские пряжки:

1 курган Комарова, ГМГ N 3539; 2 Цебельда, ахвацрахва, погр. 6; 3 Лизгор ГИМ, хр.65/24б; 4 Цебельда Ауахуамахуа, погр. 6; 5 Цебельда, Аграхуа, погр. 3; 6 Ахтанизовская станция, случ. нах.; 7 Кумбулта, ГИМ хр. 65/18б; 8 Орджоникидзе, случ. нах. СОМ, N 3665; 9 Цебельда, ахуацарахуа, погр. 2; 10 Цебельда, Мрамба погр. 12; 11 Цебельда, Ауахуамахуа, погр. 3; 12 Цебельда, Абгидзрахуа, погр. 44; 13 Цебельда, Ауахуамахуа, погр. 10; 14 Цебельда, Мрамба, погр. 1964 г.; 15 Цебельда, собр. Ю. Н. Воронова; 16 Цебельда, Аграхуа I, погр. 8; 17 Кумбулта, случ. нах. ГИМ хр. 65/18б; 18 Чми, кат. 17; 19 Чми, случ. нах.; 20 Цебельда, Абгидзрахуа, погр. 31; 20а Цебельда, Абгидзрахуа, погр.14; 21 Чми, кат. 6; 22 Чегемский район, ГИМ хр.67/53а; 23 Песчанка, ГИМ хр.67/48а; 24 Хазнидон, катакомба 1; 25 "Чегемское общество", ГИМ хр.67/53а; 26 Камунта, ГИМ хр.73/29а; 27 Рутха; 28 Борисовский мог., погр. 140; 29 Камунта, Гос. Эрмитаж, колл. 1976 N 33; 30 Гоуст (Гоуздок) кат.9; 31 Архон, кат.5; 32 Борисовский мог.; 33 Кумбулта ГИМ хр.55/17б; 34 Чми, кат.16; 35 Цебельда, Абгидзрахуа, погр.9; 36 Агач-Кала, восточное отделение склепа; 37 Рутха, ГИМ хр.65/35аб; 38 Цебельда, Абгидзрахуа, погр.2; 39 Балта, кат. 3; 40 Бавтугай, кат. 1; 41 Рутха, ГИМ хр.65/39б; 42 Кобань, случ. нах.; 43 Терская обл., ГИМ хр.91/50а; 44 Чми, кат.7; 45 Пятигорск, Пятигорский музей на КМВ, N 739; 46 Рутха, случ. нах.; 47 Гундерлен, Гос. Эрмитаж, КЗ 748; 48 Чегем, ГИМ хр.67/53а; 49 Камунта, Гос. Эрмитаж, КЗ N 601; 50 Пашковский мог., погр.5; 51 Рутха, случ. нах.; 52 Чми, кат.6; 53 Камбунта, Гос. Эрмитаж, КЗ N 2484; 54 окрестности г.Эльбруса, Ставропольский музей, N 2877; 55 Чми, ГИМ хр.67/11б; 56 Борисовский мог., погр. 30; 57 Камунта, ГИМ хр.53/17б; 58 Константиновка, ГИМ хр.67/57б; 59 Самтавро, ГИМ, экспозиция; 60 Кумбулта, ГИМ, хр.65/16б; 61 Камунта, Гос. Эрмитаж, КЗ N 1025; 62 Ведено, Гос. Эрмитаж, КЗ N 4233; 63 Рутха, случ. нах.; 64 Чми, ГИМ хр.45/50б; 65 Камунта, ГМГ, N 543; 66 Задалиск, ГИМ, хр.53/10а; 67 Чир-Юрт, погр.16 1957 г.; 68 Кумбулта, ГИМ хр.65/18б; 69 Гоуст, кат. 12; 70 "Чегемское общество", ГИМ хр.67/53а; 71 "Указатель" окрестности Кисловодска, случ. нах.; 72 Кабардинская Балка, к. 2; 73 Большой Буйнакский к. мог. N 1; 74 Рутха, ГИМ хр.65/35аб; 75 Камунта, N 1887;

76 Дзивгис, ГИМ хр.51/57аб; 77 Гоуст, кат.9; 78 Дуба-Юрт, погр. кат.7; 79 Дуба-Юрт, кат. 13; 80 Галиат (погр. в склепе); 81 Гоуст, кат.5; 82 Кумбулта, ГИМ хр.55/17б; 83 Чми (или Балта) ГИМ хр.45/42аб; 84 Чми (или Балата), ГИМ хр. 45/42аб; 85 Пашковский мог., погр.5; 86 Баксан, ГИМ хр.91/50а; 87 Камунта, ГИМ хр.55/56аб; 88 Камунта, ГМГ, N 591; 89 Самтавро (ГМГ, экспозиция); 90 Тырныгауз, скл.1; 91 Бежта N269; 92 Веселое ИАК 33, 1909, рис. 22, 17; 93 Уч-Тепе, впускн. погр.; 94 Борисовский мог., погр. 191; 95 Каменномостское, ГМГ 4512/8; 96 Камунта, ГИМ хр.55/34б; 97 Былым, Нальчик N 1041; 98 Камунта, ГИМ хр.55/34б; 99 Камунта, ГИМ хр.56/75а; 100 Борисовский мог., погр. 192; 101 Борисовский мог., погр.30; 102 Цебельда, Абгидзрахуа, погр.47; 103 Борисовский мог., погр. 167; 104 Тырныгауз, скл. 1; 105 Гоуст, кат. 9; 106 Мокрая Балка, случ. нах.; 107 Цебельда, Ауахуамахуа, погр.12; 108 Чми, кат. 23; 109 Самтавро, гробница 11; 110 Рутха (там же, где 27); 111 Чегем, ГИМ хр. 67/53а; 112 Чир-Юрт, погр.12/1957 г.; 113 Кумбулта, ГИМ хр.65/6а; 114 "Аланская крепость" вблизи Кисловодска, случ. нах.; 115 Чегем, ГИМ хр. 67/53а; 116 Камунта, ГМГ N 576; 117 Камунта, ГИМ хр.55/16б; 118 Татарка Гос. Эрмитаж ОИПК N 1091/4; 119 Чир-Юрт, погр.40; 120 Лезгур, случ. нах.; 121 Цебельда, Мрамба, погр. 12; 122 Галиат, ГИМ хр.91/12аб; 123 "Аланская крепость", случ. нах.; 124 Узун-кол, погр. 11; 125 Кумбулта, ГИМ хр.65/6а; 126 Самтавро, ГМГ, экспозиция; 127 Балта, кат. 1; 128 Султановка, ОАК 1900, рис. 119, с.49; 129 Крым или Кавказ, Гос. Эрмитаж, ОИПК 1111/6; 130 - окрестности Кисловодска, случ. нах.; 131 Кумбулта, ГИМ хр. 55/17б; 132 Нальчик, ГИМ хр.73/23а; 133 окрестности Кисловодска, случ. нах.

Рис. 2 Хронология пряжек Кавказа

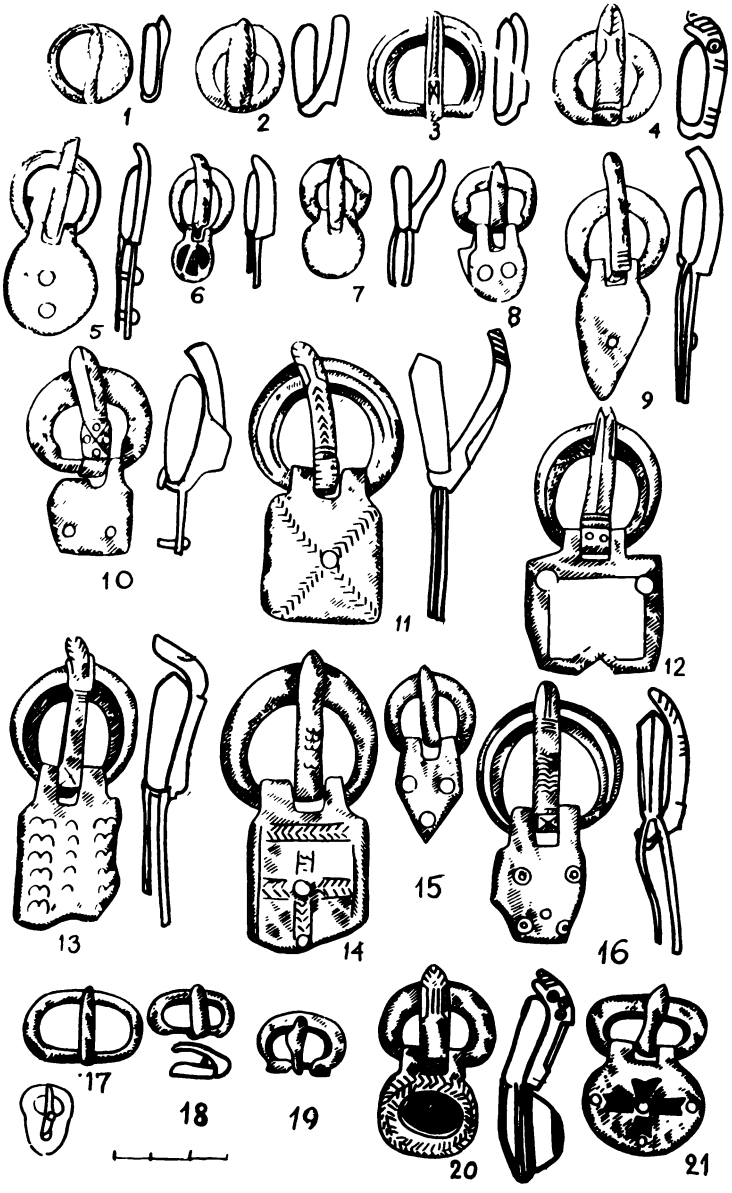


Рис. 1

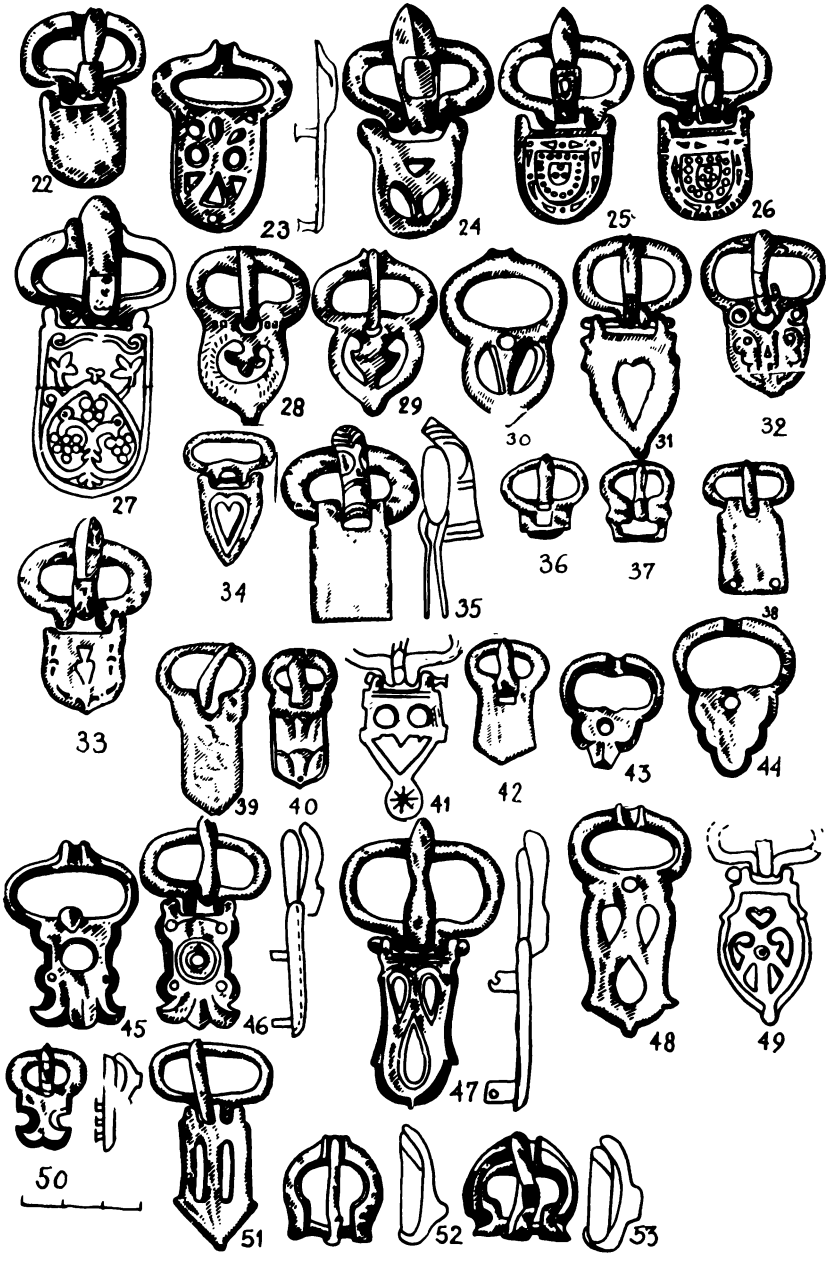


Рис. 1 (продолжение)

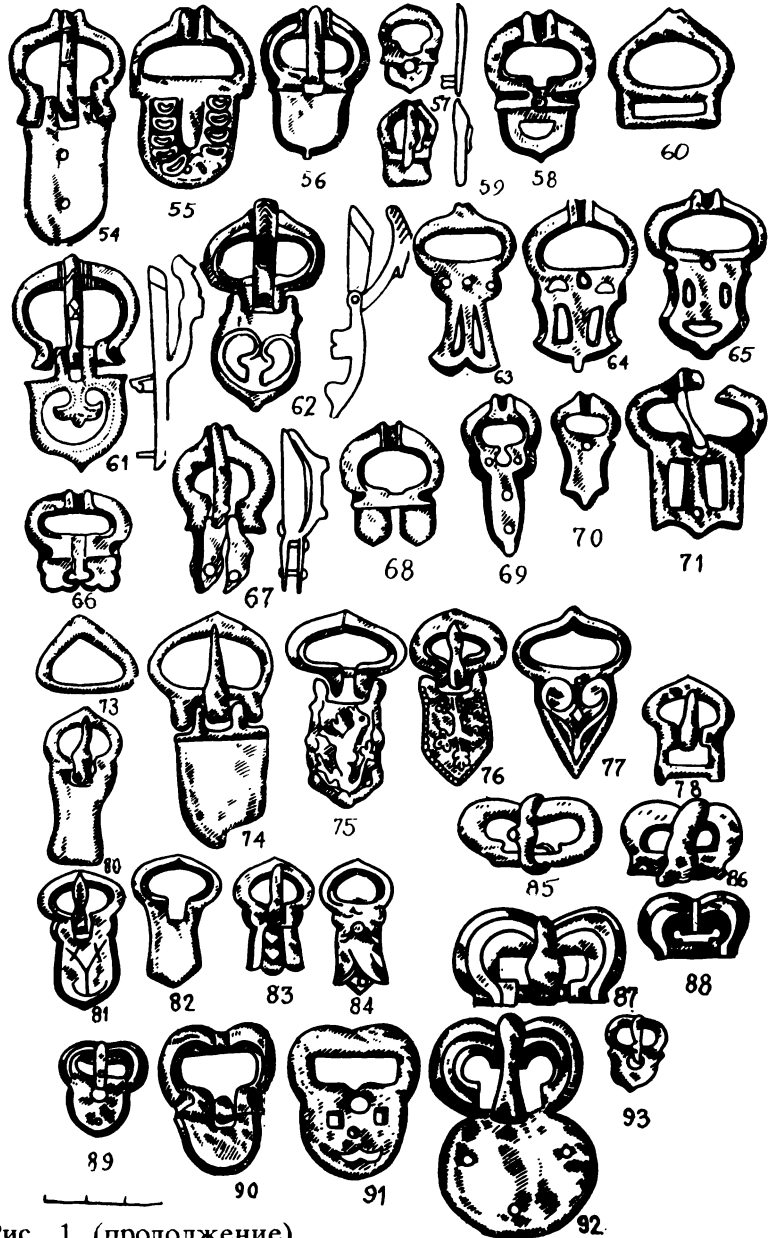


Рис. 1 (продолжение)

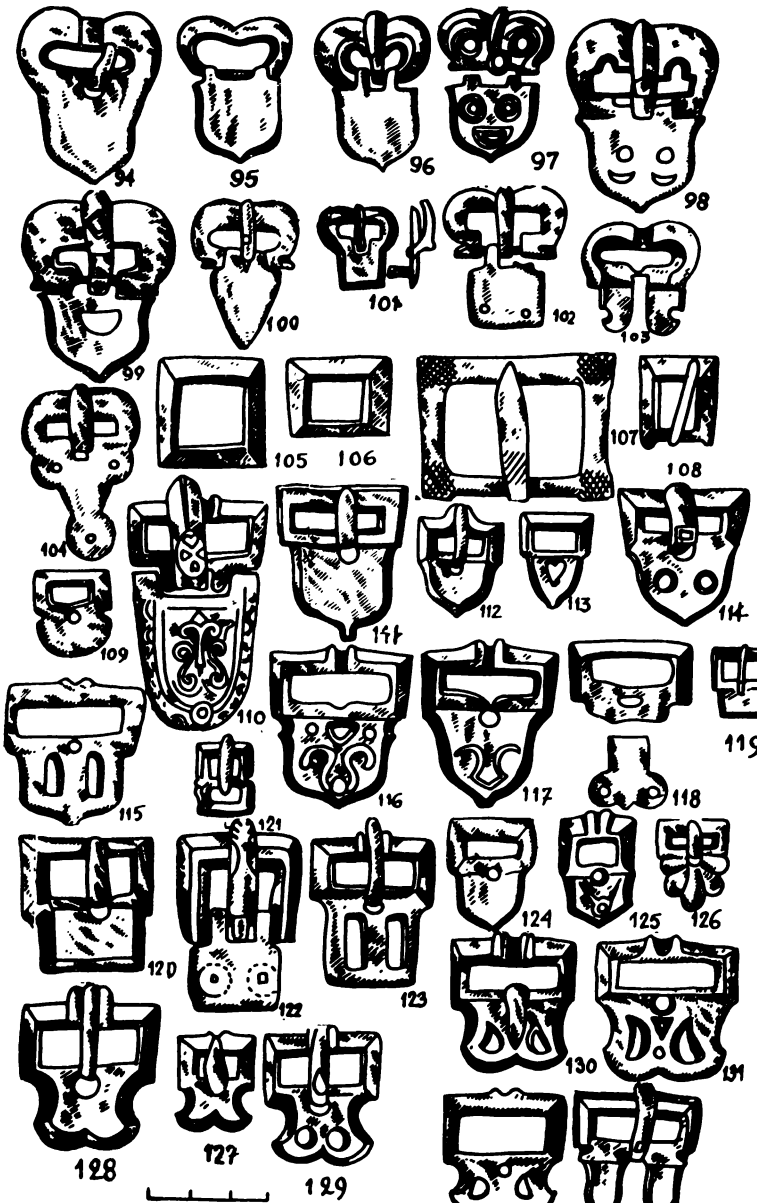


Рис. 1 (продолжение)

Рис 2

38-2047

		Кавказ					Крым					Башкирия					Поволжье					Подпоровье Подонье					Сибирь					Прикамье					Всего аналогий
		I (IV-V вв.)	II (VI-VII вв.)	III (VIII-IX в.)	Не атир. (?)	Всего	I	II	III	?	Всего	I	II	III	?	Всего	I	II	III	?	Всего	I	II	III	?	Всего	I	II	III	?	Всего	I	II	III	?	Всего	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
Круглорамчатые																																					
1	т 1 в 1	5	17	25	3	50				1	1							1	1		2			1		1		1		1	2					8
2	т 1 в 2	9	8	2		19	30			1	31	2				2	4			2	6	1				1										48
3	т 1 в 3				2	2				45	45																									45
4	т 1 в 4	1	1			2				36	36	1				1	2				2	1				1										34
5, 6	т 2	6	2		1	9	4			1	5						2			1	3	1				1				1	1					18
7	т 3	1	2	1	1	5	2				2						1				1									1	1					4
8	т 6				1	1	1				1														1	1										2
9	т 7	1				1						5	2			7				1	1	1				1										9
10, 11	т 9	6			4	10	3				3	2	4			6	5	3			8										1			1		18
12	т.10	2	4	1		7																														
13, 14	т 11	3				3	1			10	11						9	1		3	12				1	1				1	1	1			1	28
15	т.12		2		1	3																			1	1										1
16		1				1																														
		35	36	28	13	113	41	-	-	88	129	10	6			16	22	5	1	7	35	4		1	3	8		1		4	5	2			2	195
Овальнорамчатые																																				
17	т 1 в 1	8	11	4	7	30	4	9	3	2	18						5				5	1				1							1		1	25
18	т 2 в 2	5	2			7	8	2	2		12						1	1			2	4				4			1	1						18
19	т.3	3		2		5	10	1		2	13						4	2			6				1	1		4		4						24
20, 20в	т 5	1	3			4	2	1		1	4						1				1	4				4										9
21	т.7 в 1			1		1	1				1							1			1							1	3		4					6
22	т 7 в 5				1	1		1	3		4																									4
23	т 7 в 5			4	1	5																		1		1										1
24				1		1																														-
25, 26	т 7 в 8				2	2																														-
27	т 7 в 9				1	1			2		2																									2
28	т 8 в 4				1	1			5		5									1	1															6
29	т 8 в 5			1	3	4			3	6	9																									9
30	т 8 в 6			4	8	12														-																-
31	т 8 в 7		1			1		1		1	2																										2
32	т 8 в 8			1	2	3		7	12	26	45																										45
33				1	1	2																															
34	т 9 в 2		1	4		5		1	1	6	8								1		1															8
35	т 12	1				1					-		16		4	20	1		1		2								1	3	4					25
36	т 13 в 1, 2	2	4	1	1	8	1	1	1		3		2			2			7		7	3				3		1	3		4					14
37	т 13 в 3				1	1		1	2		3						7		1	1	9								11	1	12			5		5	27

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
38 т 14 в 1	1		1		2		2	1		3								1		1							1			1						13
39, 40 т.16 в 1			2		2																							6		6						7
42 т 17				1	1					-																		2	2						2
41 т 24	1	3	1	1	6			25	10	35																										35
51				1	1			2	2	4																			2	2						6
43, 44 т 25			4	8	12					-																										
45, 46 т 29			3	5	8																															
47, 48 т 30		2	4	9	15					-																			1	1						1
49 т 32				3	3			1		1																										1
50 т 35		1			1					-																										2
	22	28	39	57	146	26	27	83	56	172		18		4	22	19	4	11	2	38	12		1	1	14		8	21	14	41			6		8	281
Яйцевидные																																				
52, 53 т 1		15	7	7	29		1			1		1		1	2		2			2							1	1		2						7
54, 55 т 2				2	2		1			1								1		1							1			1			1		1	6
56 т 3		6	1	1	8																						1	1		2						5
57 т 3 в 1а6				2	2		1			1							1	1		2													4		4	7
58 т 3 в 2		4	1	1	6		1		1	2																										2
59, 60 т 3 в 3				7	7																															-
61 т 5 в 1		3			3																													1	1	1
62 т 5 в 2		1		1	2																							1		1						1
63 т 8				1	1																															
64, 65 т 9				3	3																															
66 т 10		1	1	1	3													1		1																2
67 т 11		6	1	1	8		1			1				1	1		1			1																1
68 т 12		3		3	6																															2
69				1	1																															
70, 72			1	1	2																															
71				1	1																															
		43	12	33	88		5		1	6		1		2	3		4	3		7		3	4		7		2	3		5		5		1	6	34
Треугольные																																				
73 т 1	1				1				1	1													1		1			1		1						3
74			2	1	3			1		1																										1
75 т 2 в 3			1	2	3																															
76 т 3			1		1				1	1								4		4			3		3			1		1						8
77 т 4			1		1					-																										-
78 т 6			1		1			2		2								4		4			3		3								1		1	10
79 т 7 в 1			1		1			-												-													1		1	1
80 т 9			3		3			1		1										-																1
81 т 10 в 2			1		1				1	1								5		5			4		4											10
82 т 11 в 1			1	3	4													2		2			4		4											6
83, 84 т 15			1	2	3			1		1								3		3			5		5											9
	1		13	8	22			5	3	8								18		18			28		28			2		2			2		2	58
В-образные																																				
85 т 1 в 1	2	7		4	13					-	2			1	3		1		1	2								1	2	3						3
86, 87 т 1 в 2				7	7		5		2	7								1		1									1	1						8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
88 т 1 в 4				3	3				1	1																										1
Вдавоугольно-рамчатые																																				
89 т 3 в 1		3			3																															
90 т 3 в 2		1			1							4			4		1			1															5
91 т 3			1		1																															-
92		3			3																															
93 т 6 в 2		5	1	1	7		1		1	2																										2
94, 95 т 6 в 4		8	1	1	10					-		1			1		2			2						1		1							4
96 т 6 в 5			3	4	7							3			3											1	1	1	3						6
97, 98 т 6		2		1	3		2			2																									2
99				1	1		1			1		1			1																				2
100		1			1																															
101		1			1																															
102		2			2		8			8		2			2		2	1		3															13
103		3			3																															
104		3			3		1			1									1	1															2
	2	48	6	22	78		18		4	22	2	11		1	14		6	2	2	10			3		3		2	2	4	8					54
105 т 1 в 1			1		1											1	2			3					3	1				1					4
106, 107 т 1 в 2	1	8	3	2	14	2	6		1	8						1	1	1		3			15		15		4			4					16
108 т 1 в 3		6	2	4	12		2		1	3						1	1	1		3			15		15								1	1	22
109 т 2	2	4			6		2		1	3		1			1		2			2															6
110				1	1		1			1													1		1								1	1	3
111 т 4 в 1			1	2	3				1	1		1			1																				2
112 т 4 в 2		6	3	12	21		6			6		1		2	3		2			2			2		2										13
113			1	1	2					-																			11	1					1
т 4 в 3				1	1				2	2													1		1										3
114-117		1	1	4	6		1			1													1		1										2
118 т 7				1	1																															
119 т 8 в 1				2	2				2	2		1			1		1			1														1	1	5
120 т 8 в 2		10		2	12		11		1	12				1	1		2			2			1	3	4										19
121 т 8 в 3		1			1		1			1																	2			2					3
122 т 8 в 4				1	1																1				1										1
123				1	1																															-
124, 125 т 12		6	1		7	1				1		1			1														1	1					3
126		2			2																															
127 т 14 в 1		3	2	12	17				1	1													1		1										2
128 т 14 в 2		3		4	7																															
129 т 14 в 3		1	1	1	3				1	1																										1
130-132		2	4	3	9																															
133 т 17		2		2	4																															
	3	55	28	56	134	3	30	-	11	44	-	5	-	3	8	2	10	1	-	13	1	-	25	3	28	1	6	1	1	9			3		3	106

А. Крамарев

Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заволжья

В последние годы работами Средневолжской археологической экспедиции открыт и исследован ряд погребений, относящихся к разным периодам эпохи средневековья: выявлен новый пласт раннеболгарских памятников (Рождественский III, Новинковский, Брусянский II могильники)[1], продолжено изучение погребений домонгольского и золотоордынского периодов[2]. Однако общий объем средневековых кочевнических памятников на территории Куйбышевской области остается незначительным, поэтому публикация каждого нового комплекса актуальна и вызывает немалый интерес.

Летом 1989 г. разведочным отрядом САЭ под руководством автора в Приволжском районе Куйбышевской области, на коренной террасе левого берега Сараговского водохранилища, в окрестностях с. Екатериновка, исследованы три разрушающихся погребения эпохи средневековья.

Первое погребение, входившее в состав Екатериновского VI могильника, обнаружено в 1 км к югу от села, на краю господствующей над местностью возвышенности. Следов насыпи над погребением не выявлено, однако удалось проследить надмогильную стратиграфию: слой комковатого гумусированного суглинка темно-серого цвета (мощностью 0,3 м), ниже слой комковатого суглинка бурого цвета (0,4 м) и слой смешанной глины и суглинка серо-коричневого цвета (0,2 м).

Очертания могильной ямы выявились в последнем слое, на глубине 0,7 м от современной поверхности, в виде темного пятна прямоугольной формы. Сохранилась только часть могилы длиной 0,92 м, шириной 0,87 м, глубиной в материк 0,2 м, с вертикальными стенками и ровным дном.

Не потревоженной сохранилась верхняя часть костяка погребенного (череп, часть позвоночника, грудной клетки и плеча), остальные кости снесены обвалом берега водохранилища. Судя по сохранившимся костям, погребенный (подросток 10-12 лет) лежал вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к югу, череп лицевой частью был повернут на север (рис. 1, *1*). У затылка погребенного лежал череп овцы, а рядом с ним, несколько завалившись на бок, стоял лепной плоскодонный сосуд, с примесью шамота и растительных остатков в тесте, грубой лепки, с бугристой поверхностью, украшенный защипами по венчику (рис. 1, *2*). У ключицы погребенного лежал сильно корозированный обломок железного черешкового ножа с горбатой спинкой и двумя уступами при переходе лезвия в черешок (рис. 1, *3*).

Сосуд из этого погребения аналогичен посуде из раннеболгарских погребений Больше-Тарханского I и Танкеев-

ского могильников[3], из исследованных на Самарской Луке Новинковских и Брусянских II курганов[4]. По классификации Т.А.Хлебниковой он относится ко второй группе керамики VIII первой половины IX вв.[5], а по хронологической классификации памятников новинковского типа, предложенной А.В.Богачевым, дата этой керамики удревняется до конца VII века[6].

Таким образом, погребение N 1 Екатериновского VI могильника ориентировочно можно датировать концом VII-VIII вв. и отнести его к числу раннеболгарских. Интересен тот факт, что погребение с горшком новинковского типа впервые обнаружено на левом берегу Волги. Кроме того, оно является самым южным из ранее известных и позволяет расширить наши представления об ареале памятников новинковского типа в Среднем Поволжье.

Второе погребение, планиграфически связанное с Екатериновским IV могильником, расположено в 3 км к югу от с. Екатериновка, на берегу Саратовского водохранилища, на небольшом всхолмлении, возможно, расплывшемся кургане. Надмогильная стратиграфия следующая: комковатый гумусированный суглинок мощностью 0,2 м. перекрывающий слой бурого суглинка (0,4 м), в нижнем слое которого, на глубине 0,55 м от современной поверхности, и обнаружено погребение. Форма могильной ямы не прослеживается. От костяка сохранился скелет туловища, череп снесен обвалом берега, между тазовыми и бедренными костями проходил разрыв берега.

Судя по костям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу, кисти рук покоились на тазовых костях. Дно могилы было посыпано белым порошком, вероятно, мелом (рис. 1, *4*). У левой руки погребенного стояла коробочка из листовой меди, у левой ноги и под ней два железных стремени. Коробочка ромбической формы со слегка выгнутым дном, размерами по диагонали 12,2 х 9,4 см, высотой бортиков 1,3-2 см и толщиной листа 0,15 см, в одном из бортиков небольшое сквозное прямоугольное отверстие (рис. 1, *7*). Подобные сосуды (чашечки из листовой меди или серебра) известны в кочевнических погребениях золотоордынского времени Поволжья и Приуралья. Стремена арочной формы с расширенной вогнутой подножкой и уплощенной дужкой, сохранились плохо (рис. 1, *5, 6*).

Третье погребение обнаружено в 2,5 км к юго-западу от с.Новое Заволжье, на краю высокого обрыва Саратовского водохранилища, на ровной площадке, в размываемом краю которой обнаружены еще несколько разрушающихся погребений, что позволяет предполагать здесь наличие могильника (Заволжского III). Остатки погребения находились на глубине 1,05 м от современной поверхности, на дне прямоугольной ямы, углубленной в материк на 0,43 м, от которой сохранился только северо-западный угол. Судя по найденным в этом углу фалангам пальцев ноги и пяточной кости, погребенный был ориентирован в южном направлении (рис. 1, *9*). Здесь же найдены кольчатые двусоставные удила и два стремени. Удила с четырехгранными в сечении грызлами и кольцами диаметром 4 см, концы грызел для крепления с кольцом раскованы (рис. 1, *8*). Одно из стремян ассиметричное, арочной формы, с расширенной, слегка уплощенной подножкой овальной формы и уплощенной дужкой, имеющей слегка выступающую прямоуголь-

ную петлю для путлища (рис. 1, *10*). От второго стремени сохранились обломки дужки и подножки (рис. 1, *11*).

Двусоставные кольчатые удила распространены чрезвычайно широко как территориально, так и хронологически, а потому не имеют какого-либо определяющего значения для датировки рассматриваемых погребений. Иное дело стремена. По классификации Г.А.Федорова-Давыдова, стремена из Екатериновского IV и Заволжского III могильников относятся к типу BIV, хотя и имеющему широкое территориальное распространение, но, по мнению исследователя, являющегося хронологическим признаком комплексов второй половины XIII-XIV вв.[7] Несколько более ранним временем датируют этот тип стремян С.А.Плетнева и А.Н.Кирпичников XII первой половиной XIII вв.[8]

Исходя из существующей хронологии найденных стремян, погребения Екатериновского IV и Заволжского III могильников могут быть датированы XII-XIV вв. и отнесены к числу позднекочевнических комплексов Самарского Заволжья. Вопрос об их этнокультурной принадлежности остается открытым до более детального исследования могильников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С. 120-127. Матвеева Г.И. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке. Там же. С. 115-116; Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар (см. статью в наст. сб.).

[2] Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с.Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1970. С. 156-157; Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С.202-237; Она же. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 173-178.

[3] Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 41. Табл. VII.

[4] Матвеева Г. И. Памятники именьковской культуры... С.116. Рис.11; Богачев А.В., Зубов С.Э. Указ. соч.

[5] Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984. С. 33.

[6] Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник...

[7] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 116.

[8] Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 215; Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973. С. 54.

Список иллюстраций к статье А.Крамарева "Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заволжья"

Рис. 1 Погребения эпохи средневековья Самарского Заволжья:
1 план погребения N 1 Екатериновского VI могильника; 2 сосуд; 3 нож; 4 план погребения N 1 Екатериновского IV могильника; 5, 6 стремена; 7 предмет из меди; 8 удила из погребения N 1 Заволжского III могильника; 9 план погребения N 1 Заволжского III могильника; 10, 11 стремена из погребения N 1 Заволжского III могильника

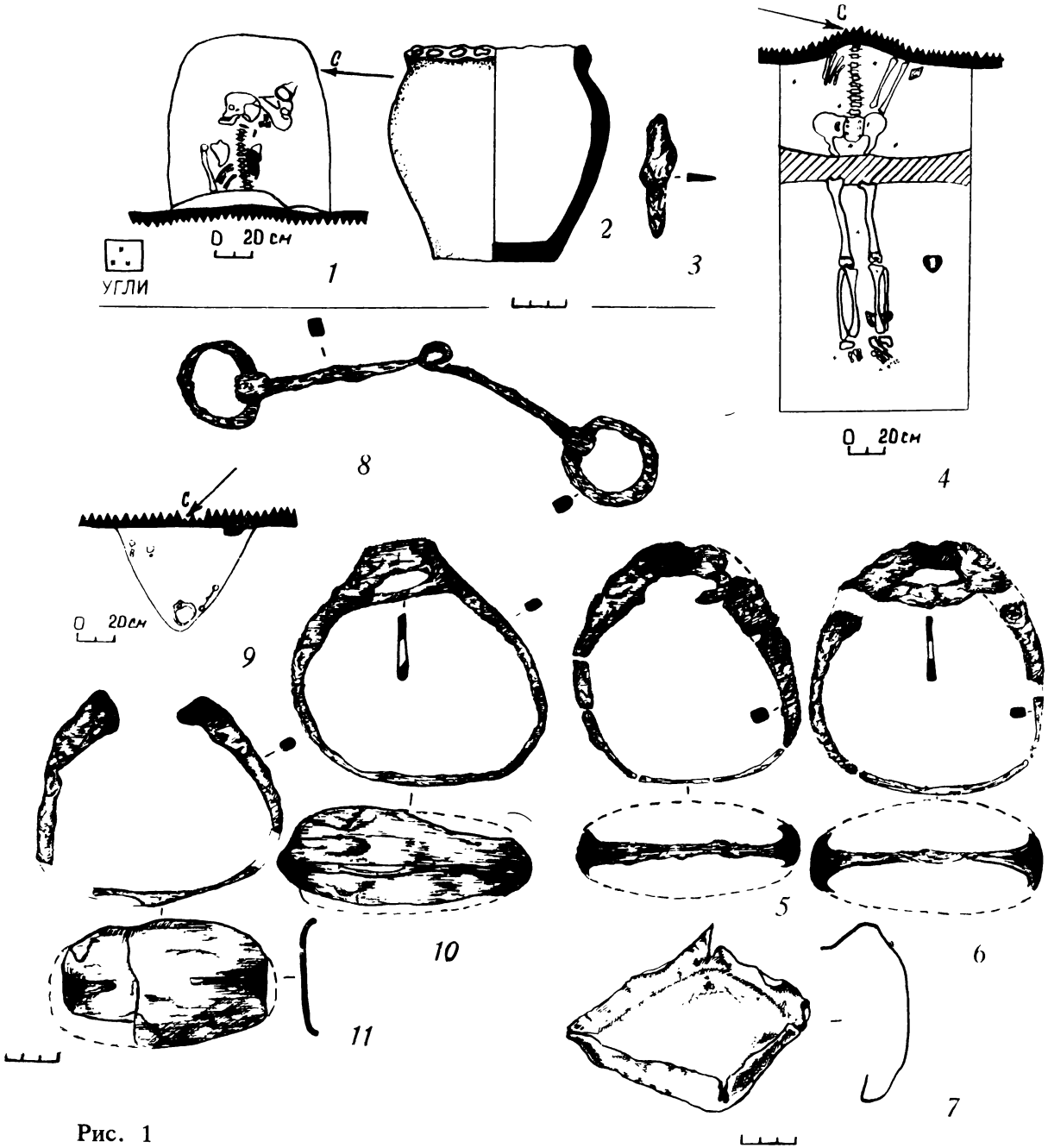


Рис. 1

В. Кригер

Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы

В русской и советской историографии роль переселения огузо-торских племен из Средней Азии в южнорусские степи выяснялась поэтапно, в зависимости от используемых источников. П.В.Голубовский систематизировал и обобщил сообщения русских летописей о торках[1]. Сравнение их со сведениями восточных авторов привело его к выводу о тождестве огузов и торков и о незначительности огузо-торческого компонента среди кочевников южнорусских степей[2].

Раскопки курганов средневековых кочевников в конце XIX века в Поросье и Подонье открыли новый источник для решения вопросов хронологии, распространенности характерных черт погребального обряда[3]. Однако этническое определение захоронений предвосхищало создание подробной типологии обряда и инвентаря раскопанных погребений. В конце 40-х годов на основе сведений восточных авторов об огузах Средней Азии были написаны работы С.П.Толстого и А.Ю.Якубовского[4]. Их интересные выводы (как и предшественников В.В.Батольда, Н.А.Аристова) не имели подтверждения в археологических материалах.

Древности средневековых кочевников были изучены на высоком источниковедческом и методическом уровне С.А.Плетневой и Г.А.Федором-Давыдовым[5]. Создание типологии археологического материала и привлечение всего комплекса письменных источников позволили исследователям не только обоснованно выделить хронологические периоды, но и типы погребений, выяснить их распространенность в регионах. С.А.Плетнева предложила определение этнической принадлежности немногочисленных в южнорусских степях торческих погребений и более распространенных печенежских захоронений[6]. Г.А.Федоров-Давыдов проанализировал большой материал от Приднепровья до Приуралья, предложив статистический метод выявления закономерной взаимовстречаемости типов вещей и признаков обряда, базирующийся на достижениях сравнительных методов. Исследователь счел число известных в те годы курганов огузо-печенежского времени не достаточным для их этнического истолкования[7].

На основе сообщений различных авторов об огузах Средней Азии и прилегающих территорий С.Г.Агаджанов детально и аргументированно проследил расселение огузских племен из Средней Азии в Приуралье[8].

За последние годы накоплен новый средневековый археологический материал в междуречье Волги и Эмбы. Систематизации и обобщению более 100 комплексов огузо-печенежского времени посвящена диссертация автора статьи[9].

Для характеристики обряда погребения было выделено более полутора со-

тен признаков, сгруппированных в три основные разряда: отличающие в целом погребения тюркоязычных кочевников эпохи средневековья; локальные характеризующие определенный тип захоронений и частные редко употребляемые в обряде погребения и свидетельствующие о разноэтничных включениях в огузскую конфедерацию. Частота взаимовстречаемости признаков, определяющая их значимость, вплоть до отсутствия встреч в одном захоронении, определяла отнесение тех или иных черт обряда к одному из трех перечисленных разрядов.

Общие признаки таковы: земляные насыпи более 16 м в диаметре; погребения впускные в насыпи древних курганов; могилы простой прямоугольной формы, глубиной около 1 м; индивидуальные захоронения; погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад; захоронения сопровождаются черепом и костями ног (шкура) коня, причем ноги коня обычно расчленены от копыта до путовой кости или третьего метаподия (в кыпчакское время тоже хоронили шкуру коня, но ноги его не расчленяли).

Локальными признаками являются: наличие и тип конструкции деревянного перекрытия в могиле (поперечные плахи); захоронение частей коня на дне могилы или над погребенным (в засыпи, на перекрытии); наличие или отсутствие этнически характерных вещей копоушек, птицевидных нашивок, уздечных наборов, удил с псалиями, серег вещей из драгоценных металлов.

Частными признаками служат: присутствие в насыпи угля и костей животных; могилы со ступеньками и подбоями; ориентировка погребенных на восток и север; наличие "загробной" пищи в могиле и т. д.

Устойчивая взаимовстречаемость локальных признаков обряда позволила выделить в Эмба-Волжском регионе два типа погребений. В статье представляется самый распространенный тип погребения, который мы склонны связывать с господствующим в регионе огузским этносом.

Интересующий нас тип погребений характеризуют следующие основные признаки обряда (номер признака соответствует таблице): прямоугольная могила 64; такая же могила в насыпи (предполагаемая форма) 74; перекрытие на заплечиках 46; перекрытие из поперечных плах на засыпи 47; череп (161) или череп и кости ног коня на засыпи 162; шкура коня на перекрытии 163. Некоторые признакки встречаются в единичных случаях, тем не менее они имели распространение в обряде древнетюркских племен: прямоугольная могила с суживающимися ко дну стенками 65; могила со ступенькой с северной стороны 66; прямоугольная могила с двумя уступами вдоль длинных сторон 70; подбойная со ступенькой во входе 73; кости ног коня справа (164) или слева (165) от погребенного на дне ямы, шкура коня на ступеньке (174). Очевидно, древнетюркские погребальные традиции не в равной степени были представлены у огузов.

Характеристику погребений дополняют находки специфических, как полагаем, этнографически показательных предметов инвентаря. В женских и детских погребениях встречаются копоушки (рис.1, ***9***), птицевидные нашивки (рис. 1, ***6***), свинцовые пряслица (рис. 1, ***5***); в мужских бронзовые накладки узды ко-

ня (рис.1, *8*); в женских и мужских бронзовые накладки пояса (рис. 1, *7*) и серьги (рис. 1, *4*).

Таким образом, в 100 погребениях огузо-печенежского времени Урало-Поволжья отмечается частая встречаемость следующих признаков обряда и предметов инвентаря: простые прямоугольные могилы или могилы в насыпи перекрытие захоронение коня = копоушки = птицевидные нашивки = свинцовые пряслица = уздечные наборы = серьги = поясные наборы. Самая высокая степнь взаимовстречаемости наблюдается у меньшего количества признаков (рис.2, *5-9*): простые могилы, могилы в насыпи, шкура коня на перекрытии копоушки = птицевидные нашивки типов ДП, ДШ = серьги типов I, X, XII.

Основные признаки рассматриваемо-го типа погребений соотносятся с характеристикой, данной ибн-Фадланом огузскому погребальному обряду. В образном описании секретаря арабского посольства содержатся следующие реальные черты обряда, прослеженные археологически примерно в 80 погребениях из 100: могила в виде дома, который накрывается деревянным настилом поверх настила раскладывается шкура коня[10].

Основная масса подобных погребений находится в междуречье Эмбы и Волги, единицы на нижнем Дону, в южнорусских степях. Выявленные 42 погребения и местонахождения случайных находок (рис.2, *1*) не исчерпывает всех захоронений этого типа. В ститье описаны лишь наиболее характерные.

Вещи из погребений огузо-печенежского времени по частоте взаимовстречаемости разделяются на три разряда по коэффициенту близости: от 2,51 и более высшая степень близости (99%), от 1,51 до 2,5 средняя (95%), от 0,51 до 1,5 низкая степень (91%). Исчисления степени взаимовстречаемости производились по предложенной Г.А.Федоровым-Давыдовым статистической формуле[11]. Образующиеся цепочки закономерно встречающихся типов вещей датируются по аналогиям и немногочисленному нумизматическому материалу. Разные типы одной категории вещей (стремя, удила, стрелы) имеют свои периоды наибольшего распространения. Некоторые типы возникают в древнетюркский период и заканчивают существование в огузский, другие возникают в огузский, а наибольшее распространение получают в кыпчакский период.

Самыми распространенными в огузский период (X-начало XX вв.) являются типы стремят БII и ДII (рис. 1, *1*). Стремена AI возникают в предшествующее время и продолжают встречаться в рассматриваемых памятниках, а стремена BI появляются в конце огузского периода и господствуют в домонгольский кыпчакский (XII-начало XIII вв.). Удила БI, БIII возникают в древнетюркское время (рис. 1, *2*) и продолжают существовать в огузский период, но господствуют удила ГI. Из древнетюркского этапа переходят в огузский трехлопастные наконечники стрел, но господствуют в нем плоские BI, BIII, BV и круглые ГII (рис. 1, *3*). Стрелы BIII, BV продолжают существование и в кыпчакский домонгольский период. Некоторые предметы существуют только в огузский период копоушки, птицевидные нашивки, свинцовые пряслица, характерные уздечные наборы.

Птицевидные нашивки и копоушки являлись украшением-подвесками в

одежде женщин и детей. Искусствоведческий анализ этих вещей проделан Л.М.Гаврилиной[12]. Здесь эти вещи рассматриваются в связи с вопросами хронологии и этнической атрибуции погребальных памятников. Ф.Х.Арсланова в докладе на Всесоюзной конференции в Ленинграде (декабрь 1985 г.) аргументированно предложила семантическое объяснение подобных вещей из Прииртышья, рассматривая их как символ женского божества Умай. В схематизированных изображениях угадываются водоплавающие птицы и петухи (рис. 1, ***6, 9***). Изображение петуха известно и на бляхе из Верхнего Балыклея (табл., N 9), а в насыпи кургана 8 могильника Карасу (табл., N 30) найдены кости утки. Бронзовые накладки конской узды (рис. 1, ***8***) и поясных ремней (рис. 1, ***7***) украшались растительным орнаментом, в котором часто использовались изображения трилистника. Растительный узор сочетался с элементами геометрического, наиболее часто встречающегося. Изображения человекаа встречены однажды, на поясных накладках из разрушенного погребения на горе Сантас (рис. 2, ***2-3***). Они представляют собой головы мужчин с европеоидными чертами лица, в папахах. Хищные животные изображались редка, известны изображения льва (рис. 2, ***4***) и волков или собак на бляхе из кургана 5 погребения) Балыклея.

Огузский хронологический период характеризуют высокая и средняя степени взаимовстречаемости следующих типов и категорий вещей: стремена ДII БII удила ГI стрелы BI, BIII, BV, ГII птицевидные нашивки ДII, ДIII - серьги I, X, XII копоушки (рис. 2, ***9***).

Письменные источники дают возможность выяснить последовательность переселения огузов и печенегов из Средней Азии в южнорусские степи. Сопоставление сообщений восточных и западных авторов приводят нас к убеждению о необходимости разделения огузо-печенежской миграции на две последовательные волны переселения печенежскую и огузскую. Вытесненные из Средней Азии печенеги в середине IX века короткое время находились в Приуралье и Заволжье (остатки их известны по среднему течению Урала, ибн-Фадлан видел у оз.Челкар, Константин Багрянородный писал о печенегах: "оторванный рукав"). Уже в 70-х годах они овладели южнорусскими степями, вытеснив хазар и угров (мадьяр). Огузские племена продвинулись на запад, захватывая лучшие пастбища степной и полупустынной зон Урало-Поволжья. На полтора столетия возникает равновесие в распределении пастбищ евразийских степей: печенеги в южнорусских степях, огузы в Эмба-Волжском междуречье, кыпчаки в центральноказахстанских. Естественной границей между огузами и кыпчаками были Мугоджарские горы, между огузами и печенегами р.Волга.

Территорию огузской конфедерации племен в период стабильного развития в Урало-Поволжье помогают определить сообщения письменных источников об их взаимоотношениях с соседями. Мирные отношения огузы поддерживали с сильными хазарами, печенегами, волжскими булгарами, кыпчаками, хорезмийцами. Военные стычки происходили с буртасами и башкирами.

Три этапа последовательного захвата огузами Эмба-Волжского региона нашли отражение в разновременных письменных источниках: борьба с печенегами и начало продвижения из Средней Азии в Приуралье в сообщениях ибн-Хордадбеха, ал-Якуби, анонимного автора "Худуд ал-Алам", Никоновской летописи XVI века о событиях 874-875 гг.; господство в Эмба-Волжском междуречье в повествованиях ибн-Фадлана, Константина Багрянородного, ал-Идриси, огузском героическом эпосе; разгром огузской конфедерации племен кипчаками и вытеснение их в южнорусские степи, где их знают как торков, - в сообщениях Насири Хусрау, ал-Бейхаки, ал-Марвази, Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (о событиях 1055, 1060 гг.).

Происхождение огузов связывают с территорией Южного Прибайкалья, где токуз-гузы (9 племен), секиз-гузы (8 племен) были союзниками огуз-татар (30 племен) и токуз-татар (9 племен) в борьбе с кыргызами. Борьба завершилась вытеснением гузов на среднюю и нижнюю Сыр-Дарью[13]. Мифы о происхождении огузов подчеркивают близость территории формирования кыпчакской и карлукской конфедерации племен. Прибайкальским происхождением огузов объясняются параллели в предметах материальной культуры сросткинских и огузских погребений Урало-Поволжья[14]. В Средней Азии огузы занимали среди кочевых племен ведущее положение, поэтому Приаральские степи именовали Дешт- и Огуз (ал-Истахри). Более того, они захватили целый ряд городов по нижнему течению Сыр-Дарьи[15]. В этой борьбе печенеги были вытеснены в Приуралье, а затем и в южнорусские степи. В 875 г. печенеги сражались с войсками киевских князей Аскольда и Дира на границе с Древней Русью[16]. В это время огузы прочно обосновались на пастбищах по рекам Эмба, Уил, Ори, Илек, Волга[17]. Места концентрации огузов в Урало-Поволжье определяются по погребениям описанного типа: по среднему течению р.Илек, низовьям Узеней, низовьям р.Еруслан и по берегу р.Ахтуба. Вдоль Ахтубы, видимо, концентрировалась самая большая группа огузов, не случайно в кыпчакском могильнике у с.Бахтияровка высокий процент (около 20) погребений со шкурой коня на перекрытии или крышке гроба.

Безраздельное господство огузов в Урало-Поволжье отмечали как очевидцы, проезжавшие по этим местам в X в., так и собиратели разнообразных сведений о Восточной Европе X-XI вв.[18] Служба огузов наемниками у хазарского кагана подтверждается находками единичных погребений огузского типа на территории домена кагана в междуречье Волги и нижнего Дона (рис. 2, *I*; табл. NN 31-34, 42).

Разгром огузов в Заволжье произошел между 30-ми и 50-ми годами XI в. Удар кыпчаков был мощным и стремительным, так что на организацию сопротивления не осталось времени, поэтому огузы спасались бегством в южнорусские степи. Первое упоминание о военном столкновении русских княжей с торками (огузами) приходится на 1055 год. В этом же году на берегах Днепра появилась первая половецкая орда хана Блуша[19]. Совпадение даты появления торков и половцев в Приднепровье не случайно, оно отражало изменившуюся расстановку сил в степи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Известия Киевского университета. 1884. N 1.

[2] Голубовский П.В. Указ. соч. С.49, 64, 75.

[3] Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО, новая серия. СПб., 1899. Т.XI. Вып.1-2; Городцов В.А. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // Труды XIII АС. М., 1908. Т.2.

[4] Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. N 111; Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. 1950. N IV; Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII-X вв. // СЭ. 1947. N 111.

[5] Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. N 62; Она же. Кочевнический могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. 1963. N 109.

[7] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С.7-9.

[8] Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969.

[9] Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X - XIV вв.): Автореф. канд. дисс. М., 1985. С.12-18.

[10] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана и его путешествии на Волгу в 921 922 гг. Харьков, 1956. С.128.

[11] Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С.93-95.

[12] Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. N 3.

[13] Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара...; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии // М.;Л., 1959. С.39.

[14] Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С.55-69; Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976.

[15] Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен... С.49-50.

[16] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С.306-308.

[17] Агаджанов С.Г. Указ. соч. С.48 и сл.

[18] Ковалевский А. П. Указ. соч...; Багрянородный Константин. Об управлении государством // ИГАИМК. 1934. Вып. 91.

[19] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. С.162-163. Т.II. С.151-152.

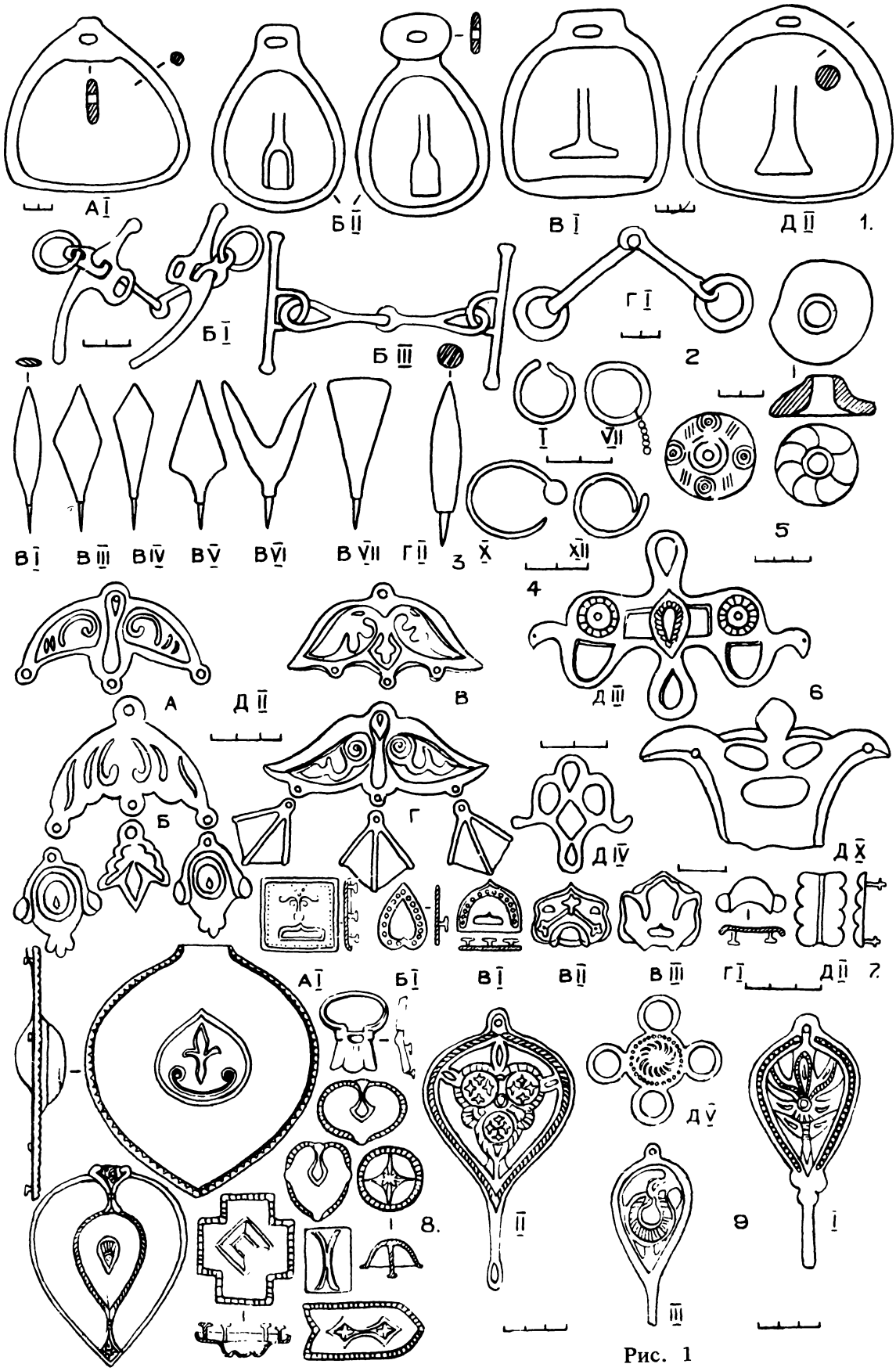

А I
Б II
В I
Д II
1.
Б I
Б III
Г I
2
В I
В III
В IV
В V
В VI
В VII
Г II
3
X
XII
4
5
А
Д II
В
Д III
6
Б
Г
Д IV
Д X
А I
Б I
В I
В II
В III
Г I
Д II
7
8.
II
III
Д V
9
I

Рис. 1

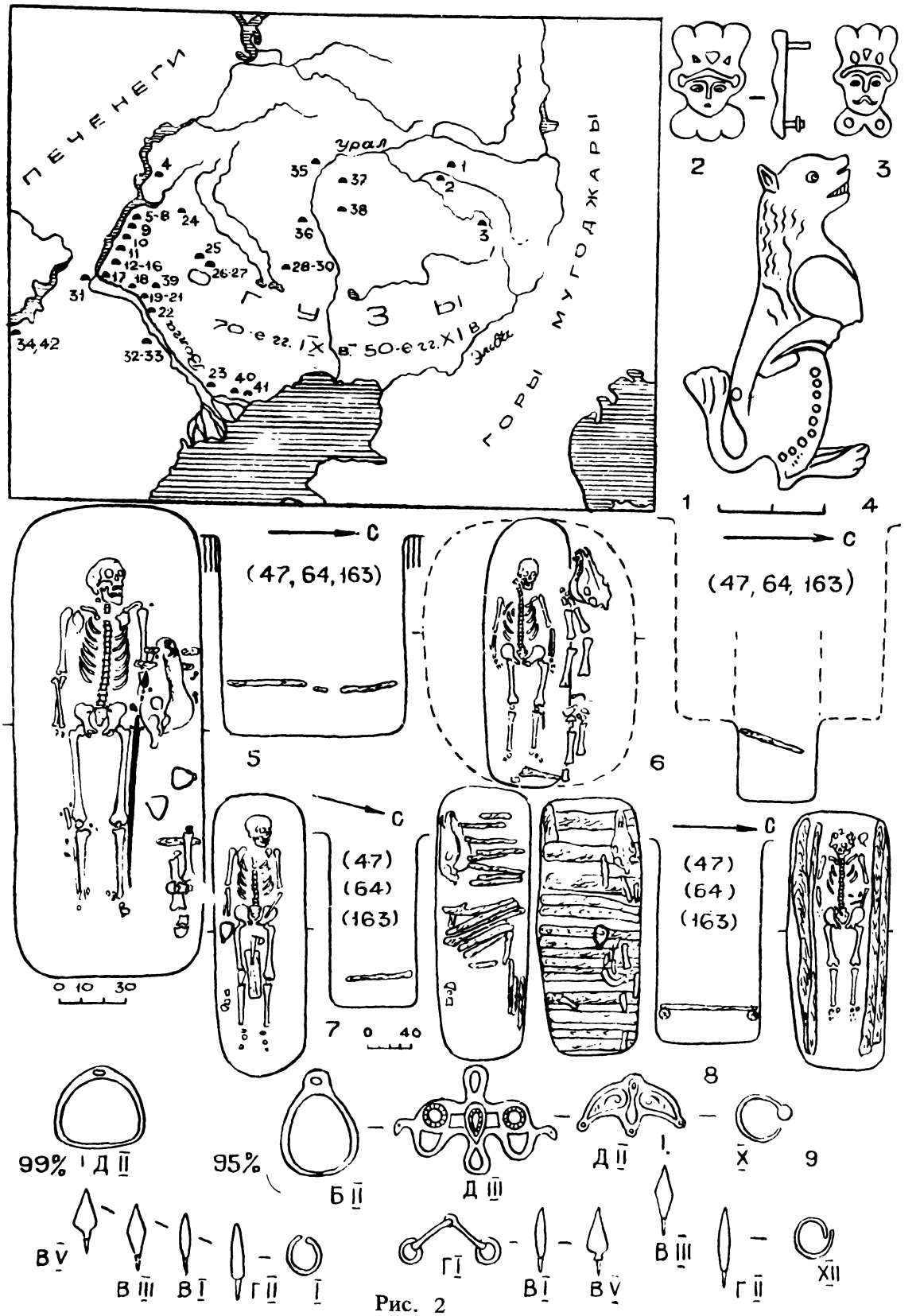

ПЕЧЕНЕГИ
УРАЛ
ГОРЫ МУГОДЖАРЫ
ГУЗЫ
70-е гг. IX в. – 50-е гг. XI в.
Днепр
Днестр
1
2
3
4
5-8
9
10
11
12-16
17
18
19-21
22
23
24
25
26-27
28-30
31
32-33
34,42
35
36
37
38
39
40
41
(47, 64, 163)
(47)
(64)
(163)
0 10 30
0 40
99% I Д II
95%
Б II
Д III
Д II
I
X
9
В V
В III
В I
Г II
I
Г I
В I
В V
В III
Г II
XII

Рис. 2

И. Кызласов

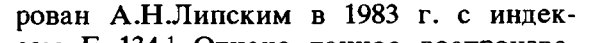
Древнехакасские межевые надписи на менгирах

Летом 1985 г. мною была скопирована и изучена енисейская руническая надпись на менгире тагарского кургана в пос. Усть-Сос Бейского района Хакасской АО. Памятник был зафиксирован А.Н.Липским в 1983 г. с индексом Е 134.[1] Однако данное воспроизведение средневекового текста содержит множество не относящихся к нему деталей, затрудняющих его транслитерацию и чтение. Соответственно, и предложенный вариант прочтения не может быть признан удовлетворительным.

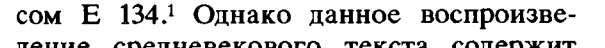
Курган, на восточном угловом менгире которого была вырезана надпись, относится ко второй стадии тагарской культуры (V-IVвв. до н.э.) и входит в состав большого могильника, частично занятого современным поселком. Курган имеет квадратную ограду (10 х 10,5 м), углами ориентированную по сторонам света и содержащую восемь менгиров. Камень с надписью является ее восточным менгиром. Высота камня над современной поверхностью 2,07 м, наибольшая ширина 2,1 м. Грань, на которой вырезан текст, направлена на восток юго-восток, ширина ее 0,16 м (рис. 1). До начертания надписи на грань, как и на другие стороны менгира, были нанесены многочисленные знаки и изображения, ныне трудно различимые.

Надпись состоит из 17 знаков (седьмой из них словоразделитель), расположенных снизу вверх вертикальной строкой длиной 54 см. Руны вырезаны тонкими линиями, высота знаков 2,5-6 см. Текст, начинающийся в 60 см от земли, сохранился полностью. Для удобства прочтения на рис. 2 надпись расположена горизонтально и читается справа налево.

Транслитерация:



Транскрипция:



Перевод: "Знай(те) (букв.: смотри(те)): [это] вечный камень, вечная земля! Разъясняй(те) [это] [и] оберегай(те)[его]!"[2]

Разбор. Первые два знака написаны ясно, предлагаемое же их прочтение сопряжено с одной сложностью: приходится допускать пропуск на письме руны для корневого гласного **о**. Глагольная основа = "видеть, смотреть" встречается в текстах трех енисейских рунических памятников (Е 26,12; Е 32,17; Е 47,8, 11), и всюду корневая гласная обозначена специальным знаком[3]. В орхонских надписях (КТм 11,- дважды, 12, 13; КТб 8, 19, 23, 30, 50 дважды; Мог 2, 39; Мог Хв 11, 15; Кч 3; МЧ 22, 23)[4] проявляется та же закономерность. Правда, в тех текстах, где основа пишется через начальный В-образный знак, можно встретить два варианта написания с обозначением гласного (Он 7; Тон 1) и без (Тон 7, 26)[5]. Сопоставляя последнюю форму написания с нашим памятником, при всем понимании различий употребленных знаков, отметим, что в большинстве известных случаев передача через В-образную руну в корнях, со-

держащих губные гласные, требует обозначения последних. Кроме того, предлагаемое прочтение первых знаков надписи можно подкрепить другим случаем ненаписания руны для о/и в этом енисейском тексте (ср.: *bεŋkü* и *bεŋk[ü]* знаки 3-6 и 10-12).

Попытка преодолеть отмеченную трудность привела к поиску вариантов прочтения, не встречающих орфографических сложностей. Однако возможности здесь невелики. Прежде всего, можно было бы читать первую пару знаков как *kir* форму повелительного наклонения от глагола "входить, проникать, вступать" и т. д.[6] Ее написание через *kr*^{2} зафиксировано и в енисейских (Е 29, 7), и в орхонских (КЧ, 16) памятниках[7]. Но такой вариант чтения мало согласуется с остальным текстом.

Еще одна синтаксически возможная ситуация состоит в толковании первых знаков надписи не как глагольной основы, а как некоего именного определения, относящегося вместе с *bεŋkü* к слову *taš* В доступных лексических материалах подобного соответствия рунам *kr*^{2} отыскать не удалось. В то же время, читая их как форму повелительного наклонения 2-го лица ед. числа глагола *kör-*, находим многочисленные стилистические и композиционные аналогии. Например, в малой надписи Кюль-тегина говорится о стеле с надписью *(bεŋgü taš): agar körü, bilig* - "на него (вечный камень И.К.), смотря, знайте..." (КТм 11), *bunï körü, bilig...* "на этот (вечный камень) смотря, знайте..." (КТм 12), *anča körip, anča bilig ol taš* "смотря на него, так знайте: тот камень..." (КТм 13)[8]. В эпитафии Бильге-кагана призыв ко вниманию к стеле с текстом (*bεŋgü taš*) выражен в той же форме: *bunï körü, bilig!* "вы, смотря на этот (вечный камень), знайте!) (Мог X 15). Близость понятий "видеть" и "знать", "осмыслять" для людей, пользовавшихся руническим письмом, хорошо видна в следующей фразе: *„körür közimkörmes teg, Belirbiligim bilmes teg"* - "зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел"[9]. Обращение "смотрите" в смысле "знай(те)" встречаем в надписи Моюнчура: *kör tidimkirkiz kani kögmen ičinta* "смотри(те) сказал я, кыргызский хан в Кегменских горах..."[10].

Эти примеры позволяют предположить, что построение устьсосского текста с начальным *kör* призванным приковать внимание к содержащему надпись камню (*bεŋkü taš*), не является необычным для рунических памятников. Вместе с тем оно требовало от читателя и осознания значения подобного памятника-камня.

Наконец, возможна, хотя и в меньшей степени, и третья форма перевода глагольной основы *kör-*, исходящая из ее значения "повиноваться, подчиняться" (КТм 23, б 8, 30; Тон I), которая еще больше подчеркнула бы повелительный тон текста.

2. Знаками 3-6 и 10-12 записано слово *bεŋkü* "вечный памятник"[11]. В енисейских текстах встречаются два варианта написания этого слова - со звонким и глухим согласным в последнем слоге. *Bεŋgü* ясно начертано лишь дважды (Е 28, 4 и Е 36, 3) здесь: *bεŋgu, bεŋkü* отмечается на четырех памятниках (Е 20,1; Е 39,1; Е 27,8; Е 48, 6; на Е 39 написано *mεŋkü*)[12]. Последний "глухой" вариант является отли-

чительной особенностью древнехакасских текстов в орхонских письменных памятниках средневековых тюрок присутствует только форма *bəŋgü* (КТм 8, 11, 12, 13; Мог Хв 15; ср. Он в 2 *bəŋigü*)[13]. Отсутствие знака для конечного гласного во втором случае употребления слова *bəŋkü* в устьсосском тексте (знаки 10-12) представляется случайностью, подобной написанию первого слова этой надписи. К такому прочтению склоняет отмечающийся в тексте параллелизм: *bəŋkü taš-bəŋkü jər*.

3. Следующее слово *taš* "камень" встречается в текстах трех енисейских памятников (Е 34; Е 48,6; Е 49,4)[14] в том же начертании, отличающемся по облику знака s[1]от орхонских надписей. Во всех случаях этим словом обозначен камень, вертикально установленный человеком: стела с эпитафией (Е 48; Е 49) или курганный менгир (Е 34). Последнее значение имеет это слово и в изучаемом тексте. Интересно, что в эпитафиях речь идет о водружении камня (памятника), а в надписях на менгирах камень просто назван и охарактеризован тем или иным определением. В последнем случае это, несомненно, связано с использованием уже стоявших камней более древней эпохи, следовательно, особенности текстов отражают различие в назначении вертикальных плит.

В нашем случае определением к *taš* является *bəŋkü* (отделенное от определяемого единственным в тексте словоразделительным знаком ⁘). Подобное словосочетание, трижды встреченное в малой части эпитафии Кюль-тегина (КТм 11, 12, 13) и однажды Бильге-кагана (Мог Хв 15) для обозначения стелы с надписью[15], в изучаемом тексте следует переводить как "вечный камень" (ср. Е 48,6: *tašïn bəŋkü* "камень-памятник"), т. к. оно явно составляет параллель последующей паре слов -*bəŋkü jər* ("вечная земля") и может быть сопоставлено с известным выражением *bəŋkü el* "вечный эль" (КТм 8).

4. Слово *jər* "земля" начертано двумя знаками 13 и 14. В руничесских текстах отмечены два варианта написания этого слова: двух- (*jr*) и трехбуквенный (*jər*). И если в орхонских бытуют обе формы (подчас в одном и том же тексте КТ, Тон), то в енисейских обычной является первая (только на Суджинской стеле встречено *jər*)[16]. Сочетание *bəŋkü jər* встречено впервые, однако, по содержанию его можно сопоставить с частью енисейской надписи на Шелаболинской писанице (Туба II Е 36,3): ... *jərimä bəŋgü bol* "о, моя земля, будь вечной".

5. Пятнадцатый знак надписи твердорядный и, как думается, передает отдельное слово. Предлагая читать его как форму повелительного наклонения глагола *aj* = "говорить, рассказывать; разъяснять, толковать"[17], учитываем, что в изучаемой надписи все глаголы стоят именно в этой форме. Насколько известно, впервые этот глагол встречен в енисейской надписи (Тон, МЧ, КЧ)[18].

6. Последние два знака надписи форма повелительного наклонения глагола *kü* = "охранять, оберегать". Известный по двум памятникам уйгурского письма (один из которых - список сутры "Золотой блеск", предположительно восходящий к X в.)[19], этот глагол впервые, благодаря контексту и положению

во фразе, надежно фиксируется в памятнике рунического письма. Опираясь на это чтение, можно предполагать, что та же глагольная основа встречена в другом енисейском тексте, но не была распознана из-за отсутствия надежных аналогий. Речь идет о двух знаках на клинке небольшого кинжала IX-X вв., найденного у с.Бейского[20]. Гораздо правдоподобнее прочесть руны на этом клинке не как некое восклицание "слава!", а как форму повелительного наклонения глагола *kü* = "оберегай (охраняй)", тем более что представления об особой охранительной роли оружия против различной нечистой силы были широко распространены, в том числе и у населения Сибири. Охранительную енисейскую надпись шаманистского содержания ранее удалось распознать на одном из зеркал VIII-IX вв. из Минусинского музея[21]. Кроме магического значения, указанные надписи объединяют стилистические и эпиграфические особенности: глаголы употребляются в форме повелительного наклонения (2-го лица ед. числа), а сами надписи начинаются с вертикального штриха, не имеющего фонетического значения.

Выводы.

Таким образом, из содержания надписи ясно, что менгир, а вернее, весь древний курган, служил ориентиром на границах земельных владений одного из древнехакассских феодалов. Значение этого межевого знака и было закреплено в надписи. О способах обозначения границ наделов в древнехакасском государстве с помощью нанесения на природные или рукотворные ориентиры личных тамговых знаков или имени самого феодала, уже приходилось писать[22]. Удалось выявить подробную межевую енисейскую надпись на курганном камне в долине р. Уйбат (Е 34).

К этому же типу письменных памятников относится и изучаемая надпись. Тамга землевладельца на ней не высечена, однако ее принадлежность к официальным текстам сомнений не вызывает. В этом убеждает повелительный тон надписи, и своеобразие использованной в ней лексики. Так, в рунических надписях широко распространено понятие "вечный", применительно к объектам, определяемым местоимением "мой": вечный, как скалы (*beŋkü ~ teŋkü qaja*), "вечный эль" (*beŋdü el*) и особенно часто "вечные камни" (*beŋdü jer*) эпитафии конкретным лицам. Можно полагать, что столь же вечными в представлении знати являлись и их земельные владения (*beŋkü taš*), а следовательно, и межевые камни (*beŋkü*). Думается, что в данном случае мы имеем яркий пример отражения в письменных источниках института наследственного частного землевладения, только при наличии которого человек мог сказать: "о, моя земля, будь вечной!" В тюркской речи подобное грамматическое оформление слова "земля" (*jerim*) обозначает обладание этой землею, представление же о вечности такого обладания может сформироваться лишь при наследственном землепользовании, когда земля не выходит за пределы одной фамилии и в силу этого воспринимается вечной принадлежностью главы такого семейства. За приведенными словосочетаниями в межевых и наскальных надписях начинает, таким образом, проступать формула сюзеренного пожалования, типа: "да будет эта земля вечно вашей!"

Точная датировка устьсосского текста пока затруднительна. Здесь должны

быть применены еще не разработанные палеографические методы. Лексическое сопоставление надписи на межевом камне с древнехакасскими эпитафиями (*begkü taš*) позволяет отнести его к IX-X вв. времени наибольшего распространения этих памятников.

Сопоставление изучаемого текста с уже выявленными межевыми надписями позволяет заметить не использованные возможности толкования некоторых их знаков. Так, уйбатский текст заканчивается двумя сходными знаками, трудными для понимания: *bitig bu öŋ jerdägaš er taš: bol: j²: j²*
Завершение устьсосской надписи двумя глагольными основаниями, передающими повелительное наклонение ("разъясняй[те] [и] оберегай[те]"), делает более правомерной попытку прочесть последние знаки У 34, как *aj aja*
"разъясняй (и) береги"[23]. Однако против этого остается и прежний довод: в надписи использованы не знаки для j¹, а руны для j² Нельзя ли, по аналогии прочесть здесь *je ij*? В этом случае в первом j² можно было бы видеть усилительную частицу *je ~ je(k)*, зафиксированную у Махмуда Кашгарского (XI в.) и присоединяемую в неизменном виде к глаголам с твердой гласной[24], последнюю же j² допустимо толковать как повелительное наклонение в форме 2 лица ед. числа от глагола *ij* = "следовать", отмеченное в относительно ранних памятниках уйгурского письма[25]. Если принять высказанные замечания, уйбатский текст принимает следующий вид: *bitig bu öŋ jerdä gaš er taš bol-je ij* - "Надпись: это (т.е. курганный менгир) да будь на восточной стороне пограничным геройским камнем! Следуй [этому, прочитавший]!"

По аналогии с устьсосским, можно прочитать и текст Узун оба I (У 33), также нанесенный на менгир древнего кургана[26]. Если в завершающей его второй строке иначе объединить руны, то получим не прежнее *er kü er*, а *er kör* = "эр (герой, витязь), знай (букв. "смотри")!", а то и: "эр, повинуйся!" Это призывное требование, уже знакомое по устьсосскому межевому тексту, выглядит своеобразной юридической формулой, подтверждающей назначение пограничных отметок древнехакасских феодалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Археологический паспорт, составленный А.Н.Липским и содержащий описание памятника, схему расположения курганов и соседних дворов Усть-Соса, прорисовку знаков надписи хранится в отделе культуры Хакасского облисполкома. Опубликованная Д.Д.Васильевым прорисовка идентична выполненной А. Н. Липским. (См.: Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. С.45, 79).

[2] Щербак А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 117.

[3] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.;Л., 1952. С. 50, 64, 84, 85.

[4] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.;Л., 1951.

[5] Там же. С.56, 58, 61, 62, 65; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.;Л., 1959. С. 7, 9.

[6] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 308.

[7] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. С. 26, 27; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С.55, 96; Древние тюркские диалекты и их отражение в современных тюркских языках. Фрунзе, 1971. С. 715.

[8] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. С. 28, 35, 36.

[9] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 33, 34.

[10] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 19, 24, 36, 41.

[11] Древнетюркский словарь. С. 94.

[12] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. С. 41, 42, 51, 52, 68, 69, 94, 95. Отмеченное С.Е.Маловым слово в 9-й строке Е 48 по данным Д. Д. Васильева в тексте написано через начальную s^1 (См.: Васильев Д.Д., Насилов Д.М. К прочтению Абаканского памятника // Средневековый Восток. М., 1980. С. 69, 299) - на деле, видимо, это просто плохо уцелевшая

[13] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С.20, 28; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 8, 16. Рис.2; Древнетюркские диалекты... С. 18, N 157.

[14] Кызласов И. Л. Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба // Советская тюркология. 1985. N 1.
Е 48, 12 с необычным написанием Д. Д. Васильеву зафиксировать не удалось (См.: Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников... С. 32, 70, 110).

[15] Ср. значение и перевод, указанные в "Древнетюркском словаре" (С. 94).

[16] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. С.106; Древнетюркские диалекты... NN 477, 523.

[17] Древнетюркский словарь. С. 25.

[18] Древнетюркские диалекты... NN 308, 431.

[19] Древнетюркский словарь. С.322 и XXXV.

[20] Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн // СА. 1979. N 3. С.281-285. Рис. 3.

[21] Кызласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // СА. 1981. N 4. С. 93-96. Рис. 3.

[22] Кызласов И. Л. Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба. С.59, 60; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // Советская тюркология. 1976. N 1.

[23] Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Указ. соч. С. 63.

Список иллюстраций к статье И. Кызласова "Древнехакасские межевые надписи на менгирах"

Рис. 1 Вид менгира в пос. Усть-Сос:
1 вид кургана; 2-3 вид восточной части менгира
Рис. 2 Вид надписи на менгире в пос. Усть-Сос

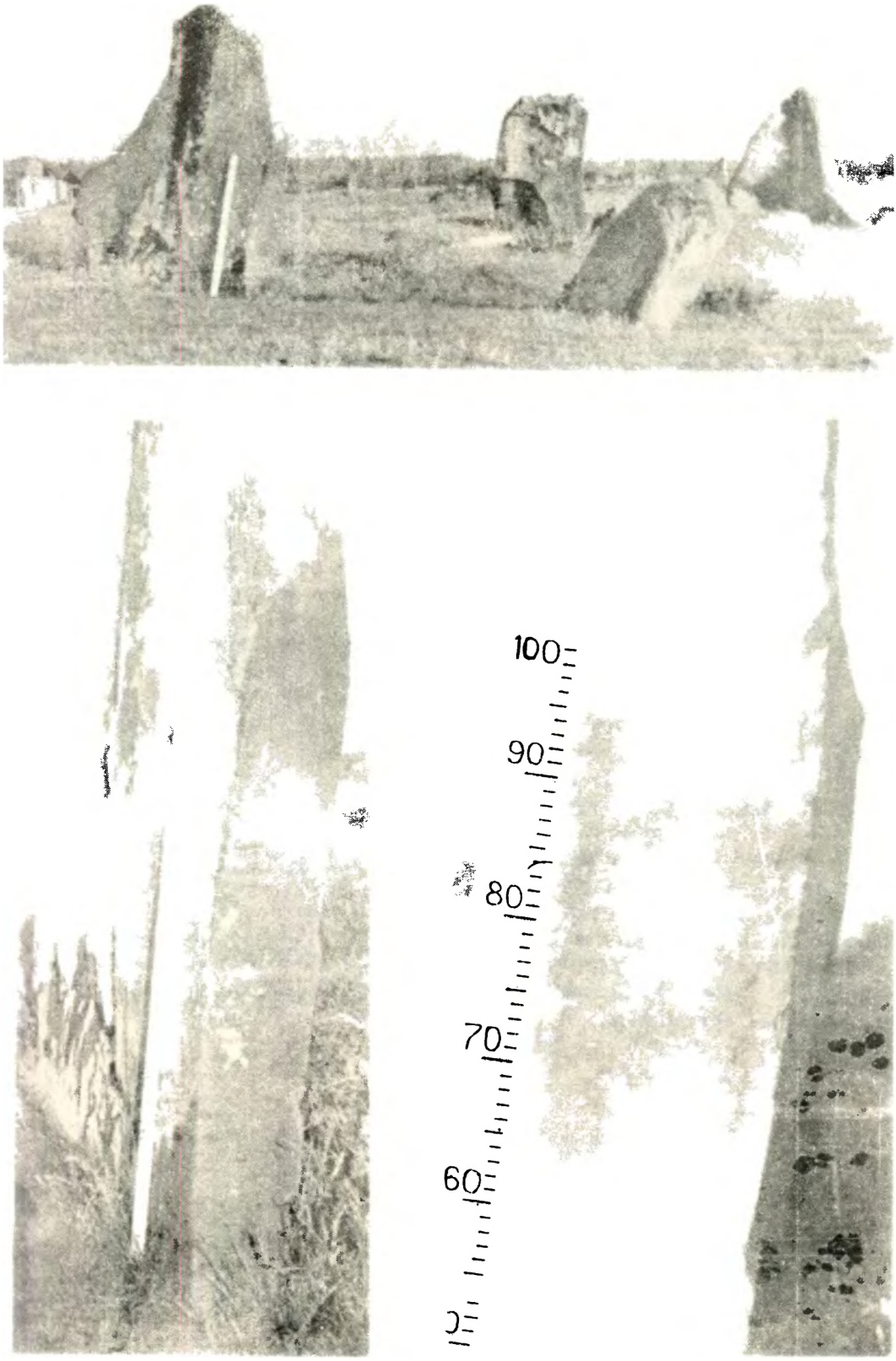


Рис. 1

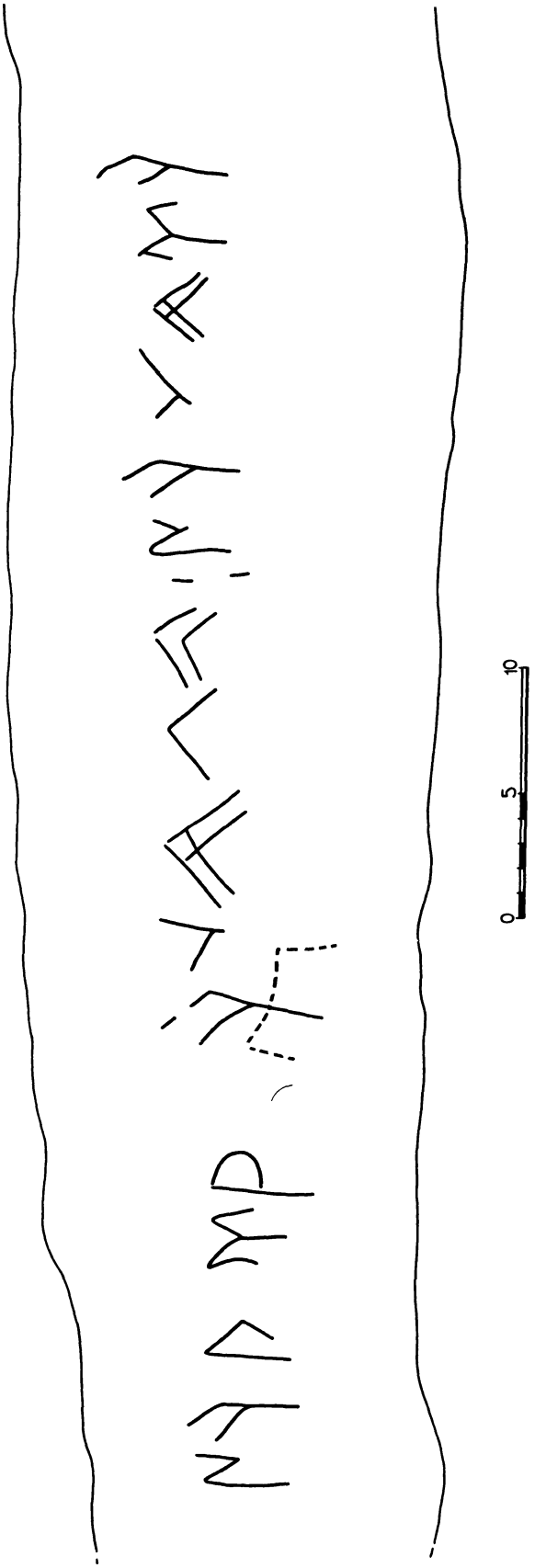


Рис. 2

Г.Матвеева

Болгарский слой Старомайнского городища

В течение двух последних десятилетий в изучении памятников Волжской Болгарии достигнуты значительные успехи. Это касается прежде всего исследования крупнейших болгарских городов: Болгара, Биляра, Муромского городка. Хуже обстоит дело с изучением более мелких городищ и селищ. Лишь на немногих из них проводились небольшие раскопки. Между тем число таких поселений быстро сокращается в результате разрушительного действия водохранилищ и в ходе строительных работ. Одним из таких разрушающихся памятников является Старо-Майнское городище в Ульяновской области. После завершения работ Куйбышевской археологической экспедиции на протяжении трех десятилетий раскопки болгарских поселений на территории этой области не велисть. Именно поэтому Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского университета избрала многослойное Старо-Майнское городище объектом своих исследований. Рамки статьи не позволяют осветить результаты этих исследований полностью, поэтому она посвящена характеристике только болгарского слоя памятника.

Старомайнское (Грязнухинское, или Вышнее) городище впервые упоминается в статье С.Е.Мельникова "Замечательное селение по Волге в пределах Казанской губернии"[1]. Сведения о нем содержатся также в статье К.И.Невоструева[2] и в книге С.М.Шпилевского[3]. В 70-х годах прошлого века городище было обследовано В.Н.Поливановым[4]. Последующие обследования городища связаны с работами Куйбышевской археологической экспедиции в 30-х 50-х годах нашего столетия. В 1939 г. городище осмотрено отрядом под руководством А.В.Збруевой, а в 1954 г. под руководством Т.А.Хлебниковой. В 1961 году памятник был обследован отрядом Татарской археологической экспедиции под руководством Р.Г.Фахрутдинова. В 1971 году его посетил и описал Г.М.Буров. В 1984-87 годах исследование Старомайнского городища проводилось Средневолжской археологической экспедицией Самарского государственного университета под руководством автора статьи.

Старомайнское городище находится в 6 км к северу от пос. Старая Майна райцентра Ульяновской области. Оно расположено на мысу надпойменной террасы, омываемом Майнским заливом Куйбышевского водохранилища, в междуречье Майны и Утки. Городище хорошо видно с южной стороны из поселка Старая Майна и с северо-восточной стороны, откуда просматриваются площадка и валы.

В настоящее время с востока и юга городище окружено Майнским заливом водохранилища. Высота мыса над уровнем залива 18-25 м. Восточный и юго-западный склоны мыса задернованы, а обрывистый южный его конец интенсивно разрушается водами залива. Зна-

чительная часть площадки городища уже разрушена. В обнажении обрыва хорошо виден культурный слой, полуразрушенные хозяйственные ямы и углубленные в материк жилища. На песчаной косе у подножья мыса встречаются многочисленные фрагменты сосудов, кости животных, пряслица, бусы, различные изделия из металла и другие предметы, происходящие из культурного слоя разрушенной части памятника.

Площадка городища имеет форму равнобедренного треугольника. Длина сохранившейся части площадки от внешнего вала до ее южной оконечности составляет 280 м, ширина в северной части у внешнего вала 180 м (рис. 1, *1*).

Система оборонительных сооружений состоит из четырех валов и рвов. Первый внутренний вал имел кокошниковидную форму. Длина его 70 м, ширина 14 м, высота из рва 3 м. За валом следовал ров шириной около 10 м, глубиной 0,76 м. С северной напольной стороны вал имел крутой склон, а с южной внутренней плавной переходил в площадку городища. Валы такой конструкции весьма характерны для городищ именьковской культуры. Вал расположен в средней части мыса и делит его на две почти равные части.

Второй вал находился в 40 м к северу от первого. Видимо, его строительство не было завершено, т. к. он не доходит до восточного края площадки городища. Длина вала 130 м, ширина 13 м, высота 2,25 м. Ров, проходивший к северу от вала, имел ширину 4 м, глубину 1 м.

Два внешних вала дуговидные: их концы загнуты в сторону площадки. Оба имеют в средней части проезды. Длина одного вала 165 м, ширина 12 м, высота из рва 3,75 м, другого 180 м, ширина 12 м, высота из рва 3,25 м. Ширина рва между валами 4 м.

Площадка городища ровная, горизонтальная. Она распахивалась в течение длительного времени, поэтому верхняя часть культурного слоя разрушена. В настоящее время распашка городища прекращена, его поверхность задернована. С запада вплотную к валам подходит молодой, постоянно расширяющийся овраг, в результате роста которого валы и западная часть площадки городища будут в ближайшее время разрушены. К северу и к северо-западу от площадки городища находится большое селище, протянувшееся к северу от внешнего вала более чем на 250 м.

В 300 м к западу от городища расположен связанный с ним мусульманский могильник, интенсивно разрушающийся водохранилищем. Ежегодно уничтожается по несколько погребений. Некоторые из них удалось доисследовать. Установлено, что погребенные лежали в вытянутом на спине положении, головами на запад. Их лица были обращены к югу.

На городище было заложено три раскопа. В процессе раскопок удалось выяснить, что городище заселялось трижды: в раннем железном веке племенами, оставившими круглодонную керамику с треугольными вдавлениями (рис. 2, *3*), в середине I тыс. племенами именьковской культуры и в первой четверти II тыс. н. э. волжскими болгарами. Культурный слой городища наиболее богат керамикой и вещами именьковской культуры. Болгарские находки значительно малочисленнее.

Раскоп I был заложен у обрыва, в разрушаемой водохранилищем южной час-

ти площадки городища. Затем он постепенно расширялся к северу. Общая площадь раскопа I составляет 1196 кв. м (рис. 1, *2*). Стратиграфия на всей площади раскопа единая. Сверху залегал пахотный слой рыхлая сыпучая гумусированная супесь коричневато-черного цвета, мощностью 20-40 см. В верхней части этого слоя на глубине до 20 см встречались измельченные в результате многолетней вспашки фрагменты гончарных болгарских и лепных именьковских сосудов, кости животных и рыб, глиняные пряслица, металлические, костяные, пастовые и другие изделия. Ниже пахотного слоя залегал слой гумусированной супеси коричневато-серого цвета мощностью 20-25 см. Наиболее массовую категорию находок составляли фрагменты сосудов именьковской культуры. Встречались кости животных и рыб, пряслица, изделия из металлов, стеклянные, пастовые и глиняные бусы. Материк красновато-коричневая плотная глина. На площади раскопа выявлено свыше двухсот сооружений, подавляющее большинство их относится к именьковской культуре, лишь 11 из них могут быть отнесены к болгарскому периоду. В основном это хозяйственные ямы погреба, предназначенные для хранения продуктов. Жилищ и других наземных построек на городище не обнаружено, за исключением одной (сооружение 165 Б).

К болгарскому периоду относятся следующие сооружения.

Яма 1, выявленная на границе квадратов 19 и 20, имела круглую в плане форму. Ее диаметр на уровне материка 1-1,1 м, у дна яма расширялась, диаметр дна 1,3-1,42 м. глубина ямы 0,95 м. Заполнение состояло из светло-серой гумусированной супеси, насыщенной золой. В нем встречались фрагменты болгарских гончарных сосудов и кости животных, среди которых 2 целых заячьих скелета.

Яма 10 была выявлена на уровне предматерикового суглинка. Она имела круглую форму. Диаметр на уровне материка 90 см, у дна 1,2 м. Заполнение состояло из золы и гумусированной супеси серого цвета, в нем встречались кости животных и фрагменты гончарных болгарских сосудов, в том числе половина небольшого кушинчика и ручка от крышки стержневидной формы.

Яма 14 имела округлую форму, глубина ее в материке 50 см. В заполнении, состоящем из золы, встречались фрагменты сосудов и кости животных.

Яма 16 А в западной части раскопа на квадрате 42 и 44. Она прорезала две более ранние ямы именьковского периода. Дно ямы находилось на глубине 1,02 м. Заполнение золистая супесь серого цвета, содержащая фрагменты болгарских сосудов и кости животных.

Яма 35, выявленная на квадрате 83, имела продолговатую канавообразную форму. Она прорезала яму именьковского периода. Часть ее уходила под стенку раскопа. Длина вскрытой части 3,3 м, ширина 1,42 м, глубина в материке 50-51 см. Заполнение состояло из черного жирного гумуса, в нем встречались кости животных и фрагменты сосудов, 49 из них принадлежали лепным сосудам именьковской культуры, 88 - болгарским гончарным сосудам. Среди последних верхняя часть кувшина и две пестиковидных ручки от крышек. Сосуды именьковской культуры, видимо, попали в яму из слоя.

Яма 52 также имела продолговатую канавообразную форму. Стенки ее пологие неровные, бугристые, дно ровное, плоское. Заполнение гумус интенсивно черного цвета. В нем найдены 232 кости и 160 фрагментов сосудов, из которых 131 болгарские. Найдено конусовидная подвеска из медного листа с загнутым в виде крючка концом.

Яма 121А частично прорезала более раннюю яму 121 Б, относящуюся к именьковскому периоду. Диаметр ямы 1,31 м, глубина 0,96 м. Заполнение состояло из гумусированной супеси светло-серого цвета, включавшей угли. Находки: кости животных и фрагменты гончарных болгарских сосудов, среди которых 18 венчиков, 47 стенок и 4 фрагмента днищ и 2 ручки плоскоовальной формы. Найдены два пряслица, амулет из кости животного и железный предмет неизвестного назначения.

Яма 128 диаметром 148 см имела неровные стенки и чашевидное слегка наклонное дно. В верхней части заполнения залегала прослойка материковой глины мощностью 10-14 см. Ниже заполнение состояло из сползшего в яму материкового выкида и черной гумусированной супеси. Найдены 94 кости животных и 127 фрагментов гончарных болгарских сосудов: горшков, кувшинов, мисок. Все они были украшены линейным орнаментом, одна из мисок имела волнистый орнамент. Кроме болгарской керамики встречены фрагменты сосудов именьковской культуры.

Яма 144 цилиндрической формы, предназначенная для хранения зерна, относилась к именьковскому периоду. В золистом заполнении ямы в болгарский период была вскрыта менее глубокая яма, дно которой находилось на глубине 187 см. В ней на глубине 180 см от уровня материка найдено 11 накладок, изготовленных из листовой меди по матрицам (3 круглые, 1 квадратная, 7 четырехлепестковые) (рис. 3, ***40-42, 46***).

Яма 165 Б представляла собой угол сгоревшей наземной постройки из затесанных бревен, выявленной на глубине 0,72 м.

Яма 202 небольшая, чашевидная была выявлена на квадрате 263. Глубина ее 18 см от уровня материка. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси темно-серого цвета, в нем встречались угли, кости животных и фрагменты гончарных болгарских сосудов.

Раскоп II был заложен в юго-восточной части площадки городища, у края обрыва, где культурному слою угрожало разрушение. Площадь раскопа 36 кв. м. Стратиграфия на раскопе II несколько отлична. Сверху по всей его площади залегал пахотный слой пылевидная сыпучая супесь темно-серого цвета мощностью 20 см. В нем встречались кости животных и многочисленные, измельченные в результате вспашки, фрагменты болгарской и лепной именьковской керамики. Найдены глиняные биконические пряслица. На квадрате 9а найдена каменная гирька кубической формы.

Второй слой гумусированный суглинок светло-серого цвета мощностью от 12 до 25 см, содержавший кости животных и фрагменты сосудов главным образом именьковской культуры. Из вещей найдены амулет, изготовленный из птичьей кости, наконечник стрелы с куполовидной головкой (рис. 3, ***20***), пряс-

лице биконической формы и железное острие. Материк красновато-коричневая глина.

В восточной части раскопа, на склоне, стратиграфия иная, т. к. здесь залегал мощный слой золы, который образовался в результате оползания пожарища после гибели городища, а возможно, и в результате выброса золы из печей. На квадратах 4, 7 и, частично, 1 залегал слой золы мощностью 10 см. Сооружений болгарского периода не обнаружено.

Внешний вал и ров были прорезаны траншеей размером 14 х 4 м с целью выяснения их стратиграфии и времени сооружения. Вал имел следующую стратиграфию (рис. 1, *3*).

1. Дерновый слой уплотненная гумусированная супесь буровато-серого цвета мощностью 5 20 см. В слое встречались мелкие фрагменты болгарских и именьковских сосудов.

2. Материковая глина бежевого цвета, выброшенная из рва, мощностью от 40 до 85 см. Находки в глине почти не встречались, не найдено ни одного фрагмента болгарской керамики. На квадрате 5 во 2-м горизонте обнаружено глиняное пряслице биконической формы и 2 кусочка шлака.

3. Сильно уплотненная материковая глина коричневато-бурого цвета мощностью 20 36 см. Находки крайне редки.

4. Гумусированная супесь светло-серого цвета, представляющая нижнюю часть культурного слоя, снятого с площадки рва. В слое встречались фрагменты керамики именьковской культуры. На квадрате 5 найдены глиняная фигурка лощади, типичная для памятников именьковской культуры, пряслице и обломок железного ножа. Все эти вещи происходят из культурного слоя именьковской культуры, залегавшего на площади, где был вырыт ров.

5. Верхняя часть культурного слоя, снятого с площади рва - темно-серая гумусированная супесь с содержанием золы и углей, мощностью до 40 см. В слое встречались фрагменты лепных сосудов именьковской культуры.

6. На квадратах 5 и 7 в середине вала слой гумусированной супеси, более интенсивно окрашенной, мощностью до 20 см. Это самая верхняя часть культурного слоя, снятого с площади рва. В нем встечались фрагменты именьковских и болгарских сосудов.

7. Золистый слой светло-серого цвета, очень плотный, сильно спресованный, видимо, скрепленный каким-то раствором, мощностью 10 см.

8. Гумусированная супесь темно-серого цвета, представляющая собой погребенный под валом культурный слой поселения. В нем найдены фрагменты болгарской и именьковской керамики и бронзовое ушко от котла с железной заклепкой (рис. 3, ***10***).

Находки в культурном слое под валом керамики и вещей не только именьковской, но и болгарской культур, свидетельствуют о том, что вал сооружался в болгарский период, причем не в момент прихода болгар, а спустя некоторое время, когда успел образоваться небольшой болгарский культурный слой.

Стратиграфия рва довольно проста. Сверху залегал дерновый слой черная гумусированная супесь мощностью до 20 см, пронизанная корнями растений. Под ней залегал слой черного жирного гумуса мощностью до 120 см. На дне рва на границе с материковой гли-

ной обнаружены крупные обугленные плахи. В заполнении рва встречены многочисленные фрагменты гончарных болгарских сосудов, в том числе венчики крупных корчаг и верхняя часть зооморфного кувшина с "ушками" и сливом в виде "свиного рыльца" (рис. 2, *12*), фрагмент дна с клеймом (рис. 3, *34*) и большое количество кусков шлака. Особый интерес представляет крупный фрагмент привозного блюда с подглазурной росписью (рис. 2, *12*).

Основную массу находок на всех трех раскопах составляет керамика. В коллекции представлено 6528 фрагментов болгарских сосудов. Только три из них принадлежали сосудам ручной лепки, остальные изготовлены на гончарном круге и имеют все характерные для болгарской гончарной посуды особенности. Обработка их производилась по методике, предложенной Т.А.Хлебниковой[5], т. е. определялся состав глиняного теста, характер обработки поверхности, обжиг, цвет и форма сосудов.

Все сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. Их внешние поверхности тщательно заглажены мягким предметом и часто покрыты лощением вертикальным, горизонтальным или сетчатым. Обжиг большинства сосудов очень хороший. Крайне редко можно встретить фрагменты с серой прослойкой в изломе. О высоком качестве обжига свидетельствует цвет сосудов. Преобладают фрагменты кирпично-красного (33,8%) и коричневого (56,7%) цветов, изредка встречаются фрагменты серого и бурого цветов (9,5%). Фрагменты желтого цвета практически отсутствуют.

Керамический материал отличается исключительной фрагментарностью. Не найдено ни одного целого сосуда. Частично реконструировано не более десятка сосудов. Отнесение сосудов к той или иной категории производилось по аналогии сохранившихся верхних частей сосудов с сосудами, найденными на других болгарских памятниках.

Выделены следующие категории сосудов: горшковидные, кувшинообразные, мискообразные, блюдообразные, стакановидные.

Горшковидные сосуды делятся на корчаги и горшки. Корчаги сосуды с невысоким блоковиным или расширенным кверху горлом, округлобоким туловом с максимальным расширением в верхней части и усеченно-конической придонной частью. Найдены венчики 37 корчаг. Корчаги имели большие размеры, венчики их массивные, сильно утолщенные, трех типов: 1) без желобка с наружней стороны (рис. 2, *4*); 2) с желобком с наружной стороны, округлый с внутренней стороны (рис. 2, *2*); 3) с желобком снаружи, плоский, скошенный с внутренней стороны (рис. 2, *1*).

Корчаги имели овально-уплощенные ручки, прикреплявшиеся к верхней части тулова. Встреченные фрагменты тулов корчаг обычно покрыты полосчатым вертикальным лощением. Орнаментированных фрагментов корчаг не найдено.

Горшки представляют собой широкогорлые сосуды с округлобоким туловом, наибольшее расширение которого обычно располагается выше середины высоты. По форме шейки выделяются три типа горшков: 1) с боченковидным горлом (рис. 2, *5*); 2) с цилиндрическим горлом (рис. 2, *3*); 3) с отогнутым блоковидным горлом (рис. 2, *29*). Преобладают сосуды второго типа. Край венчи-

ка у сосудов первого типа имеет следующие формы: 1) округлый (рис. 2, ***29***); 2) оттянутый наружу и скошенный внутрь (рис. 2, ***28***). Сосуды 1-го типа имеют обычно закругленный (рис. 2, ***5***, 29) или скошенный наружу край венчика.

Большинство горшков имеют линейный орнамент на шейке (рис. 2, ***5***). Единичные экземпляры горшков украшены волнистым орнаментом (рис. 6, ***23***). Тулова горшков нередко покрыты вертикальным лощением.

Кувшиновидные сосуды делятся на две группы: кувшины и кружки. Кувшины в свою очередь делятся на узкогорлые и широкогорлые. узкогорлые сосуды имеют цилиндрическую горловину. Край венчика округлоутолщенный снаружи и выпуклый внутри (рис. 2, ***16***). Широкогорлые кувшины имели такой же округлоутолщенный венчика и рельефное утолщение под ним. Между краем венчика и рельефным утолщением расположен однорядный волнистый орнамент. Многие кувшины имеют вертикальное лощение. Следует отметить два фрагмента сосудов с зооморфным оформлением слива (рис. 2, ***13***). Оба найдены во время раскопок рва на квадрате 14.

К кувшинообразным сосудам относятся кружки, имеющие небольшие размеры. У них широкие горловины, составляющие 1/2 1/3 высоты сосуда и округлобокие, приплюснутых очертаний тулова (рис. 2, ***27***). Край венчика обычно округлый, без утолщения. Орнамент в виде нескольких горизонтальных линий располагается обычно чуть ниже венчика.

Все кувшинообразные сосуды имели овально-уплощенные ручки, прикреплявшиеся одним концом к горловине, другим к верхней части тулова. Некоторые ручки имели конический выступ в верхней части (рис.2, ***22***). Найдена одна ручка с завитком в нижней части.

Мискообразные сосуды характеризуются четко выраженной горловиной, составляющей до 1/3 общей высоты и слабо выделяющимися плечиками. Придонная часть мисок обычно в виде усеченного конуса. Частично реконструированы две миски (рис. 2, ***8, 9***). Шейки мисок отогнуты наружу, край венчика округлый или плоский, заостренный к наружней стороне и скошенный внутрь (рис. 2, ***8***). Орнамент линейный (рис. 2, ***6***) или волнистый (рис. 2, ***8***) обычно расположен на шейке или плечиках сосуда (рис. 2, ***8***).

Чашевидные сосуды низкие, широкие, наибольший диаметр они имеют в верхней половине высоты, нижняя часть близка к полусферической. Края венчиков округлые, или плоские, скошенные внутрь (рис. 2, ***15***), или утолщенные, скошенные внутрь (рис. 2, ***20***). Орнамент, почти всегда линейный, располагается в верхней части сосуда. Встречается вертикальное лощение наружней поверхности. Некоторые чаши имели овально-уплощенные ручки. Найдены крупные фрагменты чаши с ручками. Встречены ножки от чаш-триподов.

В особую категорию выделены глиняные светильники, представляющие собой небольшие неглубокие плошки с плавно загнутыми внутрь бортиками. Край венчкика округлый, иногда немного утолщенный. С одной стороны светильники имеют оттянутый носик рожок для фитиля, с противоположной подтреугольный, иногда крючкообразный, выступ-ручку (рис. 2, ***19***). Орнаментация отсутствует. Внешняя поверх-

ность иногда покрыта горизонтальным лощением. Ни один из светильников не восстановлен полностью, но найдены различные их части сливы, ручки.

Найдена нижняя часть стаканообразного сосуда усеченно-конической формы (рис. 2, ***24***).

С квадрата 129 раскопа 1 происходит крышка, имеющая полусферическую верхнюю часть; нижняя ее часть - цилиндрическая, входящая в горловину сосуда. Крышка имела цилиндрическую ручку. По краю крышка орнаментирована одним рядом продолговатых вдавлений (рис. 3, ***37***). Имеется фрагмент другой крышки дисковидной формы, украшенный по краю защипами (рис. 2, ***11***). Встречены пестиковидные ручки от крышек (рис. 2, ***25***).

Во время раскопок рва найдены две фигурные ручки сосудов. Одна из них зооморфная с круглым отверстием (рис. 2, ***26***), другая в виде сапожка (рис.2, ***21***). Там же найден фрагмент придонной части толстостенного амфоровидного сосуда (рис. 2, ***17***).

Имеются два днища сосудов с клеймами. С кв. 157 гор. 2 раскопа 1 происходит фрагмент дна с клеймом (рис. 3, ***33***), весьма характерным для Муромского городка и встреченным в Биляре[7]. Клеймо представляло собой знак в виде вертикальной линии, сверху ограниченной дугой и имеющей с левой стороны небольшой отросток (рис. 3, ***33***). Другое клеймо напоминает трезубец, вписанный в круг (рис. 3, ***34***).

Найдено несколько фрагментов поливной посуды. Одни из них местного болгарского производства, другие привозные. Поливная болгарская посуда представлена тремя фрагментами ручек небольшого кувшина или кружки. В изломе они имеют красный цвет. Полива коричневато-зеленого цвета. На основании анализа болгарской поливы, проведенного на кафедре минералогии Казанского университета, было установлено, что в качестве глазури использовалось простейшее по химическому составу стекло, не поддававшееся дутью, т. к. было слишком жидким. Содержание окиси свинца придавало глазури блеск и прозрачность. Изготовлялась свинцовая глазурь на глинистой основе. Для окраски ее применялась окалина или ржавчина и медный краситель[8]. Подобная поливная керамика встречается на многих болгарских памятниках домонгольского периода.

Привозная керамика представлена фрагментами поливного блюда среднеазиатского производства, имевшего полусферическую форму. Венчик плавно загнут внутрь, край его округлый. Черепок в изломе розовый. На внутренней поверхности нанесен подглазурный рисунок с использованием коричневой и зеленой краски. Фон блюда лимонно-желтый. Поверх рисунка нанесена бесцветная глазурь. Наиболее близкие аналогии блюду можно указать в керамике Хорезма IX-XI вв.[9] Фрагменты аналогичных блюд найдены в Биляре[10] и на Муромском городке.

Лепная керамика представлена единичными фрагментами. Один из них принадлежал круглодонному сосуду чашевидной формы с примесью шамота, украшенному в верхней части волнистой линией. Два мелких фрагмента шеек сосудов, содержащих в глине примесь шамота, были украшены многорядным шнуровым орнаментом. По составу теста и характеру отпечатков шнура они близки к типичной для болгарских памятни-

ков лепной посуде прикамского происхождения.

В процессе раскопок собран богатый вещевой материал болгарского времени, включающий орудия труда, предметы вооружения и снаряжения всадника, украшения костюма, бытовые вещи и т. д.

Орудия труда представлены ножами, шильями, иглами, рыболовным крючком, обломком косы-горбуши. Наиболее многочисленны железные ножи. Все они однотипные с прямой или чуть изогнутой у острия спинкой и изогнутым лезвием. При переходе от клинка к черешку имеются уступчики со стороны спинки и лезвия (рис. 3, *25*). Черешки длинные, сужающиеся к концу. Клинок имеет клиновидное, а черенок-прямоугольное сечение.

У шильев круглая в сечении, заостренная к концу рабочая часть. При переходе от черешка к рабочей части имеется утолщение (рис. 3, *15*). Найдены две железные иглы, представляющие собой круглый в сечении стержень одним заостренным концом и круглым ушком на другом конце (рис. 3, *29*). Обломок косы-горбуши представляет собой слабо изогнутую железную пластину, клиновидную в сечении (рис. 3, *27*).

Раболовный крючок, найденный на квадрате 6 (горизонт 1 раскопа 1) очень крупный, изготовлен из овальной в сечении железной проволоки. Один конец его загнут, образуя петлю, другой заострен к концу и тоже загнут (рис. 3, *30*). Бородки крючок не имел.

Оружие представлено 8 железными, 2 костяными наконечниками стрел и деталями колчана: крючком и скобочкой, а также наконечником и втоком копья. Колчанный крючок-железный, изготовлен из прямоугольного в сечении дрота (рис. 3, *39*). Аналогичные крючки найдены в Больше-Тарханском[11] и Танкеевском[12] раннеболгарских могильниках. В тех же памятниках находит аналогии и скоба от колчана (рис. 3, *13*)[13]. Найденные на городище железные наконечники стрел черешковые. Два из них имели плоское перо, у одного перо остролистное, черешок круглый в сечении (рис. 3, *1*). Подобные наконечники были распространены в VIII-XI веках[14]. Первоначально черешок у таких стрел был плоским, с X века он сменился круглым или квадратным. Второй наконечник также плоский с ромбовидным пером и квадратным в сечении черешком (рис. 3, *2*). Характерной особенностью наконечников данного типа является отсутствие упора: при переходе от пера к черешку имеется лишь небольшой уступчик. Подобные наконечники в Волжской Болгарии редки: по одному экземпляру встречено в Болгаре и Суваре. Датируются они X-XIII веками.

На квадрате 30, в горизонте 1 раскопа 1 найден двурогий срезень с упором (рис. 3, *5*). Общая длина его 53 мм, длина пера 26 мм. Подобные срезни имеют широкий территориальный и хронологический диапозон. А.Ф.Медведев указывал, что срезни с прямыми режущими и слабо выпуклыми боковыми сторонами появились в памятниках второй половины XI и употреблялись до XIV века. Они были распространены на Руси и в Волжской Болгарии[16].

Найдены два бронебойных наконечника. Один из них пирамидальный с массивной короткой боевой головкой ромбического сечения с перехватом у короткого черешка (рис. 3, *4*). Такие наконечники были предназначены для про-

бивания шлемов, панцирей и других доспехов. Один наконечник такого типа происходит из разрушенного могильника, находящегося в 1 км от Старо-Майнского городища[17]. Другой бронебойный наконечник стрелы имел массивную головку ромбовидных очертаний и ромбического сечения с шейкой. При переходе к круглому в сечении черешку имелся упор (рис. 3, ***16***). А.Ф.Медведев относил подобные наконечники к 83-му типу и датировал XI веком. Допуская возможность их появления в X веке. Они были характерны для Руси, Прикамья и Волжской Болгарии (Болгар, Сувар)[18].

Долотовидный наконечник стрелы (рис. 3, ***3***) (раскоп 1, квадрат 141, горизонт 2) имел у черешка перехват, переходящий в утолщение упор. В месте перехвата наконечник квадратный в сечении, сечение его черешка круглое. А.Ф.Медведев датировал подобные наконечники второй половиной XI первой половиной XIII вв. Они были распространены на Руси и в Волжской Болгарии, а для кочевников не характерны[19].

Имеется шиловидный наконечник без упора. Такие наконечники А.Ф.Медведев датировал X XIV вв.[20]

Весьма своеобразен наконечник стрелы (раскоп II, квадрат 9а, горизонт 1), имевший короткую головку цилиндрической формы с перехватом и упором при переходе к черешку. Головка увенчана небольшим выступом конической формы. Черешок круглый в сечении. Полной аналогии данному наконечнику не найдено, наибольшее сходство он имеет с пулевидными круглого сечения наконечниками, относящимися к XII-XIV вв.[21]

Костяных наконечника два. Один из них втульчатый, пулевидный, конической формы. Подобные наконечники использовались с I тыс. до н. э. до XIV в. на Руси, в Волжской Болгарии и кочевниками. Они применялись и в бою, и при охоте[22]. Второй наконечник-черешковый, с головкой бипирамидальной формы, черешок его обломлен (рис. 3, ***11***).

Найден железный предмет (раскоп I, квадрат 37, горизонт 1), который по мнению Ю.А.Семыкина служил деталью арболета[23]. Этот предмет представляет собой пластину, заканчивающуюся с одной стороны крючком, а с другой расплющенную и имеющую форму лопаточки, расширяющейся к концу. Самый конец ее обломлен. Ближе к центру детали имеется вторая расплющенная площадка подпрямоугольной формы с прямоугольным отверстием. Между площадкой с отверстием и лопаточкой имеется небольшое возвышение (рис. 3, ***19***). Две такие детали найдены на Муромском городке[24], одна происходит из старых собраний с Билярского городища. Найденная на Старомайнском городище деталь отличается от трех упомянутых меньшими размерами.

К оружию ближнего боя относится наконечник копья с пером вытянутой треугольной формы ромбического сечения и круглой в сечении втулкой (рис. 3, ***17***). Конец втулки обломлен. Копья с треугольным пером и круглой втулкой были самым распространенным типом копий у народов Восточной Европы в VIII-XI вв. в XII-XIII вв. они встречаются гораздо реже. На Руси они особенно типичны для деревенских курганов, т. к. служили не только боевым оружием, но и орудием охоты. Копья с

треугольным пером найдены в Биляре[25], на Муромском городке[26]. Найден вток от копья. Он втульчатый конической формы (рис. 3, *18*).

К предметам снаряжения всадника относится железная шпора, два фрагмента которой найдены на квадратах 96 и 166 в горизонте 1 на раскопе I. Шип шпоры сигарообразный, заостренный. При сочленении со скобой имеется поясок утолщение. Петли прямоугольной формы с прямоугольными же прорезями (рис. 3, *36*). Такие шпоры с шипами и скобой, лежащими в одной плоскости, А.Н.Кирпичников отнес к I типу и датировал XI-XII вв., отметив, что в XIII веке они уже редкость[27].

К торговому инструментарию относятся весы-коромысло (рис. 3, *14*) и кубическая гирька. В отличие от распространенных в Болгарии железных гирек, она каменная. Многочисленны находки предметов быта: пробоев, деталей цилиндрических замков (рис. 3, *21*), ключей (рис. 3, *23*). Как и на многих других памятниках Волжской Болгарии, на Старомайнском городище найдены два свинцовых грузика. Один из них имел усеченно-коническую форму (рис. 3, *6*), другой цилиндрическую (рис. 3, *7*). Назначение этих предметов до сих пор не выяснено. Найдено несколько железных гвоздей, кованных, прямоугольных в сечении с круглыми шляпками (рис. 3, *26*). Найдены железная дужка от ведра или котла (рис. 3, *8*) и бронзовое ушко, в которое продевалась дужка (рис. 3, *10*).

Из других железных предметов следует упомянуть длинную узкую ленту с небольшими прямоугольными выступами, имеющими круглые отверстия. Это оковка шкатулки или другого деревянного изделия.

Довольно многочисленны изделия из цветных металлов. Наибольший интерес представляют 17 накладок, изготовленных тиснением по матрицам из тонкого медного листа. Накладки круглые (рис. 3, *40-41*, *16*), прямоугольные (рис. 3, *42*) и более мелкие в виде четырехлепестковой розетки (рис. 3, *10*). Все они украшены сложным растительным орнаментом. Подобные накладки и матрицы, по которым они изготавлялись, хорошо известны в болгарских памятниках[28].

Из других бронзовых вещей следует отметить обломок лировидной пряжки (рис. 3, *28*), восьмеркообразную височную подвеску (рис. 3, *32*), небольшой диск с подпрямоугольным отверстием в середине (рис. 3, *43*) и грушевидную подвеску. Имеется небольшая подвеска-ложечка с отверстиями, отлитая из белого металла; аналогичные изделия найдены в погребениях Танкеевского могильника.

Костяные изделия, кроме описанных наконечников стрел, включают накладку (рис. 3, *44*) и застежку (рис. 3, *45*). Украшения представлены единичными пастовыми бусами.

Вещевой материал болгарского слоя Старомайнского городища позволяет датировать его домонгольским периодом (X 1-ая треть XIII в.). Подводя итоги исследования памятника, необходимо отметить некоторые его особенности. Одной из них является малочисленность сооружений: на площади более полутора тысяч квадратных метров выявлено около десятка хозяйственных ям и остатки одной наземной деревянной постройки. В связи с этим возникает предположение, что защищенная валами и рвами площадка городища не была по-

стоянно заселена, а служила лишь убежищем на случай военной опасности. Возможно, не случайно, что на городище найдено сравнительно мало орудий труда и украшений и довольно много предметов вооружения. Вероятно, основным местом постоянного обитания было обширное селище, примыкавшее к городищу с севера и северо-запада. На городище не обнаружено никаких следов производственных сооружений, видимо, все они находились на селище. Обращает на себя внимание тот факт, что среди большого количества найденных на городище глиняных пряслиц очень мало типичных для болгарских памятников биконических пряслиц с небольшим отверстием, нет шиферных пряслиц, которые присутствуют в подъемном материале с селища. Раскопки селища помогут решить вопрос о назначении Старомайнского городища.

Необходимо отметить своеобразие керамического материала болгарского слоя Старомайнского городища. Основной его особенностью является малое количество лепной посуды, встречающейся на всех исследованных болгарских поселениях домонгольского периода. Вероятно, объяснение этому следует искать в однородности этнического состава обитатаелей городища, в отсутствии на нем групп населения, пользовавшихся лепной посудой.

В гончарной посуде Старомайнского городища присутствуют все характерные для Волжской Болгарии домонгольского периода категории сосудов, за исключением котлов, которые вообще встречаются довольно редка. Основной особенностью гончарной болгарской посуды городища является исключительное однообразие форм, стандартизация изделий. Если в Болгаре, Биляре, на Муромском городке представлены десятки типов внутри каждой категории сосудов, то на Старомайнском городище каждая категория представлена 2-3 типами. Однообразие проявляется и в орнаментации сосудов. По сути дела, в керамическом комплексе городища представлены сосуды, имеющие линейный, волнистый и гребенчатый орнамент. Крайне редки находки фигурных ручек сосудов, зооморфных сливов кувшинов и других образцов декора, известных в керамике других болгарских поселений.

Вместе с тем необходимо отметить высокое качество гончарной посуды Старомайнского городища. Она отличается прекрасным обжигом, произведенным в совершенных горнах. Фрагменты сосудов с плохим обжигом практически не встречены. О высоком качестве обжига свидетельствует преобладание фрагментов сосудов кирпично-красного и коричневого цветов и их прочность.

Датировка болгарского слоя Старомайнского городища не вызывает особых затруднений. Все происходящие из него материалы находят ближайшие аналогии в памятниках Волжской Болгарии домонгольского периода. Как уже указывалось, металлические изделия, найденные на городище, укладываются в рамки X-XII вв.

Можно отметить некоторое своеобразие керамического материала Старомайнского городища. Несмотря на довольно высокое качество посуды, она отличается однообразием и бедностью орнаментации по сравнению с керамикой болгарских городов: Биляра, Муромского городка и других. Довольно низок процент лепной посуды.

На исследованной площади городища болгарские сооружения немногочисленны. Это можно объяснить тем, что основная масса населения обитала на селище, расположенном к северу от площадки городища. Само же городище служило крепостью, убежищем в случае вражеских набегов. Возможно, этим можно объяснить преобладание среди металлических изделий, найденных на городище, предметов снаряжения коня и всадника (наконечники стрел, копье, удила, шпора) и довольно небольшое количество женских украшений и пряслиц.

Обитатели городища поддерживали торговые связи с Прикамьем, Русью и Средней Азией, о чем свидетельствуют находки фрагментов прикамских лепных сосудов, древнерусских шиферных пряслиц и глазурованной посуды среднеазиатского происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мельников С. Е. Замечательное селение по Волге в пределах Казанской губернии // Казанские губернские ведомости. 1958. N 11.

[2] Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. Т. II, М., 1871.

[3] Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

[4] Поливанов В.Н. Майнское городище в Спасском уезде Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I, отд. 1. Казань, 1884.

[5] Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X начала XIII вв. // МИА. 1962. N 111.
Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 191.
Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 76.
Макарова В. Н., Халиков А. Х. Поливная или глазурованная керамика билярского производства // Посуда Биляра. Казань, С. 57-59.

[9] Вактурская Н.И. Классификация средневековой керамики Хорезма IX-XVII вв. // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 286.

[10] Халиков А. Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследование великого города. М., 1976. Рис. 17, 2.

[11] Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. Т. XIII.

[12] Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 109. Т. XI, 4.

[13] Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Указ. соч. Т.XIII, 9; Казаков Е.П. Указ. соч. Т. XI, 27.

[14] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. М., 1966. С. 73.

[15] Там же. С. 67; Т.XI, 42.

[16] Там же. С. 72.

[17] Буров Г. М. Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

[18] Медведев А.Ф. Указ. соч. С. 81.

[19] Там же. Т. 19, 35.

[20] Там же. С. 84.

[21] Там же. С. 86, Т. 20, 30.

[22] Там же. С. 87.

[23] Семыкин Ю.А. Опыт реконструкции арбалета по материалам с территории Волж-

ской Болгарии // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С.122. Рис. 4.

[24] Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.; Л., 1966.

[25] Культура Биляра. М., 1985. С. 181. Т. IX, 2.

[26] Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 210. Рис. 7.

[27] Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973. Т. XVIII, 1-3. С. 64.

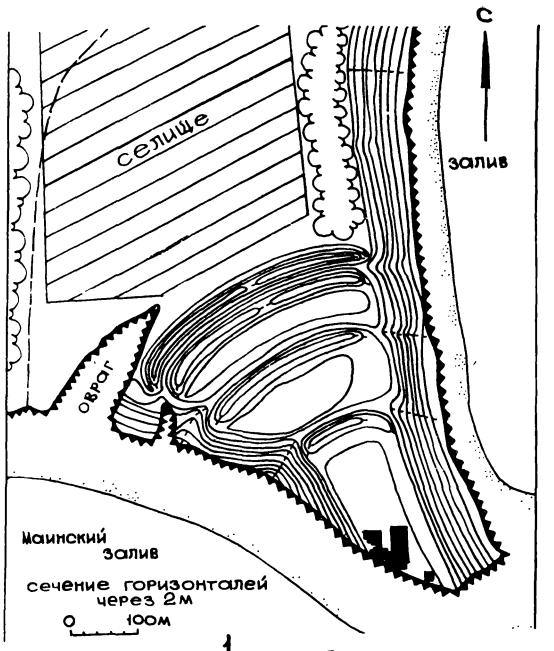
[28] Культура Биляра. М., 1985.

Список иллюстраций к статье Г. Матвеевой "Болгарский слой Старомайнского городища"

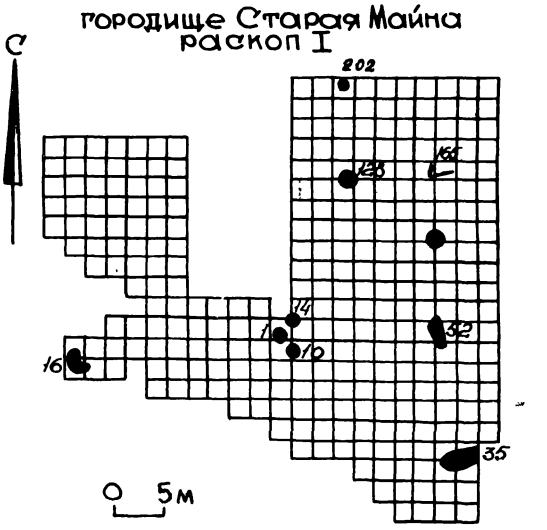
Рис. 1 Старомайнское городище:
1 план городища; 2 план раскопа I; 3 разрез вала и рва

Рис. 2 Керамика Старомайнского городища
1-2 фрагменты корчаг; 3, 5 фрагменты горшков; 4, 17 профили венчиков корчаг; 6, 10, 18, 28 фрагменты горшков; 7 фрагмент сосуда; 8, 14 фрагменты мисок; 9 фрагмент кружки; 11 фрагмент крышки сковороды; 12 поливное блюдо среднеазиатского производства; 13, 16 - фрагменты кувшинов; 15, 20 - фрагменты чаш; 19 - фрагмент светильника; 21 фрагмент горшка; 22 ручка; 24 - фрагмент стаканообразного сосуда; 26 зооморфная ручка сосуда

Рис. 3 Инвентарь Старомайнского городища:
1-5, 12, 16, 20 железные наконечники стрел; 6-7 свинцовые грузики; 8 дужка от котла; 9 пробой; 10 ушко от котла; 11, 21 костяные наконечники стрел; 13 скоба от колчана; 14 весы; 15 шило; 17 копье; 18 вток; 19 деталь арболета; 22 деталь замка; 23-24 ключи; 25 нож; 26 -гвоздь; 27 фрагмент косы; 28 фрагмент бронзовой пряжка; 29 игла; 30 рыболовный крючок; 31 костяной гребень; 32 бронзовая височная подвеска; 33, 34 фрагменты днищ сосудов с клеймами; 36 шпора; 37 глиняная крышка сосуда; 39 железный колчанный крючок; 40-42, 38 бронзовые накладки; 43 бронзовый диск, 44 костяная накладка; 45 костяная застежка



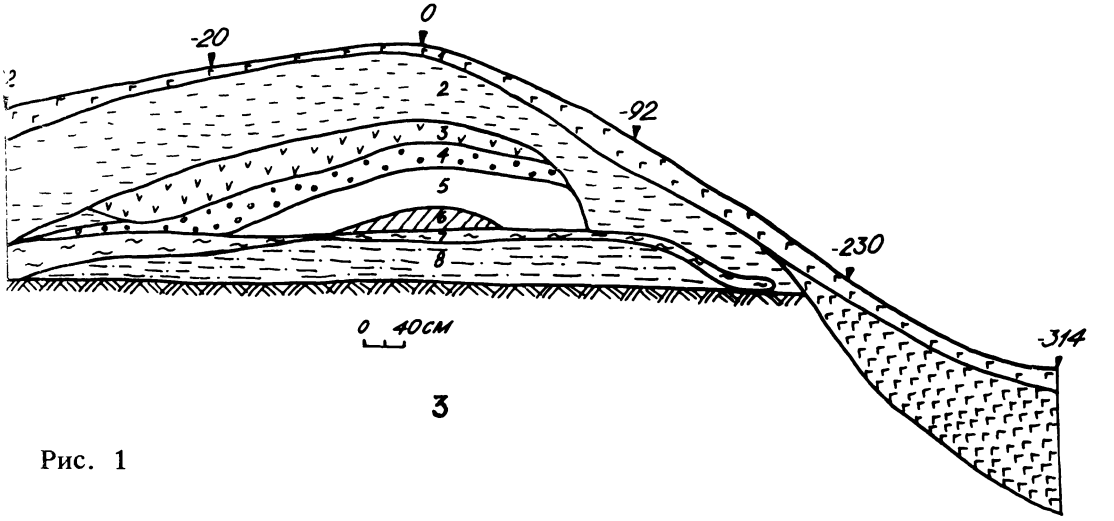
1



2

ямa

РАЗРЕЗ ВАЛА И РВА



3

Рис. 1

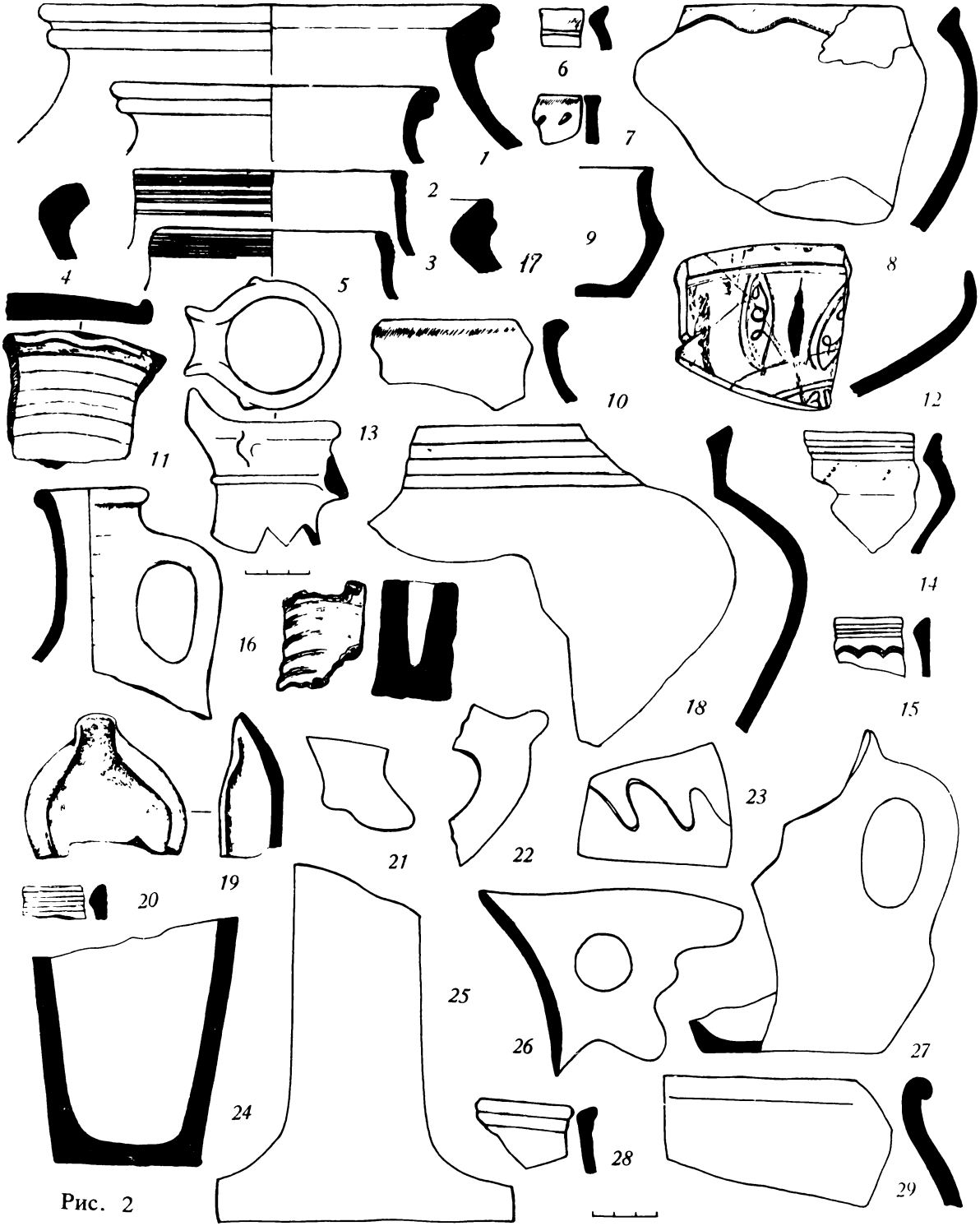


Рис. 2

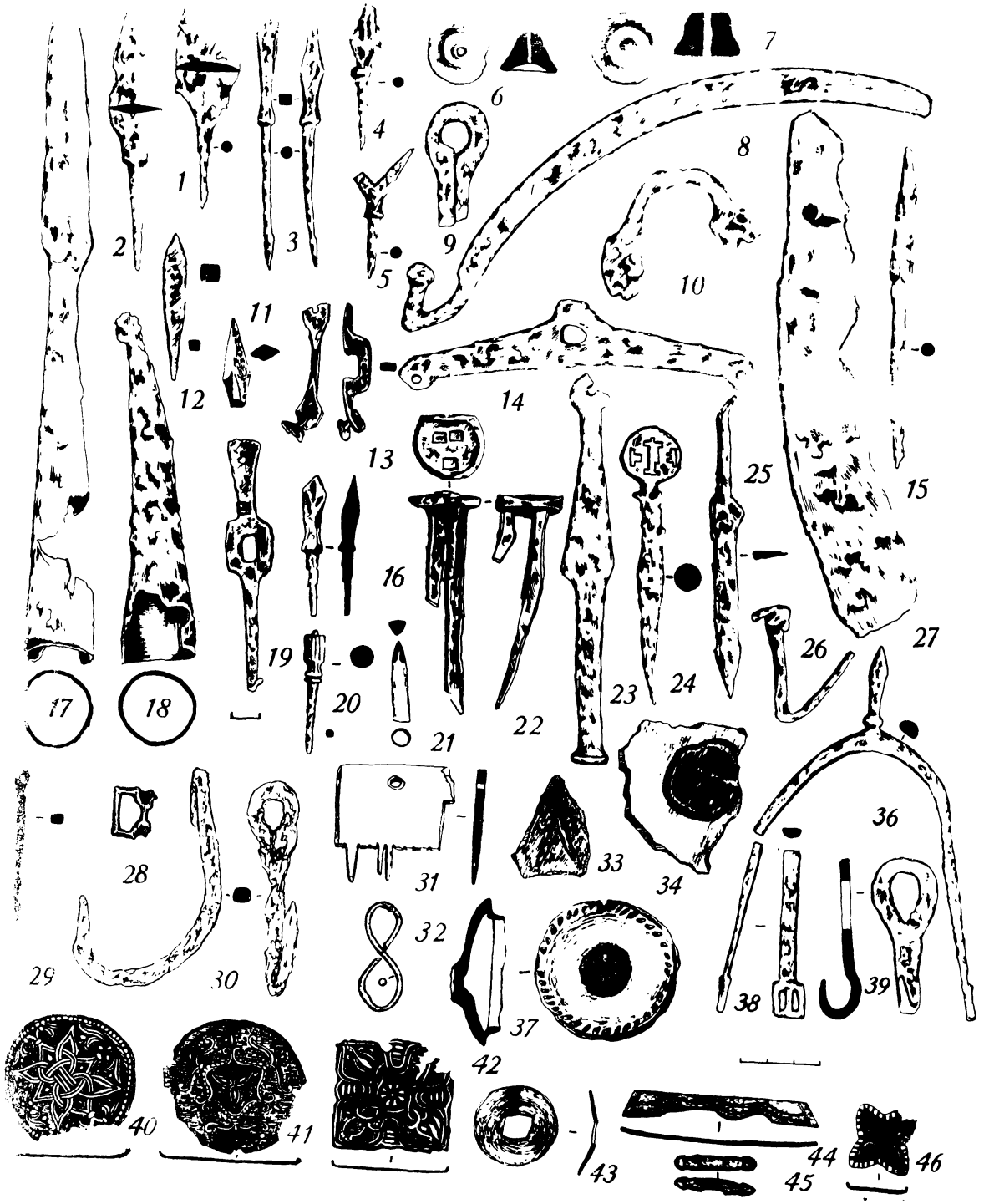

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46

Рис. 3

45–2047

В. Могильников

К проблеме исходной территории миграции протомадьяр

Одной из этнических групп, контактировавших с древними болгарами и буртасами в Среднем Поволжье в VIII-IX вв. были протовенгры (мадьяры), появившиеся в Приуралье в конце VI VII вв. С ними, по мнению большинства современных исследователей, сопоставляются древности кушнаренковского типа Южного Приуралья. При этом все авторы едины в мнении о зауральском происхождении этой группы населения. Однако точно локализовать исходный район их миграции за Уралом пока не представляется возможным, ввиду существенных отличий кушнаренковских древностей от зауральских. Наиболее близки к ним синхронные материалы Перейминского могильника VII VIII вв., где представлены круглодонные кувшины с воронковидным горлом[1], подобные кушнаренковским, но не идентичные с ними.

Несколько далее отстоят древности потчевашской культуры, керамика которой в сравнении с кушнаренковской имеет более приземистые пропорции, а технология изготовления и манера орнаментации посуды являются более грубыми. Исходя из общих элементов в форме и орнаментации посуды и некоторых особенностей погребального ритуала, перейминские, потчевашские и кушнаренковские комплексы можно объединить в одну обширную, дифференцированную с течением времени, угорскую этнокультурную общность, развивающуюся по расходящимся ветвям при наличии общих, восходящих к предшествующим историческим эпохам, этнокультурных компонентов.

В процессе дальнейшего развития потчевашская культура переросла постепенно в усть-ишимскую[2], явившись основой формирования южной иртышской группы хантов. Комплексы типа погребения 8-го Перейминского могильника с кувшиновидными сосудами в северной лесостепи левобережного Притоболья явились тупиковой ветвью угорского развития и оставившее их население было в основном ассимилировано лесостепными уграми бакальской культуры.

Процесс смешения разнокультурных этносов иллюстрирует и материал Перейминского могильника. В то же время, исходя из наибольшей близости комплекса Перейминского могильника с древностями кушнаренковского типа, логично искать район исходной миграции последних в непосредственном соседстве или поблизости от Перейминского некрополя, а именно в лесостепном Притоболье и Приишимье, на территории современных юга Тюменской, Курганской, Северо-Казахстанской, Кустанайской и юго-востока Челябинской областей. К сожалению, в этом регионе памятники эпохи раннего средневековья пока почти неизвестны, кроме потчевашских, локализующихся на Ишимье, в северо-восточной периферии указанного ареала. Это может объясняться миграцией на-

селения отсюда на запад во второй половине конце VI в., в период экспансии на запад I Тюркского каганата и последовавших вслед за ней переселений народов, что вело к запустению покинутой территории, к тому же не достаточно плотно заселенной во второй четверти I тысячелетия, в эпоху "великого переселения народов". С другой стороны, этот регион давно входит в зону интенсивного сельскохозяйственного освоения, и небольшие раннесредневековые курганы могли в основной масне сохраниться, особенно при учете их небольшого количества. Поселения же населения южной части западно-сибирской лесостепи, перешедшего к кочеванию еще в раннем железном веке[3], ли быть незначительными или отствовать вообще.

В данной ситуации исходный раймиграции протомадьяр приходится определять исходя из специфики их культуры. По своему облику керамика кушнаренковского типа демонстрирует смешение степных и лесных элементов культуры. К первым относится кувшиновидная форма сосудов, ко вторым гребенчато-фигурно-штамповая орнаментация. Симбиоз различных по происхождению элементов мог происходить только в зоне непосредственных контактов степных, лесостепных и лесных этнических групп, который осуществлялся лесостепи. Именно на лесостепь Южного Зауралья, Среднего Притоболья и Приишимья можно проецировать этот процесс. В этом регионе представлены памятники саргатской культуры, ряд элементов которой связывается с кушнаренковским комплексом[4]. В этом же регионе в III-V вв. отмечается проникновение в лесостепь лесного населения с фигурно-штамповой орнаментацией посуды (поселение Борки 3 и др.) и наблюдается смешение этих элементов на севере лесостепи (Козловский могильник) и в южной подзоне тайги (поселение Ипкуль XV)[5].

Аналогичный процесс смешения лесостепного, степного и лесного компонентов происходил, надо полагать, в более южных районах лесостепи от восточных склонов Урала до Ишима. Кочевой и полукочевой тип хозяйства сложился у населения саргатской культуры, на которое накладывался лесной суперстрат еще в раннем железном веке, что при тенденции увеличения элементов кочевничества создавало предпосылки к сравнительно легкой миграции этноса при определенных обстоятельствах. В этой связи примечательно, что в восточных районах Южного Зауралья в последнее время выявлен ряд памятников с Кушнаренковско-Караякуповской керамикой, что подтверждает вышеизложенное[6].

Высказанная точка зрения является предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в обосновании новым фактическим материалом. Однако, на наш взгляд, она более достоверна, чем мнение некоторых исследователей о происхождении протомадьяр из районов, лежащих между Уралом и Аральским морем или хотя бы частично включающих этот регион, занятый сухими степями[7]. Регион степей между южным Уралом и Аральским морем, видимо, можно исключить из ареала протомадьярского этногенеза I тысячелетия н. э. Пока археологически он изучен слабо, но то что известно позволяет считать, что в раннем железном веке, вплоть до III-IV вв., здесь обитали в основном

ираноязычные племена саков и сармат, использовавшие эту территорию преимущественно во время сезонных перекочевок с зимних пастбищ Приаралья на летние выпасы Южного Приуралья, Зауралья и степей Западной Сибири, где контактировали с протомадьярами. К тому же этот район сухих степей с малой демографической емкостью, как показали наши разведки по Иргизу на юго-востоке Актюбинской области и в районе Тургайского прогиба, в раннем железном веке был слабо заселен и не мог быть ареалом этногенеза и исходной территорией миграции протомадьяр на запад. Впрочем, это не исключает использования северной части этого степного ареала как коридора для миграции протомадьяр из южной части лесостепи Западной Сибири в привычную для них экологическую среду лесостепного Южного Приуралья, а затем и Среднего Поволжья и в более западные регионы лесостепи и степи Восточной и Средней Европы, вплоть до Подунавья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. N 58. Табл. XIV.

[2] Коников Б.А. Культуры таежного Прииртышья VI-XIII вв. н.э.: Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1982. С. 7, 8.

[3] Могильников В. А. Особенности социально-экономического развития и демографические процессы в Западной Сибири в железном веке // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988.

[4] Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. N 3. С. 43, 44; Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре // ПАДИУ М., 1972. С.66; Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. мск, 1983. С. 81.

[5] Чернецов В.Н. Указ. соч. С.162, 164-166; Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Свердловск, 1988. Вып. 19. С. 125.

[6] Боталов С. Г. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 131.

[7] Халиков А.Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 30; Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Там же. С. 116.

В. Нахапетян

Знаки "пентаграмма" в салтовской культуре

Вопрос о назначении так называемых тамгообразных знаков - один из самых трудных для современных исследователей. В этнографическом материале мы находим не только примеры многообразных тамг (родовые, семейные, общинные, личные), но и совершенно особые категории знаков, имевших сакральное значение и никогда как тамги не употреблявшихся. Они ставились представителями разных родов при клятвах или каких-либо культовых действиях.[1]

Рассмотрим группу изображений, происходящих с памятников салтово-маяцкой культуры, а именно: звезды пентаграммы.

По мнению большинства исследователей, подобные знаки в бронзовом веке выступали как символ солнца и солнечных лучей и имели магический характер, который в эпоху развитых феодальных отношений мог быть уже утрачен.[2] М.Комша, в частности, предполагает, что в раннефеодальную эпоху этот знак мог употребляться как "единица измерения, необходимая при вычислении и оформлении воздвигавшихся архитектурных памятников".[3] Основано это предположение на том, что на колонне эпохи Первого Болгарского царства пентаграммы были вырезаны вместе со знаками "сложный крест" и "мельница". А "мельница" в Древней Руси применялась при строительных расчетах.

Ж.Аладжов убедительно показывает, что в культуре Первого Болгарского царства знак "мельница" имел сакральное значение, поскольку своими очертаниями он повторяет планировку языческих храмов и форму каменных жертвенников. С принятием христианства "мельница" утратила свое сакральное значение и превратилась в поле для игры в "дама".[4]

Первые пентаграммы на территории салтово-маяцкой культуры были обнаружены К.И.Красильниковым на селище у с. Подгаевка на р. Деркул среди гончарных клейм.[5] Такой же знак изображен на трех фрагментах амфор и пряслице из Саркела,[6] на кирпичах из Семикаракорского городища,[7] на перстне из Дмитровского могильника. И хотя этот список далеко не исчерпывающий, он свидетельствует о том, что пентаграмма на территории салтовско-маяцкой культуры была распространена достаточно широко.

Раскопки Маяцкого городища 1975, 1977-1982 гг. дали разнообразный материал по знакам (470 знаков) и их композициям, выполненным в технике граффито на стенах зданий, что послужило С.А.Плетневой основанием для классификации этих изображений как знаков каменотесов.[8] Среди этих знаков особую группу составляют пентаграммы (14 экз.). Они вырезаны тонким резцом на глубину 1,5-2,5 мм, т.е. в технике граффи-

то, причем девять из них найдены на сохранившейся кладке стены на высоте от пятого до восьмого ряда. Только один знак (рис. 1, *11*) нанесен на ту неровную поверхность каменного блока, которой он укладывался вовнутрь. Можно предполагать, что знак типа "пентаграмма" бытовал и во время возведения крепости, и после ее постройки. У девяти знаков сохранность хорошая; четыре представлены крупными фрагментами; один, расположенный на стене, несколько затерт.

Пентаграмма рисовалась двумя способами: непрерывной линией или составлялась из двух перекрещивающихся треугольников. Имеется знак, выполненный двойной линией (рис. 1, *13*). Размеры и характер рисунков разнообразны; только два знака, расположенные на одном участке стены, явно выполнены рукой одного человека (рис. 1, *4, 5*). Две пентаграммы нанесены на один блок уцелевшей кладки юго-восточной стены рядом, но разными людьми. На той же стене есть звезда в композиции со знаком из расходящихся лучей, частично утраченным. Хорошо фиксируется различие резцов, которыми вырезаны первый и второй знаки (рис. 1, *5*). Далее на той же стене сложная композиция из трех групп (рис. 1, *1*), каждая из которых выполнена разными резцами: изображение лошади тонким и острым; звезда и крест - острым, но глубже; плохо сохранившийся знак слева и знаки внизу тупым инструментом. В четвертой композиции (рис. 1, *7*) одним резцом выполнены конь и пентаграмма, их перекрывает двусторонний двузубец, нанесенный более тонким и острым инструментом. Блок с этими изображениями происходит из развала той же стены. На стене каменной постройки, примыкавшей к юго-восточной стене, рядом со звездой расположен знак "перечеркнутые параллели" (рис. 1, *6*). Из указанного завала, но со стороны внешнего панциря происходит блок, где пентаграмме сопутствует фигура типа "сетка". На юго-западной стене композиция из пентаграммы и сопутствующего знака (выполнена более глубоким штрихом), напоминающего "рогатые" знаки сарматской эпохи (рис. 1, *12*). На этой же стене - плохо сохранившаяся композиция с расходящимися лучами и зигзагообразной линией (рис. 1, *14*). Остальные изображения звезд, включая найденные А.И.Милютиным, никакими знаками не сопровождаются.

Интересен тот факт, что ни пентаграмма, ни типы знаков, сопутствующие ей (кроме креста), не встречаются среди так называемых строительных знаков Маяцкого городища. Нет их и среди знаков каменотесов Плиски, хотя как знаки-граффити они в Дунайской Болгарии встречаются часто.[9] Особо следует отметить такие знаки, как "лошадь" и "сетка", представленные целыми сериями, тогда как прочие, не имеющие аналогий среди знаков строителей граффити, найдены в количестве 1-3 экземпляров. То же наблюдается в отношении перечеркнутого косым крестом прямоугольника и окружностей (концентрических и со вписанным крестом), представленных в Маяцком городище четырьмя экземплярами каждый. В салтово-маяцкой ккультуре и в синхронных памятниках Дунайской Болгарии пентаграмма, окружности, перечеркнутый прямоугольник и знак "лошадь" употреблялись и при клеймении посуды. Изображения звезд и лошадей есть на обож-

женых кирпичах (Саркел, Семикаракоры, Плиска) и крымских черепицах IX в.,[10] то есть на тех категориях предметов, производство которых было связано с огнем. Фигура в виде пятилучевой звезды применялась также в орнаментах салтовских зеркал.[11] Изображение коня характерно для амулетов салтовской культуры.[12] Перечеркнутый прямоугольник, сетка и "лесенка" часто встречаются на бабках из астрагалов, использовавшихся для игр или гадания, где они, видимо, также имели значение апотропеев.

Совместное изображение лошади и звезды встречается дважды. Сочетание рисунка коня и пентаграммы обнаружены на черепице и на костяном роге из Плиски и на камне из Каварны.[13]

Уникальная находка большой серии граффити на стенах культового здания Неаполя Скифского (II в. н. э.) свидетельствует о том, что изображения коня, перечеркнутого прямоугольника, пентаграммы, сетки и лесенки были связаны с очень древним комплексом верований.[14] Знак "сетка" найден на обвалившейся штукатурке. Перечеркнутый прямоугольник, который О.Д.Дашевская связывает с солярной символикой, находился среди многочисленных изображений лошадей на западной стене, пентаграмма единственный знак на южной стене, очевидно символизировала солнце в зените. Рисунки лошадей на западной стене возобновлялись неоднократно разными людьми, перекрывая более ранние изображения. То же повторение символа отмечается на Маяцком городище, где на участке стены в 8 м пентаграмма встречается семь раз. Подобный случай повтора симовла и дополнения его другим имел место на колонне из с.Карали в Болгарии.[15] Отмечая дублирование подвесок-амулетов в славянских ожерельях X-XIII вв. В.П.Даркевич писал: "Эта множественность не может указывать на утрату ими апотропейного значения, так как увеличение числа одинаковых амулетов в представлении язычника только усиливало их эффективность".[16]

Все четырнадцать изображений звезд найдены в южной части Маяцкого городища, причем одиннадцать из них происходят с территории "цитадели" огороженного стеной внутреннего участка крепости, на котором находился весь хозяйственный комплекс, самая большая землянка и каменные постройки.[17] Рядом с каменным сооружением N 3 найдено описанное выше скопление изображений пентаграмм, а блок с фигурой коня, звездой и двузубцем лежал внутри этого сооружения. На стене каменного сооружения N 2, в котором помещалась хозяйственная яма, также имеется этот знак. Два таких знака найдены в развале северо-западной стены цитадели. Один знак происходит с внешнего участка стены, к которому пристроена цитадель. Остальные три находятся на участке наибольшего скопления граффита на внешнем фасе юго-западной стены.[18] Хозяйственная и административная значимость южной части крепости требовала ее усиленной охраны, в том числе и магическими средствами.

Таким образом, приведенные факты в большей степени свидетельствуют в пользу трактовки пентаграмм как магического знака, а не тамги или строительной метки. Последнее как раз и подтверждается отсутствием пентаграмм среди знаков, имевших практическое значение, в частности среди меток на строительных материалах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1975. С. 107.

[2] Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. С.99; Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. N 4. С 56.

[3] Комша М. Знаки раннефеодальной эпохи, врезанные на римско-византийской колонне // ?? 1962, VI.

[4] Аладжов Ж. Символ на свете в някои пробългарски паметници // Археология, 1980, кн. 1. С. 41-47.

[5] Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. N 3.

[6] МИА. 1959. N 75. С.348. Табл. VI, 13; IX. Флеров В.С. Отчет о раскопках Семикаракорского городища и Семикаракорского кургана N 3 в 1974 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, N 5411.
См.: Доклад С. А. Плетневой на заседании сектора славяно-русской и средневековой археологии//ИА АН СССР 1985. 18 ноября. Макарова Т.И., Плетнева С.А. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в паметна проф. Станчо Ваклинов. София, 1984; Овчаров Дм. Български средневековни рисунки-графити. София, 1982; Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII-X век. София, 1980.

[10] Якобсон Л. А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. С. 66, 68, 69.

[11] Иченская О.В. Орнаментация зеркал салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наукова думка, 1982. С.158. Рис. 1.

[12] Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. С. 176.

[13] Овчаров Д. Българини средневековии рисунки-графити. Табл. IXXIX; IXXXIV; CX, 3.

[14] Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1982. N 1.

[15] Комша М. Указ. соч.

[16] Даркевич В.П. Указ. соч. С. 65.

[17] Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан // СА. 1984. N 3.

[18] Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. М., 1984. Рис. 2.

Список иллюстраций к статье В. Нахапетян "Знаки "пентаграмма" в салтовской культуре"

Рис. 1 Знаки пентаграмм на камнях Маяцкого городища:
1-5 на внутреннем фасе юго-восточной стены; 6 на стене каменного строения N 2; 7 на блоке из завала внутри каменного строения N 3; 8 на блоке из завала внутреннего панциря юго-восточной стены; 9, 10 на блоках северо-восточной стены "цитадели"; 11 на блоке из завала внешнего панциря юго-восточной стены; 12-14 на внешнем фасе юго-восточной стены

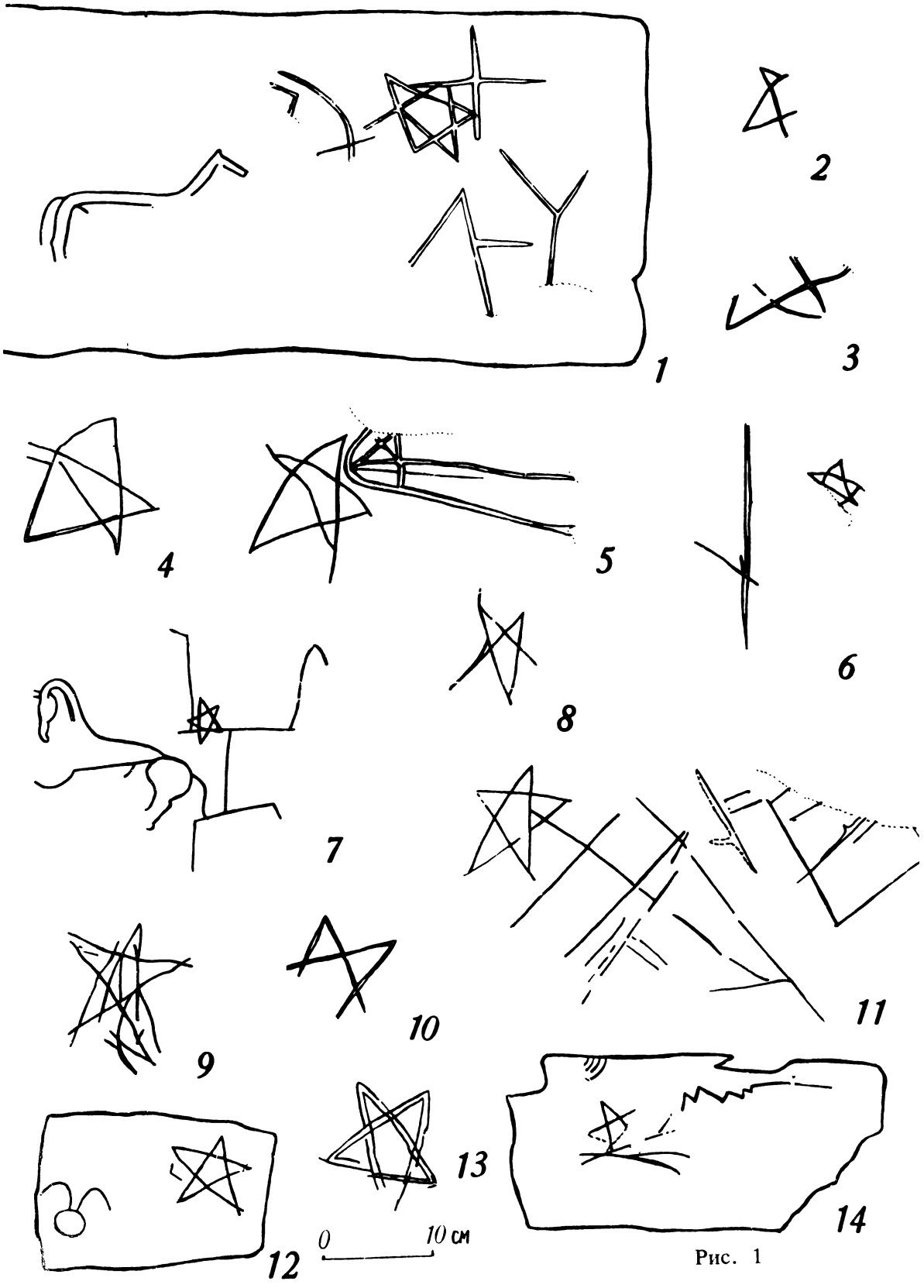


Рис. 1

М. Полубояринова

Стеклянные лампы из Болгара

Болгарское городище богато находками древнего стекла украшениями, посудой, оконными дисками. Среди посудного стекла выделяется группа фрагментов высокого качества. Это бесцветные прозрачные стекла, часто сохраняющие следы росписи. Часть их относится к крупным сосудам с толстыми стенками (2-3 мм) лампам, украшавшим мечети на арабском Востоке и вывозившимся в другие мусульманские страны, в том числе в Волжскую Болгарию и Золотую Орду. Арабские лампы имели стандартную форму и пышную разнообразную роспись. Лампы (рис. 1, *9*) представляют собой сосуды с расширенным кверху горлом и туловом, округлым или с ребром. Горло составляет более трети высоты сосуда. Часть ламп имеет округлое дно, другие снабжены поддоном. К тулову прикреплены 6 вертикальных ручек, за которые лампа подвешивалась к потолку. Высота таких ламп 35-38 см, диаметр устья 20-25 см, высота горла 12-13 см, диаметр тулова 20-26 см, высота ручек 3,5-6 см[1].

Роспись на поверхность ламп наносилась эмалевыми красками и располагалась зонами широкие пояса эпиграфического орнамента сменяются поясами сложных и тонких арабесок или растительного узора, в который включены пятна цветной краски. В орнаментации обильно используется золото, а также красная, белая, желтая, синяя и зеленая эмаль.

В коллекциях из раскопок Болгарского городища в настоящее время хранится более 200 фрагментов, которые уверенно можно отнести к лампам. Большая часть найдена в восточной части города районе Малого минарета и Ханской усыпальницы (раскопы XVII 1967 г., XXIX 1968 г., XXXV 1970 г.). Эта часть города начала осваиваться в раннезолотоордынский период (вторая половина XIII в.), когда здесь соорудили полуземлянки; рядом располагался мусульманский могильник. В первой половине XIV в. были простроены богатые дома из сырцового и обожженного кирпича, с подпольным отоплением, принадлежавшие золотоордынской знати. Дома были разрушены, видимо, во время опустошительного похода на Болгар Булак-Тимура в 1361 г.[2] Во второй половине XIV в. расширяется кладбище, возводится несколько монументальных зданий мавзолеи и мечеть. Эти каменные здания были разрушены в 1431 г. при захвате Болгара русскими. Все найденные здесь обломки стекла (как и другие предметы) несут следы воздействия огня: они оплавлены, деформированы, утратили роспись, т. е. попали в пожар во время крупной катастрофы, постигшей город.

Все находки ламп и в этом районе, и в центральной части города связаны с позднезолотоордынским слоем (середина XIV начало XV вв.) В раскопках в районе Малого минарета и Хан-

ской усыпальницы осколки ламп сосредоточены в слое, перекрывающем дома с подпольным отоплением, т. е. относятся к концу XIV XV вв., к тому времени, когда район перестал быть жилым. По-видимому, находки ламп связаны с разрушенными мавзолеями и мечетью.

По сохранившимся материалам раскопов конца 60-х 70-х годов близ Малого Минарета и Ханской усыпальницы выделяется не менее 7 стеклянных ламп. Отделить фрагменты одной лампы от другой можно лишь по венчикам, сохранившим роспись хотя бы частично. Орнамент на стенках не позволяет с уверенностью отнести фрагмент к определенной лампе, так как на каждой из них обычно использовано несколько орнаментальных мотивов.

Лампа N 1 (раскоп XIV 1967 г.). ней относятся около 25 фрагментов, частично деформированных огнем. Диатр устья 18 см, толщина стекла гор- 4 мм, тулова 3 мм; в высоту горсохранилось на 6 см. Найдены крупный фрагмент шейки и часть донца, оского, без поддона, что позволяет реонструировать форму (рис. 1, ***1***). От росписи на венчике сохранились местами пятнышки облетевшей краски; орнамент трудом восстанавливается лишь по протравленным на поверхности стекла следам рисунка. На венчике лампы помещались три яруса изображений. Верхний (ширина 1,8 см) был заполнен тонким и сложным узором, выполненным, по-видимому, золотой краской. Ниже располагался ярус с изображением гона зверей собаки или лисы преследуют зайцев (рисунок очень точен и динамичен). От третьего яруса сохранилась только верхняя часть полосой эпиграфического орнамента (рис. 1, ***2, 3***). Ярусы разделяются свободным пространством шириной 1-1,2 см. Роспись на тулове не сохранилась.

Сцена гона зверей, изображенная эмалью на стекле, встречена однажды на городище Селитренное (Сарай); ниже идет полоса со стилизованной арабской надписью[3].

Лампа N 2 (раскоп XVII 1967 г.). К ней относятся 6 крупных деформированных фрагментов[4]. Диаметр устья 13 см, толщина стекла 3 мм. Венчик сохранился на высоту 6 см, он совершенно прямой и ровный по толщине. Найдена часть выпуклого тулова с обломком налепной ручки (рис. 1, ***10, 11***). Роспись лампы, видимо, сгруппирована в пояса. На венчике верхний пояс шириной 265 см покрыт пестрым рисунком белые и желтые круглые пятнышки обведены с одной стороны красной или зеленой краской (получается фигура в виде грибочка). Второй пояс примыкает к первому, он заполнен эпиграфическим орнаментом, выполненным синей краской. Ширина этого пояса не восстанавливается, но не менее 4 см. Такое же чередование орнаментальных поясов и на тулове двухцветные пятнышки, а ниже полоса синего эпиграфического орнамента.. Лампа, расписанная такими двойными цветными пятнышками, опубликована в цвете Э.Кюнелем; она происходит из Сирии[5]. Большая часть высоты ее венчика занята также синим эпиграфически орнаментом, расцвеченным белой, красной, желтой и зеленой красками. Такими же двухцветными пятнышками, включенными в растительный узор, и поясами эпиграфического орнамента украшена лампа XIV в. из Каира[6].

Лампа N 3 (раскоп XXXV 1970 г.). Найдены 1 крупный фрагмент венчика и 2 стенки[7]. Диаметр устья 18 см, толщина стекла венчика 4 мм, тулова 2 мм, высота сохранившейся части венчика 6 см. Орнамент сохранился плохо. Вся верхняя часть венчика покрыта сложным и тонким черным рисунком, образующим арабески. Местами на рисунке сохранились пятна золотой краски.

Лампы, у которых отдельные орнаментальные пояса заняты тонким черным рисунком, нанесенным как будто пером, встречаются часто на арабском востоке и датируются XIV в. В коллекциях стекла из Болгара, особенно из указанных районов в восточной части городища, встречается много осколков, часто деформированных, сохранивших тонкий черный рисунок и пятна краски, некогда расцвечивающие его.

Лампа N 4 (раскоп XVII 1967 г.). Сохранилось 5 фрагментов: шейки, выпуклых стенок, прямого венчика и округлого дна[8]. Диаметр устья 13 см, высота сохранившейся части горла 3 см, толщина стенок 2 мм. По верхней части венчика идет орнаментальная полоса шириной 2 см, заполненная плохо сохранившейся росписью в виде растительных побегов, оканчивающихся уже встречавшимися нам двойными пятнышками желтыми с зелеными или красным ободком. На фрагменте выпуклого тулова полоса подобного орнамента. На осколке округлого без поддона дна виден след тонкого черного рисунка подвешенная лампа должна была обозреваться и снизу. Эта лампа самая тонкостенная из рассматриваемых (рис. 1, ***6-8***).

Лампа N 5 (траншея N 1 1957 г., центральная часть городища). Найден обломок венчика, диаметр не установлен, толщина 5 мм.[9] По краю идет полоса эпиграфического орнамента шириной 2,5 см, выполненного синей и красной эмалью с золотом. Фон также позолочен (рис. 1, ***12***).

Кроме указанных найдено еще около 15 фрагментов венчиков. Высота одного из них 8 см. Другой фрагмент, утративший роспись, по толщине стекла и форме венчика должен относиться к лампе, но имеет очень маленький диаметр устья 10 см.

Найдены и другие части ламп, в частности, 4 фрагмента поддонов диаметром 12 см, высотой 1,5 см (раскоп XVII 1967 г.; XXIX 1969 г.; раскоп XXXV 1970 г.). Поддоны имеют петлевидный профиль, то есть выдуты вместе с основным резервуаром (рис. 1, ***4, 5***). Подобные низкие поддоны, наряду с более высокими, встречаются у арабских ламп (например, у одной, датируемой 1363 г.)[10]. Найдены также три ручки, круглые в сечении, из бесцветного стекла, по форме и размерам вполне подходящие к лампам (рис. 1, ***13-15***) (раскоп XXXV 1970 г.; траншея N 1 1957 г.). В собрании имеются два фрагмента шейки сосудов крутого перегиба от горла к тулову (раскоп XVII 1967 г.; раскоп XXXV 1970 г.), а также осколок плоского дна с переходом в округлое тулово.

Найдено много стенок ламп с остатками орнаментации: красной краской по позолоченному фону; сложный арабесковый орнамент, выполненный золотом; тонкий рисунок в виде полос белой краски, трубочек, внутри которых цветные пятна и т. д. Из-за плохой сохранности порежденного в огне стекла эти орнаментальные композиции не под-

даются анализу. Возможно, часть этих фрагментов относится к выделенным выше лампам, в частности, несколько стенок имеют узор в виде двойных пятнышек, как на лампах NN 2 и 4 (рис. 1, ***10, 11***).

Два обломка ламп из Болгара были изучены Ю.Л.Щаповой методом спектрального анализа[11]. Анализ выявил натриево-кальциево-магниево-алюминевый состав стекал, характерный для Византии, Египта, Ближнего Востока. Их отличает высокое содержание марганца и алюминия, что отмечалось Н.Н.Бусятской для подобных изделий из золотоордынских городов Нижней Волги как характерная черта исламских стекол XIII-XIV вв.[12]

Многочисленные находки ламп, имеющих прямые аналогии в музейных собраниях стран Средиземноморья, свидетельствуют об участии города Болгара к XIV началу XV в. в международной торговле. В свое время Б.А.Шелковников отрицал возможность перевоза хрупких стеклянных сосудов на большие расстояния в качестве товаров[13]. Однако последующее двадцатилетие дало большое число находок ближневосточных стекол в древнерусских городах и в центрах Поволжья. Видимо, привозные прозрачные, расцвеченные яркими эмалями сосуды стоили так дорого, что трудности их транспортировки окупались. Волжская Болгария, как один из древнейших районов мусульманства в Восточной Европе, укрепившийся в золотоордынский период, была заинтересована в получении из Сирии и Египта, помимо столовой посуды, роскошных ламп для украшения мечетей. Возможно, эти лампы использовались и в богатых домах золотоордынской знати.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Wiet M. Album du Musee Arabe du Caire. Cair, 1930.
Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого Минарета (по материалам раскопок 1967-1971 гг.) //СА. 1973. N 4. С.220.

3 Fyodorov-Davidov. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984. Т. 90, 10.
Хранится в ГМТР, без шифра.
Kahel E. Islamic Arts. L., 1970. P.XV

6 Theile A. Lesarts de l'afrique. Paris, 1963.
Хранится в БГИАЗ, инв N 3-2064, 2065, 2120.

8 Хранится в ГИМ, инв N 101624, оп.2063, N 17, 84, 96, 144, 156.

9 Хранится в ГМТР, инв. N Б-12109.

10 Wiet M. Album...

11 Анализы произведены на кафедре археологии истфака МГУ, пл.486:24,27. Приношу благодарность Ю.Л.Щаповой за консультации.

12 Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья XIII-XIV в.//Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.59. Табл.1, анализ 411:11,14.

13 Шелковников Б.А. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями //СА. 1965. N 1. С.214.

Список иллюстраций к статье М. Полубояриновой "Стеклянные лампы из Болгара"

Рис. 1 Форма и орнамент арабских ламп, найденных в Болгаре:
1-5 детали формы и декора лампы N 1; 6-8 детали формы и декора лампы N 4; 9 формы арабских ламп; 10-11 фрагменты венчика и тулова с обломками ручки лампы N 2; 12 фрагмент венчика лампы N 5; 13-17 фрагменты ручки и поддона

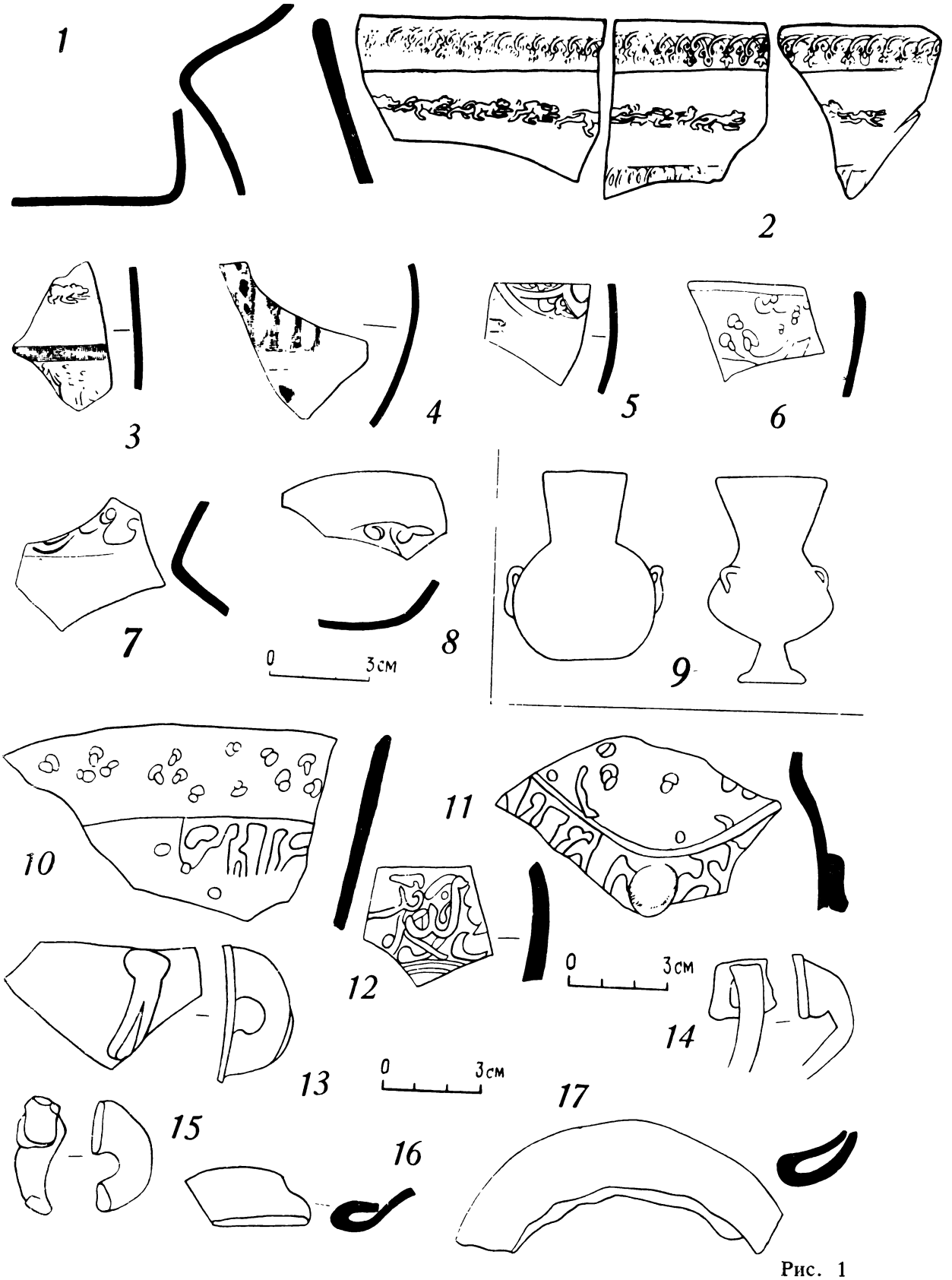


Рис. 1

Р. Рашев

К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае

Наименее изученными разделами ранней истории Дунайской Болгарии, созданной в 681 г., остаются общественная структура, хозяйство и материальная культура праболгар. В первую очередь это относится к тем группам ранних болгар, которые в VII в. селились в центральной части страны в столице Плиске и ее окрестностях.

По сведениям Анонимного болгарского летописца XI в., Плиска была основана ханом Аспарухом[1], однако культура этого города, относящегося к концу VII начала VIII вв., практически не известна археологам. К данному времени все исследователи безоговорочно относят только внешнее укрепление Плиски земляной вал и ров, хотя датирующего материала в ходе раскопок пока не получено[2].

Нижняя хронологическая граница массового археологического материала керамики как в Плиске, так и в других раннеболгарских поселениях и могильниках определяется VIII, чаще серединой VIII-IX вв.[3] Это совпадает с ранней датой керамики салтово-маяцкой культуры[4]. Отсутствие здесь более раннего керамического материала VII-VIII вв. (круглодонных амфор с белым ангобом как в Крыму или суд, как в Приазовье)[5] дает основание некоторым авторам предполагать, что в течение нескольких десятилетий после переселения на Балканский полуостров праболгары сохраняли кочевой образ жизни[6].

Сохранение кочевого или полукочевого образа жизни после переселения на новые земли традиционное явление для большинства тюркоязычных народов Евразии, что убедительно показано С.А.Плетневой[7]. Безусловно, темпы и продолжительность этого явления в разных частях евразийской степи были различными и зависели от тех или иных географических условий. В первую очередь это относится к Нижнедунайской равнине, ограниченной по своим размерам и, следовательно, мало пригодной для круглогодичного и сезонного кочевания больших коллективов. Не исключено, что это обстоятельство, наряду с культурным влиянием поселившихся здесь земледельцев славян, ускорило процесс оседания праболгар Аспаруха[8].

При отсутствии надежных критериев для датировки самых ранних керамических комплексов Дунайской Болгарии основной задачей археологов в настоящее время является поиск и исследование памятников начальных этапов праболгарской культуры, в первую очередь центральной части Плиски, где можно проследить этапы застройки города и создать относительную хронологию построек.

Именно здесь в 1981 г. нами был разбит раскоп, на площади которого были открыты и исследованы несколько строительных горизонтов и выявлены памятники, относящиеся к самому началу существования столицы Дунайской

Болгарии. Располагались эти сооружения между дворцовой церковью, дворцом и цитаделью, построенной в первой половине IX в.[9] В IX-X вв. это пространство было замощено кирпичом и оформлено как дворцовая площадь. Раскоп был условно поделен на восточную и западную части. Восточная часть включила пространство к северу и западу от дворцов. Здесь были обнаружены остатки большой деревянной постройки, основной своей частью находящейся под дворцами. Судя по размерам и расположению, можно предполагать, что это остатки дворца первых болгарских царей. В западной половине раскопа исследованы остатки двух жилищ — юрт.

Юрта N 1 расположена в южном конце раскопа (рис. 1, *2*). В плане это овальное жилище, составленное из двух неодинаковых половин, вытянутых по линии север-юг. Общая длина жилища 6,65 м. Размеры южной половины 4 х 4,25 м. Оно углублено необычным способом. Стенки ямы не вертикальные, а пологие, они постепенно опускаются к центру южной половины, где образуется горизонтальная площадка размером 2 х 2 м, с открытым очагом в центре (1,05 х 0,85 м). Здесь прослежен слой из серовато-черной земли, пепла и углей, перемешанный с мелкими кусками горелых костей овцы и крупного рогатого скота. Тут же расчищено несколько ямок от вертикальных деревянных кольев диаметром и глубиной 0,07-0,28 м. Ямки аналогичных размеров прослеживаются по восточной и южной стороне южной половины. Вход, по-видимому, находился на южной стороне. Около него во внутренности жилища прослежены ямы кольев, полудугой отделяющие нечто вроде небольшого вестибюля. Пол неровный, сильно утрамбованный, повсюду его поверхность обожжена. Обожжена до красного цвета и поверхность грунта вне ямы жилища с юга и востока. Вероятно, это следы пожара, уничтожившего строение.

Северная половина не отделена от южной порогом, пол находился на одном и том же уровне. Между частями жилища, вероятно, имелась легкая перегородка шириной 1,30 м, оформленная между двумя четырехугольными столбами, опущенными в пол на глубину 0,25 м и 0,30 м. Размеры этого отделения 2,65 м с севера на юг и около 3,40 м с востока на запад (западная половина разрушена). Центр разрушен глубокой ямой конца X — первой половины XI вв. Пол неровный, утрамбованный, обожженый пожаром. На полу найдены два фрагмента большого глиняного сосуда и части железных гвоздей (рис. 2, ***1, 2, 12-13***).

Одновременный обжиг пола и грунта вокруг жилища показывает, что уровень, на котором оно существовало (поверхность чисто гумусного слоя) является уровнем, на котором началась жизнь в центре Плиски. Яма жилища начинает опускаться в землю от этого горизонта и достигает максимальной глубины в 0,58 м на границе между двумя отделениями, т. е. она целиком была углублена в гумусе. Когда жилище забросили, яма была заполнена для нивелировки дворцовой площади чистой желтой глиной и покрыта кирпичной вымосткой. Поверх нее образовался культурный слой из материалов конца IX — середины XI вв. (рис. 1, *2* Б-Б1).

Нахождение периферии жилища на уровне древней дневной поверхности дает некоторое основание для определе-

ния строения как наземного. В то же время оно углублено (напомним пологость стен ямы), и корытообразная форма позволяет определить жилище как смешанный, переходный тип. Это отличает его как от известных до сих пор юрт приазовско-донского варианта салтово-маяцкой культуры, так и от раскопанных в Болгарии юрт, пол которых всегда горизонтальный, а стенки ям вертикальные[10]. По классификации С.А.Плетневой мы должны отнести это жилище к двукамерным восьмеркообразным юртам I типа, но глубоко опущенная центральная часть связывает его с юртами II типа[11]. Самая близкая аналогия плискинской юрты по форме и размерам одна из юрт Правобережного Цимлянского городища[12].

Юрта N 2 расположена в 19 м к югу от южного входа цитадели В (рис. 1, *I*). Она тоже была построена на уровне древнего гумусного слоя. Его мощность в центре Плиски 0,50-0,60 м. Ямы, которые очерчивают форму постройки, целиком прорезают этот слой и углубляются в материк. До наших исследований гумусный слой, частично нарушенный поздними сооружениями, был снят в 1980 г. на глубину до 0,40 м, но остатки постройки тогда не были замечены. Нашей зачисткой достигнутого уровня выявлены следы пола, очага или печи, которые можно связать с постройкой.

В плане остатки постройки представляют собой два концентрических круга ям, в которых ставились вертикальные деревянные столбы круглого сечения (рис. 1, *I*). В центре расположена большая яма элипсовидной формы с длинным "хвостом". Ее глубина от уровня строительства 1,80 м (далее все глубины даются от этого уровня). В ней были открыты остатки двух, плотно прижатых один к другому, деревянных столбов диаметром 0,20 м, укрепленных выше дна квадратными кирпичами V-VI вв. На поверхности одного кирпича читается имя DVLES. Очень много подобных кирпичей найдено во время раскопок позднеантичной крепости у с. Войвода, в 6 км от Плиски, откуда они были перенесены и использованы в ранних постройках дворцового центра.

Вокруг центрального столба прослеживаются овальные и четырехугольные ямы максимальными размерами 1,50 х 0,80 м, которые очерчивают контур внутреннего круга. Почти по всей периферии они образуют двойной ряд. Ямы заполнены перемешанной, утрамбованной желтовато-черной землей. Их глубина 1-1,20 м, диаметр деревянных столбов 0,15-0,20 м, диаметр внутреннего круга 7,80-8 м.

Внешний круг диаметром 13-14 м составлен ямами неправильной формы, изолированными или соединенными между собой. Они тоже были заполнены перемешанной, сильно утрамбованной землей. Заполнение некоторых ям не было целиком выкопано нами, чтобы сохранить форму гнезд деревянных столбов. Глубина ям не превышает 2,05 м. Некоторые столбы достигали дня, другие стояли выше, на 0,40-0,50 м от дна, и опирались на хорошо утрамбованную насыпную земляную основу (в некоторых случаях на куски кирпичей). Не везде гнезда столбов прослеживаются с достаточной уверенностью, но некоторые из них можно считать бесспорными по наличию кирпичных "подушек" Диаметры столбов разные от 0,25 до 0,50 м, расстояние между ними 1-2 м.

На южной стороне внешнего круга несколько ям образуют четырехугольник размерами 6,50 х 4,50 м, выступающий за круглый контур постройки. Вероятно, это вход. Перед ним прослеживается такое же по размерам пространство, а далее на юг, по линии восточного ряда ям, расположены еще три ямы. У крайней западной из них находится еще одна яма, которая лежит на линии западного ряда ям. Симметрия ям, очерчивающих эти параллельные ряды, нарушена в западном ряду, где одна яма была уничтожена располагавшимися здесь более поздними сооружениями. Глубина ям невелика - 0,80-1 м. Вероятно, столбы оформляли длинный парадный ход.

К конструкциям вне постройки относились и столбы, поставленные в ямах, образующих симметричные полудуги с востока и запада. Глубина ям доходит до 1,70 м. Они соединяются с ямами, очерчивающими вход. По-видимому, эти полудуги лестницы или рампы, которые вели к прямоугольному входу, а затем в постройку. Они показывают, что пол входа, как и самой постройки был приподнятым над поверхностью земли. Так как длина лестниц около 12 м, можно считать, что высота пола была не меньше 1,5 м. Вероятно, этим фактом надо объяснять отсутствие следов пола на уровне дневной поверхности или ниже ее, следов очага и печи. Остатки третьей, более короткой лестницы располагаются у северозападной стороны внешнего круга. Не исключено, что ее начало находится под еще не снятыми большими каменными плитами более поздней дороги (от цитадели ко дворцу Б).

С северо- и юго-запада вокруг постройки открыты еще несколько ям. По-видимому, они принадлежат к другим постройкам, план которых пока не выяснен.

В заполнении ям найдены предметы (рис. 2, ***3-11***), негорелые кости свиньи, овцы и козы, крупного рогатого скота, зайца и диких птиц. Найдены также 53 керамических фрагмента: два от кухонного горшка (рис. 2, ***14, 15***), 16 от одноручных кувшинов из серой глины (рис. 2, ***16***) и 35 от кувшино из хорошо отмученного теста, некоторые покрыты красным ангобом (рис. 2, ***17-18***). Такие группы керамики (29 фрагментов) были открыты в ненарушенном культурном слое рядом с постройкой, перекрытом кирпичной настилкой (рис. 2, ***20-25***). Этот слой образовался в VIII IX вв., так что нельзя считать, что керамика относится только ко времени существования юртообразной постройки до сооружения настилки здесь несколько десятилетий функционировали дворцы А и Б. В целом на основании стратиграфической ситуации постройки можно датировать периодом не позднее середины VIII в.

Нам еще предстоит восстановить предполагаемый вид постройки с учетом всех конструктивных и архитектурных данных, поэтому сейчас можно только в самых общих чертах представить ее устройство. Вероятно, внутренний круг столбов не выступал выше уровня пола, о чем можно судить на основании того, что здесь глубина ям и диаметр столбов меньше по сравнению с ямами и столбами внешнего круга. Он являлся оплотом пола, и таким образом внутренность постройки была целиком

свободной, только центральные столбы возвышались до уровня крыши, опирающейся еще на столбы внешнего круга. С юга был оформлен длинный 15-метровый парадный проезд, завершающийся прямоугольным входом. Ко входу вели две лестницы (рампы) с востока и запада. В постройку можно было попасть и с северо-запада, где располагалась маленькая лестница, предназначенная, по всей вероятности, для владельца постройки (подобным образом располагались и входы верхнего этажа дворца Б). Большие размеры постройки, солидная конструкция и сложное оформление подходов дают основания предположительно определить ее как официальный или жилой дворец одного из первых болгарских ханов.

Насколько нам известно, только раскопанная Л.Р.Кызласовым юрта в древнетюркском поминальном комплексе у пос. Сарыг-Булун в Туве напоминает по своей конструкции ту, что найдена в Плиске[13], а сложный план плискинской постройки позволяет считать ее уникальной. В этой связи особый интерес вызывает рисунок времени китайской династии МИН (XIV-XVII вв.) в свитке из музея г. Нанкина, содержащем описание путешестия Цай Вень цзи к гуннам[14]. На нем изображены ханская юрта с прямоугольным входом и большим парадным пологом. Эти детали сближают ее с плискинской юртой и указывают на возможно более раннее происхождение подобного оформления парадного входа ханских юрт. На другом рисунке показана та же юрта в ином ракурсе и расположенная недалеко обычная юрта как и в Плиске.

Раскопки юрт в центре Плиски открывают новую страницу ранней истории не только столицы, но и дунайских праболгар в целом. Уже нет сомнения, что до начала монументального каменного строительства (не раньше конца VIII в.) центр столицы состоял из обычных юрт и юртообразных построек, сохраняющих традиции исконного кочевого жилища. Сооружение стационарных построек показывает, что еще в первые десятилетия VIII в. праболгарская знать перешла к оседлому образу жизни (о чем свидетельствует и состав домашних животных), формировалась постоянная резиденция хана. Очевидно, в то же время она была укреплена. Остатки оборонительного сооружения того времени (не позднее середины VIII в.) были открыты экспедицией под руководством С.А.Плетневой[15]. Сооружение составлено двумя параллельными траншеями, заполненными рыхлой землей и камнями. Предполагается, что они служили фундаментом для наземных белокаменных панцирей. Не исключено, что в траншеях были расположены деревянные столбы, образующие панцирь для земляной забутовки стены. По времени сооружения и технике строительства это оборонительное сооружение можно связывать с постройкой резиденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 382.

[2] Рашев Р. Земленото укрепление на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 4, 1985. С. 7-15.

[3] Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средневековие (втората половина на VI - края на X в.). София, 1977.

[4] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 103 и сл., 143.

[5] Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслa. Т.2. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. София, 1981. С. 57 - 61; Плетнева С.А. От кочевий к городам... С.104.

[6] Березовец Д.Т. Сло'яне и племена салтівской культуры // Археологія, Киев, XIX, 1965. Т.XIX. С.65-66; Плетнева С.А., Русанова И.П. Рец. на кн.: Въжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в българските земи. София, 1965 // СА. 1966. N 3. С. 278-279; Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 27.

[7] Плетнева С.А. Кочевники средневековья... Станилов С. Към въпроса за заселането на прабългарите на юг от Дунав // Плиска-Преслав. Т.2. 1981. С.55; Он же. Селища и аули (Някои въпроси за преселването и усядането на прабългарите на Долния Дуна VII-VIII вв.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С.101-103.

[9] Ваклинов Ст. Формиране на старобългарската култура VI-XI в. София, 1977. С.85.

[10] Милчев Ат., Ангелова Ст. Разкопки и проучвания в м. Калето край с. Нова Черна, Силистренски окръг през 1968 г. // Археология, София, 1970. N 1. С.31-34. Рис.6; Димитров Д. Ил. Принос към изучаване на старобългарското жилище в Североизточна България // Известия на народния музей Варна X(XXIV), 1973. С.101-108; Въжарова Ж. Славяни и прабългари (тюрко-българи) в сетлината на археологическите данни // Археология, София, 1971. N 1. Рис. 13, б.

[11] Плетнева С.А. От кочевий к городам... С.52.

[12] Там же. С. 53. Рис. 1, 5.

[13] Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 33. Рис. 7

[14] Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. N 4. С. 55-57. Рис. 5, а, б.

[15] Плетнеа С.А. Работа Соетско-Болгаро-Венгерской экспедиции в СССР и Болгарии (1975-1982) // КСИА. 1984. N 180. С. 17-18.

Список иллюстраций к статье Р. Рашева "К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае"

Рис. 1 Плиска. Раскоп 1981 года:

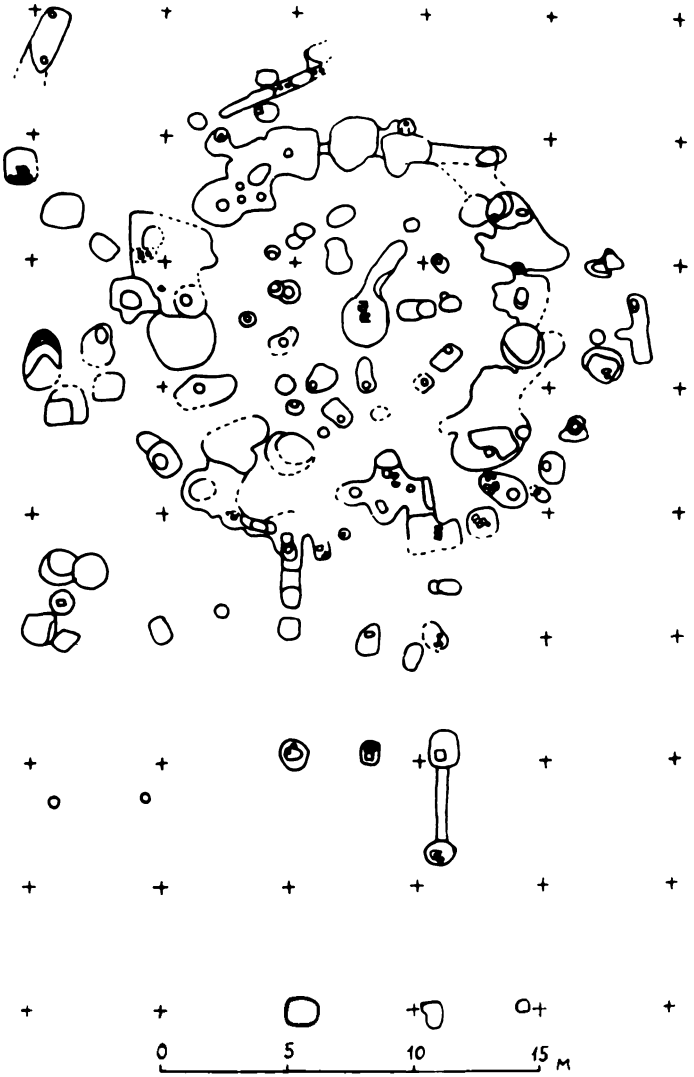
1 план юрты N 2 (вид с севера); 2 план восьмеркообразной юрты (N 1) (вид с севера)

Условные обозначения:

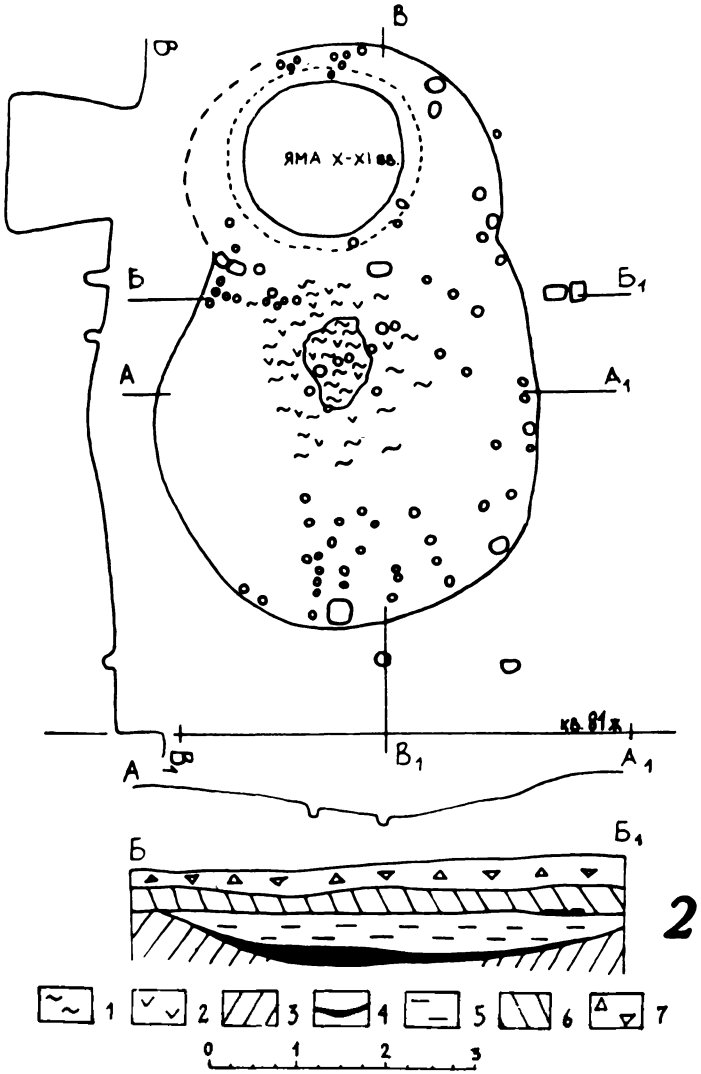
1 зола; 2 уголь; 3 гумус; 4 серовато-черная земля с золой и углем на полу юрты; 5 желтая глина; 6 культурный слой конца? XI веков; 7 строительный мусор.

Рис. 2 Плиска. Находки в раскопе 1981 г.:

1, 2, 12, 13 вещи и керамика, найденные на полу юрты N 1; 3-11, 14-19 вещи и керамика из заполнения ям; 20-25 керамика из культурного слоя под кирпичной настилкой; 1, 2, 4, 5, 8-11 железо; 3 кость; 6 бронза; 7 медь; 12-25 керамика



1



2

Рис. 1

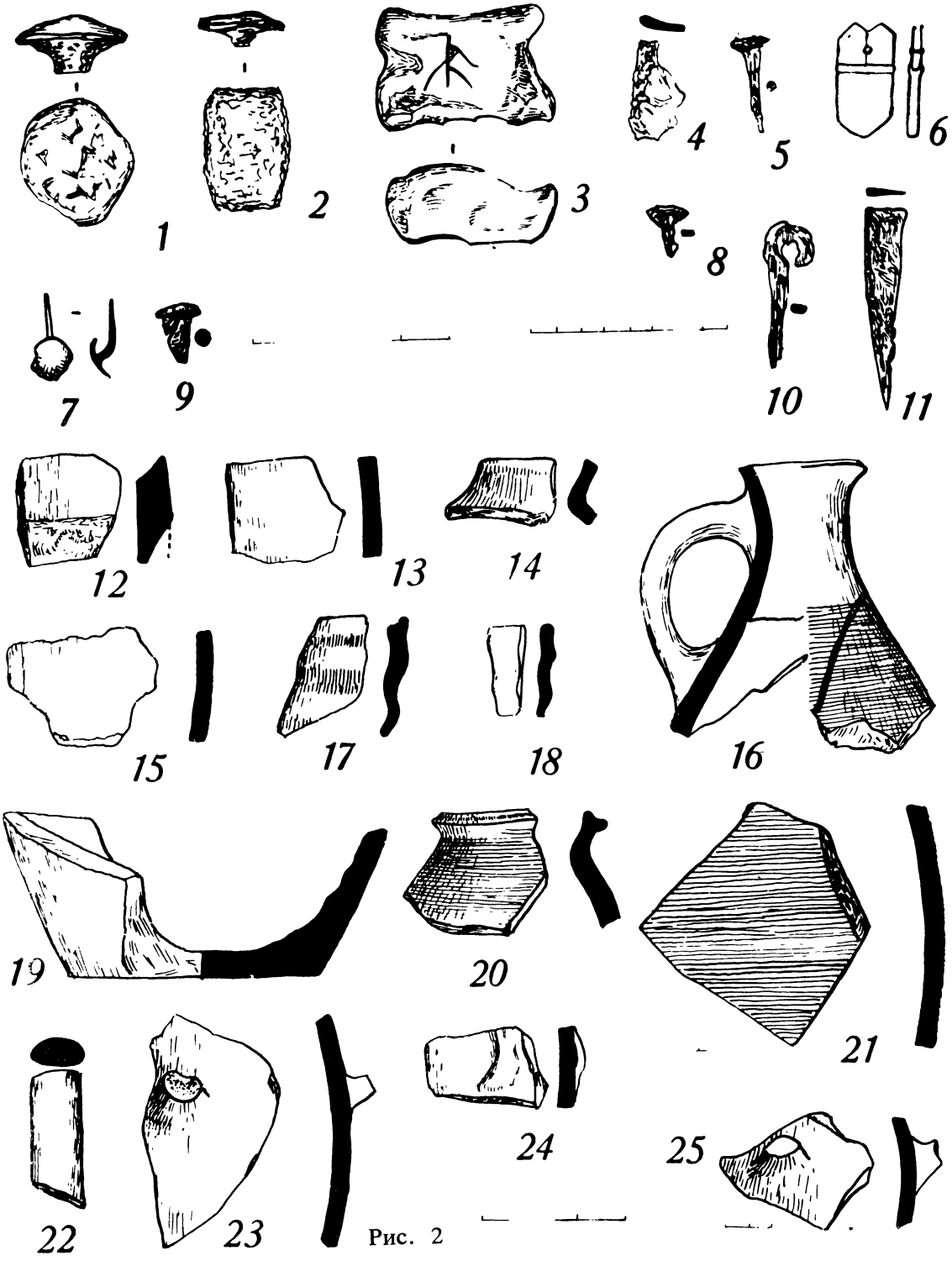


Рис. 2

Ю.Семыкин

Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника

В 1959-1960 и 1969 годах у д. Тураево Елабужского района ТАССР В.Ф.Генингом был исследован уникальный для Прикамско-Приуральского региона курганный могильник, содержащий богатые захоронения военачальников V в. н. э.[1] Этнокультурная принадлежность этого могильника до сих пор является предметом дискуссий: В.Ф.Генинг трактует "тураевцев" как одну из этнокультурных групп западносибирского происхождения, вовлеченную в конце IV в. н. э. гуннами в их поход на запад, но затем оторвавшуюся и ушедшую на север, в Нижнее Прикамье; А.Х.Халиков, первоначально связывавший "тураевцев" с кочевниками Южной Сибири и севера Средней Азии, в настоящее время определенно отождествляет их с южноуральскими племенами гунно-протоболгар, которые в начале V в. продвинулись в Прикамье и, вступив в контакт с остатками гляденовского (прапермского) населения, заложили основу формирования ломоватовской культуры. Именно с "тураевцами" исследователь связывает начало первого этапа тюркизации Прикамья[2]. Г.И.Матвеева аналогии погребальному обряду Тураевских курганов находит в княжеских курганах пшеворской культуры, отмечая при этом хронологическую и культурную близость между тураевским и именьковским населением[3].

Дополнительный материал для решения этнокультурной принадлежности Тураевского могильника может быть получен в результате технологического анализа кузнечных изделий памятника, в том числе и с целью определения уровня развития черной металлообработки у оставившего его населения. Наиболее объективную информацию дают методы микроструктурного металлографического исследования[4].

В погребениях Тураевского могильника собрана богатая коллекция предметов вооружения: мечи, топоры, кинжалы, наконечники копий, шлем и щит. Особенно примечательны великолепием техники изготовления и изяществом отделки меч из кургана V и шлем из погребения 1а кургана VII.

Уже поверхностный визуально-морфологический анализ шлема дает основание утверждать, что мастера, его изготовившие, в совершенстве владели приемами свободной кузнечной ковки, используя при этом набор специальных инструментов: кузнечный горн, кувалду, молот-ручник, оправки, клещи, наковальню, матрицы, зубило, пробойники, калибра-волочила для получения железной проволоки, напильники и, возможно деревянные клиновые зажимники как тиски.

Стратиграфический и типологический анализ отдельных погребений Тураев-

ского могильника позволил В.Ф.Генингу уточнить их абсолютную хронологию, в результате чего шлем из кургана VII отнесен исследователем к первой четверти V в. н. э., а меч из кургана V ко второй четверти V в.[5] Эти изделия, разделенные во времени, объединены одним декоративным элементом: узором в виде ступенчатых пирамидок на шлеме и ножнах меча. Сохранение этих элементов декора на всем протяжении первой половины V в. свидетельствует, на мой взгляд, о существовании в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. самостоятельного центра черной металлообработки. Причем, судя по высокому уровню обработки кузнечной продукции, внутри этого центра произошло отделение металлургического ремесла от металлообрабатывающего и выделилась самостоятельная профессия кузнецов-оружейников, работавших на заказ для родоплеменной знати. Не исключено, что кузнецы-оружейники были одновременно и ювелирами. Эти выводы результат визуально-морфологического анализа некоторых кузнечных изделий Тураевского могильника, исследование же технологии кузнечного ремесла невозможно без металлографического анализа железных предметов.

Для такого анализа была отобрана небольшая коллекция изделий, состоящая из четырех топоров, кинжала, двух резаков-кос и одного предмета неопределенного назначения (рис. 1, ***6***). Металлографические исследования проводились по методике, разработанной Б.А.Колчиным и применяемой в лаборатории металлографии ИА РАН. Все анализы были выполнены в археологической лаборатории Ульяновского Государственного педагогического института на металломикроскопе МИМ-7, бинокулярной лупе МБС-9 и микротвердомере ПМТ-3.

Металлографический анализ предметов показал, что кузнецы, изготовившие железные изделия из Тураевского могильника, пользовались четырьмя различными технологическими схемами (табл. 1): ковка из цельностальной заготовки; пакетование заготовки из стальных и железных полос; наварка стальной пластины (с одной или двух сторон) на железное тело изделия; изготовление изделия по схеме, близкой к технологии трехслойного пакета с той разницей, что здесь воедино сварены одна высокоуглеродистая в центре и две неравномерно науглероженные пластины по краям.

Топоры относятся к типу узколезвийных проушных (рис. 1, ***1-4***). На топорах NN 1, 3 и 4 щековицы не выделяются, а на топоре N 2 они имеют несколько расширенную форму. Обушок у топоров округлый.

Тщательный визуальный анализ топоров позволил проследить два основных технологических способа формовки их тела. При одном из них лезвие топора ковалось из отдельного бруска и приобретало форму клина, затем к лезвию способом кузнечной сварки приваривалась дугообразная пластина. Таким образом получался обух топора. Отличительный признак топоров, изготовленных указанным способом плоский срез в верхней части клиновидного лезвия. Из топоров тураевской коллекции таким способом изготовлены топоры NN 2, 3, 4. В целом же в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, как показывают результаты металлографического анализа, указанный способ ковки топоров был присущ именьковским мастерам[6].

Другой способ ковки топоров заключался в вытяжке из одного бруска всего тела инструмента, затем предварительно подготовленную пластину перегибали на специальной оправке и сваривали сомкнутые края. По такой технологии был откован топор N 1. Отличительный признак таких топоров отсутствие в нижней части проушного отверстия плоского среза. Низ отверстия имеет в этом случае каплевидную форму.

Собственно металлографический анализ показал, что рабочие части лезвий топоров изготавливались по трем различным технологиям. На топоре N 1 лезвие отковано по технологии, близкой к трехслойному пакету (рис. 1, *1*). При этом в сердцевину лезвия кузнец поместил высокоуглеродистую стальную заготовку, а по бокам приварил неравномерно науглероженные стальные полосы. Конечной операцией при изготовлении этого топора была резкая закалка в холодной воде, в результате которой на кончике лезвия образовалась крупноигольчатая мартенситовая микроструктура с микротвердостью 724 кг/мм^2. Микротвердость феррито-перлитовых участков на боковых пластинах колеблется в пределах 180-254 кг/мм^2. Сварочные швы между зонами различных микроструктур слегка засорены узкими шлаковыми включениями.

Топор N 2 изготовлен в технологии пакетования полос кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали. Металл сильно засорен шлаковыми включениями. Микротвердость крупнозернистого феррита составляет 221 кг/мм^2, а мелкозернистой феррито-перлитовой структуры колеблется в пределах 254-274 кг/мм^2. Интересно, что на режущую грань лезвия топора сознательно выведена наиболее богатая углеродом зона с зернистым перлитом.

Из цельностальной заготовки откован топор N 3. Микротвердость равномерной феррито-перлитовой микроструктуры на основном поле шлифа составляет 274-297 кг/мм^2. А вот на кончике режущей части лезвия топора наблюдается сорбитообразная структура с микротвердостью 322 кг/мм^2. Конечной операцией при изготовлении этого топора, вероятно, была мягкая закалка. Топор N 4 по данным металлографического анализа откован из цельностальной высокоуглеродистой заготовки, в свою очередь, сваренной из двух отдельных пластинок. Операция кузнечной сварки, однако, в данном случае была проведена некачественно, поэтому сварочный шов разошелся. Качество проковки металла было низким, на поле шлифа наблюдаются многочисленные шлаковые включения. Микротвердость феррито-перлитовой структуры составляет 254-274-322 кг/мм^2. Закалке топор не подвергался.

Кинжал N 5 с широким черешком, прямой спинкой лезвия и резким переходом от лезвия к черешку по данным металлографического исследования целиком откован из высокоуглеродистой стальной заготовки и подвергнут резкой локальной закалке. На режущей грани лезвия ножа расположена мелкодисперсная артенситовая микроструктура с микротвердостью 724-824 кг/мм^2. Выше к спинке лезвия мартенсит переходит в перлит с микротвердостью 274-297 кг/мм^2 (рис. 1, *5*).

Не ясно назначение предмета N 6 (рис. 1, *6*). В Тураевском могильнике было обнаружено три аналогичных

предмета. Внешне они напоминают узколезвийные топоры именьковской культуры, но те меньше размерами, да и проушная часть у них сомкнута. В.Ф.Генинг отмечает, что низ у пластин не имеет заострения, как у лезвия. Отдаленную аналогию этим предметам можно найти на Лбищенском городище, расположенном на Самарской Луке[7].

Металлографический анализ предмета N 6 показал, что он изготовлен в технологии наварки на железную основу высокоуглеродистой стальной пластины. Сама основа, в свою очередь, сварена из нескольких отдельных полосок железа. Микротвердость ферритовой микроструктуры составляет 181-193 кг/мм^2. А в наварной стальной пластине наблюдается микроструктура перлита с эвтектоидной концентрацией углерода. По краям зерен перлита наблюдается светлая сетка цементита железа. Микротвердость перлита составляет 322 кг/мм^2. Операция кузнечной сварки была выполнена на невысоком уровне, о чем свидетельствуют сварочные швы, засоренные узкими шлаками.

Наварка такой высокоуглеродистой полоски металла на железное тело изделия требует своего объяснения. Отвергая по указанным причинам гипотезу о применении предмета N 6 в качестве режущего и рубящего инструмента, можно предположить, что он мог использоваться как кресало архаичной формы. А придание ему топоровидной формы может объясняться причинами сакрального характера. Этими же причинами, вероятно, можно объяснить топорообразную форму славянских гривен из Словакии, чрезвычайно напоминающую вытянуто-узколезвийные топоры именьковской культуры.

Два экземпляра обоюдоострых резаков из Тураевского могильника определяются В.Ф.Генингом как косы для подрубания травы (предметы NN 7 и 8). С подобным функциональным определением этих орудий вполне можно согласиться так же, как и с его вариантом реконструкции крепления рукояти.

Микроструктурное исследование показало, что лезвие резака N 7 целиком отковано из высокоуглеродистой стали и закалено на мартенсит. Микротвердость мелкоигольчатого мартенсита составляет 464-514-642 кг/мм^2. На лезвии резака N 8 наблюдается феррито-перлитовая микроструктура с неравномерным содержанием углерода. При изготовлении предмета воедино были сварены несколько полосок неравномерно науглероженных заготовок с микротвердостью феррито-перлитовой микроструктуры от 221 до 274 кг/мм^2. В центральной части шлифа наблюдается мелкозернистый феррит, а на режущей кромке лезвия микроструктура зернистого перлита. Эту технологическую схему можно определить как наварку стальных пластин на железную основу изделия. Не исключено, что здесь конечной операцией была термическая операция нормализации.

Таковы результаты металлографического исследования небольшой коллекции кузнечного инвентаря из Тураевского могильника. Небольшой объем исследованной коллекции ограничивает наши выводы. Как уже было отмечено, в первой половине V века н. э. на территории Нижнего Прикамья в связи с приходом сюда тураевской племенной группы, вероятно, сложился оригинальный, самостоятельный центр по черной металлообработке. В связи со слабой изученностью памятников тураевского

типа пока нет данных о развитии собственной черной металлургической базы у тураевских племен. Но высокий уровень развития кузнечного ремесла дает основание предположить, что в этом металлообрабатывающем центре обработкой металла, особенно изготовлением предметов вооружения, занимались специализированные мастера.

Основным поделочным материалом для тураевских кузнецов было кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь. Эти кузнецы прекрасно освоили приемы свободной горячей ковки, кузнечно-слесарные операции: пробивку, обрубку, осадку железа, опиловку его напильником, волочение.

Для соединения деталей из железа или из железа и меди тураевские мастера применяли клепку, но значительно чаще кузнечную сварку. Причем сварные изделия оказываются подчас с браком, что свидетельствует о недостаточно глубоком освоении мастерами этого технологического приема.

Судя по коллекции, для изготовления орудий труда тураевские кузнецы чаще использовали цельностальные, насквозь процементированные заготовки (5 предметов из 8), тогда как по технологии пакетного металла, трехслойного пакета и наварки стальной полосы на железную основу изготовлено по одному экземпляру.

Для повышения прочности орудий со стальными структурами предпочиталась резкая закалка (3 изделия из пяти), мягкая закалка и нормализация зафиксированы по одному экземпляру.

Сравнение результатов металлографического анализа изделий из Тураевского могильника с результатами такого же анализа железных изделий зарубинецкой, пшеворской, черняховской, древнемордовской и именьковской культур (данные о технологии кузнечных изделий более близких к Тураевскому могильнику по территории и хронологически памятников Приуралья и Западной Сибири пока не опубликованы) показывает, что наибольшую близость тураевские кузнечные изделия обнаруживают с изделиями именьковских и черняховских кузнецов. Их роднит (одновременно отдаляя от более примитивных технологически пшеворских, древнемордовских и зарубинецких изделий) использование процементированных заготовок, поковка изделий из сильно засоренных шлаками железа и сырцовой стали, термическая обработка стальных изделий.

Приведенные данные позволяют предполагать наличие в середине I тыс. н.э. в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье двух металлообрабатывающих центров - именьковского и тураевского, с достаточно высоким технологическим уровнем. Не исключено, что технологическая близость тураевского и именьковского металла объясняется этнокультурной близостью этих групп населения Волго-Камья I тыс. н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 18.

[3] Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 166.

[4] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.;Л., 1948; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953.

[5] Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 108.

[6] Старостин П. Н., Хомутова Л. С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. N 3. С. 211.

[7] Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 143. Рис. 7.

Список иллюстраций к статье Ю. Семыкина "Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника"

Рис. 1 Топоры и кузнечные изделия из Тураевского могильника и технологические схемы их изготовления

Рис. 2 Микроструктуры кузнечных изделий Тураевского могильника:
1 ан. 6 х 250; 2 ан. 8 х 125; 3 ан. 3 х 250; 4 ан. 6. Перлит, эвтектоид х 250; 5 ан. 2. Крупнозернистый феррит, шлаки. х 125; 6 ан. 2. Зернистый перлит, шлаки. х 250; 7 ан. 7б. Мелкоигольчатый мартенсит. х 250; 8 ан. 5 Троостит. х 250

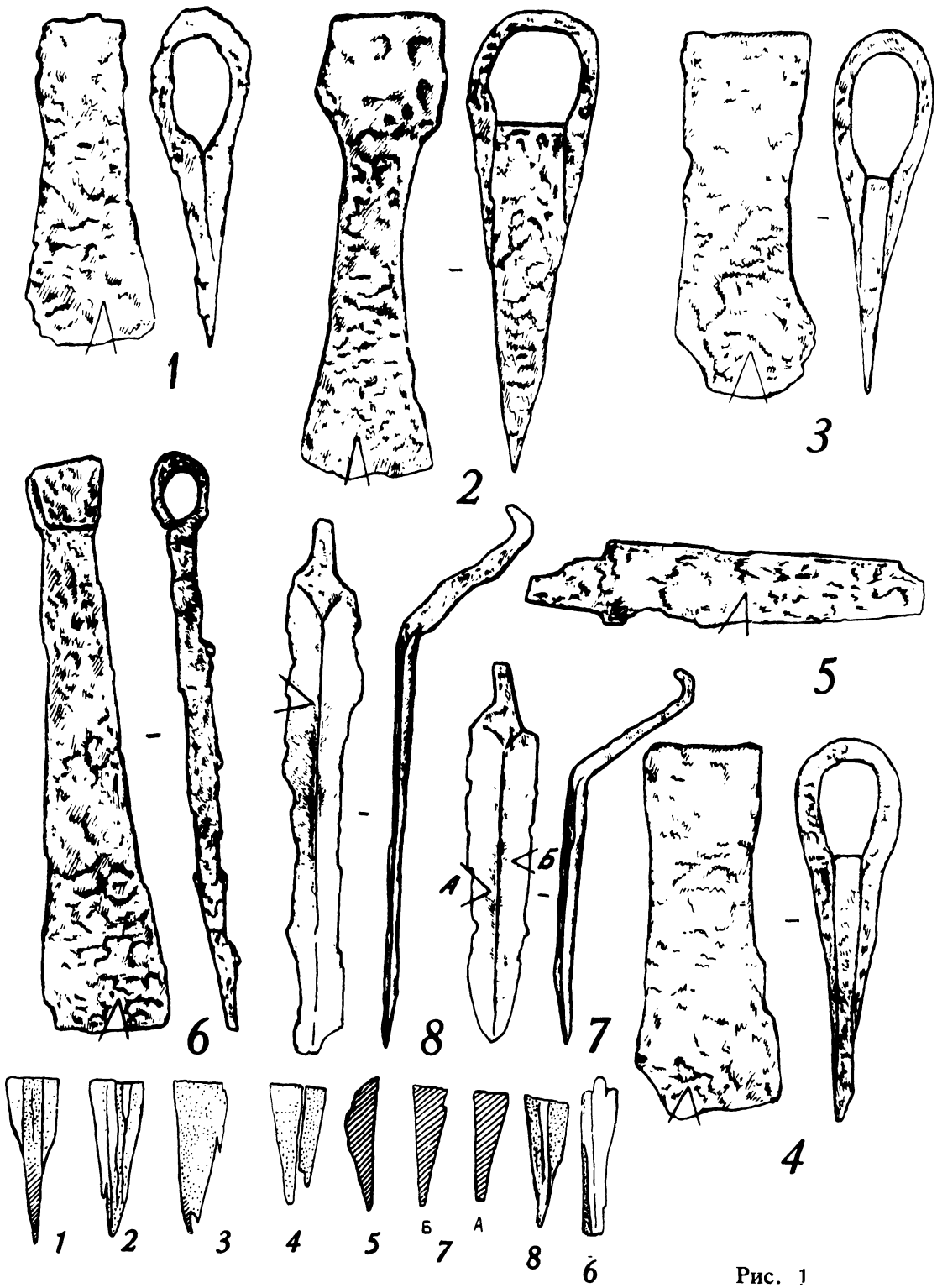
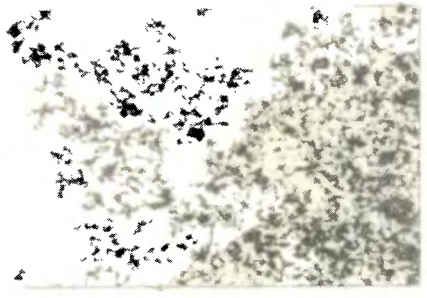


Рис. 1

1

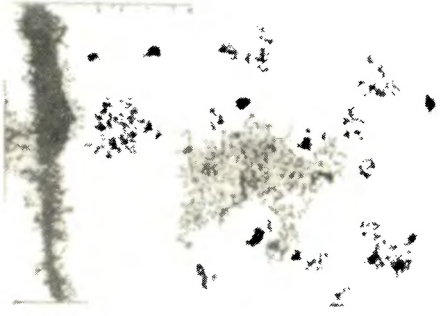
4



2

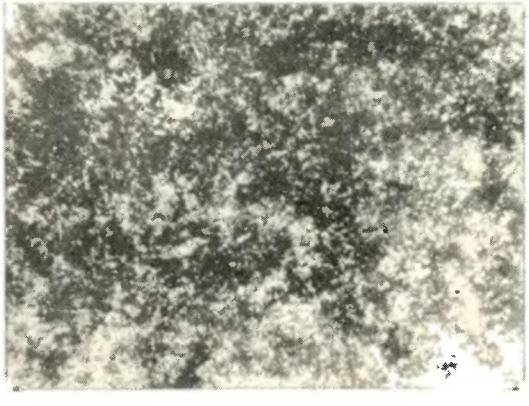
5

3



6

7



8

Рис. 2

Таблица I.

Технологические схемы кузнечных изделий из Тураевского могильника.

№ анализа	категория предмета	паспортные данные						
I	топор	КУРГАН V			+			+Ⓟ
2	топор	КУРГАН V		+				
3	топор	КУРГАН VII, погр. 1А.	+					+ Ⓜ
4	топор	КУРГАН V	+					
5	кинжал		+					+ Ⓟ
6	кресало (?)	КУРГАН V					+	
7	резак	КУРГАН V	+					+ Ⓟ
8	резак	КУРГАН VII, погр. 1Б.				+		+ Ⓗ
В С Е Г О			4	1	1	1	1	5

 – железо; –сталь; –закалённая сталь. Ⓜ– мягкая закалка; Ⓟ – резкая закалка; Ⓗ – нормализация.

Рис. 3

Ф. Сунгатов

Керамика Дежневских курганов

Турбаслинская культура выделена Н.А.Мажитовым в 60-е годы[1]. Им же была дана классификация и суммарная характеристика керамики турбаслинской группы, куда включен и материал Дежневского курганного могильника. Всего он выделил 12 типов сосудов[2]. Выделение их вызвало возражение В.Ф.Генинга. По его мнению классификация была проделана далеко не безупречно, по разным критериям: в одних случаях по форме, в других по размерам или орнаментации[3]. Однако В.Ф.Генинг не приводит развернутой аргументации в пользу своего возражения. В другой работе он отмечает, что основной тип сосудов (турбаслинский) выделен хорошо. К их числу им отнесены сосуды, изготовленные из глины с примесью песка, с хорошо обработанной поверхностью, темно-красного или коричневого цвета, имеющие округлое дно (реже уплощенное), шаровидное или вытянуто-яйцевидное тулово, в основной массе лишенные орнамента[4]. Остальные типы сосудов турбаслинской группы В.Ф.Генинг относит к разным археолого-этническим типам (АЭТ), которые связываются им с населением различного этнического происхождения[5]. По его подсчетам во всех без исключения памятниках сосуды турбаслинского типа встречаются вместе с сосудами других типов и, как правило, не составляют большинство. Так, из 32 сосудов Дежневских курганов, опубликованных Н.А.Мажитовым, В.Ф.Генинг только 8 отнес к турбаслинскому типу. Исходя из этого им сделан вывод о неправомерности отнесения могильника, наряду с другими, к турбаслинской культуре[6]. Однако цифровые данные В.Ф.Генинга вряд ли точны, так как Уфимские и Дежневские курганы им рассматриваются как два различных могильника, в то время как они являются одним памятником.

Статья посвящена типологическому анализу керамики Дежневских курганов, найденной в ходе раскопок в 1989-1990 гг. Типологический анализ проведен с учетом характерных признаков сосудов (математических показателей), полученных через ряд промеров их параметров и индексов[7]. Коллекция незначительна по количеству, но разнообразна по числу представленных форм. На могильнике обнаружен 21 глиняный сосуд, 14 из них имеют хорошую сохранность. Форму же 7 разбитых сосудов можно восстановить полностью, что делает их пригодными для статистической обработки. 8 сосудов орнаметированы, 3 украшены серебряными обкладками, остальные без орнамента.

Сравнительно тонкостенные сосуды (3-4 мм) составляют среди найденных 32 %, толстостенные (5-6 мм) - 68%. Для последних характерны довольно большие размеры. Внешняя поверхность большинства сосудов хорошо заглажена и доведена до лощения. Встречаются сосуды с шероховатой неровной поверхностью. Внутренняя сторона во всех сосудах более грубой обработки и сохраня-

ет штриховые полосы заглаживания.

Посуда изготовлена из глины с добавлением в тесто различных примесей. Чаще всего в качестве отощителя использованы мелкозернистый, реже крупнозернистый песок, шамот и растительные остатки.

Ниже приводим описание 5 типов выделенных сосудов.

Тип 1 5 экз. Плоскодонные неорнаментированные сосуды. Вариант А (рис. 1, ***2, 3***). Сосуды средних пропорций (ФА=0,94-1,00), низко и широкогорлые (ФБ=1,00-1,44; ФВ=0,66-0,75), шейки слабопрофилированные (ФГ=0,33-0,50), тулова округлые (ФД=0,86-0,92), плечики средней высоты или высокие (ФЕ= 0,37-0,70), слабовыпуклые (ФЖ=0,50-0,57), средне- или широкодонные (ФИ=0,37-0,61). Разновидностью данного варианта является сосуд (рис. 1, ***1***), имеющий небольшие размеры, но не отличающийся по указателю параметров от вышеописанных.

Вариант Б (рис. 1, ***6, 7***) отличается от варианта А лишь орнаментом из косых насечек или треугольных вдавлений по краю венчиков. Характеризуется такими же параметрами, что и вариант А, за исключением высотного указателя тулова (ФД=0,75-0,82 тулова приплюснутые).

Тип 2 2 экз. Круглодонные сосуды, орнаментированные ямочными наколами по всему тулову. Сосуды (рис. 1, ***4, 5***) имеют средний или низкий высотный указатель (ФА=0,77-0,92), низкие и широкие горловины (ФБ=0,83-1,00; ФВ=0,85-0,92), среднепрофилированные шейки (ФГ=0,33-0,45), приплюснутые тулова (ФД=0,61-0,85), высокие или средней высоты и слабовыпуклые плечики (ФЕ=0,37-0,60; ФЖ=0,50), средней ширины или узкое дно (ФИ=0,81-1,30).

Тип 3 3 экз. Плоскодонные неорнаментированные сосуды со средней высотой 23 см. Вариант А (рис. 1, ***12, 13***). По высотному указателю сосуды средних пропорций (ФА=1,00-1,10), с высокой или средней ширины горловиной (ФБ=3,33-4,23; ФВ=0,52-0,55), со слабо профилированной шейкой (ФГ=0,18-0,25), округлым туловом (ФД=0,88-0,95), со средней высоты или средневыпуклым плечиком (ФЕ=0,64-0,90; ФЖ=0,58-0,86), с дном средней ширины (ФИ=0,60-0,68).

Вариант Б (рис. 1, ***11***) отличается от варианта А приплюснутостью тулова (ФД=0,71), высоким и сильно выпуклым плечиком (ФЕ=0,43; ФЖ=1,08), широким днищем (ФИ=0,54), более прямой шейкой (ФГ=1,08), широким днищем (ФИ= 0,54), более прямой шейкой (ФГ=0,08).

Тип 4. Кувшины 3 экз. Вариант А. Плоскодонный одноручный кувшин со сливом (рис. 1, ***9***). Край венчика и основание горла украшены серебряными обкладками-пластинами с треугольными вырезами. Ручка сосуда, имеющая в профиле подпрямоугольную форму, обвита тонкой серебряной лентой, а место крепления ручки с туловом снабжено накладкой в виде четырехконечной звезды. По высотному указателю кувшин средних пропорций (ФА=1,04), очень высоко- и узкогорлый (ФБ=8,33; ФВ=0,38), шейка слабопрофилированная (ФГ=0,15), тулово округлое (ФД=1,00), плечико средней высоты и выпуклости (ФЕ=0,90; ФЖ=0,75), среднедонный (ФИ=0,57).

Вариант Б. Двуручный плоскодонный кувшин без слива (рис. 1, ***8***). На ручках сосуда орнамент в виде длинных

косых прочерченных линий. По краю венчика валикообразное утолщение. Сосуд средней высоты (ФА=1,20), средне- и узкогорлый (ФБ=2,92; ФВ=0,44), шейка среднепрофилированная (ФГ=0,29), туловище округлое (ФД=1,04), плечико средней высоты и выпуклости (ФЕ=0,86; ФЖ=0,62), днище широкое (ФИ=0,50).

Вариант В. Одноручный кувшин небольших размеров, орнаментированный вдавлениями треугольной формы по горлу и частью по тулову (рис. 1, ***10***), средних пропорций (ФА=1,08), высокогорлый (ФБ=4,28), со средней ширины горловиной (ФВ=0,58), со слабо профилированной шейкой (ФГ=0,29), с приплюснутым туловом (ФД=0,83), со средней высоты и выпуклости плечиком (ФЕ=0,67; ФЖ=0,62), широким дном (ФИ=0,42).

Тип 5 8 экз. Вариант А 3 экз. (рис. 2, ***1-3***). Сосуды этого варианта имеют средний высотный указатель (ФА=1,06-1,10), средней высоты или высокую (ФБ=2,53-4,33), узкогорлую или средней ширины горловину (ФВ=0,48-0,57), слабопрофилированную шейку (ФГ=0,08-0,13), округлое тулово (ФД=0,88-0,97), средней высоты или высокое (ФЕ=0,47-0,76), средневыпуклое плечико (ФЖ=0,61-0,77), дно средней ширины (ФИ=0,64-0,79).

Вариант Б 1 экз. Сосуд (рис. 2, ***4***) имеет средний высотный указатель (ФА=0,93), средней высоты и ширины горло (ФБ=1,76; ФВ=0,58), среднепрофилированную шейку (ФГ=0,50), приплюснутое тулово (ФД=0,82), средней высоты и выпуклости плечико (ФЕ=0,71, ФЖ=0,58), средней ширины дно (ФИ=0,67).

Вариант В 2 экз. Орнаментированные сосуды, с округлым туловом (рис. 2, ***5, 6***). Имеют средний высотный указатель (ФА=1,04-1,07), высокое и средней ширины горло (ФБ=3,75-3,93; ФВ=0,51-0,55), слабопрофилированную шейку (ФГ=0,09-0,17), приплюснутое тулово (ФД=0,81-0,85), средней высоты и выпуклости плечико (ФЕ=0,57-0,60; ФЖ=0,81-0,83), средней ширины дно (ФИ=0,91-0,96).

Вариант Г 2 экз. Отличительной особенностью сосудов этого варианта является способ их украшения. Сосуды (рис. 2, ***7, 8***) по венчику обложены тонкими серебряными пластинами треугольной формы. Один из них (рис. 2, ***7***) дополнительно украшен обкладкой из серебряной ленты с треугольными вырезами. Для сосудов характерны: средний высотный указатель (ФА=1,01-1,05), горловина высокая и средней ширины (ФБ=3,06-4,16; ФВ=0,51-0,57), шейка слабопрофилированная (ФГ=0,10-0,12), тулово округлое (ФД=0,86-0,92), плечико средней высоты и выпуклости (ФЕ=0,70-0,76; ФЖ=0,58-0,64), дно средней ширины (ФИ=0,60-0,69).

Последний тип сосудов представляет собой выборку из генеральной совокупности и является вариационным рядом. Для характеристики его необходимо вычислить среднюю арифметическую и среднеквадратическое отклонение, которое показывает степень вариабельности признака[8]. Все данные и промежуточные результаты по рассматриваемым признакам приведены в таблицах 1-3 (в табл. 1 по диаметру венчика, в табл. 2 по диаметру тулова, в табл. 3 по высоте сосудов), где X значение признака в см., m его частота W частость. По имеющимся данным вычисляем среднюю арифметическую для выборки из 8 сосудов (XW).

Таблица 1

X	m	W	XW	X^2W
12	2	0,25	3,00	36,00
13,5	1	0,125	1,68	22,78
15	2	0,25	3,75	56,25
16	1	0,125	2,00	32,00
16,5	1	0,125	2,06	34,03
16,8	1	0,125	2,10	35,28
	8	1,000	14,59	216,34

Таблица 2

X	m	W	XW	X^2W
20	1	0,125	2,50	50,00
25	1	0,125	3,12	78,12
26,5	1	0,125	3,31	87,78
28	1	0,125	3,50	98,00
29	1	0,125	3,62	105,12
30	1	0,125	3,75	112,50
30,6	1	0,125	3,82	117,04
32,5	1	0,125	4,06	132,03
	8	1,000	27,68	780,59

Таблица 3

X	m	W	XW	X^2W
21	1	0,125	2,62	55,12
26,5	1	0,125	3,31	87,78
28	2	0,25	7,00	196,00
29,5	1	0,125	3,68	108,78
32	1	0,125	4,00	128,00
33,5	1	0,125	4,18	140,28
35	1	0,125	4,37	153,12
	8	1,000	29,16	869,08

В итоге диаметр по венчику XW=14,59; диаметр тулова XW=27,68; высота XW= 29,16.

Затем подсчитываем дисперсию (σ^2), среднее квадратическое отклонение (σ), коэффициент вариации (V) и среднюю ошибку выборки (m_{M_B}) по формулам: $\sigma^2 = X^2w - (xw)^2$; $\sigma = \sqrt{x^2w - (xw)^2}$; $V = \sigma/xw$ $m_{M_B} = \sigma/\sqrt{h-1}$ [9]

Для диаметра по венчику σ = 1,86, V=0,12, m_{M_B} =0,70, для диаметра по тулову соответственно 3,79, 0,13, 1,43, для высоты 4,33, 0,14, 1,63. Это типичные для данной совокупности размеры признаков. Однако недостаточность объема выборки делает преждевременным получение характеристики генеральной совокупности.

Таким образом, типологический анализ керамики дежневских курганов подтверждает в целом правильность выделения Н.А.Мажитовым типов сосудов турбаслинской культуры: среди выделенных типов четыре соответствуют предложенной им типологии. Исключение составляют сосуды типа 2, характерной особенностью которых являются круглоямочные наколы по тулову. Н.А.Мажитов относит их к бахмутинской группе керамики, а В.Ф.Генинг к чандарскому АЭТ[10]. Предположение В.Ф.Генинга о сходстве выделенных Н.А.Мажитовым типов 8 (здесь тип 3) и 10[11], предполагающая необходимость рассматривать их как один тип, не может быть принято, так как эти типы сосудов отличаются друг от друга не только размерами, но и формой.

Присутствие в комплексах Дежневских курганов различных по форме и орнаментации сосудов является свидетельством этнокультурных контактов различных по происхождению племен[12]. Исследователи уже отмечали влияние турбаслинской культуры на бахмутинскую[13]. Это влияние было взаимным, что подтверждается находками сосудов типа 2 (рис. 1, ***4***, ***5***) на Дежневском могильнике. Сосуды этого типа имеют многочисленные аналогии в памятниках бахмутинской культуры, например, в погребениях Бирского могильника[14]. Данный факт отражает процесс этнокультурного взаимодействия населений бахмутинской и турбаслинской культур в период прихода и расселения последних на территории Западного Приуралья. Сосуд на рис. 2, ***5*** отражает, видимо, ранние контакты турбаслинских и кушнаренковско-каракуповских племен. По форме и фактуре он не отличается от посуды турбаслинского типа (тип 5), но стиль орнаментации явно кушнаренковский: те же горизонтальные пояски, заполненные вдавлениями подковообразной формы и мелкозубчатого штампа, загзаги.

Найденные на могильнике кувшины (рис. 1, ***8-10***) невозможно пока связать с каким-либо определенным этносом из-за отсутствия близких им аналогий в памятниках I тыс. н. э. на территории Южного Урала. Вслед за Н.А.Мажитовым мы склонны связывать их происхождение с миром кочевников южноуральских и поволжских степей[15].

В заключение отметим, что возраст большинства найденных сосудов определяется исходя из общей даты памятника V-VII вв. н. э., так как погребения разграблены еще в древности и не содержат датирующий материал. Для отдельных сосудов дата может быть конкретизирована благодаря находкам, имеющим датированные аналогии. К их числу относятся два сосуда из погребения N 1 кургана N 10 (рис. 1, ***7***, ***12***),

сопровождавшихся наряду с бронзовым зеркалом с центральным ушком и прямолинейным орнаментом (рис. 3, ***12***) и привесками-петельками (рис. 3, ***7***) серебряной пластинчатой фибуловй с подвязной ножкой (рис. 3, ***9***), относящейся к V в. н. э.[16] В пределах V в. н. э. датируется одноручный кувшин (рис. 1, ***9***), найденный вместе с серебряной пряжкой с хоботовидным язычком и прямоугольным щитком (рис. 3, ***2***). Подобные пряжки широко бытовали в V в. н. э.[17] По всей вероятности, в рамках V в. можно датировать еще два сосуда, которые, как и кувшин, украшены серебряными обкладками, исполненными в одном стиле (рис. 2, ***7, 8***).

Аналогий подобной манере украшать глиняные сосуды в памятниках раннего средневековья мне не известны. Но традиция украшать сосуды обкладками различных форм была характерна для сарматских племен первых веков нашей эры[18], правда, так украшали деревянную посуду. Но аналогичная посуда, видимо, бытовала и у населения, оставившего Дежневский могильник, на что указывают находки серебряных обкладок треугольной формы с заклепками и остатками дерева между пластинами (рис. 3, ***5, 6***). Вероятно, в V в. подобный стиль был перенесен на глиняную посуду.

Дата сосудов из погребения N 2 кургана N 15 (рис. 1, ***8***; 2, ***1***) устанавливается на основе двупластинчатой литой серебряной фибулы (рис. 3, ***8***) в пределах V-VI вв. н. э. С основной серией фибул, бытовавших в указанное время, ее связывают общие пропорции, наличие высокой арочной дужки, округлых выступов на углах головки с укрепленными на них шляпками заклепок. Время существования подобных фибул А.К.Амброзом определяется V-VI вв.[19]

К VI-VII вв. относятся сосуды из погребений кургана N 19 (рис. 2, ***5, 6***). Датирующим материалом для них служит поясной набор, состоящий из обтянутой золотой фольгой пряжки с квадратным щитком, наконечника ремня с одним закругленным концом и накладки-лунницы (рис. 3, ***4, 10, 11***), время бытования которых определяется VI-VII вв.[20]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 65-73.

2 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С. 45-50.

3 Генинг В.Ф. рец на кн.: Н.А.Мажитов Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977; Н.А.Мажитов Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981 // СА. 1982. N 1. С. 286.

4 Генинг В. Ф. Так называемая "турбаслинская культура" в Башкирии // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987. С. 82.

5 Там же. С 97-99.

6 Там же. С. 86-87.

7 Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. N 1. С. 114-136.

8 Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987. С. 30-31.

9 Там же. С. 31-33, 49-50.

10 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. С. 42. Табл.III; Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 261-266.

Генинг В. Ф. Так называемая "турбаслинская культура" в Башкирии. С. 85.
Здесь вопрос о происхождении круглодонной (турбаслинской) и плоскодонной (романовской) керамики не рассматривается. Данная проблема достаточно полно освещена в литературе: Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 13, 22; Васюткин С.М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии // СА. 1968. N 1. С.63-69; Матвеева Г.И. Население степной и лесостепной Башкирии III-VIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1969. С.8-10; Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. С.274-294; Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. С.56-59; Он же. Южный Урал в VI-VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.23-25; Он же. Южный Урал в VII-XIV вв. (данные археологии к вопросу о происхождении башкир). Автореф. дис. докт. ист. н. ... Новосибирск, 1988. С. 10-11.
Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. С.71-71; Он же. Этнические связи Южного Урала с Южной Сибирью и Казахстаном в раннем средневековье // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. Часть II. Кемерово, 1987. С. 162.

[14] Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Табл. 22.

[15] Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. С. 46.

[16] Werner I. Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. Munchen, 1956. Taf.59; Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 6. Рис. 2, 1.

[17] Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. Рис. 6, 8; 10, 5, 6, 12; 11, 2 и др.; Он же. Восточноевропейские степи V первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 12, 13. Рис. 6, 10.

[18] Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.79.

[19] Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. С. 51. Рис. 6, 2, 3.

[20] Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. Табл. I; Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. С.15, Табл. I, 1 3; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. М., 1979. Вып.EI-2. С.26. Табл. X, I; Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья IV VII вв. С. 18-20.

Список иллюстраций к статье Ф. Сунгатова "Керамика Дежневских курганов"

Рис. 1 Керамика Дежневских курганов:
1 курган 17; 2 курган 12; 3 курган 15, погребение 2; 4 курган 5; 5 курган 8; 6 курган 2; 7 курган 10; 8 курган 15, погребение 1; 9 курган 21, погребение 2; 10 курган 4; 11 курган 2; 12 курган 10; 13 курган 17

Рис. 2 Керамика Дежневских курганов:
1 курган 15, погребение 2; 2 курган 18, погребение 1; 3 курган 18, погребение 2; 4 курган 22, погребение 2; 5 курган 19, погребение 1; 6 курган 19, погребение 2; 7 курган 22, погребение 1; 8 курган 21, погребение 1

Рис. 3 Погребальный инвентарь Дежневских курганов:
1, 8 курган 15, погребение 2; 2 курган 21, погребение 2; 3, 7, 9, 12 курган 10; 4, 10, 11 курган 19, погребение 2; 5, 6 курган 15, погребение 1

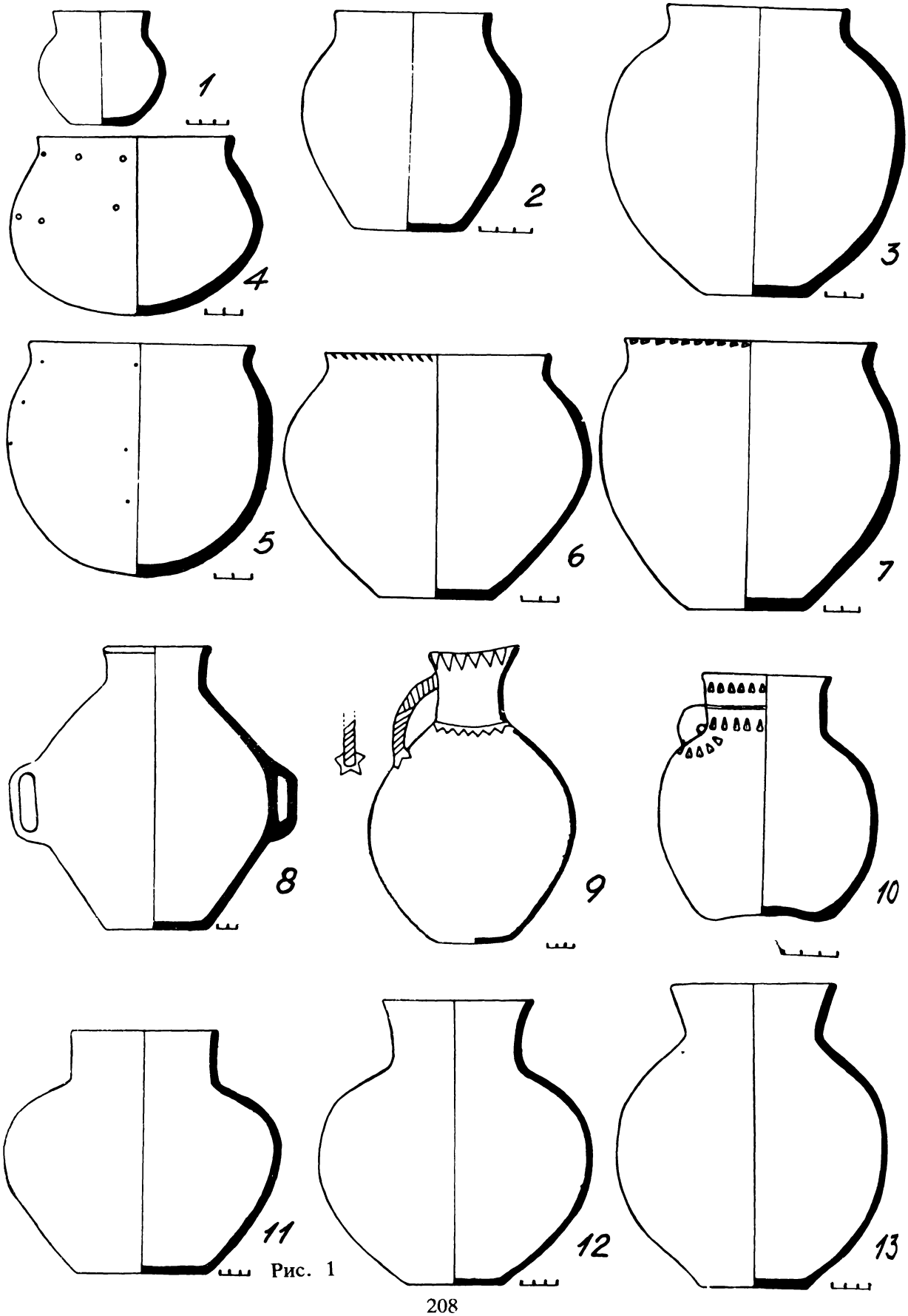


Рис. 1

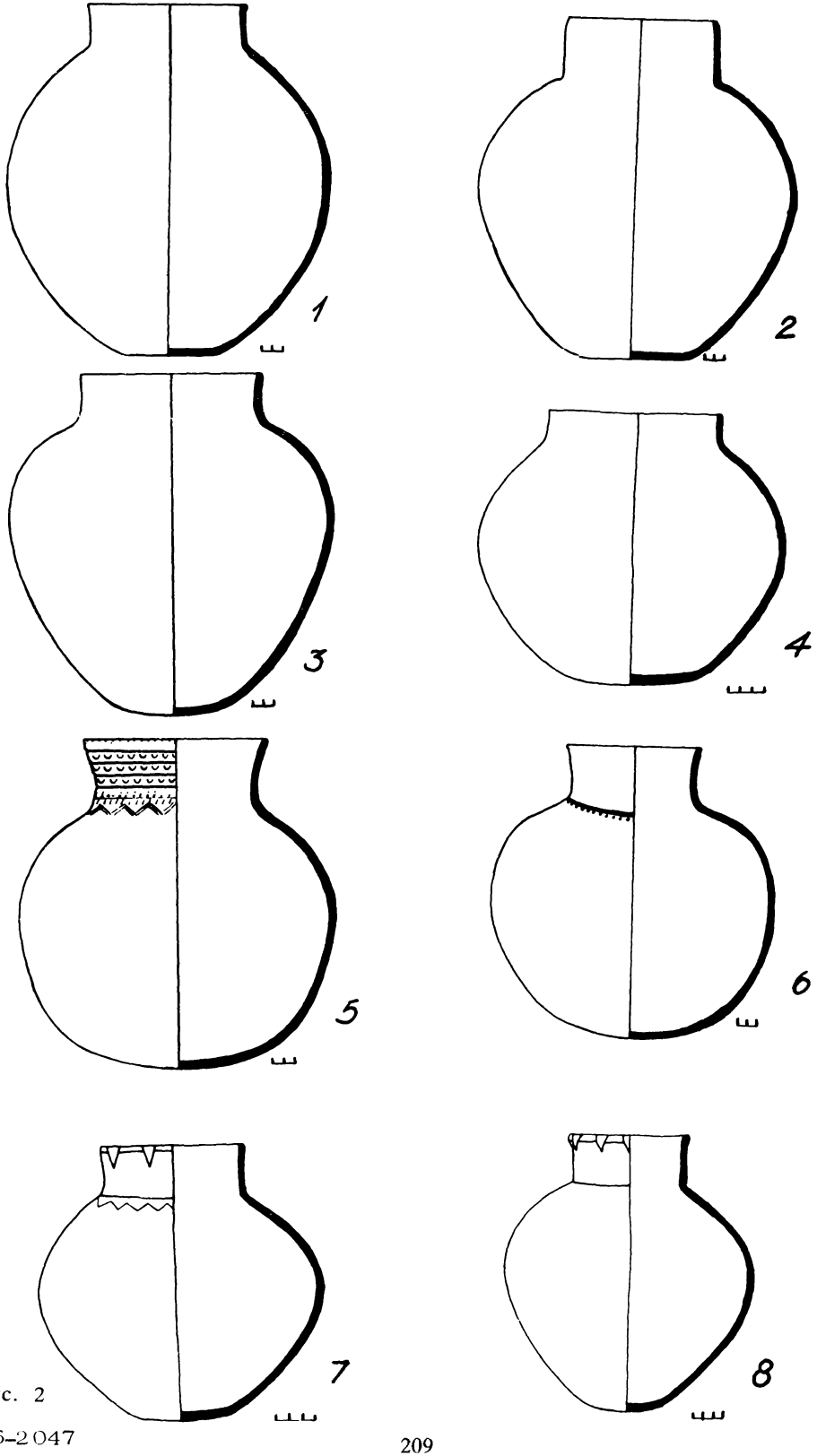


Рис. 2

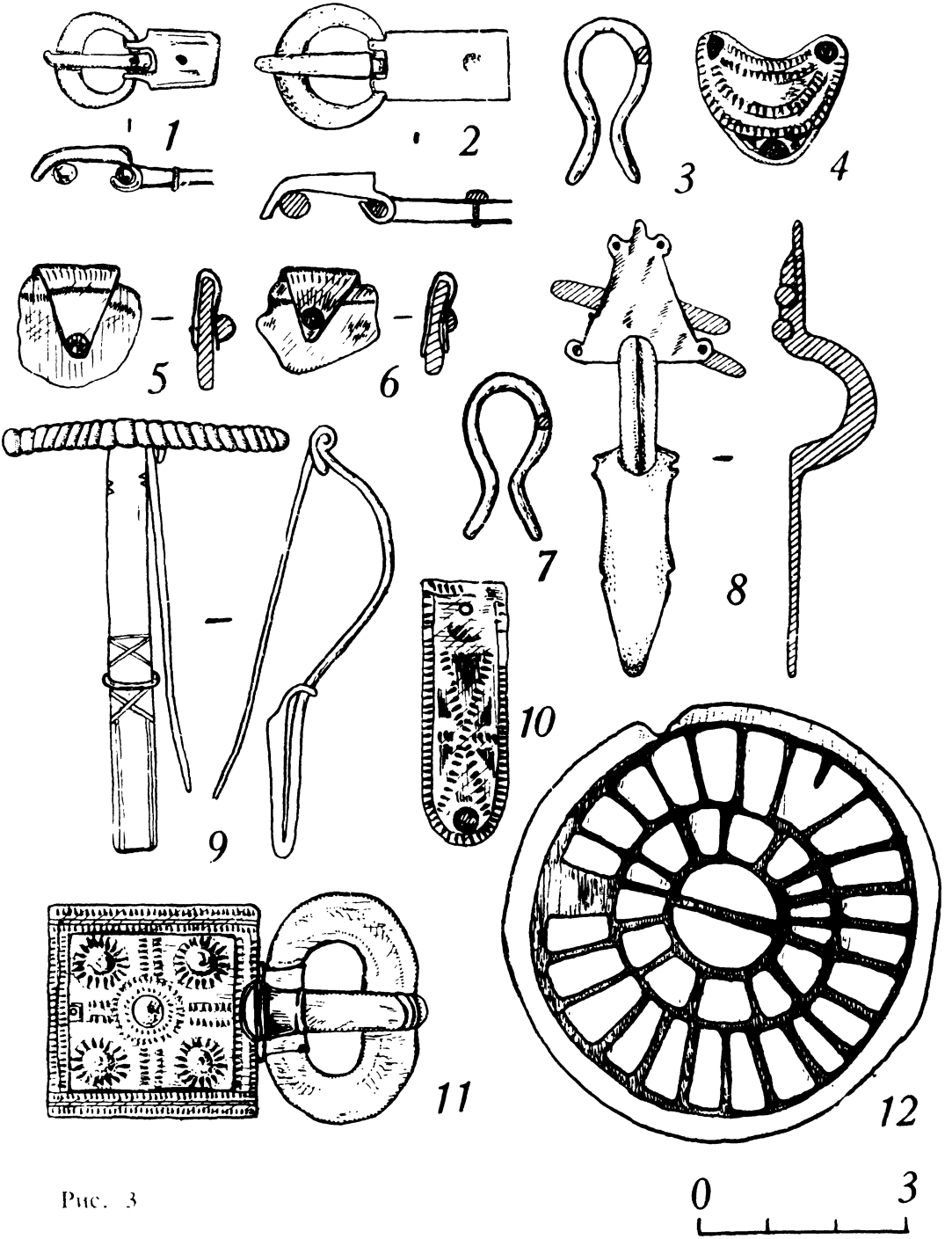


Рис. 3

М. Толмачева

Технология изготовления ножей в лесостепной зоне салтовской культуры

В результате раскопок С.А.Плетневой на памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой (Дмитриевской и Маяцкий комплексы, Нижне-лубянский могильник) составилась обширная коллекция древностей, характеризующая хозяйственную деятельность и быт населения этого региона[1]. Изучение широко представленных в этой коллекции изделий из железа с помощью методов металлографии дает возможность судить об уровне кузнечного производства в лесостепи в VIII начале X вв. Особую привлекательность для технологического изучения имеют ножи, т. к. металлографическим исследованием кузнечной продукции Древней Руси установлено, что эта категория изделий наиболее чутко реагирует на изменение технологии кузнечного производства[2], поэтому приемы их изготовления легли в основу многих заключений о характере металлообработки конкретных памятников, регионов периодов[3].

Ножи салтовской культуры уже подвергались специальному исследованию. В.К.Михеев, Р.Б.Степанская, Д.Д.Фомин разработали классификацию этой археологической категории и дали суммарную технологическую характеристику 44 экземплярам с поселений Маяки, Правобережного Цимлянского и Верхне-Салтовского могильника[4]. Авторы выделяют две группы ножей: черешковые и специального назначения, с металлическими рукоятями и в каждой группе по 4 типа. По технологии изготовления выделяются цельножелезные, цельностальные и сварные ножи. Судя по описанию и схематическому рисунку[5], к сварным отнесены пакетные и сваренные из двух полос; в особый тип выделены ножи, сваренные в центре сечения из трех треугольных пластин однородного состава*.

Авторы исследования пришли к выводам, что основной технологической схемой является изготовление цельностальных ножей, что термическая обработка для этой категории изделий не применялась и что между выделенными типами и технологией изготовления не наблюдается никакой зависимости.

Несколько позднее В.Д.Гопак и О.В.Сухобоков опубликовали результаты микроскопического изучения 10 экземпляров ножей из Нетайловского могильника (7 экз.) и Салтовского селища (3 экз.). Ими были выявлены цельножелезные (3 экз.), цельностальные (2), сваренные из двух полос (2), пакетные (2), с вварным лезвием (1) ножи. Бы-

---

Технологически такая сварка не дает никаких преимуществ ни в качестве изделия, ни во внешнем оформлении, поэтому выделение этих ножей в особую технологическую схему не оправдано

ло установлено, что два экземпляра из Нетайловского могильника почти прошли термическую обработку[6].

Опубликованные анализы технологии изготовления салтовских ножей касались, в основном, изделий, найденных на памятниках степного (болгарского) варианта салтовской культуры, поэтому целесообразно проанализировать ножи лесостепного (аланского) варианта.

Ножи одна из самых распространенных находок из железа в комплексах лесостепи сохраняются очень плохо. От большинства находок остаются только футляры, передающие общие контуры ножа, но металла в них нет. Для металлографического исследования удалось отобрать 40 экземпляров, при этом тип ножа установлен более или менее достоверно для 27 экземпляров, в остальных случаях имелись лишь фрагменты лезвий. Все ножи происходят с однотипных памятников. Принадлежность ножей отражена в табл. 1. Нумерация анализируемого материала дана согласно книге регистраций лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР.

Таблица 1

Памятник		**N анализа**	**Всего**
Дмитриевский комплекс	могильник	2167, 2184, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981	8
	селище	2242, 2243, 2244, 2245, 2247, 2248, 2249, 2250	8
	всего:		16
Маяцкий комплекс	могильник	2343, 2344, 2345, 4163, 4164	5
	селище	2317, 2318, 2319, 2320, 2321	5
	городище	2340, 2341, 2342	3
	всего:		13
Ютановский комплекс	Нижне-Лубянский могильник	1683А, 1683Б, 1685А, 1685Б, 1686А, 1686Б, 1921, 1924, 1931	9
	Ютановский могильник	1716, 3709	2
	всего:		11
Итого:			40

Металлографическое исследование велось по методике, разработанной Б.А.Колчиным. Микроскопическое изучение шлифов проводилось на металломикроскопе ММР-2Р; определение микротвердости структурных составляющих - на приборе ПМТ-3. Для обнаружения повышенного содержания фосфора шлифы подвергались дополнительному травлению реактивом Стэда. Предварительно техника изготовления ножей изучалась по каждому комплексу. Было установлено, что основные технологические характеристики ножей сходны, а технологические схемы представлены в каждом комплексе пропорционально (табл. 2), следовательно, весь материал может быть рассмотрен как единое целое, отражающее конкретные особенности кузнечной продукции ножевщиков аланского варианта салтовской культуры.

Микроскопическое изучение 40 клинков позволило установить восемь основных технологических приемов (и несколько вариантов) их изготовления.

Самыми примитивными являются ножи, откованные из железа, иногда со следами незначительной науглероженности кричного происхождения. В нашей коллекции их пять экземпляров (1686А, 1931, 2248, 2342, 2344). Ножи NN 1931 и 2344 отнесены к этой технологии условно, так как металл сохранился только на небольших участках центральной части или спинки. Железо, пошедшее на изготовление этих ножей, отличается различной степенью прокованности, но преобладает мелкозернистое. Микротвердость 160, 170, 181 кгс/мм^2. Ножи NN 2248, 2342 отличаются повышенным содержанием фосфора в металле. Фосфорная сегрегация концентрируется в центральной их части, характеризуется крупным зерном и высокой микротвердостью 254-274 кгс/мм^2.

Десять экземпляров откованы целиком из стали. Изготовлять такие ножи не менее просто, чем железные, однако использование стали обеспечивает им более высокие эксплуатационные качества. По использованному материалу эта группа может быть разделена на несколько вариантов. Пять ножей (1686Б, 2317, 2318, 2345, 2979) откованы из малоуглеродистой стали (содержание углерода 0,2-0,3%, микротвердость 193, 206, 221 кгс/мм^2). По материалу такие ножи мало отличаются от железных, но тщательная и длительная ковка, о чем свидетельствует однородное мелкозернистое строение, практически освобожденный от шлаков металл обеспечивали им более высокие механические свойства. На лезвии ножа N 2318 наблюдается значительная деформация зерна, что свидетельствует о наклепе, обработке вхолодную для повышения твердости изделия. Поскольку операция наклепа была известна кузнецам, можно предполагать, что дополнительной обработке вхолодную подвергались и другие ножи, изготовленные из мягких материалов: железа и малоуглеродистой стали. Два ножа (1686А, 2978) откованы из среднеуглеродистой стали (содержание углерода 0,3-0,5%, микротвердость 206 221 кгс/мм^2). Структура ножа N 2978 равномерно мелкозернистая, однако общее постепенное повышение содержания углерода к кромке лезвия свидетельствует об использовании предварительно процементированной насквозь заготовки.

Три ножа (1921, 2319, 4164) изготовлены из высокоуглеродистой стали. Механические качества клинков были

улучшены термической обработкой. Лезвие ножа N 1921 имеет структуру закаленной стали эвтектоидного состава, микротвердость его очень высока 946-1100 кгс/мм^2. При закалке ножа N 2319 тепловой обработке было подвергнуто только лезвие, ручка его термически не обрабатывалась, что наглядно демонстрируют пробы, взятые на лезвии и рукояти. Закалка производилась в холодной воде, о чем свидетельствует структура мартенсита с микротвердоостью 350-514 кгс/мм^2. Лезвие ножа N 4164, помимо закалки, было подвергнуто дополнительному отпуску. Структура металла на спинке ножа мартенсит с троститом с микротвердостью 514-564 кгс/мм^2, на острие сорбит с мартенситовой ориентировкой с микротвердостью 322 350 кгс/мм^2.

При изготовлении ножа N 2981 использовалась технология сквозной цементации лезвия. Нож подвергался длительной ковке, а затем закалке в мягкой среде. Микротвердость феррита 181 кгс/мм^2, феррито-перлита 236 кгс/мм^2, сорбита 322 кгс/мм^2. Проба, взятая близ ручки ножа, показывает, что закаливалась только режущая часть. Создание стального лезвия путем науглероживания при сохранении мягкой основы и последующая закалка придавали этому ножу, по сравнению с железными и цельностальными, более высокие эксплуатационные свойства. Однако процесс его изготовления был более длительным.

Сочетание мягкого и твердого материала в одном изделии значительно рентабельнее осуществлялось при помощи сварки. Варьируя соотношения, количество и материал полос, кузнецы создавали разнообразные технологические типы конструкций ножа.

Наиболее простой в технологическом плане является сварка двух полос вдоль всего сечения ножа. В нашей коллекции сварено из двух полос: железной и стальной с выходом стали на рабочий край ножа пять ножей (1686Б, 2244, 2245, 2247, 2343). При изготовлении ножа N 2343 была использована неравномерно науглероженная сырцовая сталь (содержание углерода 0,1-0,4%, микротвердость 181-193 кгс/мм^2), а ножа N 1683Б среднеуглеродистая гомогенная (содержание углерода 0,4-0,5%, микротвердость 206-236 кгс/мм^2). Стальные лезвия ножей NN 2244, 2245, 2247 были термически обработаны. Дополнительные пробы, взятые на рукоятях, свидетельствуют, что сталь, пошедшая на их изготовление, была высокоуглеродистой и что закаливалось только лезвие ножа. Структура стальных полос мартенсит или мартенсит с троститом с микротвердостью от 420 до 642 кгс/мм^2. Сварка на всех экземплярах этой технологической группы выполнена качественно: швы тонкие, чистые; диффузия углерода в ферритную зону обеспечивала прочность соединения.

Интересен нож N 2243, сваренный из трех полос. Технология трехслойного пакета предусматривает помещение твердого материала в центре сечения ножа для создания качественного лезвия, боковые полосы из мягкого металла повышают пластичность изделия. Обычно такой нож состоит из стальной полосы в центре сечения с приваренными узкими полосками железа по бокам. При изготовлении ножа N 2243 была использована эта конструктивная идея, однако материал для ее осуществления был взят иной. Центральная полоса откована из высокофосфорного крупнозернистого же-

леза с микротвердостью 274-322 кгс/мм², боковые полосы из мягкой стали (содержание углерода 0,1-0,2%) и обычного железа (микротвердость 221 и 206 кгс/мм²). Нож обладал твердым, но хрупким лезвием; боковые полосы из более мягкого металла защищали его от поломки. Употребление насыщенного фосфором металла для лезвия ножа фиксируется, насколько нам известно, впервые. Однако западноевропейские кузнецы применяли подобное железо для лезвий топоров. Изготовление лезвий из высокофосфорного железа вполне оправдано, так как оно, несмотря на хрупкость, обладает высокой твердостью и облегчает обработку режущим инструментом[8].

При изготовлении ножа N 2341 была использована технология вварки стали в железную основу. Рабочие качества лезвия были улучшены закалкой в холодной воде. Структура вварной полосы мартенсит с троститом с микротвердостью 572 кгс/мм². Вероятно, нож после окончания ковки находился в области невысоких температур, так как вдоль режущего края наблюдаются участки перегожженности.

Большую группу составляют ножи, откованные из пакетного металла. По сравнению со сварными, их отличает большая вариабельность в использовании и сочетании материалов. Для изготовления семи ножей (NN 2250, 2321, 2340, 2976, 2977, 2980, 3709) был использован пакет из полос железа и малоуглеродистой стали. Нож N 3709 подвергался закалке, которую воспринял только по кромке лезвия. Структура феррит с иглами мартенсита, микротвердость 274-297 кгс/мм². Пакетная сварка обеспечивала ножам этого технологического типа, по сравнению с монолитными, откованными из железа и малоуглеродистой стали, более высокую гибкость и твердость. Другой вариант пакетной техники представляют ножи NN 2167, 2249, 2320. Основой пакета этих экземпляров является качественная сталь, перемежающаяся с тонкими железными прокладками. Сочетание и расположение полос индивидуально, как и в предыдущем варианте пакетной сварки. Все три ножа закалены в холодной воде (структуры мартенсита с микротвердостью от 350 до 464 кгс/мм²).

К группе пакетных относятся ножи NN 1685А, 1685Б. При их изготовлении использовалась пакетная заготовка, сваренная из тонких полос железа. Затем лезвия ножей подверглись сквозной цементации. Нож N 1685А дополнительно закален на мартенсит (микротвердость стальной зоны возрастает от 464 до 642 кгс/мм²). Нож N 1685Б закалке не подвергался. Содержание углерода в стальной зоне возрастает от 0,1 до 0,5%, микротвердость от 170 до 206 кгс/мм². Применение нескольких сложных технологических приемов бесспорно придает изделию высокие механические свойства, однако процесс изготовления был неоправданно трудоемким.

Более рациональное решение проблемы сочетания мягкой основы и твердого лезвия представляет технологический прием аварки. В нашей коллекции наварными лезвиями снабжены пять ножей. На монолитную железную основу ножа N 1716 сталь наварена в технологии торцовой наварки. Структура сорбита закалки с микротвердостью 297-322 кгс/мм² свидетельствует о мягкой закалочной среде. При изготовлении ножей N 1924, 2242, 4163 также был использован прием торцовой наварки, а ножа N

2148 косой боковой. Несомненный интерес представляет основа этих ножей. Она состоит из многочисленных чередующихся полос железа и мягкой стали, образующих сложный криволинейный узор (NN 2184, 2242) или четкий угловой рисунок (NN 1924, 4163). При переходе к наварному лезвию на всех экземплярах помещены прокладки из высокофосфорного железа (микротвердость 254-274 кгс/мм^2). На ножах NN 2184, 2242 полосы высокофосфорного железа входят и в состав узорной спинки ножа. Термической обработке подвергнуты все экземпляры. Ножи NN 1924, 2184 закалены в холодной воде: структура наварных полос мелкоигольчатый мартенсит с микротвердостью 420 и 514 кгс/мм^2, причем закалка была местной, т.к. сталь основы, способная ее воспринять, имеет структуры феррито-перлита или сорбита (микротвердость 236-254 кгс/мм^2). Ножи NN 2242, 4163 после закалки были подвергнуты высокому отпуску. Структура наварных полос сорбит с легкой мартенситовой ориентировкой, микротвердость 274-297 кгс/мм^2. Сварные работы в этой группе изделий выполнены ювелирно. Технологические признаки, аналогичные описанным, указываются многочисленными исследователями дамасскированных изделий[9]: 1) основа клинка откована из полос железа и мягкой стали, образующих различные модификации узора от линейного строчечного до сложного в виде розы; 2) активно применялось фосфорное железо, при этом целенаправленно использовались его свойства: облегчать сварку, препятствуя диффузии углерода, а также давать прекрасный серебряный блеск при полировке, по которому собственно, в старину и опознавались эти изделия; 3) лезвия клинков никогда не изготовлялись из крученой стали, а наваривались из качественной, однородной; на хорошо сохранившихся экземплярах фиксируется закалка и закалка с отпуском.

Хотя клинки салтовских ножей не подвергались механической очистке, в свете сказанного есть основания предполагать, что они откованы в технологии сварочного дамасска.

Исследование 40 ножей из комплексов памятников аланского варианта салтовской культуры позволяет выявить характерные особенности этого вида кузнечной продукции.

Ремесленники, изготовлявшие ножи, располагали разнообразным материалом: простое железо, железо с повышенным содержанием фосфора, сырцовая сталь, мягкая гомогенная сталь, сталь полутвердая и твердая. Преобладающим материалом было простое железо и мягкая сталь. Характерной особенностью салтовских ножей является редкое использование сырцовой неравномерно науглероженной стали. Довольно часто применялась качественная сталь, полученная специально путем цементации заготовки (16 экз., 40%), при этом использовалась она, в основном, в виде небольших полос для изготовления лезвий. Целиком из высокоуглеродистой стали отковано только три ножа (5%).

Характерной чертой изготовления ножей можно считать высокий профессионализм исполнения основных кузнечных операций вгорячую. Почти все изделия подвергались энергичной и длительной проковке, в результате чего металл имеет мелкозернистое строение и хорошо освобожден от кричных шлаков, обычных для сыродутного материала. Полное отсутствие структур перегрева

свидетельствует о превосходном знании температурных режимов для каждого вида материала. Особенно наглядно это демонстрирует сварочная техника, как правило, очень высокая.

Обычна для ножей лесостепного варианта сварка не только металлов, близких по составу, но и требующая значительно большего искусства и знаний сварка мягкого железа с твердой сталью. Показателем большого объема эмпирических знаний в области сварной техники является использование железа с повышенным содержанием фосфора. Кузнецы не только могли его сварить, но и совершенно правильно использовали его свойство препятствовать диффузии углерода, что обеспечивало более чистое и легкое соединение разнородных материалов[10].

Тесно связан со сваркой прием пакетования, который довольно широко использовался при изготовлении ножей. В пакет сваривались большей частью полосы железа и мягкой стали. Ножи из такого полуфабриката обладали лучшими механическими свойствами, т. к. многослойные изделия имеют ряд преимуществ перед однородными: повышенную гибкость, сопротивление ударной нагрузке, упругость, твердость[11]. Введение в пакетную заготовку качественной стали улучшало рабочие свойства лезвий ножей и, следовательно, может рассматриваться как целенаправленный технологический прием.

Анализ табл. 2 показывает, что салтовские кузнецы располагали обширным набором технологических приемов. Можно сделать вывод, что большинство вариантов технологических схем связано со сваркой (60%), причем преимущественно за счет пакетования (40%). За пакетными ножами и абсолютное количественное первенство (16 экз.). Технологические приемы повышения рабочих качеств лезвий, обнаружены на 15 экземплярах (37,5%). Технологические схемы, характерные для эпохи развитого средневековья (вварка, наварка), выявлены на 15% салтовских ножей. Преобладают ножи, изготовленные простыми способами: цельножелезные, цельностальные, сваренные из двух полос, откованные из пакетных заготовок (суммарно 75%). Локальная цементация лезвия встретилась только на 3 экз., в то время как на других категориях изделий на памятниках лесостепи этот прием распространен шире.

Кузнецы лесостепных комплексов были хорошо знакомы с процессом тепловой обработки: 18 ножей подвергнуты закалке (45% исследованных). Однако не во всех выделенных нами группах процент распространения этого технологического приема одинаков: среди сварных ножей 62,5% (5 экз.), среди пакетных 56% (9 экз.), среди монолитных только 25% (4 экз.). Это показатель прямой зависимости между использованием качественной стали и термообработкой. В группе монолитных ножей качественная сталь встречается реже, чем в других. Чаще всего использовалась резкая закалка (в холодной воде), в двух случаях мягкая (цельностальной и наварной ножи из Ютановского могильника). Известен был и отпуск закаленных структур. Термическому улучшению подвергнуты три ножа: цельностальной из Маяцкого могильника и два наварных из Маяцкого могильника и Дмитриевского селища. Преобладает тепловая обработка местного характера.

Таблица 2

Технология			Памятники				
			Дмитриевский комплекс	Маяцкий комплекс	Ютановский комплекс	Всего	%
Монолитные ножи	Цельножелезные		1	2	2	5	
	Цельностальные	малоуглеродистая	2	2	1	5	
		среднеуглеродистая	1		1	2	25
		высокоуглеродистая		2	1	3	
	Цементация		1			1	
	Всего:		5	6	5	16	40
Сварные ножи	Из двух полос		3	1	1	5	
	Из трех полос		1			1	
	Вварка		1		1		
	Наварка				1	1	
	Всего:		4	2	2	8	20
Пакетные ножи	железо + малоуглеродистая сталь		4	2	1	7	
	железо + высокоуглеродистая сталь		2	1		3	
	Цементация				2	2	
	Наварка		2	1	1	4	
	Всего:		8	4	4	16	40
Итого:			17	12	11	40	100

По типологии, предложенной В.К.Михеевым и соавторами для ножей Подонья, все ножи коллекции относятся к группе А - черешковым, ножи группы Б с металлической рукоятью не обнаружено. К типу II с прямой спинкой и двумя уступами при переходе к ручке можно отнести 12 экз., к типу III с шиповидным выступом на спинке 9, к типу IV с прямым перекрестием 6. Некоторые ножи сохранили не все признаки, поэтому отнесение их к определенному типу условно. В табл. 3 ножи распределены по типам в соответствии с технологией изготовления.

Таблица 3

Тип	Технология							
	Железные	Цельностальные	Цементованные	Из 2 полос	Из 3 полос	Пакетные	Наварка	Всего
II	1931(?) 2342 2344(?) 2248(?)	2978 2979(?) 2317(?) 2318 2319 2345(?) 4164				2320		
Всего:	4	7				1		12
III				2245(?) 2247	2243	2321 2976(?) 2250 2167 2249(?)	1924(?)	
Всего:				2	1	5	1	9
IV			2981	2244 2343	2340	2977	2342	
Всего:			1	2		2	1	6
Итого:	4	7	1	4	1	8	2	27

Хотя выборка типологизированных ножей крайне невелика (27 экз.) и не все технологические приемы представлены в достаточном количестве, табл. 3 позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Большинство ножей второго типа представлено однородными, цельными технологиями. Ножи третьего типа откованы исключительно с помощью сварки, большинство из пакетного полуфабриката, поэтому многослойный наварной нож N 1924 и ножи, сваренные из двух и трех полос, в данном контексте могут рассматриваться как варианты пакетования. Тип IV представлен малым числом экземпляров, поэтому распределение их выглядит более равномерным, однако и здесь, использовались в основном, сварные технологии. Таким образом, несмотря на во многом условный характер таблицы, между выделенными украинскими археологами типами и технологией изготовления ножей из лесостепных комплесов выявляется определенная связь.

В статье Р.С.Миносяна, посвященной классификации ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья, отмечается, что классификация украинских археологов страдает субъективизмом, в результате чего образ аланского ножа был искажен[12]. Автор считает, что несмотря на различные нюансы, ножи с территории Подонья и Северного Кавказа можно включить в большую группу, один из вариантов которой, характеризующийся определенными параметрами, он называет аланским[13]. Если сравнить типологию Р.С.Миносяна с типологией украинских археологов, то тип II последней будет соответствовать группе II восточноевропейских ножей, которая обязана своим происхождением славянским древностям, а большинство ножей III и IV типов войдут в группу III раннесредневековых, для которой автор указывает кочевое происхождение[14].

Таблица 2, составленная для выявления конкретных способов изготовления ножей из лесостепных комплексов, показывает, что главная технологическая особенность салтовской кузнечной продукции состоит в соотношении пакетных и монолитных ножей. Если преобразовать табл. 3 в соответствии со сказанным, то в таком агрегированном виде зависимость между типом ножа и технологией приобретает достаточно жесткую связь (табл. 4).

Таблица 4

Группы	Технология		Всего
	Монолитные	Пакетные	
II	11	1	12
IV	1	10	11

Установленная зависимость не носит абсолютного характера, т. е. касается большинства ножей, но не всех. Естественно, что количественное расширение исследования внесет соответствующие коррективы. Зафиксированная корреляция между типологическими группами и предпочтительным использованием определенного технологического приема при изготовлении свидетельствует об определенной серийности и стандартизации в производстве ножей в лесостепных комплексах салтовской культуры.

С чем связано такое предпочтение? Р.С.Миносян, выделив группу III, высказал предположение, что аланский тип группы использовался в качестве метательного оружия[15]. Предпочтительное использование пакетного полуфабриката может служить дополнительным поводом в пользу этого предположения. Преимущества пакетных заготовок перед однородными: гибкость, прочность, сопротивление ударной нагрузке наиболее адекватны такому функциональному назначению. Именно функциональное различие объясняет, на наш взгляд, выявленную взаимосвязь между типом и технологией производства ножей: ножи третьей группы это оружие, тогда как остальные бытовые.

Подводя итоги, следует указать, что для ножей из лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры выявлен характерный ряд устойчивых технологических признаков, свидетельствующих о сложившейся производственной традиции в кузнечном ремесле. Полученные результаты не соответствуют выводам о технологии изготовления ножей в степном (болгарском) варианте салтовской культуры, сделанным украинскими археологами.

1. В лесостепных комплексах преобладают ножи из пакетного полуфабриката, а не цельностальные.

2. Термическая обработка изделий не отсутствует, а составляет 45%. Процент этот довольно высок для эпохи VIII-начала X вв. Известны сложные виды тепловой обработки: закалка с отпуском.

3. Между крупными типологическими группами ножей и технологическими приемами изготовления зафиксирована взаимосвязь, обусловленная различным функциональным назначением этих групп.

Констатация столь глубоких различий в технологии изготовления одной и той же категории изделий для вариантов единой культуры затрагивает, на наш взгляд, проблему этнокультурных традиций в кузнечном производстве. Эта важная и интересная проблема не может быть решена на материале одной, хоть и скрупулезно исследованной, категории, при недостатке информации о степном ремесле. Только расширение источниковедческой базы, т. е. тотальное исследование кузнечной продукции, даст возможность выявить основные аспекты проблемы этнокультурных традиций в железообрабатывающем производстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. N 142; Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. N 32; Он же. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. 1959. N 65. С. 7-119.

[3] Вознесенская Г.А. Стальные ножи древнего Любеча // КСИА. 1965. Вып.104. С.145-149; Piaskowski I. Untersuchungen der fruhmittellalterlichen Eisen und Stahltechnologie der Slaven in der Gebieten zwieschen Weichsel und Oder // Archeologia Polona, 1974. S.68-94.
Міхеэв В. К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівськоі культури, та их виробництво // Археологія. 1973 (КІів). N 9. С.90-98.

[5] Там же. С. 37-98.

[6] Гопак В.Д., Сухлбоков О.В. Про салтівське залізообробне ремесло // Археологія. 1978 (КІІв). N 25. С.60-69.
Tromsen R. Mettallographic studies of an Axe from the Migration Age // Jornal of the Iron and Steel Inctitute, 1966. V.204. S.905-909.

[8] Гуляев А.П. Металловедение. М.: Металлургия, 1977. С. 165, 201.

[9] Арендт В.В. О технике древнего клинкового производства // Труды института истории, науки и техники М.;Л., 1936. Сер. 1. Вып. 8. С.178-186; Антейн А.К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига: Зинатне, 1973; Pliener R. Stare evropske kovarstvi. Praha, 1962. p. 204-205; Piaskovski J. The manufacture of mediacval damascened knives // Journal of the Iron and Steel Institute, 1964. P. 561-568.

[10] Pliener R. Stare evropske kovarstvi... P.205.

[11] Там же. С.199-201; Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. 1972. С. 17; Гурин М.Ф. Древнее железо белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1982. С. 80.

[12] Миносян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1980. Вып.21. С.70.

[13] Там же. С. 72.

[14] Там же. С. 73.

[15] Там же. С. 72.

Список иллюстраций к статье М. Толмачевой "Технология изготовления ножей в лесостепной зоне салтовской культуры"

Рис. 1 Схемы изготовления ножей салтовской культуры

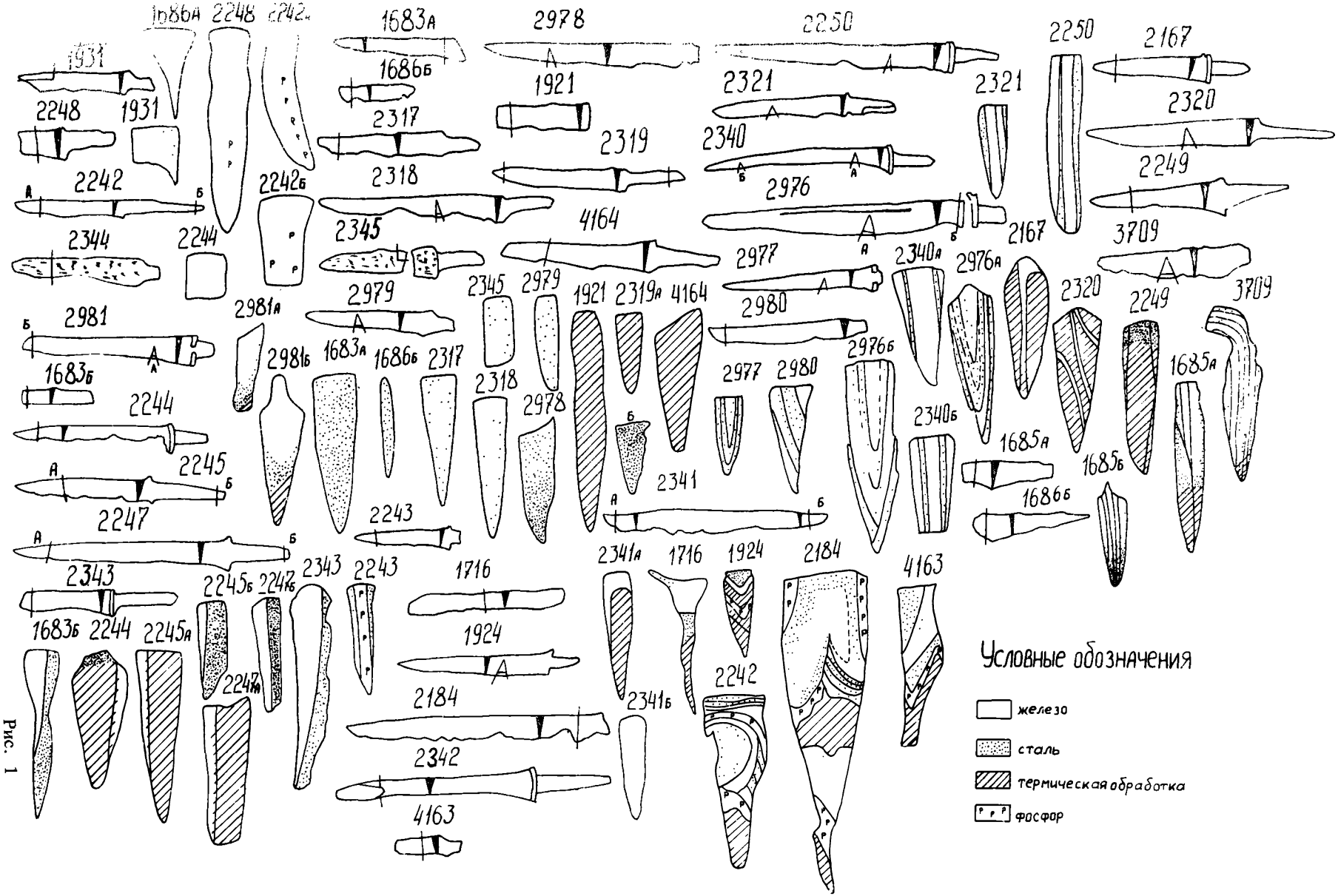

Условные обозначения
железо
сталь
термическая обработка
фосфор

Рис. 1

В. Флеров

О северокавказских котлах с внутренними ушками

К числу наиболее интересных открытий на аланском катакомбном могильнике Клин-Яр III, расположенном у г. Кисловодска[1], относится дромос 8, самый длинный на могильнике 5,5 м (рис. 1). По конструкции он аналогичен ряду других дромосов могильника дно его горизонтально, в торце ступеньки, а у противоположной узкой стенки установлена массивная закладная плита, за которой, однако, погребальной камеры не оказалось, что дает основание относить его к так называемым кенотафам. В заполнении над ступеньками найден череп и кости передних ног одной лошади, на дне в задней части дромоса полный скелет второй. Захоронения лошадей сопровождались рядом вещей, показанных на рис. 1. Примечательным для обряда могильника являются преднамеренно разбитые в дромосе сосуды. Два из них трехручный и одноручный кувшины были установлены на массивном плоском камне перед закладной плитой и разбит і брошенным сверху вторым камнем (рис. 1, *5-6*). Третий сосуд, глиняный котел с внутренними ушками, также преднамеренно разбитый, находился под костями таза и задних ног лошади. Его удалось полностью восстановить (рис. 1, *2*). Он имеет форму узкодонного горшка с низким, загнутым внутрь венчиком, отделенным от тулова незначительно сужающейся горловиной. С ее внутренней стороны диаметрально противоположно расположены два "ушка" с одним вертикальным отверстием каждое. Излом и обе поверхности котла черные, глина насыщена песком и крупными частицами дресвы, выступающими на его поверхности. При относительно крупных размерах стенки котла достаточно тонки (0,6-0,7 см). Поверхность сплошь покрыта тонкими горизонтальными рисками заглаживания (тканью?), некоторые следы вращения заметны на венчике, однако асимметричность венчика, общая перекошенность тулова определенно свидетельствуют, что формовка котла шла при очень медленном вращении на приспособлении, не имевшем существенной инерции вращения. Высота котла 23,7 см, диаметр дна 12,6 см, диаметр тулова 28,8 см, диаметр венчика 26,8 см.

Котел из Клин-Яра вызывает чрезвычайный интерес по ряду причин: 1) это первый целый котел из района Кавминвод и один из немногих целых котлов с Северного Кавказа и бассейна Дона и Приазовья, до этого мы располагали только более-менее вероятными их реконструкциями; 2) погребальное сооружение, в котором найден котел, имеет совершенно определенную этническую атрибуцию; 3) он достаточно точно датируется; 4) эта находка позволяет рассмотреть некоторые общие вопросы бытования на Северном Кавказе котлов с внутренними ушками, в частности, в районе Кисловодской котлови-

ны. Изложим в связи с этим некоторые наблюдения и выводы.

Бесспорная заслуга в привлечении внимания к котлам Северного Кавказа принадлежит В.И.Кузнецову[2]. Располагая фрагментами, прежде всего из района Кисловодска, он высказал предположение о появлении их здесь только с приходом болгар в конце VII начале VIII вв. и вытеснением последними местного аланского населения. Не касаясь многосторонней проблемы появления болгар в районе Кавминвод, отметим, что ни болгарские поселения, ни могильники здесь пока не обнаружены, что само по себе не исключает кратковременного пребывания здесь болгар. В то же время теперь мы располагаем бесспорным фактом находки котла в типично аланском катакомбном могильнике. Об аланской принадлежности дромоса 8 свидетельствует не только его строение, в т. ч. ступеньки, но и наличие таких типичных аланских черт, как захоронения в нем лошадей, двух характерных кувшинов. Отсутствие камеры в данном случае лишь частный случай. Достаточно указать, что всего лишь в нескольких метрах от дромоса 8 в 1985 году была исследована катакомба 29 с дромосом длиной 4,5 м, с такими же ступеньками в торцовой стенке, с аналогичным захоронением коня и преднамеренно разбитыми сосудами в дромосе. На наличие в аланских дромосах разбитых сосудов обратила внимание еще М.П.Абрамова[3]. Камера катакомбы 29 содержала типично аланское парное погребение с богатым набором вещей, датируемым не позднее начала VIII в. Как и в дромосе 8, в катакомбе 29 найден набор костяных накладок лука и, что особенно примечательно, котел, в данном случае клепанный из медных листов. Ясно, что котлы в обоих погребениях играли заметную роль, независимо от их материала. Таким образом, принадлежность котла из Клин-Ярского могильника к аланскому обряду погребения не вызывает ни малейших сомнений. Считаю нужным отметить еще одно косвенное свидетельство происхождения этого котла из аланской (а не иной) этнической среды. Почти невероятно, чтобы аланы стали помещать в свое, отнюдь не ординарное погребение, предмет, к тому же невзрачный, малоценный, из иной этнической среды, вероятно и враждебной. Весь прочий набор керамики из катакомб могильника состоит из стандартных черно-серолощенных кувшинов и кружек собственного производства.

Основанием для датирования дромоса 8 служат прежде всего трехручный кувшин (рис. 1, *5*), который по типо-хронологическим выкладкам Г.Е.Афанасьева на материалах Мокрой Балки не может быть отнесен позднее, чем к началу VIII в.[4], а также пряжка с геральдическим щитком (рис. 1, *4*), тип которой существует в VII VIII вв.[5]

Не меньшее значение в датировке, чем приведенные аналогии имеет тот факт, что дромос 8 находится в непосредственном окружении катакомб, ни одна из которых не может быть датирована позднее середины VIII в. Наконец, ни одна из находок Клин-Ярского III могильника вообще не выходит за пределы VIII века. Примечательно и присутствие на могильнике в соседних с дромосом 8 катакомбе 20 солида Ираклия (613-630 гг.) и катакомбе 23 драхмы Хосрова II (590-628 гг.)[6]. Таким образом, находки из самого дромоса 8, из

прочих катакомб могильника, нумизматический материал не позволяют датировать могильник позднее второй половины VII первой половины VIII в.

В последние годы вопрос о котлах с внутренними ушками неоднократно рассматривался В.Б.Ковалевской. Основываясь на находке в районе Кисловодска у Аланской крепости котлов с внутренними ушками[7], датируемых сопровождающим материалом X-XI вв., она полностью отрицает существование в этом районе котлов более раннего времени, а появление их здесь связывает в одной работе с проникновением в X в. печенегов, в другой, более поздней, половцев[8]. Находка клин-ярского котла показывает ошибочность этих построений. Известно, что среди кочевнических древностей X-XIII вв. южнорусских степей глиняные котлы с внутренними ушками вообще неизвестны[9], зато там в XII-XIII вв. широко распространены медные котелки[10]. Кстати, собственно печенежские глиняные котлы X-XII вв., хорошо известные по раскопкам в Молдавии[11], имеют сходство именно с последними и ничего общего с котлами Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры.

Котлы, датируемые VII-VIII вв., были известны на Северном Кавказе и до находки клин-ярского. Так, Е.П.Алексеева отмечала, что наиболее ранняя находка обломков котлов происходит с Кызыл-Калинского селища и датируются они VII или рубежом VII-VIII вв.[12] Типологически близок клин-ярскому котлу обломок венчика котла с ушком с городища Учкулька[13] датируемый в пределах VI-VIII вв. В.И.Кузнецов относит котлы к характерной керамике западного варианта аланской культуры, а их появление здесь к VIII в.[14] Нет сомнения, что при тщательном анализе имеющихся котлов, количество датируемых ранее IX в., значительно возрастет. Изложенное приводит нас к выводу, что широкое бытование котлов с внутренними ручками на Северном Кавказе в X XII вв. (напомню широко известную коллекцию Рим-горского городища) как раз и объясняется предшествующей местной традицией их изготовления, а не заимствованием их в указанные века у пришлого враждебного печенежско-половецкого населения.

Значительно более сложным, чем вопрос о хронологии котлов с внутренними ушками, является вопрос об этнической среде, в которой они возникли и бытовали на Северном Кавказе, в частности, в районе Кавминвод и Карачаево-Черкессии. Основоположник "болгарской" гипотезы появления котлов на Северном Кавказе В.И.Кузнецов исходил из того, что котлы за исключением района Кисловодска вообще мало распространены на Северном Кавказе и для местного населения не характерны. Ссылаясь на письменные источники, на наличие котлов только в южном, древнеболгарском варианте салтовской культуры, он делает вывод, что котлы аланским северокавказским населением заимствованы у болгар. При этом и время заимствования он связал с хронологией салтовской культуры. Не излагая детально доводы В.И.Кузнецова (они известны), приведу лишь весьма характерную реакцию на гипотезу ее сторонницы Е.П.Алексеевой: "Если признать справедливость гипотезы (Кузнецова В.Ф.) о проникновении на Северный Кавказ болгар в конце VII-начале VIII в., тогда следует заключить, что болгары жи-

ли в восточных районах нынешней Карачаево-Черкессии, в долинах Эшкакона и Подкумка. Может быть, часть болгар проникла и западнее, на правобережье Кубани, от Усть-Джегутинской до Индыша. Но, может быть, появление котлов с внутренними ушками на правом берегу Кубани объясняется лишь тесными взаимосвязями между жителями правобережья Верхней Кубани и их непосредственными соседями "кисловодскими" болгарами".[15] Как видим, принятие гипотезы В.И.Кузнецова даже его сторонником возможно лишь при допущении ряда "если" и "может быть". Чем они обусловлены? Прежде всего тем, что широкому распространению котлов на указанной территории, включая и Кисловодскую котловину, никак не соответствует отсутствие здесь памятников, которые можно было с полной и безоговорочной определенностью связать с болгарами. И в первую очередь обращает на себя внимание малочисленность могильников, которые имели абсолютные аналогии с болгарскими могильниками Приазовья и бассейна До-

В то же время здесь имеются многочисленные поселения и могильники катакомбного и иных кавказских типов. Единственное городище Карачаево-Черкессии, которое принято (довольно условно) связывать с болгарами Хумаринское, однако найденные при нем немногочисленные грунтовые погребения автор раскопок Х.Х.Биджиев относит к VIII-X вв. "не очень строго"[16].

В свое время все исследователи, включая В.И.Кузнецова, при ссылке на болгарскую принадлежность котлов, указывали на факт их находок исключительно на территории болгарского южного варианта салтово-маяцкой культуры. Значительно более осторожно и дальновидно к этому подошел И.И.Ляпушкин. Еще за шесть лет до появления работы В.И.Кузнецова он отметил, что котлы обнаружены далеко не на всех салтовских поселениях и объяснял это либо малой исследованностью их вообще[17], либо недостаточным вниманием исследователей к керамическому материалу, в частности, Маяцкого поселения[18]. И.И.Ляпушкин оказался прав. В ходе многолетних раскопок, проводившихся Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией под руководством С.А.Плетневой, на Маяцком поселении была найдена серия фрагментов, а в 1978 году целый экземпляр плоскодонного котла с внутренними ушками[19]. Хочу напомнить, что Маяцкое селище относится к самым северным памятникам салтово-маяцкой культуры, а его население практиковало катакомбный обряд погребений, кстати, во многом сходный с клин-ярским (ритуальное разрушение скелетов умерших, преднамеренно разбитые сосуды, преобладание коротких дромосов). Итак, тезис об исключительной принадлежности котлов только болгарской части населения салтово-маяцкой культуры следует считать устаревшим.

Выходя за рамки темы, не могу не отметить примечательный факт иного порядка: отсутствие котлов с внутренними ушками на территории приморского Дагестана в хазарское время и в Волжской Болгарии, культуры которых имеют непосредственную генетическую связь с салтово-маяцкой.

Итак, вопрос об этнической принадлежности котлов с внутренними ушками Северного Кавказа оказался значительно более сложным, чем это казалось до последнего времени. Так,

.М.Минаева прямо указывает на ошибочность представления об отсутствии у ан такой посуды и приводит примеры находок ее на памятниках, аланская принадлежность которых не вызывает сомнений, в частности, на городище Гиляч, где "признаков присутствия болгар не наблюдается".

Представляется чрезвычайно интересной и заслуживающей внимания гипотеза Х.Х.Биджиева: "Котлы возникли в Карачаево-Черкессии где-то в VI-VII вв. и отсюда были занесены на территорию распространения салтово-маяцкой культуры в VIII веке, в период арабо-хазарской войны населением, переселившимся из верховьев Кубани"[20]. И хотя автор не привел развернутой аргументации в пользу высказанной мысли, появление такой гипотезы весьма показательно. Сам факт ее возникновения недвусмысленно показывает, что "болгарский" вариант появления котлов в местной аланской среде все более вызывает сомнения и требует убедительных археологических доказательств либо отклонения. Констатируя современное состояние изучения болгарских памятников на Северном Кавказе, .М.Минаева писала: "Выделить памятники болгар и алан на Северном Кавказе только по котлам с внутренними ушками едва ли будет возможно. Для этого потребуется изучение похоронного ритуала болгар важнейшего признака при расчленении древних племен". В те рассматриваемой темы мы можем перефразировать это меткое наблюдение, именно: выделить болгарские типы котлов можно будет только выделив болгарские памятники, прежде всего потребальные. Состояние же изученности их здесь пока неудовлетворительно.

Подведем некоторые итоги: 1) единственным не вызывающим сомнений результатом усилий многих специалистов, изучавших котлы Северного Кавказа, является установление факта многочисленности их местонахождений от района Кавминвод до верховьев Кубани - начиная с рубежа VII-VIII вв; 2) все местонахождения котлов этого времени характеризуются чертами местной кавказской культуры; 3) бесспорные археологические данные, подтверждающие их болгарское происхождение, пока никем не обнаружены.

Проблема происхождения котлов с внутренними ушками на Северном Кавказе пока остается не решенной. Заслуга в ее постановке принадлежит В.И.Кузнецову, решение же за будущими исследователями.

Нам представляется, что дальнейшие усилия в решении этой проблемы должны быть сосредоточены на следующих направлениях: 1) разработка типологии котлов, причем не только по форме ушек, но и по форме самих сосудов прежде всего; 2) картографирование выделенных типов и определение этнической принадлежности их местонахождения; 3) детальное сравнение типов котлов Северного Кавказа и Подонья-Приазовья.

С учетом находки котла на могильнике Клин-Яр III, мы склонны в качестве наиболее перспективной рассматривать гипотезу Х.Х.Биджиева, но с оговоркой, что распространение таких котлов в степи могло начаться еще до арабо-хазарской войн. Впрочем и это предположение требует проверки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Флеров В.С. Кобанские и аланские памятники под Кисловодском //АО. 1983. М., 1985. С. 131.

[2] Кузнецов В. И. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. Вып. 99.

[3] Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. 1982. N 2. С. 140.

[4] Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 58-59.

[5] Афанасьев Г.Е. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С.146-147; Абрамова М.П. Указ. соч. С. 139.
Определение сотруднка Отдела нумизматики ГИМа А.Б.Никитина.
Афанасьев Г. Е., Биджиев Х. К., Воронов Ю.Н., Ковалевская В.Б., Ситников Л.Н., Ситникова Л.Л. Работы средневекового отряда Северокавказской экспедиции // АО. 1973. М., 1974. С.96. В более поздней публикации В. Б. Ковалевская указывает на находку здесь только одного котла. См.: Ковалевская В.Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Кавказе // Плиска-Преслa. Т. 2. София, 1981. С. 51.
Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 173.

[9] Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. N 62. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 90.

[10] Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. N 2.

[11] Постикэ Г.И. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период // СА. 1985. N 3.

[12] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии // Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971. С. 101.

[13] Там же. С. 325. Рис. 22, 5, 10.

[14] Кузнецов В. И. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII веках // СА. 1973. N 2. С. 72.

[15] Алексеева Е. П. Указ. соч. С. 101.

[16] Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

[17] Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. 1958. Т. 62. С. 306.

[18] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. N 62. С. 110.

[19] Выражаю признательность начальнику отряда экспедиции А. З. Винникову, ознакомившему меня с этой находкой.

[20] Биджиев Х.Х. Хумаринское городище... С. 156.

Список иллюстраций к статье В. Флерова "О северокавказских котлах с внутренними ушками"

Рис. 1 Могильник Клин-Яр III, дромос 8:

1/1 фрагмент котла с внутренними ушками; 1/2 железные удила; 1/3 тазовая кость барана; 1/4-5 ребра барана; 1/6 8 фрагменты стеклянного сосуда; 1/9 серебряная пряжка и обоймы; 1/10 костяные накладки лука; 1/11 разбитые кувшины; 1/12 железный предмет; 1/13 закладная плита; А камни; Б керамика; В древесные угли. 2-6 вещи из дромоса. 2, 5, 6 керамика; 3, 4 серебро

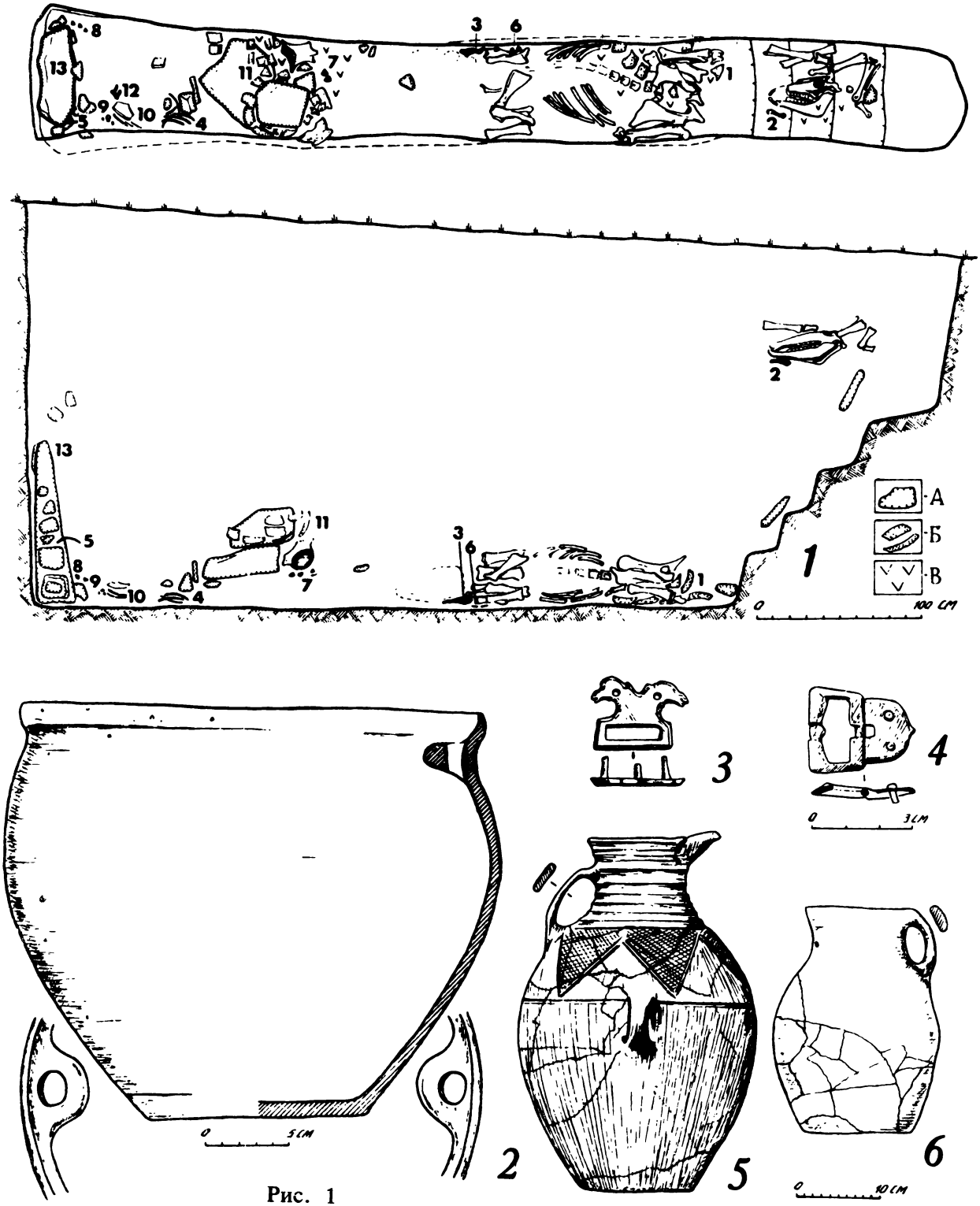


Рис. 1

Список сокращений

АН СССР	Академия наук СССР
АО	Археологические открытия
АЭБ	Археология и этнография Башкирии
ВАН	Венгерская Академия наук
ВАУ	Вопросы археологии Урала
ВГУ	Воронежский государственный университет
ВВ	Византийский временник
ВОКМ	Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ	Государственный исторический музей
ГМТР	Государственный музей ТАССР
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИА	Институт археологии
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	Известия государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	Институт истории материальной культуры
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ПАДИУ	Проблемы археологии и древней истории угров
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СМАА	Сборник материалов по археологии Адыгеи
СМК	Салтово-маяцкая культура
СПб	Санкт-Петербург
СЭ	Советская этнография
ТашГУ	Ташкентский государственный университет
Тр.ХШ АС	Труды XIII археологического съезда
Тр.ИИАЭ	Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР
Тр.СА РАНИОН	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

Содержание

Предисловие 3

Афанасьев Г. (Москва) Колтуновское городище в системе обороны Салтовской земли 4

Багаутдинов Р., Набоков А. (Самара) Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге 13

Богачев А., Зубов С. (Самара) Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989 гг.) 19

Боталов С., Костюков В. (Челябинск) Кыпчакские погребения XI-XII вв. на Южном Урале 42

Вагнер Г. (Москва) Русь и кочевники в батальных миниатюрах Радзивиловской летописи 50

Васильева И. (Самара) II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке 58

Гаврилина Л. (Элиста) Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X-XI вв. 77

Гарустович Г. (Уфа) Могильник Саралжин I (к вопросу об исламизации Джучиева улуса) 86

Гуцалов С. (Актюбинск) Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область) 91

Иванов В. (Уфа) Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей 95

Казаков Е. (Казань) Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке 102

Ковалевская В. (Москва) Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) 107

Крамарев А. (Самара) Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заволжья 133

Кригер В. (Волгоград) Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы 137

Кызласов И. (Москва) Древнехакасские межевые надписи на менгирах 145

Матвеева Г. (Самара) Болгарский слой Старомайнского городища 153

Могильников В. (Москва) К проблеме исходной территории миграции протомадьяр 170

Нахапетян В. (Москва) Знаки "пентаграмма" в салтовской культуре 173

Полубояринова М. (Москва) Стеклянные лампы из Болгара 178

Рашев Р. (Шумен, Болгария) К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае 184

Семыкин Ю. (Ульяновск) Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника 192

Сунгатов Ф. (Уфа) Керамика Дежневских курганов 201

Толмачева М. (Москва) Технология изготовления ножей в лесостепной зоне салтовской культуры 211

Флеров В. (Москва) О северокавказских котлах с внутренними ушками 224

Список сокращений 231

Межотраслевой концерн "Межторг"

является одним из учредителей
и главным спонсором
Историко-культурной ассоциации
"Артефакт"

Interbranch concern
"International trade"
президент А.И.Занин

127057, Москва, площадь Суворова, 2 (ЦТСА)
тел. 281-09-62, факс 925-27-21